

**Институт археологии
Национальной Академии Наук Украины**

**Иванова С.В., Островерхов А.С.,
Савельев О.К., Остапенко П.В.**

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
ДНЕСТРО-БУГСКОГО
МЕЖДУРЕЧЬЯ**

Киев - 2012

УДК 902(477)
ББК 63.4(4Ук)
095

Затверджена до друку рішенням Вченої ради Інституту археології
Національної академії наук України (протокол №6 від 19.05.09 р.)

Відповідальний редактор д.і.н. Дзиговський О.М.
Відповідальний секретар Савельєв О.К.

Рецензенти:
д.і.н. Бруйко І.В.
д.і.н. Отрошенко В.В.

**Нариси історії та археології Дністро-Бугського межиріччя / С.В. Іванова,
А.С. Островерхов, О.К. Савельєв, П.В. Остапенко. – К., 2012. – 300 с.**

ISBN 978-966-8042-38-6

В монографіях вводяться в научний оборот матеріали з археологічних розкопок курганного і ґрунтового могильників в Дністро-Бугському межиріччі, одним з найменше вивчених районів Северо-Западного Причорномор'я. На основі досліджень 2007-2008 років, а також додаткових даних, запропонований історико-археологічний нарис розвитку цього регіону в епоху бронзи, скифо-античне час, а також в епоху пізнього середньовіччя.

Книга розрахована на фахівців в області історії і археології, може бути корисна для викладачів вишніх і студентів історичних факультетів, а також для всіх інтересуються древнім прошлым юго-запада України.

У монографії вводяться в науковий оборот матеріали з археологічних розкопок курганного та ґрунтового могильників в Дністро-Бугському межиріччі, одному з найменше вивчених районів Північно-Західного Причорномор'я. На підставі досліджень 2007-2008 років, а також додаткових даних, запропонований історико-археологічний нарис розвитку цього регіону в епоху бронзи, скифо-античний час, а також в епоху пізнього середньовіччя.

Книга розрахована на фахівців в області історії і археології, може бути корисна для викладачів вишніх і студентів історичних факультетів, а також для усіх, хто цікавиться давнім минулим південного заходу України.

The monograph introduces material from the archaeological excavations of tumuli and flat burial find the area between the Dniester River and the Bug River, one of the least studied areas in the North-Western Black Sea Region. Based on the studies carried out in 2007-2008, as well as additional data, historical & archaeological essay of the area development during the Bronze Epoch, Scythian & Antique times and Late Middle Ages is presented.

For specialists in history and archaeology; could also be useful for lecturers of higher educational institutions and students of history departments, as well as for all those who are interested in early past of the South-West of Ukraine.

УДК 902(477)
ББК 63.4(4Ук)

© С.В. Іванова, А.С. Островерхов,
О.К. Савельєв, П.В. Остапенко,
2012

ISBN 978-966-8042-38-6

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Часть 1. Гидроархеология, историческая гидрогеография и гидронимия Северо-Западного Причерноморья (от низовий Днестра до устья Днестра): достижения, проблемы, перспективы	
Вступление	7
У истоков гидроистории.....	18
От низовий Днестра до устья Днестра	21
Часть 2. Новые археологические исследования в Днестро-Бугском междуречье	
Курганная группа у с. Вапнярка.....	109
Грунтовый могильник «Совиный».....	137
Часть 3. Эпоха палеометалла в Днестро-Бугском междуречье	
Курганный могильник у с. Вапнярка.....	151
Энеолит и бронзовый век Днестро-Бугского междуречья	
Некоторые вопросы хронологии памятников эпохи палеометалла	172
Часть 4. Днестро-Бугское междуречье в скифо-античное время и позднее средневековье.....	
Скифские памятники в Днестро-Тилигульском междуречье (Савельев О.К.)	193
Греки в Днестро-Тилигульском междуречье (Самойлова Т.Л., Остапенко П.В.)	200
Золотоордынская эпоха в Северо-Западном Причерноморье (Богуславский Г.С.)	214
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	233
Приложение 1 (Литвинова Л.В.)	235
Приложение 2 (Литвинова Л.В.)	242
Список литературы	257
Список сокращений	298

ВВЕДЕНИЕ

Междуречье Днестра и Южного Буга, особенно территории, удаленные от этих рек и морского побережья являются «белыми пятнами» на археологической карте Северо-Западного Причерноморья. Здесь никогда не проводились такие масштабные исследования, связанные с новостройками, как в Буджакской степи за Днестром; раскопки курганов осуществлялись лишь время от времени и, как правило, носили спасательный характер. Соответственно, культурно-хронологическая колонка степного междуречья Днестр — Южный Буг IV — II тысячелетий до н.э. известна лишь в самых общих чертах. Мы почти ничего не знаем о местном энеолите, кроме усатовской культуры, а данные по «классическим» культурам эпохи бронзы — ямной, катакомбной и культуре многоваликовой керамики этого региона не обобщены и не систематизированы. Существует и целый ряд проблем, связанных со скифо-античной эпохой, несмотря на многолетние археологические исследования отдельных античных памятников. Эти обстоятельства повышают значение каждого нового памятника, исследованного в степном Буго-Днестровском регионе, и определяют задачи нашей монографии.

В 2007-2008 годах экспедицией Института археологии НАН Украины были исследованы два погребальных памятника, находящихся в междуречье Южного Буга и Днестра. Курганный могильник расположенный на плато западного берега Большого Аджалыкского лимана, содержал захоронения энеолитической эпохи, ямной, катакомбной, бабинской и скифской культур. Грунтовый могильник «Совиньон», находившийся на западной окраине г. Одессы, относится к позднему средневековью.

Основываясь на материалах как известных, так и публикуемых в монографии памятников, можно выстроить более или менее цельную и отчасти новую картину, характеризующую междуречье Днестра и Южного Буга, заполнить пробелы в современных представлениях о древних культурах юго-запада Украины. Серия новых радиоуглеродных дат, в совокупности с уже имеющимися, позволит более определенно, чем прежде, ставить эти древние культуры в контекст реально-го, исторического времени.

В то же время авторы сознательно ограничиваются лишь теми эпохами, которые связаны с публикуемыми результатами раскопок; поэтому реконструируемая ими картина фрагментарна и мозаична, что и определило жанр монографии как серию очерков, объединенных территориями и определенными хронологическими рамками.

В первой части работы впервые в литературе делается попытка подвести итоги и наметить перспективы гидроархеологических исследований в отдельном регионе – прибрежной зоне между Днестровским и Днепровским лиманами. Эта часть органично вписывается в основную концепцию монографии. В ней последовательно рассматривается история гидроархеологических исследований в акваториях Тендры, Кинбурна, Днепровского и Бугского лиманов. Особое внимание уделено подводным исследованиям в акватории Ольвии и Березани. Авторы останавливаются на проблемах гидрологических работ в акваториях Тилигульского, Куяльницкого и Хаджибеевского лиманов Одесского залива, и некоторых других гидроархеологических объектов микрорегиона. Освещаются итоги исследований на акватории острова Змеиного.

Вторая и третья части работы собственно вводят в научный оборот новые памятники энеолитической эпохи, бронзового и раннего железного веков, позднего средневековья, полученные в результате полевых исследований 2007-2008 гг.

Публикуемые памятники рассматриваются на фоне историко-археологической проблематики региона. Так, в четвертой части, помимо общей характеристики эпохи палеометалла, предпринимается попытка рассмотреть отдельные проблемы раннебронзовой эпохи в отдельно взятом периферийном регионе (Днестро-Бугское междуречье) и показать суть происходивших там процессов на основе идеи континуитета явлений культуры. Пятая часть посвящена рассмотрению памятников междуречья Южного Буга и Днестра, соотносимых со скифо-античным и золотоордынским временем.

В приложениях 1 и 2 приводится анализ антропологического материала, выполненного научным сотрудником Института археологии НАНУ, к.и.н. Литвиновой Л.В. и результаты радиоуглеродного датирования, полученные в Киевской радиоуглеродной лаборатории. Таким образом, в научный оборот вводятся новые радиоуглеродные даты, соотносимые с эпохой энеолита, ранним бронзовым веком и поздним средневековьем.

Авторы выражают искреннюю признательность Т. Л. Самойловой, А.Н. Дзиговскому, И.В. Бруяко и В.В. Отрощенко – за неизменное содействие в подготовке книги к печати. Без их помощи, советов и консультаций работа над книгой была бы затруднительна. Мы благодарны авторам специализированных исследований: Л.В. Литвиновой (антропологические исследования), Н. Н. Ковалюху (изотопное датирование), А.В. Старкину (палеозоологические исследования).

Часть 1

ГИДРОАРХЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ГИДРОГЕОГРАФИЯ И ГИДРОНИМИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (ОТ НИЗОВИЙ ДНЕПРА ДО ДНЕСТРА): ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

ВСТУПЛЕНИЕ

Влияние природной среды на жизнь и привычки человека отмечали еще античные авторы. **Гиппократ**¹ (Рис. 1), описывая население Восточной Европы, отмечал: «Эти народы в определенном отношении более отличаются друг от друга... по причине непостоянства климата и природных условий страны» (Hippocr., De aer..., 20). В настоящее время интерес к проблеме «человек и окружающая среда», а если брать шире – «общество и биосфера», приобрел глобальный характер. Проблема ставится по-разному: как естественнонаучная, техническая и рекреационно-экологическая, как социально-политическая, концептуальная и методологическая. Историю и археологию интересуют *все* названные аспекты (Щапова, 1988. – С. 138).

Теория и практика поиска механизмов взаимодействия человека и природы выработали такое понятие, как **«географическая среда»**, подчеркивая диалектическое единство человека и природы (Анучин, 1960; 1982; Палеогеография..., 1978; Воропай, Куница, 1986). Одним из направлений палеоэкологии является палеоландшафтоведение (Веклич, 1990),² являющееся примером междотраслевой науки, находящейся на стыке естественнонаучных и гуманитарных знаний

¹Гиппократ (*Ἱπποκράτης*; Hippokrates) (ок. 460 – ок. 370 до н.э.) – «отец медицины». Родился на о. Кос. Принадлежал к роду Асклепиадов – династии врачей. Изучал медицину в различных странах. Умер в Лариссе (Фессалия). Написал правила поведения врачей – «Кодекс Г.». Г. Приписывается ок. 70 сочинений, но подлинными признаются от 18 до 8 работ. Среди них «О воздухах, водах и местностях».

²Ландшафт (< нем. *Landschaft*) – природный географический комплекс, в котором все основные компоненты: рельеф, климат, воды, почвы, растительность, животный мир и человек – находятся в сложном взаимодействии и взаимообусловленности, образуя единую систему (Ландшафтоведение, 1963. – С. 5; Арманд, 1975. – С. 3).

(Массон, 1976; 1990; Бруяко, 1990). Существует привязка конкретных археологических культур и исторических этносов к определенным типам ландшафтов (Щапова, 1988. – С. 139; Дружинин, 1989. – С. 59-64). Палеоландшафтоведение получило развитие как в чисто исторических (Браунер, 1940; Гумилев, 1967. – С. 53-66; 1987. – С. 64-77; Кириков, 1979; 1983; Оточуюче середовище..., 1993; Гольева, 2000), так и археологических (Шилик, 1975а. – С. 51-91; 1988. – С. 86-90; Блаватский, 1976; Островерхов, 1979; Отрешко, 1979а. – С. 151-157; Іевлев, 1991; 1992; 1997; Гаврилюк, 1993; 1999; Крижицкий, 1995. – С. 13-25; Крижицкий, Крапівіна, 1993. – С. 66-72; Бруяко, 1999; Бруяко, Карпов 1992. – С. 87-97; Бруяко, Карпов, Петренко, 1991; Бруяко, Назарова, Петренко, 1991. – С. 37-44; Охотников 2002. – С. 246-253, др. работы) исследованиях.

Человек окружен не только природной средой, но и **средой культурной**.³ «Убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение экологии культурной. И нет между ними пропасти, как нет границы между природой и культурой» (Лихачев, 1980. – С. 9). Экология культуры – наука, рассматривающая в качестве своих объектов сохранение всего культурного окружения человека, в том числе вербальных, исторических, этнографических и археологических памятников. В настоящее время идет активное оформление таких новых культурологических направлений, как «вербальная экология» (Солнцев, 1963), «архитектурная экология», «археологическая экология» и т.д. (Бромлей, Подольный, 1984. – С. 232-244; Мосионжик, 2000).

На развитие человечества во все периоды его существования исключительное влияние имели **водные ресурсы** – океаны, моря, лиманы, реки и озера и т.п. (Мечников, 1924). Источники воды выступают не только категорией природных ресурсов, но и во многом определяют инфраструктуру региона во всех ее проявлениях: историческом, экономическом и культурном (Шаповалов, 1997; 2001; Гаврилюк, 1999. – С. 104; Дзиговский, Островерхов, 2001-2002). Данное обстоятельство и определяет **актуальность работы**.

³ Термин «культура» (лат. cultura – обработка, воспитание, образование) является настолько сложным общественным явлением, что современная наука не имеет его однозначного определения. Общим для них является то, что под культурой в противовес «фюсис» (< гр. φύσις, или иначе, натуре» (< лат. natura – природа) (Ахутин, 1988), понимают то, что сделано человеком, искусственное, или иначе артефакты (< лат. arte factum – «искусством сделанное»). Учитывая это, а также особенности направления нашего исследования, мы опираемся на традиционное, широкое понимание культуры (Теорія та історія..., 1993; Кармин, 1997; Левяш, 1999).

Географические границы работы. С точки зрения историко-географического районирования Северное Причерноморье – северные земли бассейна Черного моря от низовий Дуная до Дона и Кубани – составляют единое целое. В пределах региона, вычлениются микрорегионы (Северо-Западное Причерноморье; Нижнее Поднепровье; Крым; Северо-Восточное Причерноморье и др.) (Шелов, 1967; Брашинский, 1970; Марченко, 1993). В пределах Северо-Западного Причерноморья выделяются отдельные районы: Нижнедунайский, Нижнеднестровский, Тилигульский (Смольянинова, Островерхов, Кушнір, 1996; Иванова, Островерхов, 2006; Иванова, Островерхов, Петренко, 2004), Нижнебугский и Нижнеднепровский. Поскольку исследованию Нижнего Подунавья и Поднепровья мы уже посвятили несколько работ (Островерхов, 2006; 2008), в данном исследовании мы ограничимся осмотром акватории и прибрежных территорий от низовий Днестра до левого устья Днестровского лимана.

Предметом исследования является комплексное изучение истории Северо-Западной части Черного моря,⁴ лиманов, устьев рек и земель, прилегающим к этим водоемам, с древнейших времен до наших дней.

Источниковедческая база работы многоплановая, носит синкретический характер. В работе используются **письменные источники**: сообщения древних и средневековых авторов, работы ученых, государственных и военных деятелей нового и новейшего времени, рассматриваются данные сухопутной и гидроархеологии,

⁴Северо-Западной частью Черного моря называется большое мелководье, находящееся на север от 45° с.ш., которое имеет сеть лиманов, отделенных от моря песчаными косами. Строение восточной части акватории является более сложным. Здесь располагаются Тендровская и Кинбурнская косы, которые прикрываются от моря многочисленными лагунами, затоками, мысами, ериками и старицами. Рельеф дна в этой части моря является относительно простым. Главным образом он постепенно снижается на юг, а наибольшие глубины прослеживаются от Одессы на юго-восток. В районе есть два небольших острова – Змеиный и Березань и две банки – Одесская и Днестровская. Гидрологически-ми особенностями этой части моря является наличие особого прибрежного течения, которое движется против часовой стрелки и определяется ветровым режимом, который имеет здесь главным образом северное и северо-восточное направление (Толмазин, Шнайдман, Ациховская, 1969. – С. 11-14; Агбунов, 1981. – С. 125-126. – Рис. 1; 1985. – С. 37-38. – Рис. 2). Хотя в навигационном отношении Северо-Западная часть Черного моря не представляет особых сложностей, тем не менее в древности и в средневековье характер течений, а также наличие многочисленных мелей и дельтовых островов, причем не только в дельтах больших рек – Дуная, Днестра, Южного Буга, Днепра, а также и менее значимых – Тилигула, Хаджибея, Куяльника, Хаджидера, Сараты, Когильника и других, способствовали частым кораблекрушениям (Бруяко, Карпов, 1992. – С. 89. – Рис. 1).

исторической географии,⁵ находящегося на стыке с ней **исторического картографирования**,⁶ **топо- и гидронимики**⁷ многих других смежных гуманитарных и естественных наук.

Первые географические описания - **периплы**⁸ северного побережья Черного моря, его главных рек и лиманов были сделаны греками еще в позднейший предколониционный период и в эпоху Великой греческой колонизации региона. Позже их количество значительно возросло (Хеннинг, 1961; Ельницкий, 1961; 1962; Дитмар, 1980). Особый след в исторической географии Северного Причерноморья античного времени оставил труд **Клавдия Птолемея** (Рис. 2) «Руководство по географии» (Рис. 3).⁹ Труд впервые

⁵ **Историческая география** изучает географию какой-либо территории на определенном историческом этапе (Гумилев, 1965. – С. 112-120; Жекулин, 1982). «Задачей исторической географии должно быть изучение и описание географической стороны исторического процесса» (Яцунский, 1941. – С. 21).

⁶ **Картография** (гр. *χάρτης* карта и *γράφειν* рисовать) – наука об исследовании, моделировании и отображении пространственного расположения, сочетания и взаимосвязи объектов и явлений природы и общества в историческом развитии. Наиболее распространенными видами И.к. являются знаковые и описательные модели пространства в виде карт. Древнейшие карты появились еще до появления письменности. Известны вавилонские карты III-I тыс. до н.э. Дальнейшее развитие картография получила в античное время. Наиболее известными картографами этого времени были Эратосфен, Гиппарх и Клавдий Птолемей. В средневековой картографии во многом сохранились традиции Птолемея. Значительно помогло развитию И.к. книгопечатание. Следующая революция – создание Г. Меркатором и А. Ортелиусом первых атласов земного шара, а также карт отдельных регионов. Картография в России зародилась где-то в XVII в. и получила свое развитие в XVIII-XIX вв. (Жекулин, 1982; Берлянд, 1986; Сосса, 2000).

⁷ **Топонимика** (< гр. *τόπος* – место; *ὄνομα* – имя, название) – наука, изучающая географические названия, их происхождение, развитие, современное состояние, написание и произношение. Топонимика находится на стыке географии, истории и лингвистики. **Гидронимика** изучает название водных объектов. В топонимах и гидронимах сохраняются архаизмы и диалектизмы, они часто восходят к языкам-субстратам народов, когда-то живших на данной территории. Свидетельства топонимики показывают расселение народов в прошлом, маршруты их миграций, позволяют решить другие исторические и географические вопросы (Трубачев, 1968; Яценко, 1974; Королева, Бондарчук, Тюрин, 1976; Карпенко, 1970; 1989; Тихомиров, 1975; Мурзаев, 1984; Карпенко, Шрамм, 1998). Особе место в таких исследованиях занимают географические и топографические карты XVIII – начала XX столетий, на которых сохранились старые названия (Смолицкая, 1970). «Будучи результатом многовековых наблюдений постоянного местного населения и продуктом творчества такого гениального коллектива, каким является народ, народные термины заслуживают самого внимательного отношения как филологов, так и особенно географов... Распространение народных терминов и те видоизменения смысла, которые они претерпевают в различных местностях, дают немало указаний на ход колонизаций, перемещения народных масс и взаимные влияния... народностей» (Берг, 1915. – С. 99).

⁸ **Периплы** (гр. *περίπλος* «плавание вокруг») — древнейшие ялции античного времени. В них описывались порты, гавани и якорные стоянки Средиземного, Чёрного и других морей, известных эллинам (Скржинська, 1980; 1980а; Арбунов, 1981; 1987; 1992).

⁹ **Клавдий Птолемей** (гр. Κλαύδιος Πτολεμαῖος; лат. Claudius Ptolemaeus; ок. 87-165) – выдающийся древнегреческий географ и астроном. С 127 по 151 г. жил и работал в Александрии. Его труд «Руководства по географии» содержит не описание той или иной местности, но их координаты в градусной сетке. Географ подает координаты населенных пунктов и местностей в градусах и минутах, не указывая расстояний в линейных мерах.

печатным способом был издан 1477 г. в Болонье, а позже переиздавался более 40 раз. На основании материалов, собранных Птолемеем, было построено 27 карт. На одной из них видим изображение Северо-Западного Причерноморья (Рис. 4) с некоторыми географическими и этническими названиями, среди которых значится реки Boristen, Asiachus и Tiras, а также названия народов - arpii, населявших земли между Асиаком и Борисфеном; tiraetoi – локализующихся между Асиаком и Тирасом. В устье Асиака помещен город Fista (испорченное Фиска), а несколько выше по течению – Ninoniū (испорченное Никоний). Борисфенес помещен на месте Южного Буга, а река Тирас изображена впадающей в море двумя рукавами, между которыми находится остров (Черняков, 1997. – С. 80. - Рис. 1).

Уникальным памятником по исторической географии Западного и Северного Причерноморья является итенинарий на кожаном щите из Дура Европос (Рис. 4а) 230-260 гг. На нем обозначены многие города и якорные стоянки региона (Zahariade, 1975; Ochotnikov, 1997. - Рис. 1; Охотников, 2000. – С. 46. – Рис. 16; Островерхов, 2008. – Рис. 23).

Об интересе западноевропейцев к Северному Причерноморью в эпоху средневековья и посещениях моряками Венеции и Генуи северных берегов Черного моря, свидетельствуют портуланы, портоланы (ит. portolan, ед. ч. < porto порт) — морские навигационные компасные карты XIII-XVI вв. с подробным описанием береговой полосы Средиземного, Черного и других морей (Рис. 5-7). Интересные сведения об интересующем нас регионе имеются на карте **Фра Мауро**¹⁰ (Рис. 7а).

Исследователями проведена значительная работа по переводу данных К.П., в линейные измерения. Установлено, что меридианы географа имеют отклонения от истинных, а широту исходного пункта его измерений – Византий – определено неверно, вследствие чего неправильно показана береговая линия от Дуная до Перекопа, а расстояние между Дунаем и Днепром занижено. В эпоху средневековья и в Новое время существовали многочисленные переиздания этого произведения. Но все известные «птолемейи» представляют собой компиляцию сообщений древних авторов людей, никогда не бывавших на северных берегах Черного моря, компиляцию, отражающую знания о регионе в античную эпоху. Они не могут использоваться в качестве полноценного исторического и географического источника (Кулаковский, 1899; Cuntz, 1923; Сосса, 2000; Сосса 2005. – С. 18; Сапожников, 2003; Вавричин и др., 2004; Сапожников, Полещикова, 2009. – С. 466).

¹⁰ **Фра Мауро** или Мавро (Fra Mauro) – венецианский монах ордена капуцинов при монастыре св. Михаила в Мурано. Известен как автор весьма точных портоланов и mappa mundi (карт мира). До наших дней дошли копии двух карт. По арабской традиции Мауро помещал наверх карты юг, а не север. В 1450-е годы по заказу португальского короля Альфонса V для его племянника Генриха Мореплавателя картограф изготовил карту известного на то время мира. В работе над документом монаху содействовал Андреа Бьенко. На карте нашлось место и описанию северо-западных берегов Черного моря (Пачкалов, 2007. – С. 311-318).

Весьма интересным является труд (Рис. 8) и приложенная к нему карта (Рис. 9) **М. Броневского**.¹¹ Исследователь посетил Северо-Западное Причерноморье, попытался локализовать ряд античных городов. На карте Северного Причерноморья М. Броневского между Южным Бугом и Днестром, на месте Одесского залива видим изображение крепости, но места Тилигулу речке и Тилигулу-лиману не нашлось. Между крепостью и Бугским лиманом – сплошное урочище (Тункина, 1994. – С. 7; Вонсович, 1997. – С. 23; Mielszarezek, 1997. – Р. 36-38; Сапожников, 2003. – С. 463; 2004. – С. 230; Хмарский, 2002. – С. 201-202) (Рис. 8-9).

Следующей по времени является карта 1589 г. **Меркатора** (Рис. 10)¹² «Валахия, Сербия, Булгария, Румания», где наряду с городами и якорными стоянками Северо-Западного Причерноморья, существовавших в XVI в., в том числе и Джинестры, на месте современного Одесского порта, имеются и обозначения некоторых античных городов (Рис. 11) (Черняков, 1997. – С. 81-82).

Интересной является и карта «Хунгария, Кроация, Босния, Сербия, Булгария, Романия, Трансильвания, Валахия, Молдавия», составленная известным немецким картографом из Виттенберга **И. Хаазе** (1684-1742), вышедшая в 1763 г. Последние данные этой карты относятся ко времени не позже начала XVIII в. На ней территория степей Северо-Западного Причерноморья от Южного Буга нанесена сравнительно детально (Рис. 12). Автор карты постарался свести воедино все доступные ему данные о регионе. Контуры Тилигульского и Куяльницкого лиманов нанесены относительно правильно, но совершенно отсутствует Хаджибейский лиман, а на месте Хаджибея показан порт «Кочуб». Нанесена почти полная номенклатура античных памятников: у западного берега Днепро-Бугского лимана – Ольвия; восточный угол берега этого же лимана – Дромос Ахилла; турецкий Очаков совмещен с античным Ордеessem; у западного устья р. Березань – «Портус Истрианорум», на мысу между Тилигульским лиманом и р. Березанкой – «Скопулус урбе» (Скопелы);

¹¹ **Мартин Броневский** (1533-1586) – польский посланник к крымскому хану, который в 1578 г. совершил путешествие вдоль северных берегов Черного моря. Посол оставил ее описание «Martini Bronovii de Biezzfedra, bis in Tartarian nomine Stepfani Primi Poloniae Regis legati, Tartariae descriptio ante haec in lucem nunquam edita cum tabula geographica eiusdem Chersonesus Tauricae, Coloniae Agrippinae, 1595» (Русский перевод: ЗООИД. - 1867. - Т. VI. – С. 333-367).

¹² **Гергард Меркатор** (Gerhardus Mercator; 1512-1597) – фламандский картограф, известен как автор прямоугольной цилиндрической картографической проекции и навигационной карты мира на 18 листах. По мнению ряда исследователей, для ее составления автор использовал оригинал карты древней карты, восходящей ко временам Александра Македонского.

на пересыпи Тилигульского лимана – «Исиакорум порт» и т.д. (Черняков, 1997. – С. 82-84).

Примерно в этом же направлении работали французские исследователи отец и сын Пейсонели.¹³ Особое значение для нашего исследования имеют работы Пейсонеля младшего. Путешествуя по Северному Причерноморью в 1754-1758 гг., просвещенный француз попытался связать упоминаемые рядом античных и средневековых авторов (Геродот, Страбон, Птолемей, Помпоний Мела, Константин Багрянородный, Мелетий, Ортелий, Люипран, Иоанн Зонарий и др.) географические объекты с конкретными местностями. Книга сопровождается картой (Reyssonnel, 1765; Сапожников, Полещикова, 2009. – С. 464-465) (Рис. 13).

Не меньший интерес представляют географические и топографические карты Северо-Западного Причерноморья, составлявшиеся российскими картографами после присоединения края к владениям Российской империи. Их мы также используем по мере необходимости в нашей работе (Рис. 12а; 12б).

При изучении предложенной темы, важное значение имеют **археологические источники**. Деятельность человека на земле воде (под водой) оставляет после себя материальные свидетельства – археологические памятники. Их изучает **гидроархеология**. В разряд гидроархеологических памятников включаются объекты, прямо или опосредствованно связанные с гидросферой: затопленные и подтопленные поселения, переотложенный культурный слой, разрушенный вследствие абразии берегов, культурные отложения во впадинах, памятники, найденные в торфяниках, объекты, которые раньше были под водой, но вследствие разных причин оказались на суше, и так далее (Щапова, 1988. – С. 142). Подводная археология с помощью специальных приспособлений добывает с дна рек, озер, морей и океанов артефакты (Орбели, 1940; 1945; 1947; Блаватский, 1958; 1965а; 1978; Кондратов, 1981; 1988. – С. 4).

Причины попадания археологических объектов под воду были разными. Одной из них были **трансгрессии** и **регрессии** Черного

¹³ **Шарль де Пейсонель старший** (1700-1757) – дипломат и археолог. В начале 1730-х гг. посетил Малую Азию, где исследовал античные памятники. С конца 1730-х по 1745 г. включительно находился в Константинополе. В 1747 г. был назначен консулом Франции в Смирне (современный Измир) куда отправился вместе со своим сыном. **Клод-Шарль Пейсонель младший** (1727-1790) – был посланником в Смирне и Константинополе, в 1754 г. откомандирован в Крым в качестве консула французского короля при дворе крымского хана. Там он находился до конца 1758 г. Был консулом на Крите и Смирне. Выйдя в отставку, обосновался в Париже, где провел последние годы жизни, занимаясь редакцией и публикацией своих дневников и заметок.

моря (Рис. 13-20) (Островский, Измайлов, Балабанов, 1977; Балабанов, Квирквелия, Островский, 1981; Баландин, Мельник, 1987; Развитие морских берегов..., 1997; Каплин, Селиванов, 1999). В главных чертах процесс колебания уровня Черного моря можно описать следующим образом. Длительное время этот водный бассейн представлял из себя очень опресненное озеро, которое время от времени скидало излишек вод в Средиземное море. Около 17 тыс. лет назад началась эвстатическая трансгрессия, которая была спровоцирована общим потеплением в период оптимума голоцена. Приблизительно 12-15 тыс. лет назад начинается **трансгрессия Черноморского бассейна** вследствие увеличения стока рек в связи с таянием ледников. Темпы трансгрессии увеличились, когда около 8-9 тыс. лет назад состоялся прорыв вод Средиземного моря в Черноморскую впадину.^{13а} Эта стадия получила название Черноморской трансгрессии. Последняя делится на два этапа – Древнечерноморский и Новочерноморский. В ходе Черноморской трансгрессии П.В. Федоров выделяет фазу отступления моря – **Фанагорийскую регрессию**. По представлениям ученого, эта регрессия окончилась около VIII ст. до н.э., и приблизительно до I ст. до н.э. уровень моря был неизменным. По данным П.В. Федорова уровень моря в период максимума регрессии был ниже современного на 3-4 м (Федоров, 1977; 1982), Е.Н. Невесского – 9-10 м (Невесский, 1958). К.К. Шилик увеличил этот показатель до 11 м (Shilik, 1997). Раньше для Ольвии III ст. до н.э. – I ст. н.э. автор вычислял данную величину не меньше, чем 6 м по границе застройки и минус 7-9 м по скорости накопления илов в лимане (Шилик, 1975; 1977). Несколько иные показатели кривой динамики уровня Черного моря в северо-западной части его побережья предложили (Бруяко, Карпов, 1992). На рубеже II-I тыс. до н.э. уровень моря был на отметке минус 15 м, в середине IX – в начале VII ст. до н.э. он поднялся до минус 8 м, а ко времени греческой колонизации региона составлял минус 10-11 м. Сопоставляя эти данные с батиметрической картой, авторы предлагают свой вариант палеогеографической реконструкции северо-западной части черноморского побережья для античного времени. Они предполагают существование широких песчаных кос или цепи

^{13а} Глубинная историческая память сохранила воспоминания об этом прорыве. Эвлия Челеби слышал легенду о далеком прошлом Черного моря: «Да будет известно братьям (мусульманам), что эти Аккерманские долины после потопа были морем. Когда Искандер двурогий по приказу самого Бога прорубил Черноморский пролив и заставил (Черное море) течь в Средиземное (воды отошли), и эти места остались краем заброшенных, бесплотных песков. Злые духи – джины – полюбили эти долины и поселились здесь...» (Евлия Челеби, 1997. – С. 14).

островов в районах современных Днестровской и Одесской банок, а также дельтовых островов. М.М. Иевлев оперирует цифрами, предложенными К.К. Шиликом (Крыжицкий и др. - 1989. – С. 17-19), М.В. Агбунов в своих реконструкциях базируется на работах П.В. Федорова (Агбунов, 1985; 1987; 1992 и др.).

После Фанагорийской регрессии шла **Нимфеская трансгрессия**, которая началась в конце I ст. до н.э. Ее пик приходится на конец VII – начало VIII в. до н.э., когда уровень моря поднялся, по разным оценкам на 0,7 ниже, или до 1 м выше от современного. Для подтверждения своего вывода, исследователи ссылаются на сообщение **Диона Хрисостома**¹⁴ (Dio. Chris., Or.) о многочисленных деревьях, стоявших в Днепро-Бугском лимане, и к которым направляли своих корабли некоторые кормчие, принимавшие деревья за мачты. С конца VII – начала IX вв. уровень моря снова понижается и достигает минимальной отметки -3,3 – 3,6 м от современного в XIV-XV вв. Это **Корсуньская регрессия**. В дальнейшем начинается очередная трансгрессия, продолжающаяся и в наши дни.

Уровень Черного моря, а также окружающих его рек и лиманов, в голоцене и позднем плейстоцене постоянно колебался. И хотя в оценке его абсолютных значений нет единогласия, ученые не сомневаются, что береговая линия в последние тысячелетия претерпела значительные изменения. Часть памятников находится под водой. Вывод касается не только объектов, находящихся на дне морей, но и тех, что локализируются в долинах лиманов и рек в глубинах континента (Рис. 20-26).¹⁵

Речные наиливания также влияют на изменение береговой линии, оттесняют море и увеличивают размеры суши, иногда соединяют острова с материком, увеличивают долины рек, меняют их русла. Вследствие этого, на суше нередко находят гидро-

¹⁴ **Дион Хрисостом** (гр. Δίων Χρυσόστομος; ок. 40 – ок. 120), Златоуст - древнегреческий философ и оратор. Уроженец г. Прусы, на берегах Пропонтиды, в провинции Вифиния. Длительное время жил в Риме, по политическим мотивам был изгнан из столицы, скитаясь по окраинам Империи. Побывал в Ольвии. Вернулся в Рим в правление Нервы. «Борисфенитская речь» Д.Х. является важнейшим источником по истории Северного Причерноморья римского времени (Браунд, 1999).

¹⁵ В 2006 г. в Одессе состоялась „2nd plenary meeting and field trip of project IGCP-521. Black Sea-Mediterranean corridor during the last 30 Ky: Sea level change and human adaptation (2005-2009)“, на котором были сделаны несколько докладов, касающихся колебаний уровней Черного моря за последние 30000 лет, их влияния на изменения климата и историческое развитие населения причерноморских регионов от каменного века до времен средневековья (Balabanov, 2006. – P. 21-23; C talin, 2006. – P. 37-38; Chepalyga, Borziak, Odade, Naumov, 2006. – P. 42-45; Dergachev, 2006. – P. 46-48; Dimitrov and others, 2006. – P. 49-50; Sapozhnikov, 2006. – P. 147-148; Smyntyna, 2006. – P. 160-162; Zaliznyak, 2006. – P. 180-181).

археологические объекты, а города и поселения, которые раньше располагались на берегах морей и рек, оказываются удаленными от них иногда на десятки километров (Блаватский, 1976. - С. 5). О наиливаниях в Меотиде и на Понте в районе Салмидеса, Истра и Скифской пустыни, сообщают античные авторы (Aristot. Meteor., I, 14, 29; Polib., IV, 41, 1-2; Strabo, I, 3-7).

Происходили и **землетрясения**, вследствие которых под водой оказывались прибрежные поселения, города, или же их отдельные части.¹⁶ В Северном Причерноморье наиболее опасными в этом плане были Крымский полуостров и Нижнее Подунавье, о чем сообщают древние и средневековые авторы (Dion., Cass. XXXVII, II, 4; P. Oros., VI, 5, 4), подтверждают геологические (Aksu, Hiscott, Mudie, Kaminski, Abrajano, Marrett, Yaear, 2006. – P. 4-6; Koral, Lericolais, 2006. – P. 92) и археологические (Блаватский, 1976. – P. 6-16; 1977; Аракелян, 1983; Никонов, 1996; 2000; Никонов, Вангейм, 1991) исследования. **Плиний Старший**¹⁷ (Рис. 27-28) (Plin. NH, II, 94, 206) сообщает о поглощении морем двух городов на берегах Меотиды – Пирры и Антисы. Их местонахождение и время гибели еще не выяснены (Блаватский, 1976. – С. 12; 1977; Скржинская, 1977. – С. 69, 109). По мнению А.С. Русяевой, большое землетрясение, состоявшееся где-то в середине V ст. до н.э., произвело значительные разрушения в Ольвии (Русяева, 2005. – С. 142). Возможно, где-то в третьей четверти IV ст. до н.э. землетрясением был разрушен храм Ахилла на острове Левке (Змеином) (Островерхов, 2006).

¹⁶ В 373 г. до н.э. в районе Ахайи в Средиземноморье вследствие землетрясения под водой оказались города Гелика и Бура. Страбон, ссылаясь на свидетельство Гераклида Понтийского, описывает гибель Гелики: «Катастрофа состоялась ночью; и хотя город располагался от моря на 12 стадий (более 2 км – А.О.), вся эта местность вместе с городом была покрыта волнами; и 2000 человек, которых направили ахайцы, не смогли подобрать трупы». Город Бура, который находился на еще большем расстоянии от моря, также был разрушен. Диодор Сицилийский описывает происшествие следующим образом: «В Пелопоннесе произошли большие землетрясения и невероятные затопления земли и городов; такое несчастье с греческими городами раньше никогда не случалось... Состоялось несчастье ночью. Сила землетрясения была такой, что дома были везде разрушены... Кола настало утро..., уцелевшие столкнулись с еще большей бедой: море сильно разновалось, поднялась большая волна – и все они были затоплены, погибнув вместе с отчизной...» (Кондратов, 1988. – С. 150-151).

¹⁷ **Плиний Старший** (лат. С. Plinius Secundus; Гай Плиний Секунд) – римский ученый-энциклопедист. Родился в городе Комы. О его родителях и образовании практически ничего неизвестно. Погиб при извержении Везувия в 79 н.э. Написал несколько произведений. До нас дошли 37 книг «Естественной истории» (Naturalis Historia), в которой подаются компилятивные сведения по истории, географии, ботанике, минералогии и другим отраслям знаний.

Интересные данные об уровне развития кораблестроения, торговлю и морские торговые пути, дают материалы **корабельных катастроф**. «Драмы моря бесчисленны, и нередко бывают случаи, когда водолаз и рыбак поднимает часть занавеса, покрывающей совершившиеся в отдалённом от нас прошлом страшные катастрофы...» (Колли, 1909. – С. 125). Акватория Черного моря не была исключением. Об этом свидетельствует античная северопричерноморская эпиграфика. В стихотворной эпитафии из Пантикапея конца I – первой половины II ст. говорится: «Я, по имени Диндиан, еще в расцвете юности своей плыл из священной Алибы, испытывая счастье в небольшой торговле, и возле земли Киммерийской молодым завершил нити Мойр. Ни под могильным камнем..., ни в Матери-Земле нет ничего от умершего. Плывити юноши! Плывите, мужи, где только светит солнце. Для все людей завершение жизни - смерть» (Болтунова, 1973. – С. 125). В другой херсонесской стихотворной эпитафии III ст. читаем: «Увы! Хотя я и не желал отправляться (в плавание), но Ата заставила меня пересекать бескрайние воды моря. И под волной была прервана нить моей жизни. Басс, сын Патриона, 37 лет...» (Белов, 1941. – С. 239).

Корабельная археология получила широкое развитие в Средиземноморье и Западном Причерноморье, где находят не только отдельные затонувшие корабли, но и «корабельные кладбища» (Рис. 29) (Блаватский, Кошеленко, 1963; Bass, 1972; Лазаров, 1975; Паркер, 1987; Кондратов, 1988. – С. 119-120). Черноморская акватория Украины в этом плане пока является «terra incognita», хотя имеются и некоторые достижения (Блаватский, 1985; 1985а. – С. 225-226; Блаватский, Петерс, 1966; 1967; 1969; 1969а). В последние годы активные поиски затонувших кораблей различных эпох в районе Крымского полуострова проводит Департамент подводных исследований ИА АН СССР во главе с С.А. Вороновым. Были найдены остатки кораблей византийского времени и XVIII в. Известны остатки затонувших кораблей в Азовском море (Шаповалов, 1995).

Значительное количество прибрежных памятников попадает в разряд гидроархеологических вследствие **абразии** – процесса механического разрушения волнами и течениями коренных пород берегов водных различных бассейнов. Подобные процессы приводят к образованию на берегах **бенча** или **клифа**. Скорость абразии является величиной непостоянной. Количественный показатель последней зависит от геологического строения берега, его конфигурации, направления морских течений, речных стоков в конкретном

регионе, человеческой деятельности и т.д. (Шуйский, Иванов, 1968; Иванова, 1980. – С. 217; Назаров, 2003. – С. 29-31). Так, скорость разрушения берега на отрезке от мыса Бурнас до Будаковского маяка составляет 3-6 м в год, в районе Санжейского маяка – 2 м в год. От Сухого лимана до Бугского лимана – 0,5 — 1 м, в районе Джагарлицкого залива – 2,5 – 3 м в год (Лоция..., 1987. – С. 14). В районе античного городища Золотой Мыс на Днепровском лимане коренной берег обваливается со скоростью 0,6-0,9 м на год (Буйских, Иевлев, 1986. – С. 68).

Геоморфология Северо-Западного побережья Черного моря вплоть до устья Днестро-Бугского лимана определяется процессом аккумуляции аллювиальных отложений в дельтах рек, а также абразионной и аккумулятивной деятельностью моря. Подтопление устьев рек, впадающих в Черное море, обуславливавшееся трансгрессией, привело к образованию лиманов, которые были либо непосредственно связаны с морем, или же отгороженных от моря пересыпями (Буйских, Иевлев, 1986. – С. 66-67).

Таким образом, гидроархеология является наукой синкретической в современном понимании этого термина. Она находится на пересечении истории, исторической географии, гидрогеологии, топографии, гидронимики и других смежных дисциплин. В виду сложности и некоторые субъективные причины, уровень развития гидроархеологии в Украине находится еще на начальных этапах своего развития.

§ 1. У ИСТОКОВ ГИДРОИСТОРИИ

Древнее население Восточной Европы довольно рано начало осваивать окружающие их водные объекты – реки, озера, моря и лиманы. Плоты и челны примитивных конструкций были изобретены уже в конце каменного века, а челны-однодеревки использовались со времен неолита (Писаревский, 1978; 1980; Давня історія... 1997. – С. 183, 186). Археологические свидетельства о наличии у населения Северо-Западного Причерноморья плотов и челнов относятся к ямному времени. Некоторые исследователи считают, что в позднетрипольское время восточноевропейские мореходы уже знали морской каботажный путь вдоль северо-западного побережья Черного моря в Анатолию и Эгеиду (Болтенко, 1925; Childe, 1950. – Р. 142-144; Sulimirski, 1970. – Р. 180-181; Островерхов, 1985. – С. 79). Приблизительно к этому же времени относятся и первые попытки проникновения на **Понт Эвксин-**

ский¹⁸ средиземноморских мореплавателей (Иессен, 1947; Писаревский, 1980). На египетском побережье Красного моря было исследовано святилище, составленное из каменных якорей. Как свидетельствуют надписи на якорях, святилище было сооружено в честь плавания на Понт древнеегипетских моряков. Событие состоялось во времена правления фараона Сестетриса I (1971-1927 гг. до н.э.) (Frost, 1982. – Р. 283; 1982a). Такие контакты не прерывались на протяжении всего II тыс. до н.э. В XIV-XIII вв. до н.э. сабаатиновские и раннебелозерские племена принимали активное участие в нашествии «народов моря» на Эгеиду, Ближний Восток и Египте. Учитывая морской характер их главных ударов, хорошее знание морского дела населением Северо-Западного Причерноморья не вызывает сомнений (Snodgrass, 1972; Sandars, 1978; Черняков, 1984a; Клочко, 1990).

Освоение средиземноморскими морями акватории Черного моря продолжалось и в первой половине I тыс. до н.э. Об этом, в частности, свидетельствует сообщение Плиния (Plin., N.H., VI, 20) о том, что задолго до греков низовьями Танаиса (Дона) владели карийцы. Один из пунктов в Подунавье имел название Гавань карийцев (Ptol., III, 5, 4). Он был центром черноморской «Карии» (Скржинская, 1977. – С. 88; Стрижак, 1988. – С. 198). Лингвистические

¹⁸ Греки называли Черное море Понтом Эвксинским (*Πόντος Εὐξίνος*) - Гостеприимным морем. Еще раньше эллины именовали это море Понтом Аксинским – «негостеприимным, неприветливым, недосыгаемым» морем. Последнее название встречаем у Пиндара, Эсхила, Еврипида, Диодора Сицилийского, Страбона, Аполлона Родосского и других античных авторов. Но это не первичное и не наиболее древнее название Черного моря. Древние греки, встретившись с непонятным топонимом или гидронимом, обычно не отбрасывали его, а пытались дать ему свое разъяснение. В одних случаях они шли по пути мифологизации, выводя непонятное слово от имени какого-нибудь божества или героя. В других случаях народная смекалка находила в своем словарном запасе близкое по звучанию слово, которое в греческом языке имело определенное содержание. Подобное явление имело место и при эллинском переименовании Черного моря. Дело в том, что его древнеиранское «Море Ахшен» - и производные (иран. *Aχšaīna-rzay*; осет. *Sa(w) denzyz*; тур. *Karadāniz*; фрак. **Kirs-mar*; древнегр. *Πόντος Μέλαιος* (Еврипид); новогр. *Μαύρη Θάλασσα*; ит. *Mar Nero*; фр. *Mer Noire*; рум. *Marea Neagră*; нем. *Schwarzes Meer*; болг. Черно море; укр. Чорне море и т.д.) названия несут на себе традиционный «черный» оттенок. Некоторые топонимисты выводят название от имени народа ашкуза. Так ассирийцы в VIII-VII вв. до н.э. называли киммерийцев и скифов. Тюрки продолжали придерживаться «цветового» направления, называя его Караденгиз (*Karadāniz*). По этому же пути пошли и славяне. «Цветовая» маркировка Черного моря несет на себе семантическую нагрузку. В симвоике многих народов черный цвет ассоциируется с севером, окраиной известного мира. На ранних этапах знакомства эллинов с Черным морем, им действительно казалось, что это край Ойкумены. Переименование этого водного бассейна из Негостеприимного в Гостеприимное море состоялось в период греческой колонизации. Если верить Аммиану Марцеллину и Евстафию, такой радикальной замене способствовали и религиозные мотивы. Древние верили в магическую силу слова. «Дурное» название моря не способствовало плаваниям. Потому его называли на «хорошее» (Фасмер, 1987. - (IV). – С. 345; Стрижак, 1988. – С. 24-25).

данные свидетельствуют, что карийцы были знакомы с устьями Дуная, Южного Буга, Днепра и Дона (Білецький, 1964. – С. 54; Карышковский, 1967. – С. 81; Гамкрелидзе, Иванов, 1984. – С. 842, 865; Откупщиков, 1988. – С. 71). Глухой отзвук знакомства древних греков с устьями Дуная в предколониальный период находим в поэме **Аполлония Родосского**¹⁹ «Аргонавтика» (Apoll. Rhod., IV, 309-325). Аргонавты, удирая от колхов, пересекли по прямой Черное море, и оказались в устье Дуная, у острова Певке: «... Дикие пастухи покинули на лугах свои многочисленные стада и от страха перед кораблями, будто бы увидев зверей, выходящих из огромного моря...» (Анализ отрывка см.: Vian, 1974. – Р. 91-104; Lordkipanidze, 1996. – Р. 21-46; Luvique, 1996. – Р. 47-50). По мнению (Снисаренко, 1982. – С. 40), в данном случае мифограф имел в виду не Певку, а остров Змеиный, или же Тендру.

Случайные подводные находки в северо-западной части черноморского шельфа. Как и в других частях акваторий Средиземного (Рис. 29) и Черного морей, на исследуемой акватории рыбаки, моряки и подводники находят античные и средневековые амфоры, а также другие артефакты. Большое количество подобных артефактов сохраняется в Одесском археологическом музее, Одесском музее морского флота, музее Одесского порта, Николаевском, Херсонском, Керченском и многих других музеях (Блаватский, Кошеленко, 1963; Якобсон, 1979; Охотников, Пасхина, 1984). Пути попадания древних артефактов на морское дно были разными. Кроме корабельных катастроф, это были и бытовые причины. В древности в глиняной посуде перевозились не только вода, вино и оливковое масло, но и сыпучие продукты: мука, крупа, соль и т.п. После использования, тару часто выбрасывали за борт, маркируя тем самым путь корабля. Картографирование находок амфор и иных древних предметов в разных частях Черного моря (Рис. 30-31) позволяет конкретизировать морские торговые пути, соединявшие города Северо-Западного Понта с внешним миром в различные исторические эпохи и периоды (Максимова, 1954; 1956; Гайдукевич, 1969; Блаватский, 1978; Золотарев, 1979; Скржинська, 1980; 1980а; Агбунов, 1987; Шелов-Коведяев, 1988; Одрин, 2002).

¹⁹ **Аполлоний Родосский** (Ἀπολλώνιος Ρόδιος; вторая половина III в. до н.э.). Уроженец Александрии или Навкратиса. В связи с долгим пребыванием на Родосе, получил прозвище. Является самым значительным поэтом александрийского времени. Его эпическая поэма «Аргонавтика» в 4 книгах описывает поход аргонавтов. Используя древние сказания, А.Р. приводит их в соответствие с географическими и этнографическими представлениями своего времени (Аполлоний Родосский, 2001).

§ 2. ОТ НИЗОВИЙ ДНЕПРА ДО УСТЬЯ ДНЕСТРА

Осмотр начнем с востока, с акваторий около Тендровской косы, Киннбурнского полу острова, Ягорлыцкого залива и низовий Днепра. На протяжении многих тысячелетий эта территория была в центре важнейших исторических событий, о чем свидетельствуют многочисленные античные и средневековые авторы. Плиний называл эту часть Понта Гилейским морем (Plin., NH, IV, 83).

Тендровская коса – это акумулятивное образование, вытянутое в северо-западном направлении на 65 км. Она низкая, состоит из наносного песка; наибольшая ширина в западной части более 2 км. Относительно времени ее образования единого мнения нет (Палатная, Карпов, 1987). По мнению Е.Н. Невесского, палеокоса Тендра образовалась в период каламитской трансгрессии (3500 лет назад), когда уровень Черного моря был на 7-10 м ниже современного. Тогда коса была выдвинута далеко в море, располагалась значительно южнее от современной. Эта палеокоса «во время джемитинского прыжка трансгрессии была частично размыта, а частично погрузилась под уровень моря». Затем, в процессе понижения трансгрессии, при котором уровень моря постепенно повышался от -4 до современной отметки, произошло формирование современной Тендровской косы. Таким образом, согласно Е.Н. Невесскому, Тендра в современной генерации – молодое образование, которому нет еще и тысячи лет. Близкой является и гипотеза (Бруяко, Карпов, 1992. – С. 95. – Рис. 1), согласно которой, Тендровской косы в доримское время не существовало, за исключением несколько измененной юго-западной части. Исследователи отождествляют Ахиллов Бег с песчаным островом, который существовал на месте современной Одесской банки.

Попытку использовать свидетельства античных авторов, материалы некоторых портоланов и карт XVIII-XIX вв. для моделирования генезиса Тендры в последние 3000 лет сделал (Приваторов, 1967). Хотя в целом подход автора верен, но подбор первоисточников является случайным и неполным. Автор использовал далеко неполную хрестоматию по античной географии (Боднарский, 1953). Исследователь не использовал такие важные источники, как «География» Страбона (Рис. 33)²⁰ и периплы. Позитивом было использование небольшой подборки портоланов, хранившихся в Одесском

археологическом музее, которые в свое время поместил в свой атлас А.Е. Норденшельд (Nordenskiöld, 1889). Но во время написания статьи было опубликовано значительно больше портоланов.

Тендровскую косу традиционно отождествляют с **Ахилловым Бегом** (*Ἀχιλλεύς δρόμος*), о котором есть упоминание у многих античных авторов. Первое упоминание этого географического объекта имеется у Геродота (Herod., IV, 55, 76). Псевдо-Скимн, живший на рубеже II-I вв. до н.э., писал в своем перипле: «Ахиллесов дром – зион (Ἱών)²¹, очень длинный и узкий» (Ps.-Scymn., 820-821; GGM)”. Подробное описание косы находим у Страбона: «За островом (современная Березань? – А.О.), лежащим перед Борисфеном в направлении восходящего солнца, проходит морской путь к мысу Ахиллова Дрома – местности, на которой нет растительности, но которую называют Рощей²², и которая посвящена Ахиллу... Затем Ахиллесов Дромос, низкий полуостров, тянущийся вдоль моря; это узкая лента, длиной около 1000 стадий на восток, наибольшая ее ширина – 2 стадия, а наименьшая – 4 плефа. От материка находится на расстоянии 60 стадий с обеих сторон перешейка; почва на ней песчаная, вода колодежная. Посредине ее перешеек более 40 стадий. Заканчивается около мыса, имеющего название Тамирака, и который имеет якорную стоянку, обращенную в сторону материка» (Strabo, VII, 3, 19). Беглое описание косы находим в перипле **Псевдо-Арриана**.²³ Если плыть на судне «от Тамираки... мимо упоминаемого дромоса к другой косе (мысу) Ахиллова дрома, которая имеет название Священной рощи Гекаты (Кинбурнская коса – А.О., получим упоминаемые 120 стадий (или) 160 миль» (Anon. Per., P.E., 84 (58 GGM). Дромос Ахилла упоминают **Помпоний Мела**²⁴ (Pomp. Mela, II, 5), Плиний Старший (Plin., N.H., IV, 83) и **Аммиан Марцеллин** (Amm. Marc., XXII, 8, 39-41).²⁵ У Клавдия Птолемея находим координаты трех главных пунктов Ахиллесового Дрома. За-

²⁰ **Страбон** (гр. *Στράβων*; ок. 64/63 до н.э. – ок. 23/24 н.э.) – «отец географии», автор «Географии» в 17 кн. Длительное время жил в Риме, писал на греческом языке. В качестве источников С. использовал труды античных авторов, многие из которых не дошли до наших дней (о нем: Арский, 1974).

²¹ Словом «зион» в древнегреческом языке обозначался мелководный морской берег, пляж, отмель (*Щеглов*, 2007. – С. 265. – Прим. 23).

²² «Рощами» древние греки называли все священные участки (*Латышев*, 1909. – С. 289).

²³ **Псевдо-Арриан** или **Анонимный автор**. Сочинение сложено в V или VI в. на основе перипла Арриана и некоторых других периплов. Существует мнение, что Арриан сделал два варианта перипла – краткий и полный. Короткий вариант был переписан в ранневизантийское время. Византийский автор добавил некоторые современные ему названия, а расстояния, которые ранее подавались в стадиях, перевел в мили, пользуясь принятыми в то время стандартами: 1 миля = 7,5 стадиев (Агбунов, 1987).

падный (Священный) Мыс географ расположил под 59°45' долготы и 47°30' широты; восточный мыс под названием Мисаритида (восточное окончание Джагарлыцкой косы) – соответственно под 59°45' - 47°50', а перешеек Дромоса – под 59°45' - 47°40' (Ptol., Geogr., III, 5, 2). По мнению А.Н. Щеглова, Полибий (Polyb. IV, 41), сообщая о наносной косе перед устьем Истра под названием «Груды» - Στῆδῃ, где погибало много кораблей, имел в виду Тендру (Щеглов, 1972. – С. 126-133; Щеглов, 2007. – С. 265). Данное утверждение является ошибочным (Островерхов, 2006).

Ахиллов Бег лежал на оживленном морском пути из Средиземноморья в крымские порты, но его низкий песчаный берег представлял значительную угрозу для мореплавателей. Об этом, например, свидетельствует «письмо» жреца из Гилеи, датируемый серединой VI ст. до н.э. Кроме иной разнообразной информации, особый интерес для нас представляют отрывки «... отплыл оттуда (из Ольвии – А.О.) в Гилею» и «... после корабельной аварии (ναυαγίων) рабы сбежали...» (Русяева, 1987. – С. 147; Русяева, Виноградов, 1991. – С. 201-202; Виноградов, 1989. – С. 65-66).

Античные авторы сообщают, что на Тендре существовало святилище, посвященное Ахиллу – покровителю моряков и торговцев на Черном море. Исследования, проведенные на косе в 1824 г. капитаном Н.И. Критским, подтвердили факт существования здесь святилища Ахилла (Браун, 1897; Зограф, 1941; Кубланов, 1957; Арбунов, 1992. – С. 187-202; Тункина, 2002. – С. 453-472, 627-630; Островерхов, Сапожников, 2002. – С. 278-279; Русяева, 2005. – С. 123). Сохранность сакрального зольника была относительно хорошей. Никаких следов переотложения материала и окатанности артефактов не было зафиксировано. Это дало возможность А.Н. Щеглову сделать вывод, что прикисимальный конец Тендровской косы за последние 2100-2000 лет значительных перемещений не имел (Щеглов, 2007). На нем был построен и современный маяк (Рис. 33а; 33б). Одна из посвяительных надписей, найденных в святилище, является посвящением моряка Ахиллу, который благодарит героя за спасение на море во время кораблекрушения. Очевидно,

²⁴ **Помпоний Мела** (Pomponius Mela; 15-60 гг.) – самый ранний римский географ. Родился в г. Тингентеры в Испании. Автор труда «De situ orbis libri III», созданного около 43/44 гг. Сочинение представляет собой компиляцию из произведений более ранних авторов. Плиний Старший ссылается П.М. как авторитетный источник, тем не менее, данные о северопричерноморском побережье весьма расплывчаты (Подосинов, 2002).

²⁵ **Аммиан Марцеллин** (Ammianus Marcellinus; ок. 330 – ок. 400) – римский историк, грек по происхождению. Автор «Деяний» («Res gestae») на латинском языке. Последние были задуманы как продолжение «Анналов» и «Историй» Тацита. Труд А.М. охватывает период от Нервы до 378. До наших дней дошли 18 кн. (14-31) – от 353 до 378.

событие случилось на акватории Тендры (Бурачков, 1875. – С. 44; Щеглов, 1972. – С. 133; Русяева, 2005. – С. 119). Коса привлекала к себе пилигримов наличием небольшой гавани в северо-западной части, а также «солоткой» воды (подпочвенные течения Днепра) (Лочия..., 1987. – С. 158).

На одном из генуэзских портоланов Тендровскую косу названо **Officium Gazariae**. На портолане венецианца Грациоза Бенинказы (1467) коса показана с нечеткими очертаниями. Возле нее надпись: «**Zagori**», на других портоланах – Цагоре, Цакбори, Цакоци. На карте Андреа Бьянки (1436) косу показано в виде четырех продолговатых островов. Интересно, что на одном из портоланов Тендра раскрашена золотистым цветом и обведена красным пунктиром. Как нам представляется, такая маркировка указывает на особую сакральность и опасность этого объекта для проплывающих мимо кораблей. Интересные сведения о Тендре находим у Пейсонеля (Рис. 13). Западная часть косы названа у него «Cephaloneus quae et Adara Insula» (Кефалон, он же остров Адара); Центральная – Adara I (остров Адара); Восточная – Rosphodus Insula (остров Росфодус). Имелось название и для всей Тендры – Isles appellées Tenteré par les Tartares (острова, называемые татарами Тентере). В тексте Пейсонель писал: «Не нужно путать его (остров Березань – А.О. с другим островом, расположенным на восток по направлению к Крыму, который **Константин Багрянородный**²⁶ именует Adara, из которого татары ошибочно вывели имя Tendere, как они называют его сейчас» (Peussonel, 1765. – Р. 144-145; Сапожников, 2009. – С. 468). По мнению М. Ильвеса современный топоним «Тендра» прошел лингвистическую эволюцию: Адара – Дандареон – Тандара – Тентера – Тандра – Тендра. Последнее название окончательно закрепилось в XVII в. В тюркских языках оно обозначает «узкое место» (Ильвес, 1976. – С. 22).

Во время русско-турецкой войны 1787-1792 г. возле косы российская эскадра во главе с Ф.Ф. Ушаковым 18-29 августа 1790 г. разбила турецкий флот. В 1920 г. на острове была стоянка военноморских сил П.Н. Врангеля. В годы Второй мировой войны на тендровской косе погибли не один советский и немецкий корабли. В наши дни подобные подводные объекты обращает к себе особое внимание дайверов (Ильвес, 1976. – С. 52-53).

²⁶ **Константин VII Багрянородный** («Порфиrogenет», *Κωνσταντῖνος Ζ' ο Πορφυρογένητος*) (905-959) – византийский император из Македонской династии номинально с 913, фактически с 945. Один из образованнейших людей эпохи, покровитель и издатель энциклопедий, автор многих сочинений, в том числе «Об управлении империей», где описывается история Киевской Руси и пути плавания русов из Киева в Константинополь (Константин Багрянородный, 1991).

История гидроархеологических работ на акватории Тендры пока что не обросла значительной историографией. В 1981 г. сотрудники Одесского отделения Института биологии южных морей АН УССР в районе юго-западного участка Тендры (с мористой стороны, на траверзе острова Бабин, слева от меридиана 32°), на глубине до 2 м, на площади около 20 тыс. кв. м, находили окатанные фрагменты античных амфор и чернолаковых сосудов. Здесь же были выявлены и куски известняка. По мнению Р. Алексеева, это может свидетельствовать о наличии здесь затопленного античного поселения (Алексеев, 1987. – С. 15).

В 1983 г. Приморским отрядом Периферийной экспедиции ИА АН УССР, вместе с членами клуба подводного плавания «Аква» при ЧАЭС, были сделаны пробные погружения в бухте, у северо-западной оконечности Тендры, со стороны Тендровского залива. Найдены несколько фрагментов амфор римского времени, красно-лакового сосуда и кусочек мрамора (Островерхов, 1986. – С. 61).

В 1984 г. на акватории Тендры работала экспедиция во главе с В.В. Назаровым. В Тендровском заливе, в районе окончания косы, найдены: фрагмент средневекового кувшина, обломок стенки поливного сосуда, наконечник гарпуна. Артефакты принадлежали к одному комплексу. Значительное количество материала собрано на берегу; он был выброшен во время штормов. Основную массу находок составляли обломки античных амфор всего хронологического диапазона (Назаров, 1985; 2003. – С. 72-74. - Рис. 23). Обследование внутренней акватории косы от Белых Кучугур до Северного знака было проведено в 2001 г. Качественно новых материалов не обнаружено (Назаров, Воронов, 2002. – С. 44).

Гидроархеологические исследования акватории, что непосредственно прилегает к Тендровской косе, пока что не принесли сенсаций. Но **случайные находки**, сделанные здесь в разные годы, порождают надежды: 1) в 1923 г. на морском дне, возле Тендры, найдены остатки турецкой галеры, которая находилась в перевернутом положении и была обшита листовой медью. Из нее была снята пушка, датированная XV в. Как сообщала одесская газета «Чорноморська комуна» от 30 августа 1939 г., поднять судно с помощью Одесского отряда ЭПРОН собирался **Р.А. Орбели**.²⁷ Но

²⁷ **Орбели Рубен Абгарович** (1880-1943). Начальное образование получил в Кутаисской и Тифлисской гимназиях. В 1903 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1918 г. был одним из организаторов Тамбовского университета. С 1934 г. работал в ЭПРОНе, занимался изучением и консервацией подводных археологических памятников. В 1937 г. исследовал акватории Херсонеса и Ольвии, а также участка дна Южного Буга у с. Сабатиновка. В 1939 г. изучал акватории моря у Феодосии, Коктебеля и Керчи. Ввел в оборот термин «гидроархеология».

война и смерть академика помешали осуществить этот план (Милиславлевич, 1925; Охотников, Островерхов, 1991. – С. 22); 2) Две средневековые амфоры найдены «в море возле острова» (Тендры) (Фабрициус, 1951. – С. 304; Ратнер, 1984. – С. 48). 3) Два кувшина VIII-X вв. в Тендровском заливе (Якобсон, 1979. – С. 33. - Прим. 6). Амфору острова Менды найдено — в Тендровском заливе в 1970-х гг. (Назаров, 2002. – С. 74. - Рис. 23).

В 1983 г. автором данной работы обследовалась **акватория Тендровско залива**. На острове Орлов открыты остатки **подтопленного поселения** эпохи средней бронзы (Рис. 35, 5). Геологическое строение острова иное, чем Тендры, Кинбурна, островов Круглый и Долгий. Хотя его поверхность покрыта наносным песком, но последний лежит на глинистой подошве. Когда-то Орлов был частью материка. На острове зафиксированы остатки кирпичных сооружений – остатки небольшой турецкой крепости, прикрывавшей вход в залив. В 100-150 м от остатков крепости и современной базы ихтиологов, в срезе берега, а также на мелководье, выявлены скопления керамики катакомбного времени (Рис. 36), кремневых изделий (призматическая пластина, 2 отщеп с ретушью, плоский нуклеус), камня (фрагменты зернотерок и лоцил) и остеологического материала (кости мелкого и крупного рогатого скота, рыб).

Открытие полузатопленного поселения катакомбного времени на акватории Тендровского залива расширяет представления об ареале катакомбной культуры, свидетельствует о том, что в первой половине II тыс. до н.э. уровень Черного моря был ниже современного. Об этом свидетельствует и полуподтопленное состояние курганов энеолита-бронзы на коренном берегу в районе Ягорлыцкого Кута (Ратнер, 1984. – С. 48; Островерхов, 1986. – С. 60; Охотников, Островерхов, 1991. – С. 21. - Рис. 5). В 2001 г. экспедицией «Медая» было проведено выборочное обследование акватории залива в районе Ягорлыцких (Египетских) островов. Найдены образцы хронологически неопределенных обломков керамики (Назаров, 2003. – С. 71; Назаров, Воронов, 2002. – С. 158).

В 1983 г. методом визуального осмотра донной поверхности также проводились работы на акватории **Ягорлыцкого залива**²⁸ (Рис. 35; 36а). Вход в залив прикрывают островцы аккумулятивно-

²⁸ **Ягорлыцкий залив** – мелководный залив между Кинбурнской косой и полуостровом Ягорлыцкий кут. Длина залива 26 км, ширина возле входа 15 км, глубина до 5 км. От Черного моря залив частично отделен островами Долгий и Круглый, которые в прошлом были частью безымянной косы Кинбурнского полуострова. Слово «гуярлык» по тюркски значит «дорога неверных».

го происхождения – **Круглый и Долгий**. Их превышение над уровнем моря – около 1 м. На островах наземных археологических объектов не зафиксировано. Острова окружены отмелями глубиной от 0,2 до 1 м. На дне, до глубин 0,5-0,6 м, и на расстоянии от берега приблизительно 100-150 м, на площади 200 x 100 м, встретилось большое количество фрагментов античной и средневековой керамики (Рис. 36а), а также остеологического материала. Более половины – неокатанные образцы. Это может свидетельствовать о наличии под водой культурного слоя (Островерхов, 1986. – С. 59; Охотников, Островерхов, 1991. – С. 21-22). Работы методом визуального осмотра донной поверхности и с помощью эхолота на акватории были продолжены экспедицией «Аква» в 2001 г. Достижением экспедиции было открытие на глубине 5,5 м восьми курганных объектов диаметром до 8 м и высотой до 5 м. Хотя до проведения стационарных исследований, о предназначении подобных объектов судить рано, но замечания (Назаров, 2003. – С. 70; Назаров, Воронов, 2002. – С. 44) о том, что они являются продолжением курганной группы, расположенной на Ягорлыцком куте, нам представляется резонным.

На восточном берегу залива и частично на мелководье (Рис. 37-38), располагаются остатки ремесленного поселения, функционировавшего в период греческой колонизации края. Его отождествляют с **Халкеной** – *χαλκένα* (Медница) – топонимом, упоминаемом в «письме» жреца из Гилеи (Русяева, 1986. – С. 147; Островерхов, 1993. – С. 38). Если геоморфологическая реконструкция местности в архаический период верна (Рис. 23-24; 35) (Агбунов, 1981. – С. 126-129. – Рис. 2; 1985. – С. 113-128; Бруяко, Карпов, 1992. – С. 95. - Рис. 1), то поселение располагалось на берегу одной из протоков старого устья Днепра. Одна из них существовала в XVI-XVIII вв. – «Запорожская протока», в виде Ивановской старицы функционировала в начале XX века (Бурачков, 1875. – С. 34; Двойченко, 1930. – С. 43). Затопленные части днепровского устья прослеживаются и на дне Ягорлыцкого залива в виде балки, которая тянется от районе поселения и проходит к востоку от острова Долгий (Карта..., 1889. - № 1713; Лоция..., 1987. – С. 110). Ягорлыцкое поселение – это лишь видимая часть промышленной зоны Ольвийского (Березанского) полиса архаического времени. Большая ее часть затоплена водами Ягорлыцкого залива. Она находится под илистыми напластованиями толщиной до 2 м (Агбунов, 1981. – С. 127. - Прим. 14).

В связи с «водной» проблематикой, небезынтересными являются находки на Ягорлыцком поселении вулканических пород

средиземноморского происхождения. Они попали сюда в качестве корабельного балласта и свидетельствуют о наличии гавани. Балласт снимался из судов перед зимовкой, или при ремонте (Островерхов, 1979. – С. 125). Подобные артефакты встречаются во всех городах Северного Понта, где камень повторно использовался как в быту, так и сакральной сфере (Петрунь, 1964; 1966; Островерхов, 1988. – С. 97).

Ивановка-5 – поселение IV-III вв. до н.э. Располагается в 3,5 км на северо-запад от с. Ивановка, на берегу Ягорлыцкого залива, в урочище «Маслины». Выход материала, главным образом амфорного боя, наблюдается на песчаной террасе площадью около 3000 м². Поселение подтапливается (Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990. – С. 74).

Вопросы об исторической топографии и названии современной **Кинбурнского полуострова**²⁹ (Рис. 39; 39а; 39б; 64) в различные исторические эпохи является дискуссионным (Латышев, 1909. – С. 297; Шилик, 1975а; Агбунов, 1984а; 1992. – С. 184-187). Полагают, что древности и в средневековье коса имела значительно большие размеры и простиралась на запад далеко в море (Рис. 22-26). В связи с изображением на некоторых «неоптолемах» большого острова в устье Днепра (Рис. 12-13), по мнению некоторых ученых, во времена средневековья западная часть косы называлась островом Святого Эферия (Погорелая, 1985; Буйских, Левлев, 1991. – С. 101). В античное время местность входила в Гилею (Доватур, Каллистов, Шишова, 1982. – С. 232-233. – Прим. 209).

Случайные гидроархеологические находки: 1) В 1885 г. у западного берега Кинбурнского полуострова рыбаки нашли каменный алтарь IV-III вв. до н.э. с посвящением Ахиллу и изображением кедровой шишки (IOSPE. - I². - № 327); 2) В фондах Херсонского музея хранится византийская амфора, найденная в водах Днепровского лимана (Ратнер, 1984. – С. 47); 3) У с. Збурьевка, на дне Днепровского лимана хранятся остатки турецкой галеры XVIII в. (Островерхов, 1986. – С. 61; Охотников, Островерхов, 1991. – С. 22).

Подтапливаемые поселения и стоянки.

Геройское 1 – Поселение V-III вв. до н.э. Располагается в 1,5 км на запад от с. Геройское (бывш. Прогнои). Здесь вдоль береговой линии и в водах лимана, а также на невысоких дюнах встречается материа-

²⁹ **Кинбурнский полуостров** (от. тюрк. «кылн» - волос и «бурн» - мыс – Волосяный мыс – низменный полуостров суженный в основе и с широкой головной частью, которая оканчивается двумя косами. Поверхность сложена из наносных песков, покрытых дерновой почвой. Имеет около 40 соленых и пресных озер.

лы катакомбного, позднеклассического и эллинистического времени. Найдены рыбацкие грузила из стенок амфор. Памятник периодически подтапливается (Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990. – С. 73).

Геройское 2 – поселение первых столетий н.э. Его остатки зафиксированы в 2 км на запад от с. Геройское, на песчаных дюнах, возле берегового среза. Периодически подтапливается водами лимана. Кроме амфорного боя, здесь найдены рыбацкие грузила из стенок амфор (Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990. – С. 94).

Чрезвычайно интересной является гидроистория и гидроархеология **Днепра**.³⁰ В античное время Днепр назывался **Борисфеном**,³¹ о чем впервые сообщает Геродот, а позже – многие другие древние авторы. В сокровищнице античной мифологии нашелся герой, ставший божеством Днепра.³² Культ Борисфена занимал видное место в пантеоне Ольвийского государства (Русева,

³⁰ **Днепр** (ст.-слав. ДънѢпръ; укр. Дніпро; белар. Дняпро). Название этой реки неоднократно менялось. Впервые о Днепре упоминает Геродот. Он называет ее Борисфеном и считает третьей по величине рекой в мире после Нила и Дуная и второй после Нила по полезности: «Из прочих рек Борисфен наиболее прибылен; он доставляет прекраснейшие и роскошные пастбища для скота, превосходнейшую рыбу в большом изобилии. Вода его на вкус очень приятна, чист, тогда как рядом текущие с ним реки имеют мутную воду. Вдоль него тянутся превосходные пахотные поля или растет очень высокая трава, в тех местностях, где засеивается хлеб. У устья реки сама собой образуется соль в огромном количестве. В Борисфене водятся огромнейшие рыбы без позвоночного столба (осетры – А.О.), называемые антапами и идущие на соленье и многое другое, достойное внимания...». Не только богатства реки, но и ее протяженность поразили воображение путешественника. Собрав сведения об истоках почти всех важнейших рек Ойкумены, по поводу Днепра он с сожалением констатирует: «Не только я, но, кажется, и никто из эллинов не может определить истоков только Борисфена и Нила» (Herod., IV.).

³¹ Гидроним **Βορυσθένης** неоднократно исследовался с лингвистической точки зрения. А.А. Белецкий выделяет два корня: гр. «барис» – тяжелый и «тенос» – сила, мощь, могущество. В.А. Абаев полагал, что термин имеет иранскую подоснову. Это эллинизированное «варустана» – «широкое место», «широкая область». П.О. Карышковский склонялся к мысли, что слово «борисфен» берет свои истоки во фрако-фригийской речи. Первая часть обозначает «морской пролив» или же «узкий и глубоко врезанный в сушу залив». Но и в этом случае второй корень переводится как «сила», «мощь», «мощь» (Билецкий, 1962. – С. 54 сл.; Абаев, 1949. – С. 183 сл.; Карышковский, 1967. – С. 80 сл.).

³² Борисфен связывается с циклом легенд об Ифигении, Ахилле и Дионисе. Анонимный автор донес особый вариант мифа о пребывании Ифигении в Тавриде. Согласно этой версии, Артемиды перенесла Ифигению на Понт к Тоанту, сыну Борисфена. Тоант в этом рассказе являлся царем местных кочевников, которые назывались таврами. Ифигения имела прозвище – Тавропола – повелительница быков. В других вариантах легенд, где упоминается Тоант, говорится, что он был сыном Диониса и владел сказочным островом, лежащим у края земли. Там проживал божественный бык, именуемый Тавром. На этом основании П.О. Карышковский предположил, что и Борисфен представлялся древним как некий «бог-бык». Эвмел упоминает о трех музах – дочерях Аполлона. Это Кефисо, Аполлониды и Борисфенида. Музы в представлении греков были нимфами источников. Стефан Византийский сообщает, что в незапамятные времена Борисфеном назывался Дарданельский пролив – Геллеспонт. Образ музы Борисфениды был перенесен колонистами на берега Днепра и здесь стал ассоциироваться с рекой. В честь музы было названо поселение на острове Березань. Скифским аналогом Борисфениды была дочь Борисфена – змееногая богиня (Блаватский, 1967. – С. 252-254) (Рис. 41).

1992. – С. 136-138). Об этом можно судить по большому количеству медных монет IV-II вв. до н.э с изображением речного бога (Рис. 40). Об изначальности культа Борисфена у ольвиополитов свидетельствует упоминание алтаря одноименному с рекой богу в письме «жреца» (Русяева 1987. – С. 147).

Гидроним «Днепр» впервые появляется на периплах первых веков н.э., где река именуется Danapris. **Иордан**³³ сообщает иную транскрипцию – Danapere. Иранское происхождение названия не вызывает сомнений. В слове «данаприс» выделяют два корня: дан- и апр-. Корень dānu встречается в наименовании ряда других рек Восточной Европы: Дон, Днестр, Дунай и других. В современном осетинском языке – наследнике скифского и сарматского, принадлежащих к древнеиранской ветви индоевропейской языковой семьи, слово «дон» означает «вода», «река». Второй корень āpr- (āpr-, ārf-) В.И. Абав также выводит из древнеиранского – «глубокий, широкий». «Данаприс» - это «глубокая, широкая вода». Последний компонент перекликается с именем одного из скифских родоначальников – Арпоксаем – «Владыка вод; Река-Царь; Царь водных глубин и т.д.». Производным от иранской основы является и скандинавское название реки - Dann, Danpar (Абаев, 1949. – С. 242-243; Болтенко, 1962. – С. 16-24; Рыбаков, 1981. – С. 569). В готское и гуннское время Днепр назывался Var (< авест. vary, vougu - широкий) Об этом также сообщает Иордан. Близким было печенежское название – Varuh. Об этом пишет Константин Багрянородный. Тюрки называли Днепр Озу, Узу, Узы, Усы, Усу. Это нарицательный термин, обозначающий вообще всякую реку. Имелись и более конкретные названия, например, Бюру-Узен – Волчья река и другие. Главная река Украины известна и под рядом иных, народных наименований. Самым распространенным из является Славута или Славутич. Название встречается во многих украинских народных песнях и думах. Гидронимы являются производными от древнеславянского «славутный» - славный, чистый, прозрачный, ясный.

Первые попытки гидроархеологического исследования памятников, расположенных в районе Днепра, относятся еще к первой половине XIX в. Тогда было обращено внимание на наличие возле

³³ **Иордан** (Jordanis, Jordaneus) – готский историк VI ст. Гот по происхождению. Был секретарем аланского военачальника Гунтигиза Базы, который находился на службе у византийского императора. Главное сочинение И. «О происхождении и деяниях готов» («De origine artibusque Getarum», сокр. «Getica») – один из важнейших источников по истории Восточной Европы времен Великого переселения народов. «Getica» описывает историю готов, начиная с их переселения со Скандинавии до войны остготов с Византией. Труд был окончен в 551. В нем имеются сведения и о других племенах региона, в том числе и о ранних славянах (Иордан, 2001).

Каменского городища, в так называемом Каменном Заливе, как на берегу Днестра, так и в воде, остатков портовых сооружений в виде площадки, выложенной из тесаного камня. Предположение о том, что эти артефакты имеют глубокую древность, сделал еще Л. Падалка. Он также записал сообщение местных жителей о наличии в реке вблизи городища каменной плотины. Позже исследователи нашли под водой каменную насыпь высотой до 3 м. По мнению Б.Н. Гракова, это были остатки древнего мола (Падалка, 1903. – С. 103; Граков, 1954. – С. 46; Шаповалов, 1990. – С. 151).

В 1878 г. в русле Старого Днестра у острова Хортица была найдена казацкая чайка, с которой были подняты железные пушки XV-XVI вв. В 1905 г. в Днестре ниже Хортицы в урочище Наливач, при работах по углублению русла обнаружен корабль XVIII в., с которого также были подняты пушки и образцы корабельных конструкций. В 1870 г. у с. Никольское, при впадении Ингульця в Днестр, водами из реки из обрыва были вымыты две большие античные амфоры. Очевидно, это было разрушенное скифское погребение. В том же году возле с. Таборище был вымыт клад украшений (Ястребов, 1894. – IV. - № 7, 22).

Запорожской экспедицией подводных археологических работ (ЭПАР) проводятся регулярные исследования акватории Днестра. В основном они сосредотачиваются у острова Хортица (Рис. 41а). Найдены несколько средневековых челнов-однодревков, казацкая чайка 1736-1739 гг., бригантина «русского манира» и многочисленные артефакты (Шаповалов, 1972; 1972а; 1972б; 1973; 1977; 1987; 1987а; 1990; 1990а; 1990б; 1991; 1991а; 1991б; 1991в; 1991г; 1993; 1993а; 1995; 2000; 2002; Шаповалов, Нефедов, 1992; Шаповалов, Спинов, 1971; Шаповалов, Трипольский, 1987; 1990; Нефёдов, Остапенко, Кобалія, 1999; Кобалія, Нефёдов, 2002; Кобалія, Нефёдов, 2002; Нефёдов, 2005).

Личное имел и Днепровский лиман.³⁴ Как и сам Днестр, в античное время **Днепровский лиман**³⁵ именовался Борисфеном.

³⁴ Имеется несколько определений термина «**лиман**» (< гр. λιμῆνι (ov) – гавнь, бухта). «Лиман» - это расширенное устье реки», «большое и глубоководное озеро»; «широкое устье реки, морской залив» (Гринченко, 1958. - Т. 1. - С. 133; Фасмер, 1967. - Т. 2. - С. 497); «Лиман представляет из себя место, где море и река в течении долгого времени ведут упорную борьбу» (Загорский, 1929. – С. 39). Аппелятив /лиман в восточнославянские языки попал через тюркские языки, хотя и не отрицается и возможность непосредственного заимствования из греческого, о чем свидетельствует *древнерус. лимънь* (Фасмер, 1967. - Т. 2. – С. 497; Карпенко, 1989. – С. 80-81). Процесс образования лиманов в Северо-Западном Причерноморье связывается с тектоническими процессами и трансгрессиями Черноморского бассейна. Они образовались вследствие затопления морем речных долин и в связи с опусканием суши, а также поднятием уровня моря. Первичные лиманы в устьях рек Северного

Анна Комнина³⁶ называет его **Озолимной**: «Это озеро... весьма обширно и по своему величию не уступает ни одному из описанных географами. Оно лежит посреди ста холмов (остатки Ольвии – А.О.) и впадают в него величайшие и прекрасные реки. В своей южной части он принимает много больших и нагруженных судов: без сомнения, это доказывает его глубину». Термин «озолимна» не находит однозначного объяснения. Сама Анна, один из образованнейших людей своей эпохи (Диль, 1914. – С. 55-78), видела в нем корни двух слов «озо-» и «лимна-» - «озеро, лиман узов». Этому же мнению придерживался **Ф.К. Брун**.³⁷ Некоторые другие ученые по-

Причерноморья образовались в конце плиоцена или в самом начале плейстоцена. Судьбы каждого из лиманов были разными. Лиманы в междуречье Ю. Буга и Днестра образовались в **куальницкое время**. В четвертичном периоде эти лиманы преобразовывались в реки при регрессиях моря и возникали вновь при трансгрессиях. Максимальные размеры лиманы имели в **древнечерноморское время**. В это время они были открытого типа и уже в историческое время превратились в закрытые водоемы, что обуславливалось уменьшением стока рек и образованием песчаных баров возле их устьев (Мороз, 1990. – С. 6-9).

³⁵ До образования лиманов Днепр впадал в Черное море где-то в районе г. Скадовск, или Каркинитского залива, а в более позднее время – Ягорлыцкого залива. Опускание суши в древнеэвксинское время привело к тому, что море местами превысило современные границы и образовало лиманы. В это время Днепровский и Бугский лиманы существовали отдельно друг от друга. Нижнедревнеэвксинская дельта Днепра начиналась несколько ниже Голыи Пристани и тянулась в сторону Ягорлыцкого залива. Правый берег древнеэвксинской дельты Пра-Днепра проходил по линии Збурьевка - Рыбальское. В верхнеэвксинское время Пра-Днепр постепенно смещался в сторону Днепровского лимана, а в конце существования впадал в Днепровский лиман. Древнеэвксинский лиман был небольшим по площади. Большая его часть наполнялась наносами и превращалась в плавни, песчаные равнины и торфяники. Поднятие суши в конце новозэвксинского времени привело к исчезнованию лиманов. Суша, по которой проходило русло Днепра, опустилась и была затоплена морем. Новозэвксинская фаза была наиболее трансгрессивной в плейстоценовой истории Черноморского бассейна. Приход древнечерноморского периода сопровождался повышением уровня моря, затоплением долин рек и образованием лиманов. Около 5,5 – 4 тыс. лет назад Днепровский лиман достигал г. Никополя. В период фанаторийской регрессии лиман сократил свои размеры и 2-3 тыс. лет назад образовалась Кинбурнская коса. 2400 лет назад лимана в современном его виде не существовало. Он располагался на запад от современного берега Бугского лимана и принимал как воды Днепра, так и Южного Буга. Современный Днепровский лиман занимала долина Днепра (Рис. 21-26). Нимфейская и последующие трансгрессии привели к образованию современной береговой линии Днепровского лимана, который, повернув на запад, захватил устье Бугского и преобразовался в Днепровско-Бугский лиман (Мороз, 1990. – С. 6-7).

³⁶ **Анна Комнина** (Αννα Κομνηνή; 1083-1153) – византийская принцесса, старшая дочь императора Византии Алексея I Комнина и Ирины Дукены. Одна из первых женщин-историков. Автор «Алексиды» - исторического повествования об эпохе правления своего отца.

³⁷ **Брун Филипп Карлович** (1804-1880) родился в Фридрихсгаме (Финляндия); окончил Дерптский университет. В 1832 г. переезжает в Одессу, где был библиотекарем, адъюнктом, профессором Ришельевского лицея. В 1954 г. ушел в отставку. В 1868 г. был зачислен на должность доктора всеобщей истории, а с 1869 г. - профессором Новороссийского университета. Участник нескольких археологических съездов (Успенский, 1881; Марков, 1954; Тункина, 2002. – С. 262; Хмарський, 2002. – С. 233-234; Хмарський, Дзиговський. – 2005. - С. 170-172).

лагают, что «озолимна» - это прямой греческий перевод славянско-го гидронима «соленое озеро».

Украинские казаки именовали лиман Великим или просто Лиманом:

*На лиман-річку іспадали,
До Дніпра-Славути низько уклоняли...*

Одной из важнейших задач гидроархеологии в районе Днепра и Днепровского лимана является поиск и локализация древнерусских памятников, упоминаемых в письменных источниках (Рис. 42). В X-XIII вв. Днепр выполнял роль главной водной магистрали на пути из «варяг в греки». Из его устья русские «гости» выходили на «лодьях» в **Русское море**,³⁸ а русичи занимались рыбным и соляными промыслами. В одной из статей русско-византийского договора 944 г. говорится: «А ще обряшуютъ въ вустье Днепрском Русь корсуняны рыбы ловища, да не творять имъ зла никако же. И да не имеют власти Русь зимовати въ вустьи Днепра, Бельбережи, ни у святого Ельферья; но егда придетъ осень, да идуть въ дома своя в Русь» (ПВЛ. – 1950. – Ч. 1. – С. 37). В 971-972 г. на Белобережье зимовал князь Святослав. Это значит, что в низовьях были постоянные русские поселения (Сахаров, 1982. – С. 124).

Проблематическим является вопрос о локализации древнерусского города **Олешья**. Этот важный населенный пункт неоднократно упоминается в летописях XI-XIII вв. О нем сообщает **ал-Идриси**.³⁹ Автор фиксирует и иные названия Олешья – «Улиски», «Эллеске», «Оулески», «Уликис» и другие. В 30-40 гг. XIV в. в городе располагалась торговая фактория генуэзцев. На портоланах низовья Днепра часто обозначались как **«река Олешье»** (Ellexe, L'ellexe, Elese). Наиболее позднее упоминание об Олешье относится к 1672 г. «Книга Большому Чертежу». В

³⁸ Впервые название **Русское море** встречается у арабского автора Ибн-Хордадбаха, в его «Книге для путей и государств», написанной в 40-х гг. IX в. (Ибн-Хордадбах, 1986). Позже об этом свидетельствуют Ибн-Аль-Факих-Ал-Хамадани (Арабские источники..., 1993) и Аль-Масуди (о нем: Микульский, 1998). Позже оно доминирует вплоть до позднего средневековья.

³⁹ **ал-Идриси** (Irlisi, Эдриси), аль Идриси Абу Абдаллах Мухаммед ибн Мухаммед ибн Абдаллах ибн Идрис аш-Шериф аль Идриси аль Хаммуди аль Куртуби ас-Сакали (1100 – 1161 или 1165) – арабский географ, картограф и путешественник. Родился в Сеуте – Испания. Учился в Кордове. Много путешествовал. Около 1138 переехал в Палермо, где жил и работал при дворе сицилийского короля Рожера II. По поручению последнего создал карту известной тогда Ойкумены и связанный с ней труд «Развлечения тоскующего о странствии по областям...», иначе «Книга Роджера». Книга содержит ценные сведения по истории и географии известного тогда мира, в том числе, и Северному Причерноморью (Рыбаков, 1952; Коновалова, 2006).

середине XVIII в. трансформированное название «Алща» встретилось в «Русском энциклопедическом атласе» издания 1745 г. (Рыбаков, 1952. – С. 35; Сокульский, 1980. – С. 64-65, 72; Бейлис, 1988. – С. 69-75). Большинство исследователей переводит топоним «Олешье» как Поле-сье – лесной край, или же считают его производным от названия племени уличей, которое также имело несколько вариантов написания: «улучи», «улучи», «угличи», «улучичи», «оулучи» (Буйських, Ієвлев, 1991. – С. 102-103).

Дореволюционные историки и географы обычно локализовали Олешье в районе современного города Цюрюпинск (до 1928 г. Олещ-ки, Алешки), но неоднократные поиски как на территории города, так и в его окрестностях, не дали результатов (Сокульский, 1980. – С. 64-65). Известна славянская стоянка XII-XIII вв. у с. Раденск (Ратнер, 1984. – С. 81-82). Д.И. Иловайский локализовал Олешье в районе Запорожья (Иловайский, 1893. – С. 82-83), В.Г. Фоменко размещал его на Чертомлыцком острове (Фоменко, 1964. – С. 73).⁴⁰ Б.А. Рыбаков считал, что Олешье стояло где-то в самых низовьях Днепра, исключал его локализацию в глубинах Олешковских песков (Рыбаков, 1950. – С. 10).

С нашей точки зрения, наиболее вероятным археологическим Олешьем являются остатки славянского поселения на Большом Потемкинском острове, в 12 км ниже Херсона. Площадь плавного острова около 12 га. В период большой он полностью погружается под воду. Подпочвенные воды располагаются от 0,7 до 1,3 м от дневной поверхности. В связи с тем, что в XI-XIII вв., уровень моря был ниже современного на 2-3 м (Рис. 16-19), город располагался где-то на таком самом уровне над водами Днепра. Совершенно иной была и топография местности в низовьях Днепра.

О находках древностей на острове сообщает В. Ястребов: «Потемкинский остров на Днестре, близ Херсона. Против устья Конки – на острове Козацкое городище, шагов 100 длины и шагов 40 ширины; здесь замечены остатки здания с погребом, следы других построек, камни и кирпичи, чекрепки кувшинов из красной глины и горшков, человеческие кости. По преданию, - здесь скрывались запорожцы и были перебиты турками....» (Ястребов, 1894. - № 112).

В 1972 г. экспедицией Историко-культурного заповедника на Хортице были проведены шурфовки поселения в наиболее высокой его части, которая у местного населения называется «Городище» или же «Козацкие печища» (Рис. 43). Раскопки показали,

⁴⁰ Эта точка зрения нашла поддержку во многих современных научных и научно-популярных изданиях (Історія міст і сіл..., 1972. – С. 574; Історія Української РСР, 1977. - Мапа «Київська Русь в IX – початку XII ст.»; Успенский, 1967. – С. 105).

что памятник принадлежит к категории городских (каменное строительство, черепица, кирпич и др.). Его население занималось рыболовством, сельским хозяйством и торговлей. При вынимании грунта с дна Пудовой канавы были подняты дорогой меч западно-европейской работы второй четверти XIII в. с надписью (Рис. 44, 3), византийские амфоры (Рис. 44, 1-2), золотая византийская монета и другие артефакты. Исследователи отнесли Великопотемкинское поселение к категории неукрепленных городов (Сокульский, 1980; Ратнер, 1984. – С. 74; Ратнер, Костюк, 1989. – С. 81-83).

В X-XIII вв. в устье Днепра функционировали византийские фактории. Византийская версия об оседлом населении греков в низовьях Днепра, кроме договора 944 г., базируется на неоднократных сообщениях источников о рыбных и соляных промыслах Херсона в этой местности. Особенно интересной является «Записка греческого топарха» конца X – начала XI в. (Левченко, 1956. – С. 291-339), в которой есть упоминание о селении **Борион**. В низовьях Ю. Буга и Днепра в настоящее время известны 8 славянских памятников и ни одного однозначно византийского.⁴¹ В этой же местности позже располагались стоянки берладников, бродников и «галицийских выгонцов» (Буйских, Левлев, 1991. – С. 89-90).⁴²

⁴¹ В «Записке» речь идет о возвращении топарха, который, вероятно возглавлял военный отряд, на родину. Двигаясь по Днепру, отряд достиг его устья, где задержался в связи с тем, что река замерзла. «Мы подошли ближе и конные вступили в реку. Переправившись и прибыв в селение **Борион**, мы занялись едой и присмотром за конями». Подождав «достаточное количество дней» и приобретя необходимый провиант, топарх направился в направлении Маврокастона (совр. Белгород-Днестровский – А.О.). (Милюков, 1897. – С. 281). Название поселения происходит от гр. *ov βορέας* или *to βορείον* – «север», «северный ветер» (Буйских, Левлев, 1991. – С. 102). По поводу локализации Бориона существуют различные точки зрения. В Томашек размещал его в районе современного Николаева (Tomaschek, 1881. – С. 38), С. Шестаков отождествлял Борион с Ольшешем (Шестаков, 1908. – С. 75). В свете современных данных, не исключается, что «северное поселение» располагалось где-то в районе Станиславова мыса, где известны находки византийских монет X в. и могильников времен Киевской Руси (Голенко, 1961. – С. 290-291; Ратнер, 1984. – С. 24). Мы не исключаем, что Борион – это одно из древних названий Березанского поселения. Об опосредствованно может свидетельствовать граффито VI в. до н.э. с упоминанием «победителя Борей» – одного из эпитетов Аполлона – владыки этого края (Русева, 1986; Виноградов, 1989. – С. 78-80).

⁴² **Берладники** – беглецы из Киевской Руси, селившиеся в низовьях Дуная, Южного Буга и Днепра. В 1161 г. они захватили Олешье: «... В том же году послал Ростислав из Киева (воевод) Юрия Несторовича и Скуна (Миросявича) насадить на берладников, которые было Олешье взяли» (Летопись русская, 1989. – С. 276). На смену берладникам и бродникам в XIII в. пришли «галицийские выгонцы». В летописи сообщается, что последние были союзниками Руси в битве на Калке в 1223 г.: «... Оттуда же, из Киева, двинулись (князья) месяца апреля и пришли к реке Днепру, к острову Варяжскому... Все мы засухи Днепр перешли, – так вот покрыта вода была множеством лодок.... А выгонцы галиции двинулись по Днепру и вошли в море, – лодок же было тысяча, и пришли в реку Днепр, и привели (лодки) вверх до порогов, и стали у реки Хортицы, на брое близ Протолче....» (Летопись русская, 1989. – С. 380). Некоторые исследователи считают, что берладники и бродники были предками запорожских и отчасти донских казаков.

Таким образом, практически все реальные и гипотетические памятники древнерусского времени располагались на низких берегах Днепра, Южного Буга и дельтовых островах, которых в те времена в устьях рек было довольно много. Поскольку в настоящее время, вследствие трансгрессии моря, эти памятники в большинстве своем находятся под водой. Их поиск и изучение – одна из задач гидроархеологии в этом районе.

Большое количество гидроархеологических памятников античного времени располагается на высоком правом берегу Днепровского лимана.

Софиевка 2 (Глубокая пристань). Городище IV-III вв. до н.э. Располагается на высоком обрывистом берегу лимана, в 2 км на северо-восток от с. Софиевка. Известно с XIX ст. (Чирков, 1867. – С. 546; Ястребов, 1894. – С. 56. - № 101). Памятник исследовался сотрудниками Херсонского музея и Ольвийской периферийной экспедиции. Обращает на себя внимание находка каменного якоря (Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990. – С. 70-72).

Станислав 1 – «поселение на север от Станиславского мыса» (поздняя архаика; IV-III вв. до н.э.; первые столетия н.э.; черняховское время). Располагается на северной окраине с. Станислав, в устье Днепровско-Бугского лимана, на высоком обрыве, между двумя глубокими балками (Рис. 46, Д). Разрушается вследствие ссувов (Уваров, 1851. – С. 33; Брун, 1879. – С. 159; Крыжицкий и др. - 1990. – С. 39-40; 91-92).

Станислав 2 – двухслойное поселение (поздняя архаика и IV-III вв. до н.э. Располагается на высоком плато Днепровского лимана. Здесь неоднократно находили рыболовные грузила и каменные якоря (Крыжицкий и др. - 1990. – С. 40; 69-70).

Особое место среди гидроархеологических объектов устья Днепровского лимана занимает **остров Майский** (Рис. 46а), искусственно насыпанный в конце XVIII в., чтобы контролировать вход в Днепровский Бугский лиман. В годы советской власти он использовался как база для подготовки спецподразделений, поэтому проводить подводные исследования запрещалось.

Не менее интересной является история **Ю. Буга**, рек и прилегающих земель его бассейна, которые в течении тысячелетий неоднократно меняли свои очертания (Ингульский, Гармашов, 1926; Бирюля, 1928; Юстус, 1896; Коренев, 1958). Древнейшие письменные упоминания о Южном Буге также принадлежат Геро-

доту. Историк именует реку Гипанисом.⁴³ Б.А. Рыбаков и К.К. Шилик, опираясь на разные системы доказательств, пришли к выводу, что под Гипанисом (как и Борисфеном) древние понимали иное сочетание рек, чем то, которое сейчас понимается под Бугом. К.К. Шилик идентифицирует Гипанис следующим образом: нижнее течение Буга – Синюха – Гнилой Тикач. Б.А. Рыбаков: низовья Буга – Синюха – Горный Тикач. Традиционной точки зрения придерживается М.В. Агбунов. Этот исследователь обратил внимание, что вблизи Винницы Буг течет по широкой заболоченной равнине. Падение местности здесь совсем незначительное. В долине много озер и прудов. В половодье равнина превращается в одно большое озеро, о котором пишет Геродот. Отсюда до моря около 550 км. Это расстояние укладывается в 9 дней плавания, на которые ссылается историк (Рыбаков, 1979; Агбунов, 1989).⁴⁴

Тюркоязычные народы называли Южный Буг Ak-su(r). Подобные гидронимы часто встречаются на пространствах от

⁴³ «Отец истории» считал реку третьей по величине в скифской земле: «...Гипанис – движется из пределов Скифии, вытекая из большого озера, вокруг которого пасутся дикие белые лошади. Это озеро правильно называется матерью Гипаниса. Возникающая из него река Гипанис на расстоянии пяти дней плавания еще узкая и вода в ней пресная, а отсюда до моря на расстоянии четырех дней плавания вода чрезвычайно горькая. Ведь в нее впадает горький источник; настолько горький, что хотя и невелик по размерам, он придает свой вкус Гипанису, одной из немногих больших рек. Источник этот находится в пределах страны скифов-пахарей и алазонов. Название источника и той местности, откуда он вытекает, по скифски Эксампей, на языке же эллинов – Священные Пути. Вблизи земли алазонов Тирас и Гипанис сближают свои излучины, но отсюда каждый из них поворачивает и течет так, что промежуток между ними расширяется». Некоторые ученые выводят название «гипанис» из греческого ἵππος или же φάσις. Этим словом эллины именовали большинство северных рек, впадающих в Черное море. Другие исследователи считают, что в своей основе античная этимология названия Буга опирается на слово ἵπος – «конь». Гипанис – это «конная река». Связь реки конем фиксируется как у ее истоков, так и в устье. Напомним, что «матерью» Гипаниса считалось озеро, вокруг которого паслось несметное количество диких белых лошадей. Вблизи Ольвии проживало скифское племя каллипидов. Слово ΚΑΛΛΙΠΙΔΩΣ обозначает «прекрасноконные». Этноним «каллипиды» имеет религиозно-мифологический оттенок. Некоторые ученые считают, что «прекрасноконные» были племенем скифских жрецов (Люперольский, 1887; Русаева, Скржинская, 1979; Отрешко, 1981). Белый конь был символом доброго Героя. В виде черного коня изображался демон засухи. Идея борьбы с суховеями была всегда актуальна для жителей края (Лисецкий, Молодецкий 1990). У жителей Ольвийского государства существовал культ речного божества Гипаниса. Об этом свидетельствуют посвященные граффити. П.О. Карышковский предположил, что часть «борисфенов» воспроизводит образ божка Гипаниса (Рис. 40). Облик Гипаниса-коня воспроизводится на литейной матрице из Березани (Рис. 47) (Островерхов, 2005. – С. 254. – Прим. 28).

⁴⁴ Имя «гипанис» носила и другая река – Кубань. Приложение гидронима одновременно к двум рекам в пределах одного относительно небольшого региона, создавало неудобства для эллинских торговцев, путешественников и географов, приводило к путанице. Однако «отец истории» употребляет название «Гипанис» к Бугу и подчеркивает, что город борисфенитов, вопреки ошибочному мнению многих средиземноморских греков находится не на Борисфене, а на Гипанисе.

Дальнего Востока до Дуная. Слово «су» значит «вода», «река». К нарицательному понятию прилагается цветовой определитель «ак» - «белый». Ак-су – это белая, чистая, светлая вода. «Белый» определитель несет на себе отпечаток бывшего отождествления реки с белым конем (Мурзаев, 1984. – С. 43-44; Карпенко, 1989. – С. 19-21).

Освящение «Конной реки» и прилегающих к ней земель нашло отражение и в более поздних названиях. На картах XVII-XVIII вв. река именуется «Богъ» или же «Бъоугъ», а земли вдоль реки – Побожьем. На левом берегу Бугского лимана существовал населенный пункт Богоявленское. По поводу происхождения гидронима имеется несколько точек зрения. Лер-Сплавинский выводит его из *балто-славянского* «Vog» - течение, или же «bongb» - извилистый. М. Фасмер – от *древненемецкого* (готского) «bach» - ручей. Интересным является предположение А.Н. Афанасьева: «Народный русский эпос олицетворяет знакомые ему большие реки в виде богатырей старого времени; богатырь (от слова бог) есть существо божественное, и поэтому наделенное необычайными силами и великанскими размерами, приличествующими грозным стихиям природы. Как индийцы признавали божеством Ганг, немцы Рейн, так славяне божественные свойства с Дунаем, Днепром, Западным и Южным Бугом и другими значительными реками. Название Буг есть только особая форма слова бог, и в статейном списке XVII в. вместо «Буг-река» встречаемся с формой «Бог-река».

Неоднократно делались попытки этимологизировать гидронимы Ингул и Ингулец. Первая из рек впадает в Южный Буг; вторая – в Днепр. С тюркскими языками происхождение названий этих рек связывали А.А. Скальковский и Д.И. Яворницкий, выводя их из *татар*. Ени-гель «Новое озеро» или *тур.* Иен-кул – «Широкое озеро». Н. Никифоров считал, что гидроним возник от *татар*. Ин-голь: ин – пещера; голь, гуль, гуль – река. Таким образом, Ингул – «Река пещер», «Пещерная река». По мнению этого топонимиста, еще кочевые скифы вырывали в низинах этих рек, где располагались их зимники, пещеры. А *татары* перевели скифское название на свой лад, и получился Инголь. Славянскую подоснову в гидронимах Ингул/Ингулец искали Ф.К. Брун, О.С. Стрижак, О.М. Трубачев, О.М. Карпенко и другие исследователи, выводя их из *древнерус.* Уголь (Ogъ), славянским племенем уличей, с более поздним тюркским переосмыслением.

С точки зрения гидроархеологии, значительные достижения и перспективы имеет акватория **Бугского лимана**⁴⁵ (Рис. 23-26). Одним из первых артефактов, найденных в водах лимана является надгробие Стратона, сына Протомаха (IOSPE I². - № 229). Сообщения о месте находки памятника не совпадают между собой. Академик П.С. Паллас, побывавший в Николаеве в 1794 г., где в то время городском соборе сохранялась надпись, писал: «надгробие найдено ниже (Ольвии), спускаясь к местности Заре-Камыши, поврежденным, так как корабли, проходившие рядом, хватались за него крючками, чтобы причалить (к берегу)...» (Pallas, 1801. – Р. 512-513; Тункина, 1994. – С. 10-11). Л.С. Ваксель сообщает, что «Надгробие найдено в реке Буг, вблизи местечка Богоявленского» (Ваксель, 1801. – С. 5-7). П.И. Сумароков информирует: «Я ездил смотреть на камень, хранящийся возле собора, и который заслуживает на большое внимание, учитывая его древность и научную ценность. Его случайно нашли рыбаки в 30 верстах отсюда в урочище Цари Камыши в лимане... » (цит. по: Тункина, 1994. – С. 11. - Прим. 28, 31).

Таким образом, имеем два варианта локализации места находки надгробия. 1) Район с. Днепровское, в месте соединения Днепровского и Бугского лиманов. В этой местности зафиксировано несколько разновременных античных поселений (Крыжицкий и др.- 1990. – С. 25, 53). 2) Акватория реки у с. Богоявленское. Здесь наиболее известным является поселение Сиверцев Маяк.

Имеется сообщение о гибели в начале XIX в. на акватории Бугского лимана судна с ольвийскими находками, собиравшимися на городище по приказу Д.И. Безбородько для отправки в Петербург (Муравьев-Апостол, 1821. – С. 20-21)

Затопленная часть Ольвии (Рис. 47а; 48-49) является наиболее изученным гидроархеологическим объектом на северных берегах Черного моря. О том, что часть Ольвийского городища затоплена водами Бугского лимана, было известно еще в конце XVIII

⁴⁵Бугский лиман представляет из себя продолжение долины Ю. Буга, затопленной морскими водами. Пра-Бугский лиман сформировался в древнеэвксинское время и впадал непосредственно в море, по отношению к которому исполнял роль бухты. В постдревнеэвксинское время лиман превратился в реку; возник вновь в новозэвксинское время, достигнув максимальных размеров в период новочерноморской трансгрессии. В период фанагорийской регрессии лиман снова превратился в реку. Гипанис сливался с Борисфеном на запад от современного устья Бугского лимана, впадая в общий лиман. На месте современного Бугского лимана располагалась заболоченная долина, по которой и меандрировало русло реки. Во времена нимфейской трансгрессии долина Буга вновь была затоплена (Мороз, 1990. – С. 7-8; Трашук, Палатный 1981. – С. 105-111).

в. В 1792 г. **Ф.П. Деволан**,⁴⁶ описывая состояние городища, отмечал, что часть памятника уничтожена лиманом: «Вероятно, вследствие какого-то землетрясения часть этих развалин была выкинута в реку, или же они подмыты течениями; к лиману постепенно были снесены большие куски. Скорее (всего), вследствие землетрясения большая часть этой местности была поглощена (лиманом). Это подтверждается большим количеством обработанных каменных фрагментов, которые находят в воде, мраморных, гранитных» (цит. по: Тункина, 1994. – С. 9-10). В описании Николаевского Кабинета древностей среди иных находок, упоминаются три капители, найденные в «Днепровском лимане возле развалин *ОЛБИО*» (Тункина, 2002. – С. 197).

Подобную характеристику встречаем и в описании, сделанном в 1807 г. профессором Харьковского университета И.С. Рижским. В лимане «... Имеется бесконечное количество... глиняных, а иногда и мраморных обломков. Жители с. Парутино ходят в Городок и собирают вещи, которые вымываются из береговой полосы во время большой воды... Из камней, которые в большом количестве лежат на берегу, делают в реке небольшие оградки, и вымывая из них лопатами на берег воду, ищут и находят разные небольшие вещи, которые были до этого под водой, особенно медные, серебряные и даже изредка золотые монеты» (цит. за: Тункина, 1994. – С. 14). В 1819 г. **П.П. Кеппен** (Рис. 50)⁴⁷ писал: «Утверждают, что монеты и другие предметы находят не только на берегу Буга, но и под водой далеко от берега...» (цит. по: Назарчук, 1999. – С. 21). Несанкционированный поиск ольвийских древностей в воде активно продолжается и в наши дни. Современные грабители используют

⁴⁶ **Ф. П. Де-Волан** (1752-1818) – барбантинский дворянин, который в 1787 г. перешел на русскую службу. С 1789 г. пребывал на юге Украины, принимал участие в битвах и мирном освоении Новороссийского края. Автор планов и руководитель строительства крепостей Фанагорийской, Кинбурнской, Перекопской, Тираспольской, городов Севастополя, Николаева, Одессы, Овидиополя и других. В 1792 г. подготовил к печати труд «Карта географическая, изображающая область Озу или Эдисан, иначе называемой Очаковской землей...». К карте прилагались 16 топографических планов местности. Для их объяснения прилагалось описание «Отчет о географическом и топографическом положении провинции Озу или Эдисан...», и служащей пояснением к картам и планам, снятым по Высочайшему повелению». В труде дается описание географии, гидрографии и топографии местности от Днестра до Южного Буга и Крыма. В нем также имеются сведения об этнографии края, подаются сообщения древних авторов о географических и населенных пунктах региона (Скальковский, 1837. – С. 27, 54, 91, 108-109; Фриман, 1895. - С. 150, 152, 155; Охотников, 2007).

⁴⁷ **Петр Иванович Кеппен** (1793-1864) – родился в Харькове. В 1814 г. окончил Харьковский университет и переехал в Петербург. Неоднократно был на развалинах античных городов Северного Понта. В 1829 г. поселился в Крыму, где продолжал изучать антики (Тункина, 1987. – С. 220-227; Тункина, 2000. – С. 357-372).

способ, описанный И.С. Рижским (Назаров, 2003. – С. 119-120. – Прим. 28),

Определить размеры затопленной части Ольвии впервые попытался в 1821 г. академик **Келлер**⁴⁸: «В полверсты от берега Городка в речке сохранились остатки древнего города... И сейчас здесь видят ступеньки от лесниц из крупных камней, лежащих под водой. Река время от времени выносит куски свинца, которыми когда-то скреплялся этот камень» (цит. по: Тункина, 2002. – С. 43). О систематических находках антиков в водах лимана сообщает и П.О. Бурачков: «Большое количество вещей, которые находят в воде вблизи ольвийского берега указывает на то, что ольвиополиты неоднократно спасались на кораблях от нашествий варваров» (Бурачков, 1875. – С. 10).

Ольвийский полис имел свой **флот**. О его наличии уже в архаическое время свидетельствуют «письмо» жреца из Гилеи, а также изображения торговых и боевых кораблей на граффити (Русяева, 1979. – С. 74; Назаров, 1994. – С. 95. – Рис. 1, 3; Петерс, 1982. – С. 44-48). Определенную информацию об ольвийском флоте содержит декрет в честь Протогена (IOSPE, I². - № 32), в котором упоминаются поврежденные казенные грузовые и военные суда (Латышев, 1887. – С. 10). Упоминание об ольвийском военном флоте есть и в написи последней трети IV ст. до н.э. из острова Змеиног (IOSPE, I². - № 325).

Об ольвийской **гавани** впервые упоминает проксения конца V в. до н.э., декларирующая «право входа и выхода из гавани в мирное и военное время без грабежа» (IOSPE, I². - № 79). О наличии в Ольвии гавани и **верфи**, опосредствовано свидетельствует декрет в честь Антестерия третьей четверти III в. до н.э. В тексте упоминаются корабли, которые «с давних пор» пришли в плохое состояние и не были на плаву. Антестерий отремонтировал их. В декрете упоминается и военный корабль, построенный на его средства (Виноградов, 1989. – С. 180, 192-193). С.Д. Крыжицкий предполагает существование в городе двух гаваней – торговой и военной (Крыжицкий, 1984. – С. 61-62).

⁴⁸ **Егор Егорович (Генрих Карл Эрнест) Келлер** (1765-1838) родился в г. Вехсельбург в Саксонии. Учился в Виттенберге, продолжил образование в Лейпциге. В 1791 г. переезжает в Петербург. В 1797 г. переходит на государственную службу в Польскую библиотеку. В 1798 г. стал библиотекарем и хранителем Кабинета антиков и медалей Эрмитажа. В 1803 г. Келер избирается член-корреспондентом, а в 1817 ординарным академиком Императорской Академии наук. Его главные труды посвящены истории и исторической географии античных городов Северного Причерноморья (ЖМНП. – 1838. – Ч. 19. - № 5. – С. 738; 1839. – Ч. 22. - № 4; 319; Morgenstern, 1839. – S. 71-140; РБС. – 1897. - Иб.-Кл. – С. 607-608; Уткина, 1999; Гинзбург, 2000; Тункина, 2002. - С. 65-83).

Античные гавани имели **пристани** и **молы** (Блаватский, 1976. – С. 43-46). «Мол» и «место бывшей ольвийской пристани» познаны уже на планах Ольвии И.П. Блаرامберга и А. Чиркова, а на плане Муравьева-Апостола очерчены, с учетом гипотетического поглощения водами лимана, границы городища (Крыжицкий, 1984. – С. 36-39. - Рис. 1-2). Материальными остатками оборудования гавани являются несколько каменных кнехтов. Один из них найден во время подводных исследований затопленной части Ольвии, два других – на городище (Крыжицкий, 1984. – С. 58-59. – Рис. 14; Назаров, 1994. – С. 97; Назаров, 2003. – С. 67. - Рис. 21). В Одесском археологическом музее сохраняется каменная стела (Рис. 51, 1). В Каталоге Э.Р. Штерна значится: «Гранитный столб, служивший причалом для судов в Ольвии». Он был найден в водах лимана, поступил в музей в 1907 г. Позже была определена киммерийская принадлежность памятника (Членова, 1975. – С. 85-87. - Рис. V; Тереножкін, 1978. – С. 16. - Рис. 4). В контексте ольвийской истории стела использовалась вторично в качестве кхнета.

В 1914 г. «в воде, под обрывом, увенчанным частью ольвийской оборонительной стены, была найдена плита с латинской надписью». В ней сообщается о строительстве во II веке римскими солдатами оборонительных сооружений (Рис. 52) (Зубарь, Сон, 1994).

В 2000-2001 гг. на северо-восток от участка НГФ были разбиты охранные раскопы. Особенно интересными оказались материалы раскопа Клиф-1, заложенного на месте частично разграбленного подвала V в. до н.э. Он располагался на месте уреза лимана, на уровне подпочвенных вод. Культурный слой находился в переувлажненном состоянии, а нижняя часть была ниже современного уровня лимана. Это был припортовой склад, погибший во время пожара. Над подвалом прослежены остатки более поздних периодов. Это трамбовка и вымостки первых столетий н.э., а также подпорная стенка того же времени. Раскоп Клиф-2 также был заложен вдоль береговой линии. В верхних слоях зафиксированы остатки оборонительной башни (?) I-III вв. Ниже находились артефакты середины V-IV вв. до н.э. Полы подвалов находились на 10 см ниже современного уровня лимана (Крапивина и др., 2004).

Впервые попытку изучения затопленной части Ольвии при помощи ковша – «машины для добычи золотых предметов» - предпринял Б.В. Фармаковский (Рис. 52а). В 1915-1916 гг. был составлен план «пристани». Исследованный объект ученый считал остатками оборонительных стен (Крыжицкий, 1984. – С. 39, 63. - Прим. 6). В 1937 г. погружения в районе Ольвии производили водолазы ЭПРО-

На во главе с Р.А. Орбели, в 1959 г. – московские аквалангисты (Крыжицкий, 1984. – С. 64. - Прим. 10). В 1961 г. акваторию Ольвии исследовала экспедиция во главе с В.Д. Блаватским. Сделан план затопленной части города, на котором зафиксированы как ранее известные, так и впервые выявленные объекты – завалы и скопления камней и керамики (Блаватский, 1962; Петерс, 1963). В 1964 г. проведено геоакустическое обследование затопленной части Ольвии. Были выявлены новые объекты – остатки северных оборонительных сооружений города (Шилик, 1975; 1975; Шилик, Федоров, 1968). В 1971-1977 гг. Ольвийская экспедиция ИА АН УССР продолжила исследования затопленной части Ольвии. Это позволило получить важные материалы для реконструкции исторической топографии Нижнего города. Большая часть открытых объектов принадлежит оборонительным сооружениям. Крайне интересным оказался материал из «амфорных полей» - зон скопления обломков керамики и других артефактов (Рис. 53), находившихся на расстоянии 145-200 м от берега. В подобных «полях» исследователи видят остатки припортовых складов. Они очерчивают восточную и северо-восточную границы затопленной Ольвии (Шилик, 1970; 1975а; 1976; Крыжицкий, 1984. - С. 36-65; Kryzhitskij, 1987; 1997; Лейпунская, 1979; Лейпунська, 1984). Эпизодические исследования затопленной части Ольвии проводились в 1980-х – в начале 2000-х гг., но они не внесли значительных корректив в представления о затопленной части города (Назаров, 2003. – С. 120. - Прим. 29; Горлов, Поротов, Столярова 2004. – С. 123).

Акватория на север от Ольвии

Волошская коса.⁴⁹ Здесь существовала переправа через Ю. Буг в направлении Русской косы, располагающейся на противоположной стороне лимана. Хотя на коренном берегу Бугского лимана у Волошской косы хорошо известны античные памятники эллинистического и римского времени, о находках подобных артефактов на низменной части косы, в литературе ничего не сообщается. Существует предание, что в 1708 г. из Русской косы по направлению к Волошской косе переправлялись войска шведского короля Карла XII и казаки Мазепы. В 1970-е годы В.В. Рубан нашел в прибрежной зоне железную пряжку от шведского солдатского пояса, аптекар-

⁴⁹ **Волошская (Волоская, Воложская) коса** Имеет значительный перепад высот, от довольно больших в основании, до нулевых в сторону старого русла реки. В документах и на картах топоним встречается с XVIII в. Название обычно связывают с валахами.

ский флакончик и хорошо сохранившийся в просоленном песке деревянный кубок.

Волошская коса 3. Раннеэллинистическая усадьба, находится в 0,3 км к северу от с. Парутино. Разрушена абразией берега Бугского лимана. Фрагменты керамики и обработанного камня встречаются как на берегу, так и в водах лимана (Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990. – С. 55).

Волошская коса 11 (ранний эллинизм; римское и черняховское время). Восточной стороной примыкает к Волошской косе. **В.И. Гошкевич**⁵⁰ отмечал, что в начале XX в. на косе встречалось большое количество обломков амфор и тарелок римского времени. В 1932 г. в обрывах прослеживались остатки каменных построек. В 1974 г. на самом поселении, а также на берегу собран разновременный подъемный керамический материал (Фабрициус, 1951. – С. 71. - § 149; Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990. – С. 66, 87).

Волошская коса 13. Остатки раннеэллинистической усадьбы, располагаются на обрывистом берегу Бугского лимана, у северной кромки косы, частично разрушенной *береговыми оползнями*. Обломки керамики и обработанный камень встречаются как на берегу, так и в водах лимана (Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990. – С. 56).

Волошская коса 14. Остатки раннеэллинистической усадьбы, располагаются на обрывистом берегу Бугского лимана, у северной кромки косы, частично разрушенной *береговыми оползнями*. Обломки керамики и обработанный камень встречаются как на берегу, так и в водах лимана (Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990. – С. 56).

Чертоватое урочище. Чертоватое 1 («Круглый узвоз») (VI в. до н.э. – первые столетия н.э.), располагается на высоком обрывистом берегу лимана у Кратковой Балки. Впервые зафиксировано в 1804 г. Г. Келлером (Köhler, 1826. – Р. 651). Исследователи связывают возникновение названия урочища в связи с находками на берегу и в водах лимана большого количества монет «борисфенов» (Уваров, 1856. – Т. 1. – С. 45-48; Брун, 1879. – С. 159; Астребов, 1894. – С. 127-128). В настоящее время значительная часть поселения уничтожена ссувами. К условным гидроархеологическим находок относятся рыболовные крючки и грузила из амфорных стенок (Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990. – С. 27, 56-57, 87).

Чертоватое 7 – двухслойное поселение (поздняя архаика и IV-III вв. до н.э. Расположено на высоком коренном прибрежном плато

⁵⁰ **В.И.Гошкевич** (1860-1928) – основатель Херсонского музея древностей, сделал большой вклад в исследование археологических памятников Северо-Западного Причерноморья (Былова, 1990; 1993; Черняков, 1976. – С. 64-65; Яровой, 1992. – С. 46-47).

между Чертоватовской и Котелинской балками. Активно уничтожается эрозией. Керамика, обработанные камни и другие артефакты встречаются как на берегу, так и в водах лимана (Рис. 54) (Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990. – С. 27, 57).

Козырка 1 – городище первых столетий н.э. Открыто А.С. Уваровым. Со стороны лимана имеется нижняя терраса, образовавшаяся вследствие оползня (Рис. 55). Первичная площадь городища была значительно большей, чем в настоящее время. В лиман сполз почти полный жилой квартал городища. К условным гидроархеологическим находкам относятся бронзовые рыболовные крючки и грузила для сетей (Бураков, 1976; Буйских, Иевлев, 1986. – С. 68-69. - Рис. 2, IV; Крыжицкий и др., 1990. – С. 87-88).

Старая Богдановка 1 («поселение у Долгой Кошки») – городище первых столетий н.э. Остатки памятника локализируются на восточной окраине с. Старая Богдановка, на обрывистом берегу лимана. Городище активно разрушается оползнями. Античную керамику и другие артефакты находят как на берегу, так и в водах лимана (Pallas, 1805. – Р. 441; Уваров, 1851. – С. 45; Ястребов, 1894. – С. 62; Гошкевич, 1915а. – С. 18; Фабрициус, 1951. – С. 88). В 1956 г. на городище проводил раскопки Л.М. Славин (Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990. – С. 88).

Старая Богдановка 2 – позднеархаическое поселение, остатки которого располагаются в 1,3 км на юг от с. Старая Богдановка, на мысу, образованном высоким обрывистым берегом лимана и левым склоном древней Крутой Балки. Активно разрушается оползнями (Рис. 56). Античные артефакты находят как на берегу, так и в водах лимана (Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990. – С. 31-32).

Старая Богдановка 3 – поселение IV – первой половины III в. до н.э. Располагается на северо-восточной окраине с. Старая Богдановка над лиманным обрывом. Активно разрушается оползнями. Античные артефакты находят как на берегу, так и в водах лимана (Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990. – С. 59).

По сообщению **Н.Н. Аркаса** (Рис. 56а),⁵¹ владельца имения в этом селе, в лимане, напротив балок Богдановской и Карасевой,

⁵¹ **Николай Николаевич Аркас** (1853-1909) родился в г. Николаеве. В 1875 г. окончил Новороссийский университет. В 1875-1881 гг. служил в морском ведомстве в Николаеве. После выхода в отставку, жил в своих имениях в селах Христофоровка и Богдановка, под Николаевым. Активно участвовал в украинском национально-освободительном движении, с 1907 г. возглавлял николаевскую «Просвиту». Автор «Історії України-Руси» и опери «Катерина». Интересовался археологией (Кауфман, 1993; ІЕКНД. – 2002. – Т. IV. – С. 12-31).

находили амфоры и античные монеты (Ястребов, 1894. - № 120; Фабрициус, 1951. - С. 72. - § 155).

В 1980-х гг. эксперимент с целью выявления гидроархеологических памятников на акватории лимана с помощью аэрофотосъемки провел К.В. Шишкин. Изучив аэрофотосъемки южной части бухт у сел Богдановка и Козырка, он сделал вывод, что на них видны «остатки дамб, возможно, античных причалов» (Шишкин, 1982. - С. 241).

Радсад 1 (хутор Топчия) – поселение IV – первой половины III ст. до н.э. и городище первых столетий н.э. Располагается в 0,8 км на запад от с. Радсад. С юга ограничено береговым обрывом, с запада и востока – глубокими балками. Разрушается оползнями (Рис. 57). Артефакты встречаются на песчаном пляже и в водах лимана (Крыжицкий и др. - 1990. – С. 60, 88-89).

Дидова Хата, усадьба № 1. Последняя четверть IV – первая треть III в. до н.э. Располагается в 2,1 км от с. Малая Корениха, на плато коренного берега лимана. Обнаружена и исследована В.В. Рубаном в 1976 г. До раскопок интенсивно разрушался оползнями. Археологические материалы комплекса до сих пор встречаются на пляже и в водах лимана (Рис. 58, 2). Среди условно гидроархеологических находок следует отметить рыболовные крючки и грузила для сетей (Крыжицкий и др.- 1990. – С. 61).

Варваровка 1 (поздняя архаика и IV-III вв. до н.э.). Располагалось в юго-восточной части с. Варваровка на плато лимана. Раскапывалось в 1939 г. П.Н. Шульцем и **М.С. Синицыным**.⁵² Оставшийся слой почти полностью разрушен оползнями. Среди условно археологических находок – грузила для рыболовных сетей (Крыжицкий и др. 1990. – С. 33, 63).

На северной окраине с. Варваровка, в излучине, отделяющей собственно реку и лиман, на древних выносах большого песчаного образования встречаются материалы, относящиеся к разным археологическим эпохам (Фабрициус, 1951. – С. 81, 115; Никитин, 2008).

⁵² **Моисей Сергеевич Синицын** (1899-1973). Родился в с. Гонтаревка на Харьковщине. В 1930 г. окончил исторический факультет Одесского института народного образования, в 1933 г. – аспирантуру при Одесском археологическом музее. В 1936-1938 – заместитель директора Херсонского исторического музея; с 1939 по июль 1941 г. – Николаевского историко-краеведческого музея. В годы войны был в действующей армии. В 1946 г. М.С. Синицын защитил кандидатскую диссертацию, работал преподавателем в Одесском педагогическом институте и Одесском университете. Был одним из основателей и председателем Одесского археологического общества (Секерская, 1989. – С. 43-45; 212).

Левый берег Бугского лимана

До революции неподалеку от Станиславового мыса на дне лимана у с. **Кисляковка**, видели каменные колонны, или же остатки какого-то моста. Попытки гидроархеологов в начале 1980-х гг. найти их не увенчались успехом (Фабрициус, 1951. – С. 75; Назаров, 2003. – С. 56). Станиславов мыс отождествляется с античным Гипполаевым мысом, где располагался святилище Деметры (Her., IV, 53; Dio. Orat., XXXVI, 2; Русяева, 2004).

Золотой Мыс - городище первых столетий н.э. на восточной окраине с. Широкая Балка. Располагается на высоком плато Днепро-Бугского лимана (Рис. 46, ж) (Уваров, 1851. – С. 32; Чирков, 1867. – С. 39; Ястребов, 1894. – С. 57). Активно разрушается в прибрежной части. Скорость эрозии за год составляет от 0,6 до 0,9 коренного берега (Буйских, Левлев, 1986. – С. 68. – Рис. 3, 1; Крыжицкий и др. - 1990. – С. 70, 92-93).

Скелька 1 (бывш. хутор Пыжа) (VI в. до н.э. – первые столетия н.э.). Располагается на высоком прибрежном плато Бугского лимана в 8 км на северо-запад от с. Александровка между Павлютиной и Широкой Балками. Активно разрушается оползнями (Рис. 46, г). К условным гидроархеологическим находкам относятся находки каменных якорей и грузил для рыболовных сетей. Интересным объектом является прорезанная в валу прямоугольная канавка для стока дождевых и талых вод (Гошкевич, 1912. – С. 11; Буйских, Левлев, 1986. – С. 72; Крыжицкий и др. - 1990. – С. 38, 67-68, 91).

Лупарево 2 («Лупаревая Балка») – многослойное поселение (поздняя архаика и IV-III вв. до н.э.). Располагается на южной окраине с. Лупарево напротив Ольвийского городища. Интенсивно разрушается (Рис. 59) (Крыжицкий и др. - 1990. – С. 37, 66-67).

Лиманы 5 («Кисляковка») (поздняя архаика и IV-III вв. до н.э.). Поселение располагается на небольшой береговой террасе, в 1 км на юго-запад от с. Лиманы. На юге ограничено Кисляковской Балкой. Разрушается оползнями. Известно с середины XIX в. А.С. Уваров отождествлял его с Канкитом, упоминаемом в декрете Протогена. На поселении найдены мраморная плита с надписью и фрагмент рельефа. Известны находки артефактов в водах лимана вблизи поселения (Уваров, 1851. – С. 18, 46. - Табл. XVI; Брун, 1863. – С. 992; Гошкевич, 1912. – С. 11; Фабрициус, 1951. – С. 75, 166; Крыжицкий и др. - 1990. – С. 36-37, 66).

Русская Коса (Свято-Троицкое, Федоровка) – место древней переправы в направлении Волошской Косы. Здесь в 1708 г. рас-

полагался табор шведского короля Карла XII и гетмана Мазепы. В водах лимана довольно находили артефакты, относящиеся к различным эпохам (Брун, 1879. – С. 157-158; Николаевщина, 1926. – С. 204).

Жовтневое 6 – рыбацкая стоянка IV-III вв. до н.э. Располагалась на берегу лимана, у б. с. Балабановка. После штормов на песчаном пляже находят обломки амфор и грузила от рыболовных сетей (Крыжицкий и др. - 1990. – С. 64).

Новосиверский Маяк (поздняя архаика; IV-III вв. до н.э.; первые века н.э.). Остатки поселения располагаются на равнинном плато, в 0,5 км на юго-запад от б. с. Гирокая Балка (сейчас территория с. Николаева), в 0,75 км на северо-восток от Новосиверского маяка (Рис. 46, Б). Западная сторона поселения находится у обрывистого берега лимана, активно разрушается оползнями (Крыжицкий и др. - 1990. – С. 36, 64,).

Город Николаев. Во время геологического бурения на территории астрономической обсерватории в 1895 г. были выявлены скопления культурных остатков катакомбного времени в виде отложений раковин речных моллюсков, костей животных, фрагментов керамики и кремневых изделий. В эпоху ранней и средней бронзы тут проходило речное Ингула (Юстус, 1896. – С. 10-17; Никитин, 2008. – С. 22).

В районе Спасского спуска, у старого Варваровского моста, в районе пристани, до войны на берегу лимана и в самом лимане, найдены остатки позднетрипольского (?) подтопленного поселения. Материалы представлены керамики и кремневыми изделиями (Фабрициус, 1951. – С. 110),

В месте соединения Ингула и Ю. Буга, на нижней террасе урочища «**Дикий сад**», располагается **городище** белозерской культуры. Как полагают исследователи, в самом конце II тыс. до н.э. это была своеобразная столица носителей белозерской культуры, влияние которой распространялось от низовий Днепра до низовий Дуная. Здесь обнаружены палеоэкологический материал, бронзовые рыболовные крючки, детали разнообразных якорных конструкций. О связях со странами Средиземноморья и Балкан, свидетельствуют находки бронзовой фибулы субмикенского типа, образцов камня средиземноморского и дунайского происхождения (корабельный балласт?) (Горбенко, 2004. – С. 76-85). Последнее обстоятельство позволяет предполагать, что у поселения были гавань, порт и док, куда могли заходить и ремонтироваться корабли. При поиске этих объектов следует учитывать влияние на топографию местности фа-

нагорийской регрессии, которая составляла от -4 до -11 м от современного зеркала воды. Очевидно, городище имело «акрополь» и «нижний город». Гавнь и док располагались в «нижнем городе». В настоящее время они затоплены водами устья Ингула и Бугского лимана.

Николаев 6 (IV-III вв. до н.э.). Поселение открыто в 1984 г. при проведении охранных работ на территории завода им. 61 коммунара. Найдены грузила от рыболовных сетей и остатки керамического трубопровода (Крыжицкий и др. - 1990. – С. 54). Тогда же были исследованы остатки **верфи**, которую исследователи датируют XVIII в., и считают казацкой. Она была предтечей «Ингульской» («Усть-Ингульской» верфи (Рис. 60а), да и собственно города Николава, zaloженной в 1788 г. (Крючков, 1989. – С. 29 сл.).

В прибрежных песках урочища Лески (современный «Намыв») николаевские археологи находили древние обработанные оленины рога. По мнению В.И. Никитина, эти артефакты являются остатками культурного слоя неолитической стоянки, затопленной водами лимана. Там же был найден ствол казацкой медной пушки с надписью, свидетельствующей, что она была отлита по приказу Ивана Мазепы в 1692 г. По приказу главного командора Черноморского флота адмирала А.С. Грейга, который, как и его предшественники, увлекался древностями, в том числе, добытыми под водой, пушка была доставлена в Николаевский музей древностей, а позже переправлена в Петербург. Сейчас экспонируется в артиллерийском музее. По мнению исследователей, находка может свидетельствовать о переправе в 1708 г. части казаков Мазепы на противоположный берег в районе нынешнего Николаева (Никитин, 2006а. – С. 79-81).

Прибрежная акватория Бугского лимана на запад от Ольвии

В 1987 г. подводным отрядом Ольвийской экспедиции ИА АН УССР были обследованы три участка акватории напротив побережья лимана, тянувшегося от **Заячьей Балки** до **Широкой Балки**. На этой территории известно одно из архаических поселений (Крыжицкий и др., 1990. – С. 25-26); в целом же, эта территория занята некрополем Ольвии (Папанова, 2006). Берега здесь обрывистые, активно разрушаются абразией. В срезе берега наблюдаются погребения и остатки небольших курганов. После обвалов на пляже и в водах лимана встречаются античные артефакты (Назаров, 2003. – С. 68-69. - Карта XVII),

На **участке № 1**, расположенном на юг от Заячьей Балки, в водах лимана найдены *обкатанные* фрагменты античной керамики. **Участок № 2** располагается в 2 км на юг от Ольвии. На берегу и в прибрежных водах встречается большое количество обработанных камней. Несколько скоплений были зачищены с помощью помпы. По мнению В.В. Назарова, это были остатки разрушенного оползнями античного строения, возможно, склепа.

Правый берег лимана на юг от исследованных участков имеет очень много археологических памятников, относящихся к различным эпохам. Наилучше изучены памятники античного времени.

Закисовая Балка (архаика; классика; IV-III вв. до н.э.). Поселение располагается в 3,5 км на юг от с. Парутино, на высоком плато коренного берега, ограничено древними балками: Безымянной и Закисовой. Разрушается оползнями (Рис. 60). К условным гидроархеологическим находкам относятся грузила для рыболовных сетей (Крыжицкий и др. - 1990. – С. 25, 53-55).

Днепровское 2 (поселение IV-III вв. до н.э.; городище первых столетий н.э.; слой XIV-XV вв. Располагается в 2 км на юго-запад от с. Днепровское и в 3 км на юго-восток от с. Солончаки (бывш. Беляковичи), над высоким обрывом лимана. С трех сторон окружено балками. Разрушено эрозией и оползнями (Рис. 42, 3; 61, II) Уваров, 1851. – С. 45-46; Брун, 1863. – С. 989; Крыжицкий и др. 1990. – С. 53, 86-87; Буйських, Іевлев, 1991. – С. 99. – Рис. 1, 3).

Келлер сообщал, что при выходе из Бугского лимана в Днепровский, «в 6 верстах от мыса у самого лимана», до озера Аджигол, местные жители находят в воде ольвийские монеты. По мнению исследователя, туда они попали вследствие разрушения абразией культурного слоя поселений **«Большой» и «Маленький Аджигольский городки»** (Тункина, 2002. – С. 43).

Аджигольская коса 1 (архаика; IV-III вв. до н.э.; первые столетия н.э.; черняховское время). Памятник располагается в устье Аджигольской Балки (Рис. Рис. 42, II- III),⁵³ на плато первой террасы, возвышающейся над низкой песчаной косой. Длина памятника вдоль берега лимана около 500 м. Активно разрушается эрозией и оползнями. На косе встречаются обкатанных амфор, обработанный

⁵³ Первая часть гидронима аджи- (аджа; хаджи) тюркского происхождения. Некоторые исследователи выводят его из хаджи – «тот, который был на поклонении в Мекке» (Никонов, 1965. – С. 303; Фасмер, 1987 (3). – С. 113). Как нам представляется, более верной является гипотеза, согласно которой, термин выводят Аджи (тур. асі – «горький, неприятный на вкус» (Гідроніми..., 1981. – С. 79). Вторая часть гол- также имеет тюркское происхождение – «река», «долина», «источник» (Мурзаев, 1965. – С. 148).

камень и другие артефакты. В одном из раскопов (Рис. 61, 1) наслоения античного времени были перерезаны славянским комплексом X-XIII вв. С.Б. Буйских усматривает в побережье от Аджигола до Березани «Белобережье» русских летописей и «Барбезе» итальянских портоланов XIV-XV вв. Именно здесь зимовал Святослав после похода на Константинополь. По мнению исследователей, во времена средневековья по Аджигольской Балке протекала полноводная степная речка, впадавшая в озеро лиманного типа, соединенного с лиманом (Рис. 42, III). В наши дни на территории балки нет лесной растительности, река существует лишь во времена таяния снегов, а пролив, соединяющий озеро в ее низовьях, заполнен вековыми наносами, отделяется от лимана 200 метровой насыпью (Рис. 42, 2; 61, 1) (Крыжицкий и др. - 1990. – С. 23, 53, 85-86; Буйских, Левлев, 1991. – С. 94-98).

Правый берег Днепровского лимана

Петуховка 2 – городище конца I ст. до н.э. – первых столетий н.э. Располагается на высоком плато Днепровского лимана, в 2 км на восток от с. Дмитриевка. С юга и юго-востока ограничено обрывами коренного берега, на западе и востоке – глубокими балками. Разрушается оползнями и эрозией (Рис. 46, 3) (Уваров, 1851. – С. 145-146; Брун, 1863. – С. 988; Чирков, 1867. – С. 546-547; Ястребов, 1894. – С. 120-121; Гошкевич, 1915. – С. 11; Фабрициус, 1951. – С. 66-67; Крыжицкий и др. - 1990. – С. 84-85).

Куцуруп-1 (архаика и IV-III вв. до н.э.). Поселение располагается на восточной окраине с. Куцуруб, на высоком берегу лимана, на мысу, образованном берегом лимана и балкой. Разрушается оползнями и абразией (Рис. 62). К этому поселению относятся свидетельства о том, что в 1836 г. на восток от села произошел *обвал берега*, который дал «значительное количество тариков-рыбок среди пепла, пережженных кусков угля и разбитых кусков древних амфор» Фабрициус, 1951. – С. 65; (Крыжицкий и др.- 1990. – С. 19, 49).

С точки зрения интересующих нас вопросов, интересной является **местность у Очаковского мыса**, с которого можно контролировать вход в Днепровско-Бугский лиман, Днепр и Ю. Буг. На Очаковском мысе люди селились с древнейших времен. На акватории у Очаковского мыса произошли не одна морская битва, потерпели крушение множество кораблей (Рис. 14; 22-26; 39; 63-65).

Слева от Батарейного мыса, в 20 м от берега, в конце 1840-х гг. А.С. Уваров видел большие каменные плиты, которые он принял за остатки древней пристани (Фабрициус, 1951. – С. 6). В.И. Гошкевич сообщает, что летом 1896 г. во время занятий очаковской минной роты в Днепроовско-Бугском лимане водолазы нашли остатки каменной стены. «Развалины эти были найдены метрах в 215 от берега на глубине 8 м между Карантинной пристанью и лоцманской станцией. На протяжении 42 м они направлены с северо-востока на юго-запад от Карантинной пристани до Очаковского мыса, затем далее делают поворот под прямым углом до берега, имея здесь до 4, 5 в длину. В этом углу встречаются фрагменты от остродонных амфор с фазосскими клеймами» (цит. по: Фабрициус, 1951. – С. 64).

В связи с идентификацией гидрообъекта, важным является сообщение Диона Хрисостома о том, что Гипанис и Борисфен «впадают в море около укрепления Алектор, которое, как говорят, принадлежит жене царя савроматов» (Dio., Orat. II, 48). Алектор упоминается у **Равеннского анонима**.⁵⁴ Он помещает его между Ольвией и Тамиракой (восточным окончанием Тендровской косы?) (Rav. Amon., IV, 5; V, 11). Из описания выходит, что Алектор (*гр.* петух) располагался в устье Днепроовско-Бугского лимана, на месте современного Очакова. Здесь его локализовал и **И.К. Суручан**⁵⁵: «Исследуя Очаков, я нашел в нем остатки небольшого древнего укрепления, которое располагалось за современными батареями в сторону города, обращенного к острову Березани, во дворе одного помещика, который откопал там камни, амфорные черепки и другую посуду, а также около 50-ти разных ольвийских монет. Исходя из этого, я считал бы возможным поставить на это место передовую скифскую крепость Алектор...» (Суручан, 1888. – С. 130). С Алектором можно отождествлять и городище первых веков н.э., располагавшееся на Батарейном мысу (Уваров, 1851. – С. 139-140; Шмидт, 1867; Фабрициус, 1951. – С. 66). Здесь известны находки ольвийских монет (Ястребов, 1894. – С. 124), надписи, относящейся к позднегетскому времени – IOSPE, I². № 179, а также посвящения Ахиллу Понтарху римскому времени (IOSPE, I².

⁵⁴ Анонимное сочинение «Равенская космография» датируется VII-VIII вв. в нем дано компилятивное мироописание, основанное на более ранних античных источниках.

⁵⁵ **Иван Кассионович Суручан** (1851-1897) – бессарабский помещик, любитель археологии и меценат. Образование получал в Кишиневе и Одессе. Окончил Нежинский лицей князя Безбородко. В конце XIX за собственный счет проводил археологические разведки и раскопки в различных местах Северного Причерноморья. В Кишиневе открыл Музей древностей Понта Эвксинского. После его смерти коллекция разошлась по многим частным собраниям. Часть артефактов попала в Эрмитаж и Херсонский музей (Mateevici, 1996. – P. 123-126; Кетрару, 2001. – С. 45-47; Chetaru, Răiteanu, 2001).

№ 137), Сейчас городище практически полностью разрушено морем (Крыжицкий и др. - 1990. – С. 84).

Таким образом, хотя вопрос о принадлежности и времени существования крепости Алектор является дискуссионным, но ее локализация в районе современного Очакова, является наиболее вероятной (Агбунов, 1992. – С. 161-162).

О роли Очаковского мыса во времена Руси нам уже приходилось говорить. На итальянских портоланах в районе нынешнего Очакова никакого населенного пункта не значится, но стоит пометка «*flordi litto*» - «местность покрытая ирисами» (Сущинский, 1984). Первая средневековая крепость на месте нынешнего Очакова была построена литовским князем Витовтом. В 1492 г. на месте литовской крепости крымский хан Менгли Гирей заложил крепость под названием Кара-Кермен (Черная крепость). В 1526 г. крепость перешла во владения османов, была перестроена и переименована в *Özi* (Ачи-Кале) (Рис. 65а). Известны многочисленные сухопутные и морские походы запорожских казаков, а позже русских войск (Рис. 65б-в) на Очаков. В 1791 г. крепость окончательно перешла во владения России.

Березанский лиман (Рис. 65-66)⁵⁶

Первые гидроархеологические открытия на акватории были сделаны в 1907 г., когда в водах лимана была найдена ольвийская плита первых веков н.э. с надписью в честь Адоя, победителя в спортивных соревнованиях (IOSPE, I². - № 156). В 1913 г. у с. Викторовка (Булгары) с лимана была вытянута еще одна надпись с посвящением Ахиллу Понтарху (IOSPE I². - № 146; Отрешко, 1979. – С. 82). Примерно в эти же годы В.И. Гошкевич сообщает: «Между Александродаром, стоящим на Березанском лимане, и Матиасовым – на Сосиц-

⁵⁶ **Березанский лиман** делится на два залива: Березанский и Сасыцкий, в вершины которых впадают пересыхающие реки Березань и Сасык. Возник в конце плиоцена – в начале плейстоцена, но располагался севернее. В постплиоценовое время море почти достигало с. Парутино, а северное делювиальное плоскогорье в окрестностях Очакова было высунуто далеко в море, как и все побережье от Очакова до Березанского лимана. Но формирование лимана влияли все плейстоценовые и голоценные трансгрессии и регрессии моря (Рис. 20-26). Сосицкий лиман и Бейкушский залив являются остатками когда-то большого Березанского лимана, существовавшего в древнечерноморское время. Заполнение древней долины р. Березань состоялось 2860 лет назад (Мороз, 1990. – С. 9-10). В античное время, начиная от Тилигульского лимана, до входа в современный Березанский и Днепро-Бугский лиманы, располагалась длинная узкая песчаная коса вытянутая в широтном направлении. Ее считают продолжением Кинбурнской косы (Шилик, 1975. – С. 12; 1975а. – С. 79-80. - Рис. 15; Бруяко, Карпов, 1992. – С. 94. - Рис. 1). По данным радиоуглеродного анализа лиманных отложений Березанского лимана, в I тыс. до н.э. уровень моря был ниже современного на 4,5-5,5 м (Трашук, Болтинец, 1981. – С. 100-107).

ком лимане – есть мыс, разделяющий эти лиманы, а вблизи него, как сообщил нам И.В. Судервянский в 1902 г., на дне высохшего лимана обнаружен свод подвального строения...». В 1913 г. ученый осмотрел городище около села: «Над берегом лимана оно возвышается на 17 м очень крутыми обрывами. Толщи глины, из которых состоит мыс, откалываются вертикально и обваливаются в лиман... На западном конце внутренней ограды, у самого обрыва в 90-х годах пр. ст. при обвале глины обнаружили остатки каменной постройки ... Черепки, изредка попадающиеся... в окружающих его обрывах, относятся к остродонным греческим амфорам...» (Фабрициус, 1951. – С. 61).

С тех пор вокруг лимана проводились археологические разведки, проведены раскопки многих античных памятников. Отметим наиболее интересные.

По мнению исследователей, в архаическое время на самой оконечности Березанского полуострова, сейчас поглощенной морем, находилось святилище, посвященное богам-спасителям на море – Аполлону, Посейдону, Диоскурам и Ахиллу (Русяева, 2005. – С. 153; Буйских, 2001; Bujiskikh, 2000).

Малая Черноморка 2 (Бейкуш) (поздняя архаика; слой конца V – первой четверти IV в. до н.э.). Поселение располагается в 0,8 км на север от с. Черноморка, на высоком мысу между Березанским и Бейкушским лиманами, в 1 км на север от берега моря. Поселение в плане имеет форму треугольника, две стороны которого составляют берега лиманов. Разрушается эрозией, подмывается водами лимана (Рис. 67, 2). В 1985 г. на акватории лимана в районе поселения проводились подводные исследования. На юго-запад от косы, на дне искусственной протоки, а также в срезах ее берегов, найден гидроархеологический материал. Он представлен амфорами VI-V вв. до н.э., чернолаковой и серооглиняной посудой (Назаров, 1987; 2003. – С. 53-54).

В комплексе исследователи видят **святилище Ахилла** типа extra urban, прикрывавшего подходы к Ольвии и Березани. Подобные святилища обычно устраивались на высоких морских мысах (Русяева, 1971; 2002; Крыжицкий и др. - 1989. – С. 23. – Рис. 4, 2; Крыжицкий и др. - 1990. – С. 16-17, 48; Буйских, 1988. – С. 259; 2001; 2002; 2004; 2004а; Bujiskikh, 2000). Многие бейкушские остраконы являются своеобразными пиктограммами, иллюстрирующими мифы и предания об Ахилле. Являясь покровителем всех путешественников по Эвксинскому Понту, и одновременно Владыкой подземного мира, Ахилл имел непосредственные отношения к воде и водным видам транспорта (Охотников, Островерхов, 1993). На граффити встречаются изображения символов водных преград (волнистые линии),

змей, «сороканожек», кораблей и т.д. (Рис. 67а). Остраконы с изображениями вод поветвуют о переправе душ умерших на Белый остров. Граффити с изображениями парусников и надписями типа А, АХΙ – это «ладьи смерти». Амулет с изображением змеи, фаллоса (?), вод и надписью ΑΧΙΛΛΕ..., напоминает камни ладьевидной формы, встречающиеся в ольвийском и березанском некрополях архаического времени (Скуднава, 1988. – С. 31-32; Русяева, 1992. – С. 178. – Рис. 57, 15; Дзиговский, Островерхов, 2001-2002. – С. 438. – Рис. 9).

О продолжении традиции почитания Ахилла, но уже в ипостаси Понтарха, на Бейкушском мысу в римское время, свидетельствуют находки здесь двух посвячительных надписей (IOSPE, I², № 132-133).

Викторовка 1 (поздняя архаика; слой конца V – первой четверти IV в. до н.э.). Поселение располагается на правом высоком обрывистом берегу Березанского лимана, в 1,5 км от его устья, на южной окраине с. Викторовка. Активно разрушается оползнями (Рис. 68) (Крыжицкий и др.- 1990. – С. 12, 44). На берегу лимана найдена плита с посвящением Ахиллу Понтарху (IOSPE, I², № 146).

Городище Мыс римского времени. Располагается на мысе, в месте соединения Березанского и Сасыцкого лиманов, в 6 км на юго-восток от с. Матиясовое. Активно разрушается. По данным В.И. Гошкевича, в 1915 г. площадь городища составляла 2,73 га. В 1973 г. – 2 га (Рис. 69). Вследствие подъема моря, больше всего размывается угол мыса. В античный период топография местности была иной. Березанского и Сасыцкого лиманов, которые сейчас омывают городище, не существовало. Перед городищем находилась широкая песчаная отмель, за которой Березанка и Сасык впадали в довольно узкий лиман, который, очевидно, был отделен от моря природным перешейком. В.И. Гошкевич считал, что на этом месте располагался античный Одесс (Гошкевич, 1915. – С. 445-450; Буйских, Иевлев, 1986. – С. 68. – Рис. 3, 11; Крыжицкий и др.- 1990. – С. 80).

Остров Березань

Остров лежит в месте впадения Днепро-Бугского лимана в Черное море (Рис. 69а-б; 70-71), на отмели с глубинами менее 5 м. В древности это был полуостров, расположенный на левом берегу Пра-Березанского лимана. Отмель – это остатки полуострова. В относительно недалеком прошлом Березань как минимум дважды была полуостровом – в античную эпоху и во времена средневековья. Исследователи считают, что Березань имела **гавань**. По мнению К.К.

Шилика, она могла располагаться на северо-запад от современного острова. На батиметрических картах здесь фиксируется изгиб изобат (Пападимитриу, 1910; Шилик, 1978; 1988. – С. 89-90; Бруяко, Карпов, 1992. – С. 95. - Рис. 1). Остров активно разрушается абразией (Горбунова, 1969. – С. 3-4; Лапин, 1978. – С. 86; Доманский, Виноградов, Соловьев, 1989. – С. 38; Беленький, 1995. – С. 262).

Памятник многослойный. К эпохе бронзы принадлежат кремневый нож и несколько могил из раскопок Г.Л. Скадовского в 1900-1901 гг. (Болтенко, 1954. – С. 165; 1960. – С. 39). Материалы античного времени соотносятся с милетской колонией **Борисфенидой**, об основании которой в 647/6 г. до н.э. сообщает **Евсевий** (Рис. 72)⁵⁷ (Euseb., Chron. can. P. 95b. Helm). После возникновения полиса с центром в Ольвии, в классическое и эллинистическое время, Березанское поселение продолжало существовать, но уже в роли предместного порта Ольвийского государства типа афинского Пирея (Лапин, 1966; Горбунова, 1969; Виноградов, 1989; Назаров, 1997).

О значительной роли судоходства в экономике Березани со времени ее основания, свидетельствует наличие здесь храма Афродиты Урании – богини неба и моря, покровительницы моряков и торговцев (Artem. Dald. Oneirocrit., II, 37; Lucr. De rer.nat., I, 3, 8; Orph. Hymn., LV, 2, 6-7, 20-23). Он был раскопан В.В. Назаровым в начале 2000-х гг. (Рис. 73) (Назаров, 2001). Из Березани также происходят граффити с посвящением Афродите Эвалойе – Счастливо Плавающей. Подобная эпиклеза засвидетельствована в Ольвии и, возможно, в Никонии. В Элладе богиню почитали как помощницу в морских сражениях. Культа Афродиты Эвплойи является косвенным свидетельством наличия на Березани собственного флота уже в архаическое время (Русяева, 2005. – С. 298; Островерхов, 2008. – С. 26-27. – Рис. 28).

На Березани и в Ольвии известны находки деталей каменных якорей, принадлежавшим морским кораблям. Ольвийские экземпляры использованы для сооружения алтаря, посвященного Диоскурам. Березанские образцы – это домашние алтари (Русяева, Диатропов, 1993; Золотарев, 2001; 2002). Помимо прямого свидетельства о заходах морских кораблей в гавань, находки подобных артефактов сле-

⁵⁷ **Евсевий Кесарийский** (гр. Εὐσέβιος ὁ Παμφίλου; лат. Eusebius Pamfili) (263-340) – крупный религиозный и общественный деятель. Родился в Палестине, образование получил в Иерусалиме и Антиохии. В 60-х гг. III в. был епископом Кесарии. Во время гонений Диоклетиана скитался по Палестине и Египту. Сидел в тюрьме. В 311 г. поселился в Тире. Является автором многих религиозных трактатов и «Хронологии». В последнем труде были обобщены данные античной хронографии. Труд лег в основу многих средневековых хронологий. Сохранился в армянских и латинских переводах.

дует рассматривать и с точки зрения идеологических представлений. Якорь является семантическим эквивалентом лодки – символа спасения (Уваров, 1908; Петерс, 1982. – С. 104; Frost, 1983. – Р. 283; Огороков, 1985; Шаповалов, 2001. – С. 151 сл.). Якорям поклонялись в святилищах и храмах божеств морей и рек, а также тех богов, которые помогали плавающим по морям и рекам. Якоря приносили в жертву, их каменные детали использовали в качестве оберегов при строительстве алтарей и храмов (Frost, 1982a).

Слой римского времени на Березани сильно разрушен позднейшими вторжениями. В 1988 г. на Березани был найден фрагмент мраморной плиты второй половины I в. с высеченным на нем стихотворным гимном острову и Ахиллу (Рис. 73а). В связи особой важностью документа для освещения в нашей работе вопросов, процитируем полный текст в переводе Ф.В. Шелова-Коведяева: «Обтесанное кругом достоянье богов, опора Ахилла, о славный, радующийся волнам остров, который перед другими принял твою кровь, дитя Фетиды, в подземном мире равный бессмертным Ахилл Эакид; ты же, о Ахиллес, прими благуя жертву и, благосклонно узнай (вышедшую) из-под пера нашу благочестивую музу» (Шелов-Коведяев, 1990. – С. 58).

Надпись опровергает мнение, что на протяжении всей античной эпохи Березань была полуостровом, и что «вторым» островом Ахилла в римское время считалась часть современного Кинбурнского полуострова, отделенная от коренного берега дельтовым рукавом Днепра (Агбунов, 1985. – С. 116, 126). В первые века н.э. палеогеографическая ситуация в регионе была близкой к современной. Не позже I н.э. Березань была уже островом, ставшая для ольвиополитов *вторым* островом Ахилла на Понте (Köhler, 1826. – 543, 632 suiv; Minns, 1913. – Р. 480; Ростовцев, 1918. – С. 187; Шелов-Коведяев, 1990. – С. 55, 61).

Не менее интересную гидроисторию и гидроархеологию имеет и средневековая Березань. **М.Ф. Болтенко**⁵⁸ писал о наличии на Березани мощного средневекового слоя и погребений этого времени. Ученый считал, что их оставили «берладники». Жители Руси

⁵⁸ **Михал Федорович Болтенко** (1888-1959). Закончил историко-филологический факультет Новороссийского университета (1907-1912). Работал в Одесском музее с 1921 по 1933 г. В 1933 г. был арестован. Отсидел 5 лет в ГУЛАГе, работая на Ангарских лесоповалах. После возвращения, в предвоенные годы и после возвращения из эвакуации в годы войны, работал в ОГУ, заведовал кафедрой классической филологии. В 1951-1953 гг. вновь подвергся преследованиям (О нем: Карышковский, 1959. – С. 173-175; 1959а. – С. 197-198; 1960. – С. 323; Славин, 1960. – С. 144-146; УРЕ. – 1960. – Т. 2. – С. 32; РЕИУ. – 1969. – Т. 1. – С. 176; Петренко, 1989. – С. 43).

называли остров Дольским, Белым и Буяном (Болтенко, 1947. – С. 39-51; 1948; 1954; 1960. – С. 44).

Константин Багрянородный, описывая путь караванов русских судов, писал: «... Они плывут пока не достигнут залива реки, которая является ее устьем, в котором находится остров св. Эферия. Когда они достигнут этого острова, то дают там отдых до двух – трех дней. И снова они переоснащают свои моносилы всем нужным...» (Константин Багрянородный, 2008. – С. 273). Хотя относительно идентификации острова св. Эферия существует несколько точек зрения, все же мы считаем наиболее вероятной гипотезу, согласно которой, искомый остров отождествляется с Березанью.⁵⁹ Об этом свидетельствует и находка на острове надмогильного камня X-XI в. с рунической надписью «Грани соорудил насыпь сей по Карлу, товарищу моему» (Рис. 76). Стела принадлежит викингу, который в составе древнерусских отрядов принимал участие в походах на Византию (Брун, 1907; Кирпичников, Дубов, Лебедев, 1986. – С. 235).

О Березани XIII-XV имеются отрывочные сведения. Некоторые исследователи отождествляют с ней остров **Андисиру**, упоминание о котором есть у **ал-Идриси**. На карте остров помещается в устье Днепра (Рыбаков, 1952. – С. 13; Недков, 1960. – С. 103, 150; Коновалова, 2006. – С. 165). О том, что итальянские мореплаватели использовали Березань в качестве якорной стоянки, свидетельствует наличие на некоторых портоланах местности **Барбарезе**.

С конца XV по конец XVIII вв. остров находился под властью Османской империи, имел несколько названий: **Озибек-остров**, **Ада**, **Бюрюк-Юзень-Ада (Волчей реки остров)**, **Презена** и так далее. Он не только был объектом неоднократного нападения со стороны запорожцев, но и являлся одним из опорных пунктов в их походах против Порты (Брун 1879 (1). – С. 18-19, 27; Болтенко, 1960. – С. 45; Сапожников, 2000). В 1778 г. в южной части острова турки начинают строить крепость (Рис. 77). А. Русов сообщал, что в том месте, где берег Березани переходит в песчаную косу и отмель, «турки построили каменную стену, такую же отвесную, как и все остальные спуски берега» (Панин, 1888. – С. 584). На Березань в

⁵⁹ С Березанью остров св. Эферия отождествляли со времен Г.З. Байера, А.Л. Шлецера, Н.М. Карамзина. Этого же мнения придерживались (Стемпковский, 1825. – С. 337; 1826. – С. 344-345), И.П. Бларамберг (Тункина 2002. – С. 419), (Брун, 1853. – С. 382-405; 1879. – Ч. 1. – С. 16, 422). Не соглашались: Н.Н. Мурзакевич, П.О. Бурачков и В.В. Латышев (Латышев, 1899. – С. 73-87; 1909. – С. 284-297). Мнение недавно вновь поддержали (Агбунов, 1985. – С. 188-198; Погорелая, 1985. – С. 188-198; Буйских, Левлев, 1991. – С. 101).

больших количествах завозят снаряжение. Но не все морские переходы для османов заканчиваются удачно. Об одном из них русский посол в Константинополе А. Стахийев в 1779 г. сообщал Н.И. Панину: «... На коих (кораблях) отправлен будет и новый пушечный снаряд для новопостроенной на острове Березане крепости, потому что посланные туда прошлой осенью 25 пушек потонули в море» (Присоединение..., 1887(3). – С. 42, 47). Тем не менее, крепость была взята штурмом 7 (18 по новому стилю) ноября 1788 г. черноморскими казаками. В донесении на имя Екатерины II, Потемкин писал, что Березань не имеет стратегического значения, а потому «все отсюда свезть и, разоря укрепления, оставить» (Сборник..., 1894 (VII). – С. 78-79). Казакам было вменено задание переправить в течении зимы в Очаков все захваченное военное снаряжение, а укрепления «по открытию теплоты всё разорить до основания». При выполнении приказа, почти все суда потонули вблизи острова. Во времена правления Павла I, в северной части острова было вновь построено земляное укрепление. Во время Крымской войны Березань была захвачена десантом англо-французской эскадры. В 1912 г. остров перешел в ведение военного ведомства, на нем были построены новые укрепления, использовавшиеся до 1941 г. (Сапожников, 2000. – С. 54-64).

С точки зрения гидроархеологии, акватория вблизи Березани является весьма перспективной. Первую попытку ее исследования предпринял В.В. Лапин в 1961 г. Он сделал промеры глубин в направлении маяк на острове – маяк у с. Викторовка, сложил профиль дна лимана на расстоянии до 600 м от острова (Назаров, 2003. – С. 44-45. - Рис. 6). В дальнейшем подводные исследования вблизи Березани проводились Березанской экспедицией ИА АН УССР (НАНУ). В.В. Назаров исследовал часть акватории в направлении север, северо-запад, восток и северо-восток. Изучался также участок между островом и мысом Аджияск (Рис. 78). В северо-западной части прибрежной акватории Березани зафиксирован культурный слой. Над поверхностью материковой скалы, на площади 3 x 3 м, найдены фрагменты амфор римского времени. Среди других находок, интересен примитивный каменный якорь с перетяжкой посередине (Назаров, 1985; 1987; 1989; 1990; 1999; 2003. – С. 43- 46; Мазарати, Назаров, 1986; Nazarov, 1997). Следует вспомнить о находке рыбаков на морском дне вблизи Березани в 20-х гг. прошлого столетия архаической мраморной гермы (Рис. 74) (Логачева, Снытко, 1986. – С. 58-60). Наличие более поздней проточки в верхней

части камня позволяет сделать предположение, что он имел вторичное использование в качестве причального столба.

К условным гидроархеологическим находкам относятся находки на острове рыболовных крючков и грузил от сетей, датированных как античной эпохой (Рис. 75), так и средневековым временем (Болтенко, 1960. – С. 44; Горбунова, 1969. – С. 11).

Тилигульский лиман

Тилигульский лиман (Рис. 79) (Daligol, Daligoi, Teligol, Teligoi, Tyligui, Tylihui, Делігул, Телигул, Делигіоль, Дели-Гель, Делигель, T'il'ig'ul – «Кустарниковое озеро», «Степное озеро», «Тюрма-озеро», «Бешенное озеро») относится к одному из наиболее значительных водных бассейнов Северо-Западного Причерноморья (Фабрициус, 1951. – С. 52. – Прим. 55; Словник..., 1979. – С. 563). В своем развитии прошел значительную эволюцию. В настоящее время от моря он отделяется широкой песчаной пересыпью (Рис. 80). По всему периметру лимана прослеживаются значительные абразивные и эрозийные процессы (Шуйский, Выхованец, Березницкая 2004. – С. 54-58).⁶⁰

На берегах лимана зафиксированы курганы и поселения эпохи энеолита-бронзы, раннего железа и средневековья (Буйских, Иевлев, 1993; Смольянинова, Островерхов, Кушнір, 1994; Иванова, Островерхов, 2007; Иванова, Островерхов, Петренко, 2004). Исследователи отождествляют Тилигул с **Асиаком, Аксиаком (Axiasus, Axiaces, Acassa)**. Гидроним упоминается у многих античных авторов (Strabo. II, 5, 12; Mela, II, 7; Ptolem., III, 5-6; Plin. NH, IV, 32; Arr., § 31). Плиний называет **племя асиаков**. Арриан указывает на **гавань асиаков** (Мелюкова, 1969. – С. 62-63; Скржинская, 1977. – С. 45).

Гидросистема (река – лиман) Тилигул также имеет свою **сакральную историю**. В древних мифологиях реки являются осью мира, «мирового пути», соединяющего верхний, срединный и нижний миры. На берегах рек разворачивается действие многих *мест-*

⁶⁰ Пра-Тилигульский и другие лиманы Северо-Западного Причерноморья образовались в кувальничье время. В Четвертичном периоде они превращались в реки при регрессиях моря и возникали вновь при трансгрессиях. Максимальных размеров лиманы достигали в древнечерноморское время. Тогда они были открытого типа и уже в историческое время превратились в закрытые. Образование лиманов в современных границах началось в середине II – середине I тыс. до н.э. Исследователи относят образование пересыпей к XIV в. Как свидетельствуют карты XVIII – начала XIX вв., пересыпи уже существовали почти в современном виде (Соколов, 1895. – С. 9-13; Загоровский, 1929; Лиманно-устьевые комплексы..., 1988; Гожик, 1992; Амброз, 1993).

ных мифов (Топоров, 1992. – С. 374-376). Слово «асиак» некоторые исследователи выводят из иранских языков, считают, оно означает «водные саки», «массагеты болот» (Четвериков, 2002. – С. 238). Основа «сак», «саг» входит в состав сложных этнонимов древне-кочевнического мира и собственных имен на огромных евразийских просторах. Многие языковеды считают, что сака – это эндоэтноним не только азиатских саков, но и европейских кочевников и означает «олень» (Абаев, 1949. - С. 37, 49, 179, 196, 198, 243-244, 312; Zgusta, 1955. - S. 202, 205, 436; Зориктуев, 1997. – С. 16-19). Другая группа ученых обращает внимание на то, что в иранских языках сака имеет и иное значение - «собака», «пес». Они этимологизировали этноним в значении «сторожевые псы» или же в связи с представлениями о собаке как тотемном животном (Григорьев, 1871. – С. 107-109; Чеснов, 1970). Асиак – это «река сайев», отряды которых под предводительством Сайтофарна требовали от ольвиополитов выплаты непомерной дани (Дзиговский, Островерхов, 2004).

Целенаправленных подводных исследований на акватории Тилигульского лимана не проводилось, но есть несколько **случайных находок**.

1) В 1963 г. в устье лимана, вблизи его левого берега, рыбаки нашли фасосскую амфору V – начала IV в. до н.э. (Охотников, Пасхина, 1984. – С. 100. - Рис. 3, 3).

2) В 1836 и 1839 гг. в водах Карабашского и Тилигульского лиманов, вблизи сел Карабаш и Коблево, найдены две плиты с посвящением Ахиллу Понтарху (IOSPE, I². - № 142; 144). В настоящее время известно более 43 надписей посвятительного характера римского времени, в которых фигурирует (или мог упоминаться) Ахилл. Большая их часть найдена за границами города Ольвии, только в западном направлении, вблизи существующих ныне или существовавших в древности и превратившихся теперь в соленые озера лиманов (Березань, Очаков, Бейкуш, Рыбаковка, Тузлы, Коблево, Софиевка, Одесса). Это дало основание считать, что Ахилл Понтарх продолжал быть водным, хтоническим божеством, покровителем состязаний (Шеллов-Коведяев, 1990. – С. 61). Это касается и устья Тилигула, где в римское время в какой-то форме уже существовали лиман и пересыпь - дельтовый остров. Вполне возможно, что этот лиман упоминается у Плиния под названием **Саргарийский залив** (Plin., IV, 82). По мнению В.М. Отрешко, в местах находок подобных надписей располагались локальные святилища Ахилла Понтарха: «Каждое святилище могло соответствовать опре-

деленной территориально-административной единице Ольвийского государства» (Отрешко, 1979. – С. 85, 87),

Карабаш (Морское). Поселение IV-III вв. до н.э. Располагается в 1 км от с. Карабаш, на высоком мысе между берегом моря и берегом лимана – над пересыпью. Культурный слой сильно разрушен. Сохранился останей площадью около 300 кв. м, толщиной около 0, 2 м. В обрыве и при шурфовках на пересыпи, встречаются переотложенные фрагменты амфор и лепной посуды скифского облика (Буйских, Иевлев 1993. – С. 115). Очевидно, к этому поселению относиться сообщение: «При Карабашском лимане в 1863 г. владелец имения маркиз Паулуччи заметил следы построек в виде буквы Г из дикого камня, разобранного потом колонистами» (Яковлев, 1894. - № 128). П.В. Беккер (1853. – С. 200) локализовал между селами Коблево и Карабаш античный Одес; В.И. Гошкевич (1915. – С. 449); (Mannert, 1820. – Р. 241) – гавань истриян.

Ранжевое 1. Поселение черняховской культуры. Поселение черняховской культуры. Располагается в 20 км от современного берега моря, на левом склоне балки, в 0,5 км на восток от с. Ранжевое. Частично исследовалось в 1963-1964 гг. Культурный слой сползает в лиман. Фрагменты позднеантичных амфор, черняховской керамики и камней от кладок встречается на берегу и в водах лимана (Буйских, Иевлев, 1993. – С. 119; Смольянинова, Островерхов, Кушнір, 1996. – С. 32. - Рис.17; Иванова, Островерхов, Петренко 2004. – С. 182-183).

Рядом с поселением исследован его могильник. Интересной является находка **двух плоских каменных якорей**, которыми была перекрыта могила 12 (Рис. 81, 2-3) (Сымонович, 1979. – С. 103, 107). Аналогии подобным якорям находим на западном побережье Черного моря и в Средиземноморье, где они бытовали от эпохи бронзы до времен средневековья (Скрягин, 1973. – С. 9; Лазаров, 1975. – С. 43-51). По мнению Э.А. Сымоновича, погребение принадежало рыбаку. Учитывая контекст находки, мы настаиваем на идеологической окраске явления.

Любополь (ранее Тишковка). Городище IV-III вв. до н.э. Располагается в 4 км на юго-восток от села, на мысе, который врывается в лиман. Культурный слой до 0,2 м. Интенсивно смывается в лиман и распаивается. В середине XX в. площадь памятника составляла около 900 кв. м. На данное время сохранилось около 200 кв. м. Фрагменты античных амфор и лепной керамики скифо-гетского облика встречается на берегу и в водах лимана. Укрепление было связано с Кошарским городищем, возможно, исполняло роль военно-

го форпоста, в задачи которого входил контроль долины Тилигула, а также переправы в районе Коблево – Кошары (Буйских, Иевлев, 1993. – С. 119; Смольянинова, Островерхов, Кушнір, 1996. – 60. – Рис. 34; Иванова, Островерхов, Петренко 2004. – С. 182-183).

Крайне интересными являются гидроархеологические проблемы **городища** V-III вв. до н.э. **Кошары**, остатки которого располагаются в 3 км на юг от села-эпонима, на мысу правого берега Тилигульского лимана, в 0,4 км на север от современного берега моря. Город имел развитые сухопутные и морские пути, соединявшие его с внешним миром (Рис. 82) (Смольянинова, Островерхов, Кушнір, 1996. – С. 44-50; Бруяко и др., 1991. – С. 41-43. – Рис. 4).

Учитывая то обстоятельство, что в доримское время река Тилигул впадала в море двумя рукавами, образуя на месте современной пересыпи **плавневый дельтовый остров** (на месте современной пересыпи), что прослеживается на плане местности (Рис. 80) и разрезе дна Черноморского побережья (Рис. 83; 84, 1) в районе пересыпи (Шуйских, Выхованец, 2004), местечко, очевидно, имело выход к западному ответвлению реки (гавань), а через него, и в море. О наличии гавани свидетельствуют находки на городище образцов привозных метаморфических и магматических пород средиземноморского происхождения. Остатки гавани следует искать при помощи геомагнитных разведок и шурфовок в плавнях под наслоениями пересыпи на восток и юго-восток от городища. В сравнении с нынешней, в античное время береговая линия в этом районе располагалась мористее от 500 до 5000 м.

Особым гидрооолгическим объектом Тилигульского лимана является **дамба Кошары-Коблево**, отделяющая воды лимана от пересыпи. Переправа в почти современном виде существовала уже в XVIII в. Французский инженер на турецкой службе Лавфитт-Клаве сообщает: «От Коджа-бея за шесть часов... дорога доходит до Телегула, пересыпь которого имеет от 800 до 900 таузов (тауз = 1,949 м) ширины и такую же длину... Это озеро длиной более двух миль, сделало себе выход через пересыпь. Образованный таким образом пролив или реку шириной приблизительно 20 таузов переезжают на... плоту...» (Описание..., 1851. – С. 90). До 1823 г. лиман соединялся с морем при помощи канала шириной 17-21 м. В последнее время канал закрывался и открывался несколько раз (Загоровский, 1929. – С. 37-50; Адобовский, 2004. – С. 73).

Археологические свидетельства свидетельствуют о наличии переправы «Кошары-Коблево» еще в V-IV тыс. до н.э. Ее маркирует могильник новоданиловского типа на месте Кошарского городища

(Иванова, Островерхов, Петренко, 2004. – С. 184. - Рис. 5, 7). В античное время одна из дорог Кошарского городища вела именно на эту переправу (Бруяко и др., 1991. – С. 41-42. - Рис. 4). Переправу черняховского времени маркируют кошарское и коблевское (Сымонович, 1967. – С. 217-222; 1979. – С. 63-93; Магомедов, 1987; Буйских, Иевлев, 1993. – С. 115) поселения, которые, возможно, были торжищами и рынками типа готских *matul*.⁶¹ Большое стратегическое значение переправа имела в эпоху средневековья и в новое время (Петрунь, 1926).

Черноморская акватория в районе Тилигульского лимана

У многих античных авторов упоминается город и гавань **Одесс**. По Плинию, на восток от реки Тирис «проживают асиаки, имеющие одно название с рекой Асиаком; за ними кробиги, река Рода, залив Саггарийский, гавань Ордеес» (Plin., IV, 82). Птолемей: «выше реки Асиака Ордеес - 57° - 48°30'» (Ptol., III, 5, 14). Более конкретные данные у **Арриана**⁶²: «От Борисфена 60 стадий до небольшого, населенного и безымянного острова, а от него 80 стадий до Одесса; в Одессе стоянка для кораблей...» (Arr. § 31). Пассаж с некоторыми дополнениями и исправлениями дублируется у Пс.-Арриана: «От реки Борисфена до довольно небольшого, пустынного и безымянного острова до Одесса 60 стадий, 8 миль; от него.... 80 стадий, 10²/₃ мили; от Одесса до местечка Скопелы 160 стадий, 21 ¹/₃ мили...» (Ps. Arr. § 87).

Относительно локализации Одесса исследователи высказывали разнообразные точки зрения (Рис. 85). До середины XIX в. большинство ученых локализовали Одес на левом берегу устья

⁶¹ По договору 369 г. между вестготским королем Атанарихом и Валентом, обустраивались эмпории, где готы могли торговать с римлянами (Магомедов 2001. – С. 89, 107). Находки довольно большого количества позднеримского и ранневизантийского импорта на выше упомянутых памятниках, свидетельствуют о широких связях жителей микрорегиона с внешним миром. Подобное обстоятельство, возможно, свидетельствует о наличии факторий и заходе на них торговых кораблей. Посредниками также могли быть постантичная Ольвия и другие торжища Буго-Тилигульского побережья. Одна из таких факторий локализована на берегу Березанского лимана, на поселении Каменка-Анчекрак (Магомедов, 1991). О транзитной торговле ольвийского порта в IV в. свидетельствуют последние раскопки на НГФ (Крапивина и др. 2004. – С. 152-155).

⁶² **Арриан** (гр. Ἀρριανός; лат. Lucius Arrianus), Флавий (ок. 95 – ок. 175) – греческий историк и писатель. Родился в г. Никомедия. Учился в Элладе у Эпиктета. Жил в Риме. Был наместником Каппадокии (ок. 131-137). Автор трудов с проблем истории, географии и философии. Большинство из них не дошли, или же известны в фрагментах и выписках патриарха Фотия. Наиболее важным для нас является «Объезд Эвксинского Понта» («Περίπλους Εὐξείνου Πόντου») (подробнее: Агбунов, 1987).

Тилигульского лимана (Stuckius, 1577. – Karte; Муравьев-Апостол, 1823. – С. 4; Köhler, 1826. – Р. 661; Стемповский, 1826. – С. 48-50; Бларамберг, 1828. – С. II сл.; Фабр, 1836. – С. 36. – Прим. 65; Скальковский, 1850. – С. 104 сл.; Муральт, 1850. – С. 141; Kiepert, 1851. – Karte XVII-XIX; Аркас, 1853. – С. 144 сл.; Уваров, 1856. – С. 143-144; Neumann, 1855. – S. 363), или же в Карабашском заливе (Anville, 1782. – Karte; Müller, 1885. – Р. 397). Найденные здесь посвящения Ахиллу (IOSPE, I², № 138, 142, 44) рассматривались ими как подтверждение верности локализации города (Мурзакевич, 1844б. – С. 279-283; Юргевич, 1883. – С. 994 сл.). Некоторые исследователи искали Одесс на Березанском лимане (Mannert, 1820. – S. 240; Кеппен, 1828. – С. 44; Külb, 1840. – Р. 445; Lindner, 1841. – S. 212**).

П.В. Беккер⁶³ отличал Одесс Арриана и Пс. Арриана и Ордесс Плиния и Птолемея, считая их отдельными населенными пунктами. Одесс он локализовал в устье левого берега Тилигульского лимана, а Ордесс отождествлял с городищем у с. Осетровка на берегу Березанского лимана (Беккер, 1853. – С. 200 сл.). Специалисты второй половины XIX – начала XX вв. помещали Одесс также главным образом в устье левого берега Тилигульского лимана (Chotald, 1860. – Karte; Брун, 1879. – Ч. 1. – С. 161 сл.; Браун, 1899. – С. 208; Minns, 1913. – Р. 14). В.И. Гошкевич искал городок на мысу между Сасыцким и Березанским лиманами (Рис. 69) (Гошкевич, 1909. – С. 182; 1915. – С. 447). Изучив местность от Тилигульского лимана до Карабашского залива, **С.Д. Пападимитриу**^{64а} пришел к выводу, что «нужно искать Одессу вокруг большой балки после Карабаша, то есть не вдоль морского побережья, а на самом материке, так что под влиянием многих столетий древняя Одесса отделилась от моря, а ее бухта представляет из себя в данное время не более и не менее, как обычную балку» (Пападимитриу, 1912. – С. 395). Критике взглядов В.И. Гошкевича он посвятил еще одно исследование (Пападимитриу, 1915. – С. 451-456). В статье Э. Дилиа Одесс локализуется в устье левого берега Тилигульского лимана (Diehl, 1913.

⁶³ **Беккер Павел Васильевич** (1807-1881) родился в Ревеле, закончил Дерптский университет, завершил учебу в Германии. В 1837 г. стал адьюктом латинской греческой словестности в Ришельевском лицее. После защиты в 1839 г. магистерской диссертации в Киевском университете, был утвержден на должности профессора. С 1857 г. – директор лицея. В 1863 г. переехал в Дрезден, где и умер. Член-корреспондент РАО, проводил исследования по исторической географии и археологии Северо-Западного Причерноморья (Тункина, 2002. – С. 263, 348-352).

^{64а} **Пападимитриу Синодий Дмитриевич**. Родился в 1856 г. в г. Салоники. Окончил Афинский университет. Был профессором Новороссийского университета по кафедре византийской литературы, член ООИД. Занимался исторической географией и археологией Северного Причерноморья.

– Hilb 34, 1885). Э.А. Сымонович попытался отождествить с Одессом Кошарское городище (Сымонович, 1954), но вскоре вынужден был смягчить высказывание, поскольку: «время существования Кошарского городища не совпадает с временем жизни авторов I-II вв. н.э., которые упоминают название Одесс» (Сымонович, 1964. – С. 153).⁶⁵ М.С. Синицин локализовал Одесс на территории с. Коблево (Синицин, 1960. – С. 14). В последнее время вновь была подвергнута ревизии точка зрения В.И. Гошкевича об отождествлении Одесса с городищем Мыс. По мнению (Буйских, Бураков, 1977. – С. 89), незначительный культурный слой городища и геоморфологические условия не позволяют утверждать о наличии здесь гавани в античное время. М.В. Агбунов пришел к выводу, к которому в свое время пришел С.Д. Пападимитриу. Остатки Одесса располагались на нынешней **банке Тураева**.⁶⁶ Их поглотило море (Рис. 84, 2). Исследователи предполагают наличие на этой акватории несколько песчаных островов (Рис. 23). С.Д. Пападимитриу сообщает о находке рыбаками на этой акватории античной амфоры (Пападимитриу, 1915. – С. 394). В 1981 г. М.В. Агбуновым были проведены подводные разведки на акватории банки. Артефакты найдены в 500 м от берега, на глубине 3-4 м. Они представлены обломками античных амфор, лепной посуды, камня (Агбунов, 1981. – С. 135. – Рис. 4; 1985. – С. 135. – Рис. 15; 1992. – С. 158).

На некоторых средневековых портоланах встречается изображение устья Тилигула с якорной стоянкой (Брун, 1858; Сосса, 2000). Место ее расположения еще не локализовано. Учитывая корсунскую регрессию, очевидно, ее также следует искать на дне моря.

На морском берегу от Тилигульского до Малого и Большого **Аджалыкского**,⁶⁷ Григорьевского и Дофиновского лиманов (Рис. 86; 86 а-б), а также вокруг их берегов, фиксируются многочисленные памятники. Часть древних памятников, учитывая колебания уровня моря, находясь под водой, другие разрушаются вследствие абразии берегов (Смольянинова, Островерхов, Кушнір 1996). К сожалению, античные и средневековые авторы, а также коммен-

⁶⁵ Датировка периплов является дискуссионной. Одни исследователи относят время их составления к IV-III вв. до н.э. (Ростовцев, 1925. – С. 73), другие – к I-II вв. (Скржинская, 1980. – С. 123).

⁶⁶ **Банка Тураева** представляет из себя относительно ровный участок донной поверхности, образованной выходом известняковой породы, перекрытой слоем песка. Глубина в районе банки до 20 м, отмелей вокруг нее – до 2 м (Лоция..., 1987. – С. 120).

⁶⁷ Гидроним происходит от тюрк. аджи (тур. асі – «горький», «неприятный на вкус» (Гідроніми..., 1981. – С. 79) и молдавско-румынское lakus – «озеро, лиман» (Мурзаев, 1984. – С. 335; Мурзаев, 1984. – С. 335).

таторы начала нового времени мало упоминают это побережье. Оно было мало заселенным.

У Пс.-Арриана на берегу моря упоминается местечко **Скопелы**: «От Одессы до местечка Скопелы 160 стадий, 21, 1/3 мили» (Ps. Arr., § 87). В переводе с древнегреческого «скопелы» значит «наблюдательная башня; место, с которого производятся наблюдения; обрыв». Очевидно, это был укрепленный маяк, расположенный на обрывистом берегу. В связи с быстрой эрозией морской береговой линии, остатки башни, очевидно, поглотили воды Черного моря. Гидроархеологические исследования в этой части черноморской акватории еще не проводились (Агбунов, 1981. – С. 135-136; 1985. – С. 135-136; 1992. – С. 157-158).

Скопелы искали в разных местах (Рис. 87). По мнению большой группы ученых (Муравьев-Апостол, 1823. – С. 4; Стемповский, 1826. – С. 50; Фабр, 1836. – С. 36. – Прим. 66; Беккер, 1853. – С. 202; Аркас, 1853. – С. 144 сл.; Müller, 1885. – Р. 397; Брун, 1879. – С. 162), местечко располагали на Дофиновском лимане, у с. Дофиновка (Рис. 88). Здесь в середине XIX в. были найдены остатки древнегреческого поселения (Уваров, 1856. – С. 144 сл.). В настоящее время оно полностью разрушено абразией и современными постройками. Е.Г. Муральт размещал Скопелы на одесской пересыпи (Муральт, 1850. – С. 140), которой в античное время еще не было. Другие исследователи искали поселение на восточной оконечности Одесской бухты (Neumann, 1855. – S. 363), «в полудороге между Дофиновкой и Чебанкой» (Пападимитриу, 1911. – ЗООИД. – Т. 29. – Протоколы. – С. 26), между Коблевым и Чебанкой (Гошкевич, 1915. – С. 449), на мысу между Сасыкским и Березанским лиманами (Синіцин, 1960. – С. 14).

О существовании якорной стоянки в районе Григорьевского лимана во времена средневековья могут свидетельствовать находка в море, в 4-5 милях от берега железного якоря XIII в. (Фабрициус, 1951. – С. 51. – § 93). В 1982 г. в срезе восточного берега лимана, у с. Старые Беляры, водами лимана вымыт клад монет Юстина I 1 (518-527 pp.) (Столярик, 1984).

Интересную гидроисторию имеет территория вокруг **Одесского залива**, ограниченного с северной стороны мысом Северный, с южной – мысом Ланжерон (Брун, 1865). Вокруг него расположено несколько лиманов. **Куяльницкий (Андреевский) лиман** (Рис. 88а; 103)⁶⁸ Земли вокруг лимана привлекали людей с древнейших времен. Очевидно, не последнюю роль в этом играли запасы самосадочной соли. По мнению некоторых ис-

следователей, в районе Куяльника соль добывали уже в античное и черняховское время (Minns, 1913. – Р. 7; Магомедов, 2001. – С. 106). Река Куяльник и Куяльницкий лиман славились рыбой. **Боплан**⁶⁹ (Рис. 88б) писал, что в «*Jezero Kujalik*» водится много рыбы, особенно карпа и щуки «неимоверной величины». Для их ловли приходили целые караваны из мест, отстоявших на 50 и более миль (Боплан, 1990).

Для нашей проблематики интересным является древнегреческое поселение V-III вв. до н.э. **Лузановка**. Его остатки располагаются на мысу, который в древности был крайним выступом устья левого берега Куяльницкого лимана. С севера поселение ограничено обрывом Одесского залива. С напольной стороны – балкой, высокий берег которой сохранился до наших дней. Балка впадала в залив Куяльницкого лимана. Со стороны моря поселение активно разрушается абразией. Памятник неоднократно исследовался одесскими археологами (Штейнвандт, 1930; Синицын, 1957. – С. 67-68; Диамант, 1989. – С. 126).

О заходе в Куяльницкий лиман морских судов еще в XII в., свидетельствует находка в 1910 г. на дне лимана железного якоря «генуэзского» типа (ЗООИД, 1911. – Т. XXIX. - Протоколы. – С. 23-24).

Весьма перспективными представляются вопросы исследований лимана и окружающих его земель в новое время. Особое место здесь необходимо обратить на водогазозащитную, открытую доктором Э.С. Андриевским в 1833 г. С тех пор она неоднократно перестраивалась (Рис. 88в).

⁶⁸ Гидроним *турк.* происхождения. **Kujalnik** – «густой». А.И. Соболев считал, что название имеет славянскую подоснову, означает «лодочный причал, пристань». Во времена Золотой Орды лиман назывался «Кумалык» - «песчаное озеро». В античное время реки Куяльник и Хаджибей скидали свои воды непосредственно в море, образуя мыс-полуостров, который вклинивался в современную бухту Одесского залива на 1-2 км. Обе реки имели общую дельту. Со временем устья рек превратилось в заливы Черного моря, а затем отложения морского и речного песка сформировали пересыпь. Залив превратился в лиман. В настоящее время Куяльницкий и Хаджибейский лиманы отделены от моря общей пересыпью. Отделение состоялось где-то в XIV ст. Пересыпь начинается от высокого коренного морского берега в районе Лузановки, доходит до устья Водяной Балки, которая ранее также впадала в Одесский залив (Бруяко, Карпов, 1992. – С. 94, - Рис. 1).

⁶⁹ **Боплан, Гийом Левессер** (ок. 1600-1673) – французский инженер и военный картограф. С начала 1630-х гг. до 1648 г. пребывал на польской службе, преимущественно на территории Украины. Возвратившись домой, Боплан написал несколько сочинений, в том числе и «Description d'Ukraine», к которой приложил подробную карту местности с обозначенными на ней топонимами и гидронимами. Этот труд широко используется историками, этнологами, топонимистами и другими специалистами.

Хаджибейский лиман (Рис. 88г; 103) образовался путем деления от моря реки Малый Куяльник. В эпоху средневековья и в Новое время здесь в больших количествах добывалась самосадочная соль (Скальковский, 1850; Евлія Челебі, 1997. – С. 26; Литвин, 1994. – С. 150).

Древнейшим артефактом, который свидетельствует об освоении водных пространств населением края, является каменный якорь (Рис. 89, 2), найденный на **поселении поздне трипольского времени Усатово** (Болтенко, 1925; Патокова, 1979. – С. 151. - Рис. 54, 8). Некоторые ученые предполагают, что поселение имело порт, через который совершались связи населения Северного Причерноморья с южными странами (Childe, 1950. – Р. 142-144; Sulimirski, 1970. – Р. 180-181; Островерхов, 1985. – С. 179).

На побережье Одесского залива зафиксированы остатки 19-ти античных поселений и многие случайные находки (Охотников, 1989; Буйских, 1999). Все они в той или иной мере имеют отношение к нашей тематике.

Жевахова Гора – древнегреческое поселение V-III вв. до н.э. Располагается на юго-западной окраине верхнего плато, в 750 м от современного уреза морского берега, вдоль юго-западного обрыва, обращенного в сторону моря. С юго-запада поселение ограничено обрывом над долиной Куяльницкого лимана, с юго-востока – обрывом над долиной Хаджибейского лимана. Как свидетельствуют палеогеографические исследования, в античную эпоху поселенцы при посредничестве рек Куяльник и Хаджибей имели выход к морю (Рис. 23, 4) (Бруяко, Карпов, 1992. – С. 94). Косвенным подтверждением этому может свидетельствовать наличие зольника. Все подобные сооружения возводились на береговых обрывах Черного моря, Бугского, Тилигульского, Днепровского и других лиманов (Буйских, 1989; Носова, 2002; Русяева, 2005. – С. 160 сл.). Они были не только алтарями, где проводились жертвоприношения в честь богов – защитников на воде, но одновременно исполняли роль береговых ориентиров и маяков. О жизни на Жеваховой горе в первые столетия н.э. в первые столетия н.э. и в черняховское время могут свидетельствовать находки монет Антонина Пия (II в.) и Феодосия (IV в.) (Карышковский, 1971. – С. 83; Диамант, 1989. – С. 126).

В районе устья Хаджибеевского лимана в римское время, очевидно, существовало **святилище Ахилла Понтарха**. Об этом может свидетельствовать находка в устье Водяной Балки (в районе современной ул. М. Расковой), которая в древности сообщалась с

морем, стелы с двухсторонней надписью. Обе надписи посвящены Ахиллу Понтарху, одна из них выбита от имени агораномов, а вторая – по поручению стратегов (Рис. 90-91) (IOSPE, I². - № 136, 140; Карышковский, 1962). Соединение на одном камне посвящений агораномов и стратегов, свидетельствует о большом значении района Жеваховой Горы в торговой и военной деятельности Ольвийского государства.⁷⁰

Приморский бульвар – поселение и некрополь V-III вв. до н.э. Располагается на верхней террасе коренного берега Одесского залива в его юго-западной части, на месте Приморского бульвара и прилегающих к нему улиц. С востока памятник ограничен обрывом, с юго-запада и северо-востока – природными ярами, выходящими к морскому берегу (Рис. 92) (Стемпковский, 1825; 1826; Диамант, 1976; 1989). Учитывая охранные раскопки последних лет (Рис. 93), границы поселения были несколько большими, чем считалось до этого. К условным гидроархеологическим находкам относятся ихтиологический материал и каменные грузила для сетей (Добролюбский, 1996; 1999; 1999а; 2001; Доролюбский, Красножон, 1996; 1997; 1998; 1998а; 2005; Добролюбский, Красножон, Секерская, 1997; Красножон, 1997; 2006. – С. 80-81).

На берегах Одесского залива античные авторы называют несколько населенных пунктов и топонимов. **Гавань истриян** располагалась в 250 стадиях (50 км) от древнегреческого Одессоса или же в 90 стадиях (18 км) от Скопел. Исследователи определяли местонахождение гавани, считая ее *населенным пунктом*, в разных местах (Рис. 94): на Тилигульском лимане (Mannert, 1820. – С. 241), Григорьевском лимане, вблизи села-эпонима (Гошкевич, 1915. – С. 449), у Жеваховой горы, у Приморского лимана. Подобные разночтения возникли в связи с тем, что в первой половине XIX в. на территории Одессы было известно только поселение на Приморском бульваре. Ученые отождествляли его с гаванью истриян (Муравьев-Апостол, 1823. – С. 4; Köehler, 1826. – Р. 662; Стемпковский, 1826. – С. 51, 57; Фабр, 1836. – Карта; Муральт, 1850. – С. 137;

⁷⁰ По данным Э.Р. Штерна, стела найдена в фундаменте старого одесского дома, во время его перестройки. По мнению Ф.В. Шелова-Коведяева, нельзя быть полностью уверенным, что она и первоначально находилась в том самом месте (или поблизости от него), где была обнаружена. Памятник мог быть доставлен в Одессу в качестве строительного материала (Шелов-Коведяев, 1990. – С. 60. – Прим. 14). Стелу могли привезти в турецкий Хаджибей или русскую Одессу в качестве корабельного балласта из Березани или района Тилигуло-Березанского побережья. Подобные случаи в археологии известны. Достаточно вспомнить находки плит Тире у сел Коротное и Чобручи (Самойлова, 2002. – С. 14-15), или же фрагмента ольвийского декрета, обнаруженного при исследовании раннесредневековой базилики у подножья Мангупта в Крыму (Виноградов, 1994).

Аркас, 1853. – С. 144 сл.; Müller, 1885. – S. 397).⁷¹ Историки второй половины того же столетия размещали искомый пункт на Жеваховой горе (Беккер, 1853. – С. 202; Neumann, 1855. – S. 362; Уваров, 1856. – С. 145 сл.; Брун, 1856. – С. 16; 1880. – С. 162). Но и такая локализация не получила полной поддержки. Тогда была предложена новая точка зрения, согласно которой, гавань истриан располагалась на левом берегу устья Куяльницкого лимана (Chotald, 1860). После открытия Лузановского поселения, к этой точке зрения присоединились (Синіцин, 1960. – С. 16; Агбунов, 1981. – С. 136-137).

Свидетельства древних авторов о **гавни исиаков** противоречивы: по Арриану она располагалась на расстоянии 50 стадий (10 км) от гавани истриан, а по Пс.-Арриану, - отдалена от нее на 90 стадий (90 км). Ее идентификация зависит от того, где локализуется предыдущая гавань. Ученые искали гавань исиаков в разных местах (Рис. 95): на Сухом лимане (Стемпковский, 1826. – С. 52; Фабр, 1836. – С. 37. – Прим. 68; Муральт, 1850. – С. 137; Kiepetrt, 1851. – Karte XVII-XVIII), у с. Черноморка (б. Люстдорф) (Аркас, 1853. – С. 144 сл.), возле Малого Фонтана (Müller, 1885. – S. 397), у Пересыпского моста (Синіцин, 1960. – С. 17-18), между Крыжановкой и Фонтанкой (Гошкевич, 1915. – С. 450), на Григорьевском лимане (Mannert, 1820. – S. 242), в районе Приморского бульвара (Беккер, 1853. – С. 204; Neumann, 1855. – S. 363; Уваров, 1856. – С. 146; Брун,

⁷¹ Идею локализации гавани истриан на Приморском бульваре реанимировал А.О. Добролюбский. После проведения небольших раскопок в районе Приморского бульвара, автор начал говорить об открытии на территории Одессы остатков большого античного города – «Одесской истрии», который существовал в конце V – IV вв. до н.э., и был разрушен войсками Зопириона. Затем, якобы, на этом поселении жизнь возродилась и тле-ла вплоть до нашествия гуннов в IV ст. Как полагает А.О. Добролюбский, большую часть этого неизвестного античного города поглотило море. Андрей Олегович утверждает, что в конце VII – VI вв. до н.э. современного Одесского залива не было, а пра-Кинбурнская коса в виде Одесской банки, а вместе с ней и устье Борисфена, выходили в район современного Одесского залива. Ученый поверхностно подошел к решению этого крайне сложного вопроса, не изучил современную литературу и даже не проконсультировался с геологами. Наличие большого количества архаических поселений в районе Березанского и Бугского лиманов свидетельствуют о том, что сплошной песчаной косы, доходившей вплоть до современного Одесского залива, во времена колонизации не существовало. Греческие моряки хорошо знали каботажный путь к устьям Гипаниса и Борисфена, на котором существовали несколько гаваней, маяков и поселений. Вопреки бесспорным историческим и археологическим фактам, А.О. Добролюбский считает, что несколько позднеархаических ям, открытых им на Приморском бульваре, являются ничем иным, как ионийским эмпорием Борисфеном, который посетил Геродот (Herod., IV, 17) в середине V в. до н.э. Тенденциозным является и утверждения автора опусов, который, на основании анализа сероглиняной лощенной керамики, пришел к выводу о наличии большой прослойки древних евреев в составе населения античных городов Северного Понта, в том числе, и в среде жителей поселения на Приморском бульваре. Фантастичность и нереальность подобных «исторических» построений убедительно показал (Буйских, 1999).

1856. – С. 16; Minns, 1913. – P. 14; Агбунов, 1981. – С. 137-138; 1985. – С. 137-138; Качарава, Квирквелия, 1991. – С. 59-62). В последнее время появилось мнение, что под гаванью истриан и гаванью исиаков античные авторы понимали не конкретные населенные пункты, а удобные для мореплавателей бухты, которыми могли быть устья Хаджибейского и Куяльницкого лиманов (Диамант, 1989. – С. 126; Отрешко, 1993; Буйских, 1999. – С. 86-87),

Где-то в XIII в. на берегу Одесского залива возникла генуэзская **корабельная стоянка Джинестра** (Ginestra, Zinestra, Cinestra). Ее обозначение видим на портоланах Пьеро Висконти и других компасных картах (Рис. 5-6). Этимологию названия достоверно установить пока что не удалось (Брун, 1879. – С. 72-97). Недавно И.В. Сапожников обратил внимание на то, что топоним «джинестра» перекликается с названием соседней реки Днестр, и дословно может переводиться как «Днестровская». Поэтому логичнее искать остатки Джинестры не на территории Одессы, а на берегах Днестровского лимана (Край Овідія, 2005. – С. 55). Подобная аргументация имеет право на существование. Но необходимо помнить, что в античное время в Одесском заливе существовала гавань истриан, очевидно, названная в честь моряков города Истрии. Не исключено, что поселение было основано выходцами из итальянской коммуны Джинестра. Последние в память о своей метрополии назвали его Джинестрой.

Где-то в историческом месте Одессы располагались генуэзский маяк и крепость. Возможно, их руины в 1578 г. видел Мартин Броневский. В свое время О. Губарь в газете «Вечерняя Одесса» писал «Можно предположить, что давно освоенная выходцами из Генуи, Анконы или Венеции гавань располагала кое-какими гидротехническими сооружениями и навигационными знаками... В одесских лиманах были обнаружены остатки свайных причалов и средневековые якоря...». Причины гибели этого населенного пункта достоверно пока что неизвестны. Некоторые исследователи полагают, что это была чума. Но в целом, Джинестру постигала та же участь, что и другие итальянские колонии на северных берегах Черного моря. Существует и противоположная точка зрения. А.В. Болдырев полагал, что на портоланах под названием Джинестра фигурирует не конкретное поселение, а в целом Одесский залив (Болдырев, 1995. – С. 7).

Во времена литовского-польского и турецкого владычества Одесский залив также использовался в качестве **торговой и военной гавани**, но порт имел уже иное название – Качибей, Хад-

жибей и дериваты. По поводу происхождения названия «кочубей» существует несколько точек зрения. Польский исследователь Я. Дубепцкий считал, что название произошло от имени подольского шляхетского рода Коцюбеев, имевшего какое-то отношение к основанию порта. В свою очередь, существует предположение, что порт Хаджибей был основан татарами в XIV и назван в честь хана Хаджибея, упоминание о котором имеется в письменных источниках (Брун, 1879. – С. 72-97). Очевидно, происхождение мифологемы следует относить к более позднему времени. По этому поводу **А.И. Маркевич**⁷² писал: «Зная, как вообще устойчивы народные поселения, вызванные естественными условиями (в данном случае место для захода судов, соленые и рыбные промыслы, можно было бы высказать предположение, что Качибей стал преемником какого-то русского города (если между ними не было еще и итальянского звена), в свою очередь расположившегося на месте греческого, т.е. эллино-варварского поселения...» (Маркевич, 1894. – С. 7). Таким образом, историк предполагает этимологическую преемственность названия, но насколько далеко вглубь веков простиралась эта преемственность, ответить трудно.⁷³

В настоящее время наиболее обоснованной является гипотеза об основании Кочубеева польским королем Владиславом Ягайло. Хронист XV в. Длугош писал, что в 1415 г. Ягайло отправил из порта Kasczubeiow транспорт к осажденному турками Константинополю. Писатель XVIII в. Кромер повторяет сообщение, но подает транскрипцию в виде Casybeio (Маркевич, 1894. – С. 13). В 1431 г. власть над Кочубеем переходит к Великому князю литовскому Свидригайлу. В документах этого времени город-порт обозначается как Kasczubinyow и Kasczucklenow. В 1442 г. Кочубей переходит во владения подольского магната украинского происхождения Федора Бугацкого (Маркевич, 1894. – С. 13). О международном значении Кочубейского порта свидетельствует тот факт, что он обозначен на карте Фра Мауро 1459 г. (Рис. 7а) (Агбунов, 1985. – С. 13). В конце

⁷² **Маркевич Алексей Иванович** (1847-1903) окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета, длительное время работал учителем. В 1899 г. был назначен на должность профессора Новороссийского университета. Член ООИД, некоторое время был его секретарем (Попова, 1997. – С. 15-86; 2004. – С. 520-527; Мирошниченко, 1997. – С. 160-165; Хмарський, 2002. – С. 295-296, 306-310; Синявська 1999. – С. 218-222).

⁷³ **Кочубей** состоял из каменной крепости, предместья и маяка. А.И. Маркевич полагал, что сперва город и крепость располагались на Жеваховой горе, но после образования перешипы, которая перекрыла вход морских кораблей в лиман, город и крепость были перенесены в район современного Приморского бульвара. В свете современных данных, версия представляется надуманной.

XV в. Кочубей переходит под власть крымских ханов, но продолжает сохранять свое стратегическое значение. В договоре польского короля Сигизмунда I и крымского хана Сигиб-Гирея говорилось: «те же купцы панств его милости коруны польские и княжества Велико-го Литовского мають добровольно в Качибее соли братии, и мыта вокруг давнего обычаю заплативши...» (Маркевич, 1894. – С. 22). Хотя вскоре порт Хаджибей приходит в упадок, на картах XVI-XVIII он продолжает обозначаться в славянской транскрипции – Koczubi, Kousubi, Koszubi (Маркевич, 1894. – С. 25). По мнению Ф. Петруня, большинство этих карт следуют Боплану (Петрунь, 1928. – С. 193). Но на карте француза на месте Качибее уже обозначены как хорошо заметные со стороны моря руины города (Рис. 88в). Развалины Хаджибея видел и **Эвлия Челеби** (Рис. 95а),⁷⁴ дважды проезжавший мимо него в 1657 г.: «До сих пор постройки этого укрепления сохранились и хорошо видны на берегу Черного моря, на крутой скале...» (Эвлия Челеби. – 1961. - С. 108, 145).

Морская пристань в Одесском заливе продолжала функционировать и в XVII в. Ее неоднократно использовали запорожцы. В 1673 г. гетман Сирко «уничтожил огнем и мечом татарские аулы до самого Белгорода... Затем собрав с *пристаней морских*, Белгородской и *Гаджибеевской*, довольно большое количество кораблей, отправился на них с пехотой на Крым» (Конисский, 1846. – С. 173).

В XVIII в. под влиянием русской угрозы турки взялась за восстановление старого Хаджибейского замка. В 1765 г. он был перестроен и переименован в **Ени-Дунью** (Новый Свет). Известие о постройке турками крепости привез запорожский гонец к крымскому хану Константин Иванов. В рапорте Румянцеву он писал: «Прежде же там было село, а именовалось **Куджабей**...» (цит. по: Скальковский, 1885. – С. 271-272). Россия направила в Порту запрос. Турки ответили, что они строят не новую крепость, но реставрируют старую, стоявшую здесь издавна. С целью проверки данных, в Хаджибей был направлен русский разведчик поручик Исланьев, который снял план местности с отстроенной на ней крепостью (Рис. 96). План подтверждает, что крепость располагалась на Приморском бульваре, на месте Воронцовского дворца. На пересечении улиц Ланжероновской и Ришельевской лазутчик обозначил развалины, в которых он усматривал «остатки древнего Качибейского замка».

⁷⁴ **Эвлия Челеби** (1611-1682) – знаменитый турецкий путешественник, автор десяти-томной «Книги путешествий». В ней значительное место отведено территории Украины и Молдовы. Труд имеет огромную ценность при изучении истории, географии и этнографии Северного Причерноморья времени турецкого владычества.

Очевидно, это были остатки не замка, но старого города Качибей (Боровой, 1967).

Лафит-Клаве: «Рейд Коджа-бей... является надежным и может служить линейным кораблям. Ширина его около 2000 таузов при 7, 8 и 9 брасах глубины посередине, дно – твердый ил. На этом рейде суда, идущие в Очаков, прячутся во время ледохода... Для защиты рейда есть плохенький замок и маяк для судов, пребывающих в море...» (цит. по: Бертье-Делагард, 1896. – С. 66-67). О наличии маяка в Хаджибее свидетельствует и разъяснительная записка турецкого руководства: это «не что иное, как ремонт небольшого древнего замка, бывшего на этом месте, с пристройкой одной высокой башни с установлением лампы для безопасности мореходов и вхождения кораблей в залив» (цит. по: Боровой, 1967. – С. 131). Маяк с башней сохранился до 1791 г., был описан Деволяном (Рис. 97) (Григорович, 1876. – С. 22).

К. Смольянинов реконструировал вид Хаджибея до присоединения его к России: «По рассказам очевидцев Гаджибеевская крепость (или замок) стояла в то время на возвышенном, поросшим мелким кустарником берегу и составляла небольшой четырехугольник, окруженный земляным валом. Посередине ее возвышался пашский дом... В стороне от дома построена была глубокая мина для хранения пороха... Там, где возвышается теперь карантинное «пассажирское» отделение, стояла башня с маяком. На площадке близ портовой таможни, известной в настоящее время под названием «старого карантина», были построены небольшие магазины для складки провианта... Отсюда же производилась и погрузка на суда тех товаров, коими Гаджибей вел свою незначительную торговлю...» (Рис. 98; 98а) (Смольянинов, 1853. – С. 342-343).

Перед окончательным переходом Хаджибея в русские владения, город и крепость неоднократно подвергались нападениям запорожцев. В 1789 г. войска генерала Гудовича, в составе которых были и отряды черноморских казаков во главе с З. Чепигю и А. Головатым, взяли штурмом крепость. Старая крепость была разрушена, а в 1793 г. по проекту Деволяна на территории Александровского парка (совр. парк им. Т.Г. Шевченко), была построена новая крепость. Она также не сохранилась, но стены и башни карантина, примыкавшие к крепости, существуют и в наши дни.

В дальнейшем встал вопрос о дальнейшем использовании крепости. Иосиф Де-Рибас предложил построить на месте Хаджибея гавань для стоянки Черноморского флота. Рескрипт Екатерины II об основании нового порта был подписан 27 мая

1794 г.: «Уважая выгодное положение Гаджибея причем и сопряженные с оными многие пользы, признали мы нужным устроить тамо военную гавань купно с пристанью для купеческих судов...». Впервые название нового города Одесса встречается 10 января 1795 г.

Порт и город росли быстро (Рис. 99-101). Как важные гидрографические объекты порта, свою историю имеют и **маяки**. Маяк турецкого Хаджибея функционировал до 1791 г. Новый маяк был построен вблизи новой крепости, на территории Александровского парка. Он был деревянным. В 1845 г. на том же месте был построен новый деревянный маяк. В 1863 г. на оконечности Карантинного мола был построен Новоронцовский маяк. В 1888 г. он был перестроен (Рис. 102; 102а).

Случайные гидроархеологические находки на акватории порта находят постоянно, начиная с момента его постоянно. И.П. Бларамберг в «Одесском вестнике» № 76 за 1831 г. сообщает: «При работах, производящихся теперь в нашей гавани внизу Приморского бульвара г-ном Фан-дер-Флисом..., найдена почти неповрежденная амфора и часть глиняного сосуда того же рода, сделанного из грубой глины. Имена горшечника, начертанные близ горлышка амфор...». На дне Одесского залива находили античные и средневековые сосуды: 1) Из Хлебной гавани происходят две херсонесские амфоры IV-III вв. до н.э. IV-III ст. до н.э. (Охотников, Пасхина, 1984. – С. 99-100); 2) Амфору IX ст. поднято со дна моря в районе Одессы (Якобсон, 1979. – С. 72.-73. – Рис. 43, 1в. – Прим. 2); 3) Амфору XII-XIII ст. (Якобсон, 1979. – С. 110-111. – Рис. 68, 6. – Прим. 5); 4) «Обломки амфор и лепной посуды, а также базу для колонны из мраморовидного известняка, нашли под водой в районе Одесской морской школы ДОСААФ, на запад от порта» (Агбунов, 1987. – С. 59).

Особенно интересными оказались находки 2005 г., когда при реконструкции причала № 25 были найдены две чугунные пушки. По клейму на одной из них удалось установить, что пушка была отлита в 1735 г. в Воронеже. Оба орудия были вертикально замурованы в грунт. В XIX в. здесь находился **военный мол** (Рис. 99-100), а вышедшие из употребления орудия использовались в качестве **кнехтов**. Таких пушек здесь было вкопано довольно много. На фотографиях разбомбленного в 1944 г. порта, видно, что из тела причалов выглядывают десятки потревоженных стволов (Каткевич, 2005. – С. 59).

Начало **подводных исследований** на изучаемой территории следует относить к середине – второй половине XIX в. В конце апреля 1854 г. в районе Аркадии сел на мель английский фрегат «Тигр», принимавший участие в обстрелах Одессы. Он был расстрелян береговой артиллерией и затонул. В мае того же года одесские водолазы подняли со дна моря 19 пушек. Судьба их была различной. Исправные орудия поступили на вооружение береговой охраны, а «две бомбические пушки «Тигра» перетащили на батарею, которую построил за свой счет Джиджи Мокко в конце Канатной улицы, одна из пушек при испытании разорвалась...» (Скальковский, 1906). Второе орудие некоторое время оставалось на месте заброшенной батареи. В 1903 г. его реставрировали и переправили на Николаевский (Приморский) бульвар. Тогда же водолазы снова побывали на месте гибели фрегата и подняли несколько ядер, соответствующих калибру пушки. Каким образом в обоих случаях производился подъем подводных артефактов, в литературе нам найти не удалось (Ленц, 1906). В настоящее время орудие стоит на Думской площади (Рис. 102б), несколько раз реставрировалось.

В 2008-2009 гг. одесские дайверы из клуба им. Кусто прямо у входа в Одесский порт, в 10 м от Нововоронцовского маяка, нашли остатки сильно заиленного немецкого военно-транспортного самолета Ю-52А (Рис. 102в). Рядом с самолетом обнаружено кино и фотооборудование, летные очки и другие предметы, принадлежавшие экипажу самолета. Удалось установить, что самолет был сбит 23 июля 1941 г. героем Советского Союза В. Топольским. Это открытие свидетельствует о перспективности изучения дна Одесского залива.

Гидроистория прибрежной территории на юго-запад от Одесского залива, вплоть до устья Днестровского лимана исследована слабо. Античные авторы не называют здесь ни одного более или менее значительного населенного пункта. Очевидно, ввиду сложной гидрологической ситуации на акватории (Рис. 103-105), древние и средневековые мореходы старались пересекать море от Одесской гавани до Днестровского лимана по «открытой воде»

Черноморка 1 (бывш. Люстдорф). Поселение черняховской культуры. Располагается на южной окраине села, над морским обрывом. Ограничено с двух сторон балками. Разрушается абразией. Керамика, фрагменты амфор римского времени и камни от кладок встречаются как на берегу, так и в прибрежной части моря (Синицын, 1950. – С. 57-58; Фабрициус, 1951. – С. 41-42).

Сухой лиман. В эпоху бронзы и в античное время на месте лимана располагалась долина небольшой степной реки **Дальник**⁷⁵ с многочисленными ответвлениями и старицами. Исследователи располагают здесь древний песчаный мыс, который врезался в море на 2-3 км (Рис. 22-23) (Бруяко, Карпов 1992. – С. 94. - Рис. 1). Пересыпь лимана сформировалась в эпоху средневековья. Во время сильных штормов в пересыпи образовывались прорывы. В 1935 г. был оборудован канал, соединяющий лиман с морем (Рис. 103-105). Некоторые историки и географы *ошибочно* локализовали в районе устья Сухого лимана античную Фиску (Ф.К. Брун) и гавань исиаков (Фабрициус, 1951. – С. 41-42). На карте Меркатора 1609 г. на правом берегу в устье лимана обозначена Джинестра (Рис. 11).

Среди **случайных находок** на берегах лимана следует назвать ольвийскую монету третьей четверти IV в. до н.э. (Карышковский, 1976. – С. 176). В 1927 г. при строительстве винзавода на левом берегу лимана было разрушено большое поселение эпохи поздней бронзы. Среди его материалов присутствовали два фрагмента античных амфор конца V-IV вв. до н.э. (Фабрициус, 1951. – С. 41, 104. – Табл. V, 6а-б).

В 1902 г. у **с. Малодолинское** (б. Кляйн Либенталь, Малая Аккаржа) на левом берегу лимана, из обрыва выпал клад из 510 турецких монет (Гошкевич, 1903. – С. 59-60; Фабрициус, 1951. – С. 41). Исследователи локализуют на этом месте татарское село Крым (Крым) (Сапожников, 1999. – С. 23-24).

С конца 1950-х гг. на левом берегу лимана строится Ильичевский морской торговый порт и Ильичевский судоремонтный завод, сопровождавшиеся большими дноуглубительными и противоползневыми работами. В 1968 г. на правом берегу лимана началось строительство Ильичевского морского рыбного порта путем углубления Сухого лимана и обустройством подходного канала через песчаную косу, отделявшей лиман от моря. К сожалению, данных о находках гидроартефактов при проведении этих работ не сохранилось. Не были проведены и охранные археологические работы на берегах лимана.

Одним из немногочисленных, частично исследованных перенных памятников на побережье между Сухим и Днестровским лиманами, является многослойное поселение **Старое Бугово**.

⁷⁵ Несмотря на внешне славянский вид, гидроним «дальник» топонимисты выводят из *тюрк.* дали, тали – степь, равнина (Железняк и др., 1981. – С. 168). Эвлия Челеби упоминает стоянку Даллик, которую локализуют в окрестностях современного с. Новая Долина (Край Овідія, 2005. – С. 59).

Его остатки располагаются на небольшом мысе обрывистого (до 5 м) берега моря, над источником пресной воды. С севера памятник ограничен балкой. Интенсивно разрушается не только вследствие абразии, но и в связи со строительным бумом. Подъемный материал (главным образом керамика и кремневые изделия), относящийся к разным историческим эпохам, в 1990-х гг. встречается не только на поверхности посления, но и на берегу, а также в прибрежных водах. Поселение исследовалось в 1991 г. (Рис. 106). Оно трехслойное. Первый слой относится к поселению белозерской культуры; второй – к античному времени; третий датируется концом XVIII – первой половиной XIX в. Важным является вывод авторов раскопок о том, что античные артефакты являются остатками **укрепленного маяка**. Третий слой репрезентирует времена украинско-российской колонизации края. О непосредственную связь с морем жителей памятника на всех этапах его существования свидетельствует широкое использование в качестве еды моллюсков вида *Ceras Todormagoneum* семейства *Cardidae* (Сапожников, Сапожникова, Секерская, 2002. – С. 120-130; Край Овідія, 1995. – С. 28). Как нам представляется, верхний слой Старого Бугово следует соотносить с пограничной заставой, обозначенной на картах XIX в. словом «Кордон».⁷⁶

Санжейка (тюрк. санжар – вал, бастион). Топоним свидетельствует о наличии в районе современного села оборонительных сооружений турецкого времени. Возможно, это был **укрепленный маяк**, к которому в октябре 1788 г. сделали рейд черноморские казаки под предводительством кошевого атамана З. Чепиги: «... Кошевой же с верными казаками ходил к маяку, что близ устья Днестра...» (Сборник..., 1894. – С. 55).

Случайные находки. 1) В 1998 г. в районе с. Санжейка, в 40-50 м от рыбацкого причала, состоялся очередной обвал обрыва берега моря. На песчаном пляже и в обрыве рыбаки нашли череп мамонтенка (*Mammuthus primigenius* (Blum) (Рис. 104). Он залегал в толще желтых лесовидных суглинков на глубине около 6 м (3 м над уровнем моря). Геологические условия залегания позво-

⁷⁶ **Кордон** (фр. cordon) – пограничный отряд, караул. В начале XIX в., в связи с осложнением русско-турецких отношений, на Черноморском побережье строится сеть «кордонов», службу на котором несли казаки сперва Бугского (1801-1817), а затем Дунайского казачьих войск (1828-1869) (Бачинська, 1998. – С. 80-83; Бачинський, Бачинська, 1995. – С. 27-28). Подобные «кордоны» располагались в стратегически важных местах, часто были укрепленными маяками. На карте Мангари 1835 г. только на отрезке от Одессы до левого устья Днестровского лимана, обозначены 4 таких проста. На правом берегу Тилигульского лимана Кордон зафиксирован в современном названии села (Смольянінова, Островерхов, Кушнір, 1996. – С. 44).

лили датировать находку временем приблизительно 50-32 тыс. лет. Тогда на этой территории проживали племена неадертальцев, уровень Черного моря был значительно ниже современного, суша занимала значительные территории современного шельфа (Рис. 19-21) (различные мнения: Заліззяк, 2005; Станко, 2005; 2007; Saporzhnikov, 2006; Smyntyna, 2006; Stanko, 2006; 2007). Хотя непосредственных свидетельств о том, что причиной смерти ископаемого слона был человек, не выявлено, но факт самой находки на берегу моря остатков ископаемого слона является симптоматичным (Сапожников, Белоусова, 1999. – С. 12-19; Край Овідія, 2005. – С. 19).

2) На берегу моря вблизи села найден медный византийский обол XI в. (Карышковский, 1976. – С. 176).

Интересную топонимическую и гидрологическую историю имеет устье р. **Барабой** (Рис. 103-105). Античные источники не упоминают об этой реке, хотя в древности она, очевидно, была более глубокой и судоходной. В настоящее время в устье реки имеется небольшой мелководный залив-лиман, почти сформировалась пересыпь (Рис. 107, 1). По мнению И.В. Сапожникова, впервые о реке и местности упоминает Идриси, называя ее «**город Бармуния**». Б.А. Рыбаков в упомянутом городе видел Белгород на Днестре (Рыбаков, 1952). Около середины XVI в. соратник князя Дмитрия Вышневецкого (Байды) Бернард Петрич в своих мемуарах о походах казаков на Аккерман, упоминает **Беримбой**. Мартин Броневский подает название в билингве: *тюрк. Берибония* и *лат. перевод Likastem – Волчье устье*. Это же название, но уже в славянской транскрипции, у местного населения бытует и в наши дни. Эвлия Челеби упоминает временную стоянку для отдыха караванов **Бури-Муюн**, которую локализуют в окрестностях современного с. Барабой (Край Овідія, 2005. – С. 55, 57, 77. - Прим. 24). После присоединения края к России, здесь находился пограничный пост и маяк. На карте 1835 г. видим надпись «Кордон».

В устье р. Барабой располагается группа памятников, датирующихся от позднего палеолита до Нового времени (Гудкова и др., 1991. – С. 89). Особенно интересными являются материалы поселения сабастиновской культуры **Грибовка 4**, на правом берегу устья р. Барабой, с которого происходит примитивный каменный якорь (Рис. 107, 2) (Иванова, Петрова, Будикін, 2003). Близкие по типу якоря в Северном Причерноморье бытовали на протяжении нескольких тысячелетий (Рис. 89, 2) (Шаповалов, 2001. – С. 152. - Рис. 4, 3; Назаров, 2003. – С. 47).

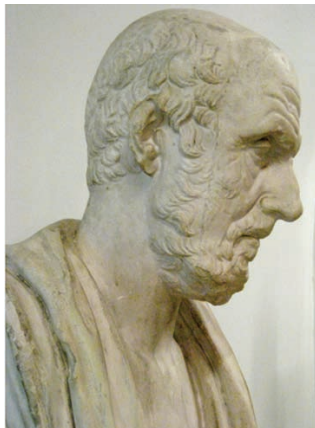

Рис. 1. Гиппократ (ок. 460 – ок. 370 до н.э.).

Рис. 2. Клавдий Птолемей.

Рис. 3. Карта Земли по Клавдию Птолемеем. Составлена в 1482 г.

Рис. 3а. Карта Европейской Сарматии Птолемея (по: Кулаковский, 1899).

Рис. 4. Северо-Западное Причерноморье на «птолемее» венецианского картографа Фра Муаро (по: Черняков, 1997).

Рис. 4а. Итинерарий из Дура-Европос.

Рис. 5. Венецианский портолан Черного моря 1540 г. (по: <http://beroma.livejournal.com/21901.html#culibe>).

Рис. 6. Портолан Чорного моря 1318 г. Пьетро Весконте (Фонды Судакского музея «Генуезская крепость»).

Рис. 7. Португальский портолан Диего Гомеса 1559 г. (по: http://goodle.com.ua/search_as_q).

Рис. 7а. Часть карты Фра Мауро с изображением северо-западных берегов Черного моря.

Рис. 8. Титул первого издания книги «Martini Bronovii de Biezdzfeda, bis in Tartarian nomine Stephani Primi Poloniae Regis legati, Tartariae descriptio ante haec in lucem nunquam edita cum tabula geographica eiusdem Chersonesus Tauricae, Coloniae Agrippinae, 1595».

Рис. 9. Карта северо-западного побережья Черного моря, составленная Мартином Броневским.

Рис. 10. Фламандский картограф Герхард Меркатор (1512-1597).

Рис. 11. Часть карты северо-западного побережья Черного моря, составленной Герхардом Меркатором (по: Черняков, 1997).

Рис. 12. Часть карты Х. Хаазе (1763) с изображением северо-западного побережья Черного моря.

Рис. 13. Фрагмент карты Пейсонеля 1765 г. (по: Сапожников, Поleshикова, 2009. – С. 467. Рис. 2).

Рис. 14. Карта Северо-Западного Причерноморья 1772-1774 гг. (по: Сапожников, 1999. Рис. 18).

Рис. 15. Карта Очаковской области (по: Сапожников, 1999. Рис. 19).

Рис. 16. Изменения уровня Черного моря в голоцене (по результатам исследований северо-западного шельфа) (по: Бруяко, Карпов, Петренко, 1991).

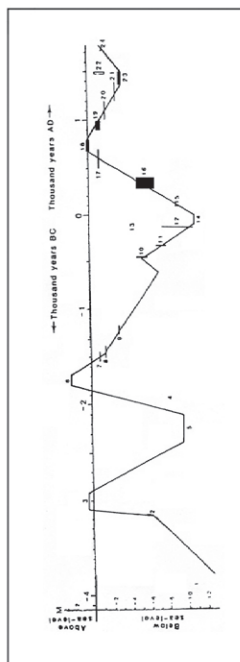

Рис. 17. Кривая колебаний уровня Черного моря в голоцене (по: Shilik, 1997).

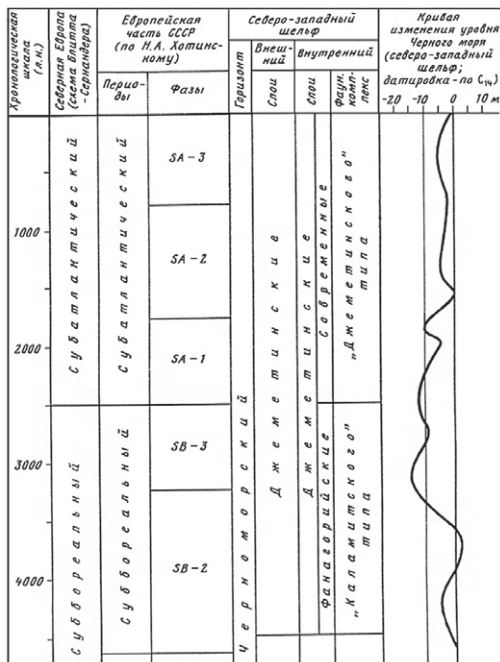

Рис. 18. Кривая изменений уровня Черного моря в северо-западной части шельфа (по: Бруяко, Карпов, 1992).

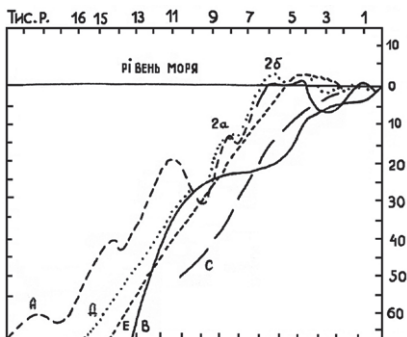

Рис. 19. Колебания уровня Черного моря в позднем плейстоцене и голоцене (А – Федоров, 1977; В – Щербаков, Куприн, Поляков и др., 1976; С – Невесский, 1958; Д, Е – позднее и последниковая трансгрессия океана).

Рис. 20. Карта-схема Черного моря в плейстоцене – раннем голоцене: 1 – Альпийские складчато-глубчастые структуры Крыма; 2 – Постпонтинское плато; 3 – плиоцен-четвертичная аллювиальная равнина; 4 – Бровка континентального склона; 5 – Береговая линия начала новозвксинского этапа; 6 – Береговая линия конца новозвксинского этапа; 7 – Береговая линия древнечерноморского этапа; 8 – Современная береговая линия; 9 – Лиманы времени верхнего антропогенеза; 10 – речича рек перед началом верхнеантропогенной трансгрессии (по: Щербаков, Куприн, Поляков и др., 1976).

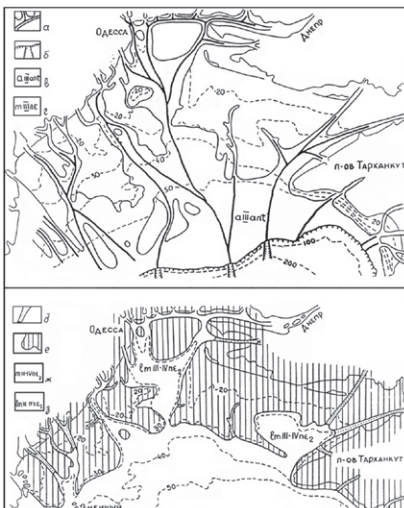

Рис. 21. Побережье Северо-Западного Причерноморья в позднем плейстоцене и раннем голоцене: 1 – в период максимума новозвксинской регрессии 17-20 тыс. лет; 2 – в период новозвксинской трансгрессии 8,6 – 8,9 тыс. лет (а – водоразделы и направления тальвегов; б – береговая линия и каньоны; в – аллювиальные равнины, антский горизонт; г – морские отложения, антский горизонт; д – русла рек; е – водоразделы; ж – морские отложения, новозвксинский горизонт; з – лиманно-морские отложения, новозвксинский горизонт (по: Бруяко, Карпов, Петренко, 1991).

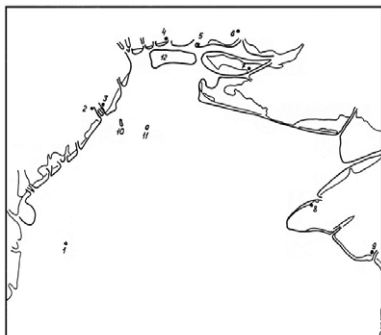

Рис. 22. Побережье Северо-Западного Причерноморья в XII-XI – IV-III вв. до н.э. и локализация отдельных географических объектов античного времени: 1 – остров Левке (Змеиный); 2 – Тира; 3 – Никоний; 4 – городище Кошары; 5 – Березань; 6 – Ольвия; 7 – Ягорлыцкое поселение; 8 – Калос Лимен; 9 – Керкениотида; античные острова: 10 – Днестровская банка; 11 – Катранья банка; 12 – Одесская банка (по: Бруяко, Карпов, Петренко, 1991).

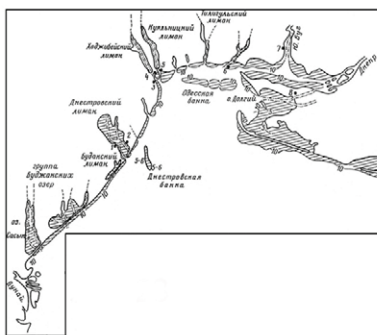

Рис. 23. Карта береговой линии Северо-Западной части Черного моря в середине I тыс. до н.э. Древнегреческие города и поселения: 1 – Тира; 2 – Никоний; 3 – Приморский бульвар; 4 – Жевахова гора; 5 – Лузановка; 6 – Березань; 7 – Ольвия; 8 – Ягорлыцкое поселение (по: Бруяко, Карпов, 1992).

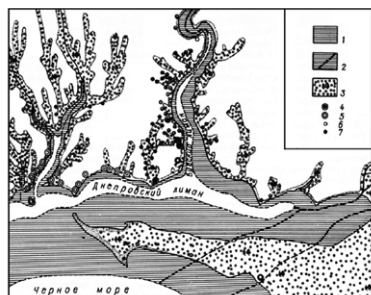

Рис. 24. Палеогеографические условия в районе Днестровского-Бугского лимана и Ягорлыцкого залива в VII-V вв. до н.э.: 1 – приблизительная площадь затопленной части суши; 2 – существовавшие русла рек; 3 – леса; 4 – крупные поселения; 5 – средние поселения; 6 – малые поселения; 7 – сезонные стоянки. Реконструкция М.М. Иевлева (по: Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989. – С. 15. Рис. 2).

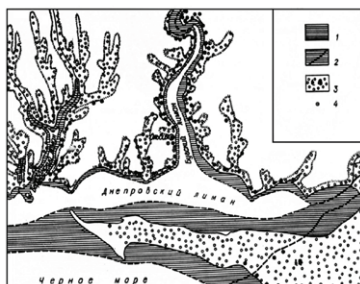

Рис. 25. Палеогеографические условия Нижнего Побужья в конце V – начале I вв. до н.э.: 1 – примерная площадь затопления части суши; 2 – существовавшие русла рек; 3 – леса; 4 – поселения и усадьбы. Реконструкция М.М. Иевлева (по: Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989. – С. 97. Рис. 2).

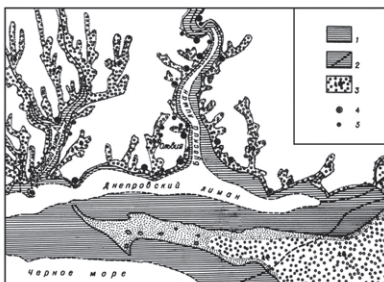

Рис. 26. Палеогеография Нижнего Побужья на рубеже и в первые века н.э.: 1 – примерная площадь затопленной части суши; 2 – существовавшие русла рек; 3 – леса; 4 – городища; 5 – неукрепленные поселения. Реконструкция М.М. Иевлева (по: Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отreshко, 1989. – С. 153. Рис. 56).

Рис. 27. Плиний Старший. Реконструкция. Прижизненного портрета энциклопедиста не сохранилось.

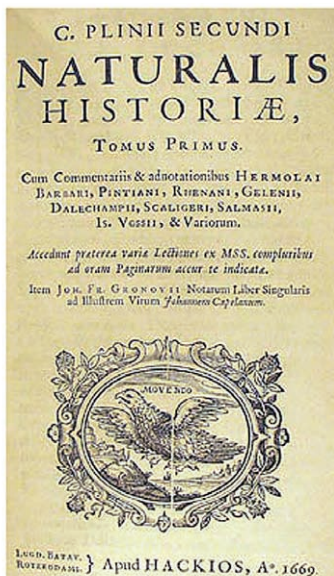

Рис. 28. Титульный лист «Naturalis Historiae» издания 1669 г.

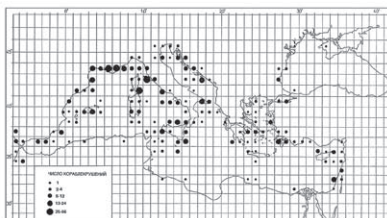

Рис. 29. Места корабельных катастроф античного времени в Средиземном и Черном морях (по: Паркер, 1987).

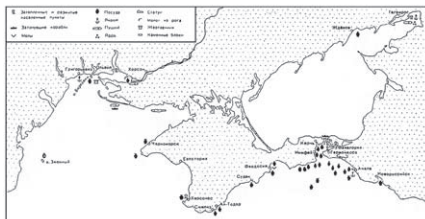

Рис. 30. Схематическая карта подводных находок в северной части Черного моря и в Азовском море (по: Блаватский, Кошеленко, 1963).

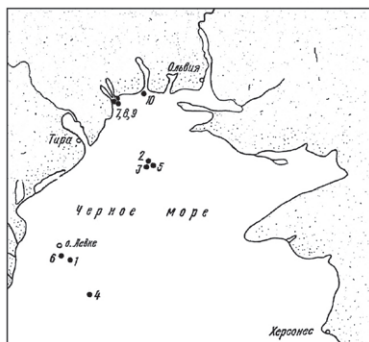

Рис. 31. Карта-схема находок античных и средневековых амфор в Черном море (по: Охотников, Пасхина, 1984).

Рис. 32. Карта-схема района Нижнего Поднепровья и Побужья.

Рис. 33. Страбон.

Рис. 33а. Вид на берег моря у Тендровской косы с высоты современного маяка.

Рис. 34. Константин Багрянородный и Зоя Карбонопсила на византийской монете.

Рис. 33б. Внешний вид современного Тендровского (северного) маяка.

Рис. 34а. Христос, благословляющий Константина Багрянородного. Резьба по слоновой кости. Ок. 945. Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

Рис. 35. Подводные исследования на акватории Ягорлыцкого и Тендровского заливов в 1983 г. и палеогеоморфологическая реконструкция района для античного времени (по М.В. Агбунову): 1 – современная береговая линия; 2 – береговая линия античного времени; 3 – древнее Днепровское устье; 4 – находки древней керамики на отмелях; 5 – поселение бронзового века.

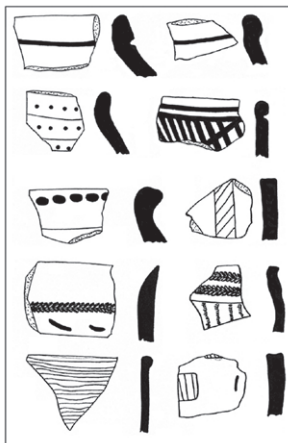

Рис. 36. Образцы керамики из подтопленного поселения на острове Орлов.

Рис. 36а. Находки керамики с мористой стороны острова Долгий.

Рис. 36б. Вид на Ягорлыцкий залив с берега Кинбурнской косы.

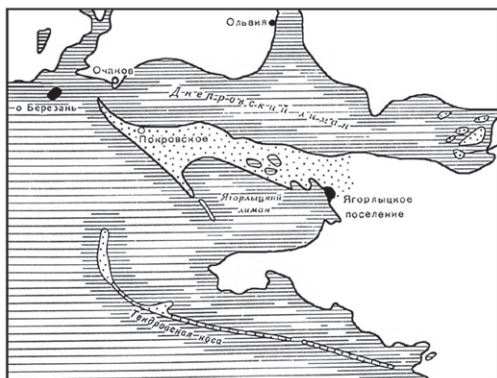

Рис. 37. Расположение Ягорлицкого поселения.

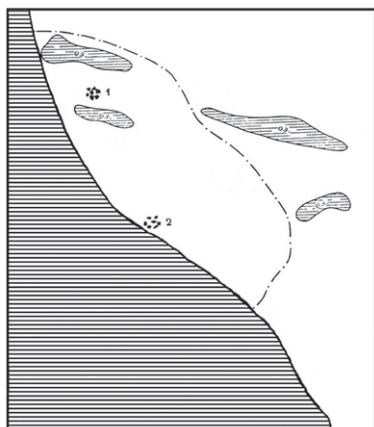

Рис. 38. План Ягорлицкого поселения.

Рис. 39а. Современное состояние Кинбурнской косы.

Рис. 39. Изображение Кинбурнского полуострова на «Карте, представляющей Крым и степь крымскую из новейших известий, сочинённая при Академии наук Я. Ф. Шмидтом. 1777 г.». Библиотека Одесского археологического музея. Фрагмент (по: Сапожников, 2000).

Рис. 39б. Вид на Кинбурнский полуостров в районе с. Покровка со стороны Днепровского лимана.

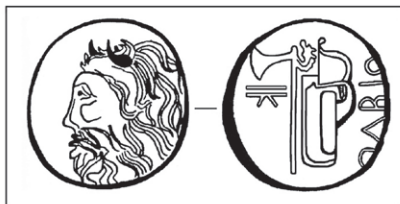

Рис. 40. Изображение речного божка Борисфена на монетах Ольвии.

Рис. 41а. Находка гидроархеологами якоря XVIII в. у острова Хортица. Фото С. Глущенко (по: <http://sub.bestnet.ua/cub/dnepr/1html>).

Рис. 41. Изображения змееной богини на золотых бляхах: а – Куль-Оба; б – Большая Близница; в – Куль-Оба; г – конский наносник из Цимбаловой Могилы; д – стрелки из лука, Куль-Оба (по Б.Н. Гракову).

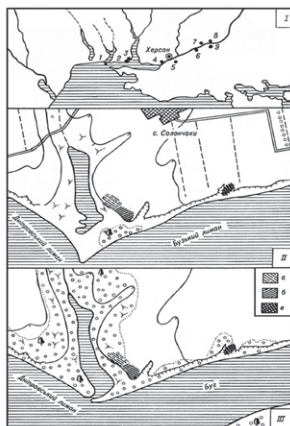

Рис. 42. Древнерусские памятники в низовьях Днепра: 1 – Березань; 2 – Аджигол-1; 3 – Днепровское 2; 4 – Большой Потемкинский остров; 5 – Цюрюпинск; 6 – Любимовка; 7 – Змеевка; 8 – Республиканец; 9 – Каиры. II-III. Палеогеографическая реконструкция района Аджигольской балки. Схема района: II – в современное время; III – в эпоху средневековья. Условные обозначения: а – черняховское поселение Аджигольская коса; б – многослойное поселение Аджигол 1; в – многослойное поселение Днепровское 2 (по: Буйских, Левлев, 1991. – С. 91. Рис. 1).

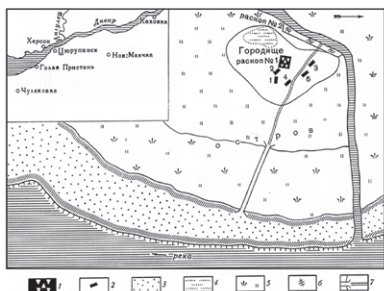

Рис. 43. Схематический план раскопок в центральной части Великопотемкинского острова: 1 – остатки фундамента каменного сооружения XII-XIII вв.; 2 – шурфы; 3 – песчаный берег; 5 – кустарники; 6 – зачистка обнаженной старицы; 7 – дренажные канавы (по: Сокульский, 1980).

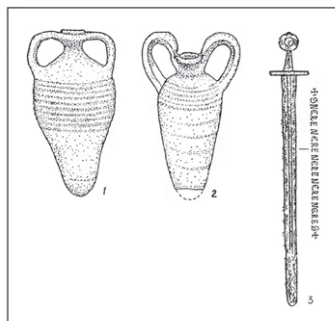

Рис. 44. Находки на Великопотемкинском острове: 1-2 – византийские амфоры; 3 – меч с надписью (по: Ратнер, Костюк, 1989. – С. 83).

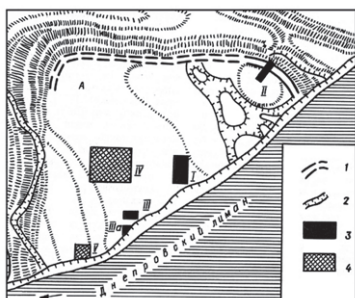

Рис. 45. Эрозионные процессы на городище первых столетий н.э. на Золотой Мысе (по: Крыжицкий и др., 1989. – С. 170. Рис. 62).

Рис. 46а. Внешний вид острова Майского. На горизонте видна Кинбурнская коса.

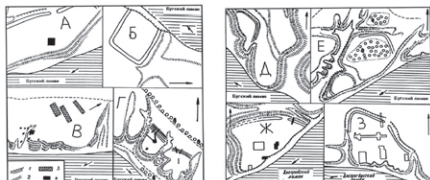

Рис. 46. Эрозионные процессы на городищах первых столетий н.э. в низовьях Днепровского и Бугского лиманов: А – Старая Богдановка; Б – Си-верцев Маяк; В – Радсад; Д – Станислав; Е – Дне-провское 2; Ж – Золотой Мыс; 3 – Петуховка (по: Кыжицкий и др., 1989. – С. 158-159. Рис. 58).

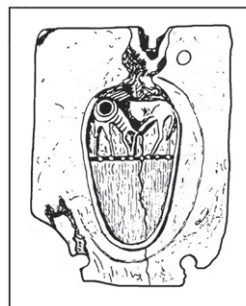

Рис. 47. Литейная форма из Березани с изображением коня – Гипаниса.

Рис. 47а. Панорама раскопок Ольвии.

Рис. 48. Топографический план Ольвии с обозначением гидро-археологических объектов (по: Крыжицкий, 1984).

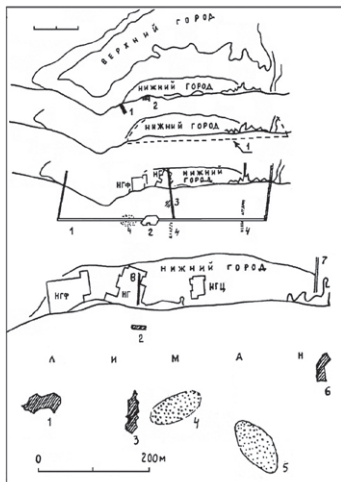

Рис. 49. План затопленной части Ольвии по разным источникам: 1 – фрагмент плана И. Бларамберга; 2 – часть плана А. Чиркова; 3 – фрагмент плана И. Муравьева-Апостола; 4 – часть плана С.Д. Крыжицкого.

Рис. 50. Портрет П.П. Кеппена.

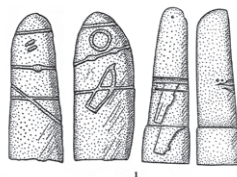

Рис. 51. Гидроархеологические находки из Ольвии: 1 – стела киммерийского времени, использованная в качестве прищального кхнета (по: Тереножкин, 1976); 2 – деталь свинцового футляра зеркала (по: Островерхов, Батизат, 1999).

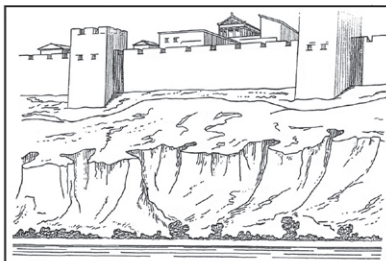

Рис. 52. Юго-западный участок оборонительных стен ольвийской цитадели. Вид с лимана (по С.Д. Крыжицкому).

Рис. 54. Эрозионные процессы на поселении Чертоватое 7: 1 – зольные пятна; 2 – глинистые заплывы; 3 – курганы; 4 – раскопы; 5 – границы вспашки (по: Крыжицкий и др., 1989. – С. 24. Рис. 5).

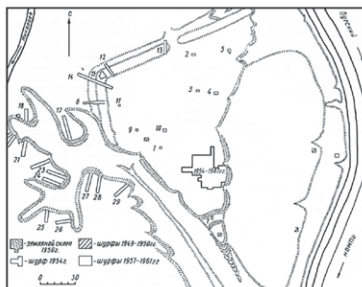

Рис. 55. Эрозионные и оползневые процессы на Козырском городище (по: Бураков, 1976. – С. 5. Рис. 1).

Рис. 53. Керамика из затопленной части Ольвии (по: Лейпунская, 1984).

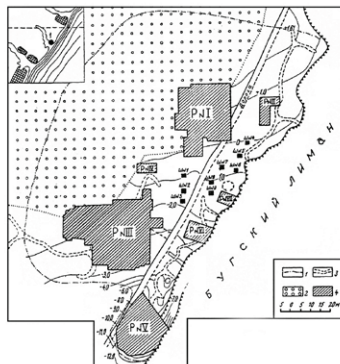

Рис. 56. Оползневые процессы на поселении Старая Богдановка 2: 1 – границы поселения; 2 – виноградники; 3 – окопы; 4 – раскопы (по: Доманский, Марченко, 1999).

Рис. 56а. Изображение Н.Н. Аркаса на почтовой марке.

Рис. 58. Схема расположения археологических памятников в районе урочища Дидова Хата: 1 – поселение Дидова Хата; 2 – усадьба № 1; 3 – усадьба № 2; 4 – усадьба № 3; 5 – грунтовый некрополь; 6 – поселение средней бронзы (по: Крыжицкий и др., 1989. – С. 120. Рис. 10).

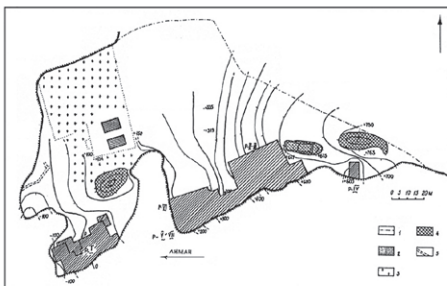

Рис. 59. Эрозийные процессы на поселении Лупарево 2: А – план; 1 – раскоп; 2 – границы раскопа; траншеи военного времени; 4 – современное строение; 5 – землянка; Б – план раскопа 2 (по: Крыжицкий и др., 1989. – С. 31. Рис. 46).

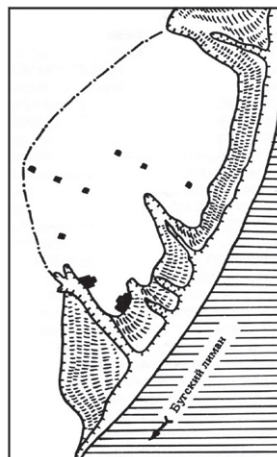

Рис. 57. Оползневые процессы на поселении Радсад 1 (по: Крыжицкий и др., 1989. – С. 71. Рис. 64).

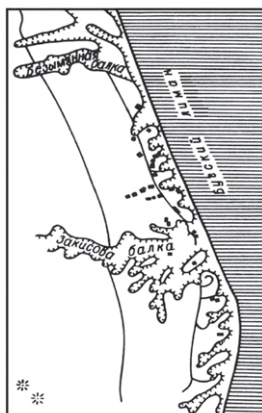

Рис. 60. Оползневые процессы на поселении Закисская Балка (по: Крыжицкий и др., 1989. – С. 107. Рис. 38, 1).

Рис. 60а. Ингульская верфь. Фрагмент диорамы в Николаевском музее судостроения и флота. Художник В. Семернев.

Рис. 60б. Адмирал А.С. Грейг (1775-1845).

Рис. 61. Планы поселений: I – Аджигол 1; II – Днепровское 2. Условные обозначения: 1 – границы поселений; 2 – раскопы, имеющие средневековые слои (по: Буйських, Іевлев, 1991. – С. 93. Рис. 2).

Рис. 62. Оползневые процессы на поселении Куцуруп 1. План: 1 – границы поселения; 2 – раскопы; 3 – современные огороды; 4 – современные постройки; 5 – окопы (по: Доманский, Марченко, 1999).

Рис. 63. Спутниковая съемка района Очаковского лимана.

Рис. 64. Изображение Очаковской и Кинбурнской крепостей на «Carte der Lanbung und Attaque der Turken bei Kinburn den 12 Oct. 1787» (по: Сапожников, 2000).

Рис. 65. Гидроархеологические находки в западной части Днепроовского лимана: Δ – места находок античной керамики; ▲ – места находок средневековой керамики (по: Назаров, 2003).

Рис. 65а. Вид на Очаковскую крепость с моря. Акварель С.В. Страшного.

Рис. 65б. Штурм Очакова русскими войсками в 1788 г. Рисунок С.В. Страшного.

Рис. 65в. Карта сражения 1688 г.

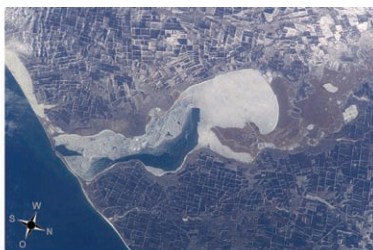

Рис. 66. Современные очертания Березанского лимана. Космическая съемка (по: <http://content.foto.mail.ru.i-8383>).

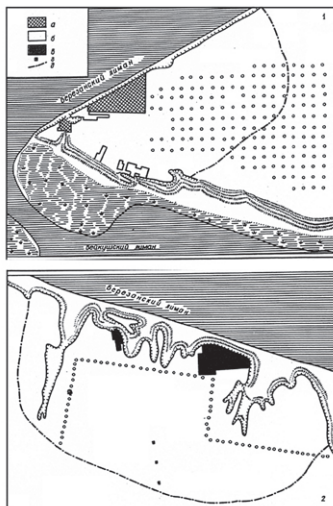

Рис. 67. Планы Бейкушского поселения (1) и поселения Большая Черноморка 2 (2) (по: Крижицкий и др., 1989. – С. 23. Рис. 4).

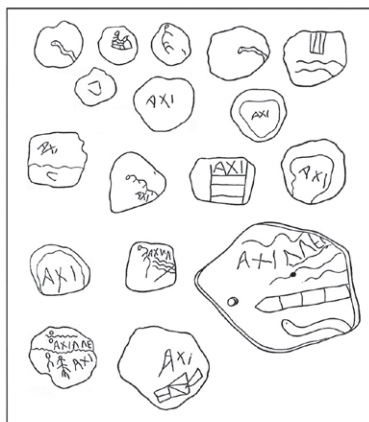

Рис. 67а. Образцы бейкушских остраконов, связанных с культом Ахилла (по: Русяева, 1992. – С. 132. Рис. 67).

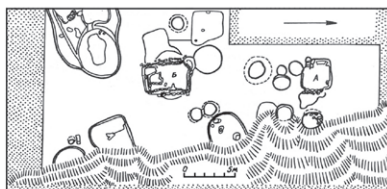

Рис. 68. Оползневые процессы на поселении Викторовка 1 (по: Крыжицкий и др., 1989. – С. 45. Рис. 13).

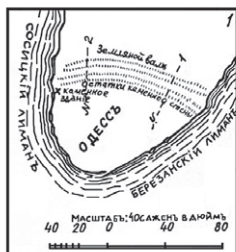
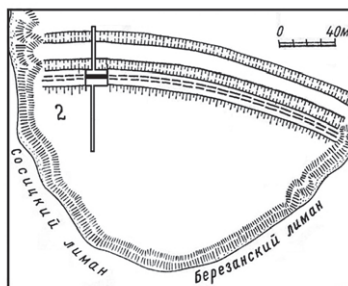

Рис. 69. Оползневые процессы на городище Мыс: 1 – 1915 г.; 2 – 1983 г. (по: Буйских, 1991. – С. 57. Рис. 22).

Рис. 69а. Березань. Вид с высоты птичьего полета. Фото.

Рис. 69б. Северо-Западная оконечность острова. Фото.

Рис. 71. Вид на Березань со стороны Кинбурнской крепости. 1777-1778 гг. (по: Сапожников, 2003. – С. 456. Рис. 3).

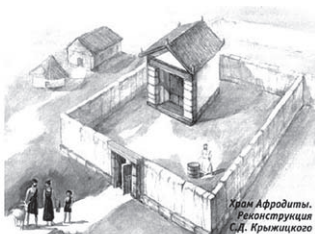

Рис. 73. Храм Афродиты Урании на Березани. Реконструкция С.Д. Крыжицкого.

Рис. 70. План острова Березань (по: Прендель, 1886).

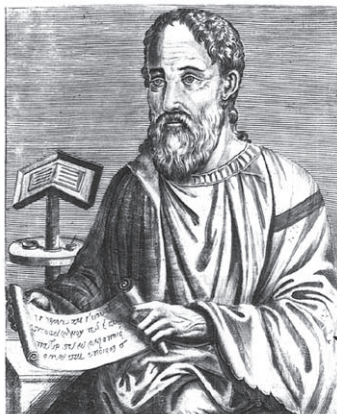

Рис. 72. Евсевий Кесарийский (263-340). Портрет, написанный в новое время.

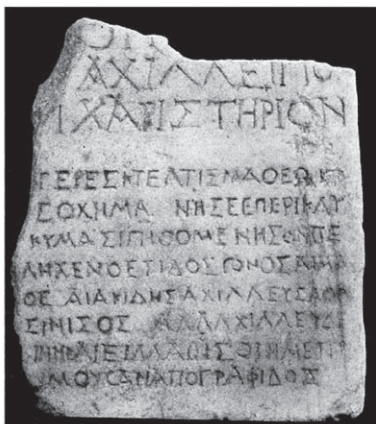

Рис. 73а. Посвящение Ахиллу из Березани (по: Шелов-Коведяев, 1990).

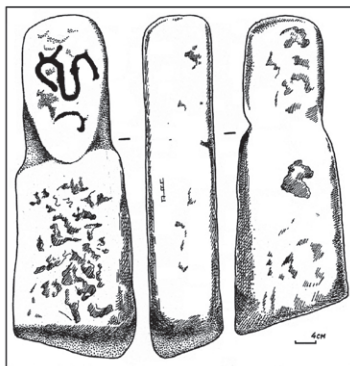

Рис. 74. Мраморная герма, найденная в водах лимана близ Березани (по: Логачева, Снытко, 1986. – С. 59. Рис. 1).

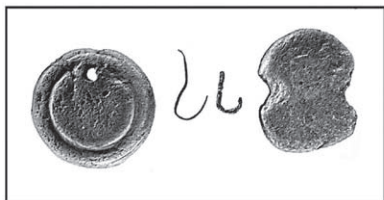

Рис. 76. Надгробие X-XII вв. с рунической надписью из Березани.

Рис. 77. «План острова Березань с показанием на оном укреплении, занятого российскими войсками ноября 7-го дня 1788 года. Начертил подпоручик армии Белоусов. Пояснения: 1 – Крепость, обнесённая земляным валом и полисадом; 2 – Ворота и через ров подъёмный мост; – Пороховой в земле погреб; 4 – Мечеть каменная; 5 – Каменный дом; 6 – Провиантский деревянный магазин; 7 – Пустые магазины; 8 – Обывательские строения; 9 – Землянки; 10 – Яма за крепостью; 11 – Неприятельские батареи; 12 – Неприятельские окопы; 13 – Провиантский магазин» (по: Сапожников, 2000).

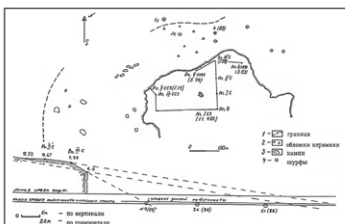

Рис. 78. Подводные исследования у острова Березань: 1 – план затопленной части острова (по: Назаров, 2003).

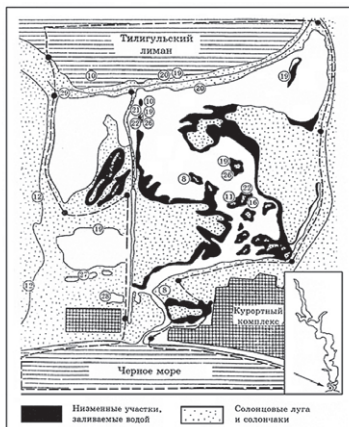

Рис. 80. Топографический план Тилигульской пересыпи (по: Стойловский, 2004).

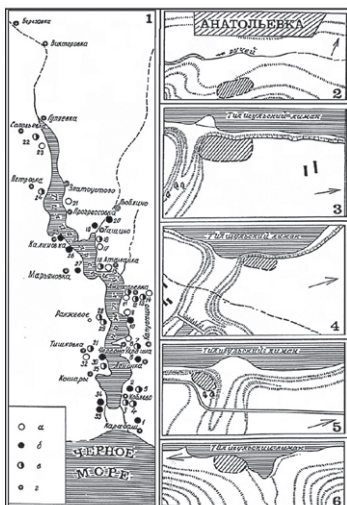

Рис. 79. Карта-схема расположения археологических памятников у Тилигульского лимана (1): а – поздняя бронза; б – IV-III вв. до н.э.; в – черняховское время; г – современные населенные пункты; планы поселений: 2 – Анатолиевка IV; 3 – Ташино II; 4 – Атаманка II; 5 – Прогрессовка; 6 – Петровка (по: Буйских, Иевлев, 1993).

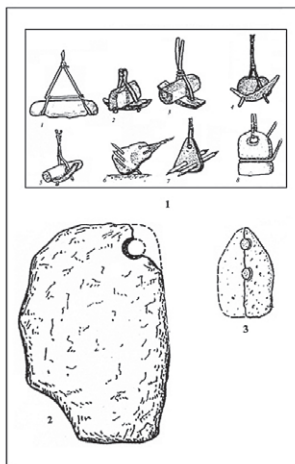

Рис. 81. Образцы древних каменных якорей: 1 – кобьяковская культура (по Э.С. Шарафутдиновой); 1, 2-5, 8 – Западное Причерноморье (по Н. Лазарову); 6 – Средиземное море; 7 – Египет (по Л.Н. Скрягин; 2, 1-2 – Ранжеев).

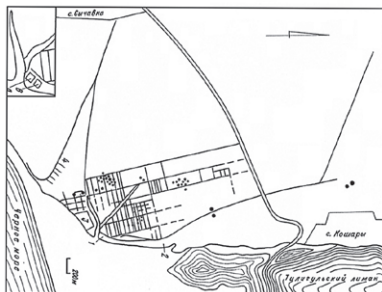

Рис. 82. Топография городища Кошары и его окрестностей: 1 – городище Кошары; 2 – поселение сабатиновской культуры; 3 – зона современного строительства; 4 – зона современного землепользования (по: Бруяко, Назарова, Петренко, 1991).

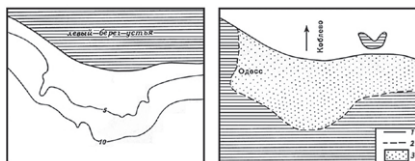

Рис. 84. Схематический геоморфологический разрез района левого берега устья Тилигульского лимана для второй половины 1 тыс. до н.э. 1 – современная береговая линия; 3 – береговая полоса, разрушенная за прошедшее время (по: Агбунов, 1981. – С. 134. Рис. 4).

Рис. 86. Топографическая карта начала XX в. с обозначением морской береговой линии и лиманов на запад от Тилигульского лимана.

Рис. 83. Разрез дна Черноморского побережья в районе от мыса Аджия до Одесского залива (по: Шуйский, Выхованец, 2004).

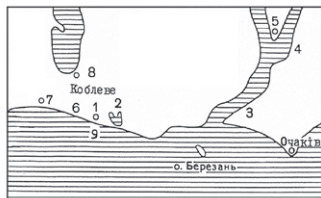

Рис. 85. Локализация древнего Одесса: 1 – по И. Щукису, И. Муравьеву-Апостолу, Г. Келлеру, И. Бларамбергу, И. Стемковскому, А. Фабру, А. Скальковскому, Э. Муральту, Г. Киперу, Н. Аркасу, К. Нойману, А. Уварову, Г. Шотлю, Ф. Бруну, Ф. Брауну, В. Латышеву, Э. Миннзу, Н. Кислингу; 2 – по Ж. Данвилю, К. Мюллеру, С. Пападимитриу; 3 – К. Маннерту, П. Кеппену, Ф. Кюльбу, Ф. Линдеру; 4 – П. Беккеру; 5 – В. Гошкевичу; 6 – Э. Дилу; 7 – Э. Симоновичу; 8 – М. Синицину; 9 – М. Агбуну.

Рис. 86а. Большой Аджалыкский лиман. Фото.

Рис. 86б. Малый Аджалыкский лиман. Фото.

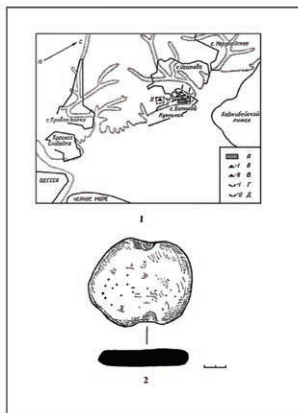
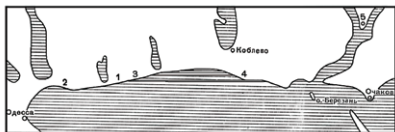

Рис. 90. Стела с посвящением Ахиллу Понтарху от оливийских стратегов из Одессы.

Рис. 91. Стела с посвящением Ахиллу Понтарху от оливийских агораномов из Одессы.

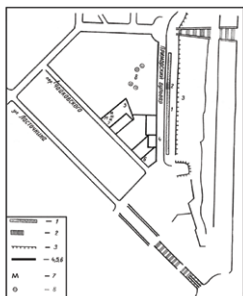

Рис. 92. Схема расположения поселения и могильника в районе Приморского бульвара: 1 – траншея с выходами культурного слоя; 2 – остатки строений; 3 – линия берегового обрыва; 4 – участки Теслицкого, Сен-При, Лопухина; 5 – участок Боффо; 6 – участок Делявеза; 7 – места могильных находок; 8 – случайные находки (по: Диамант, 1976. – С. 209. Рис. 2).

Рис. 93. План припортовой части Одессы с обозначением мест археологических находок (по: Добролюбский, Губарь, Красножон, 2002).

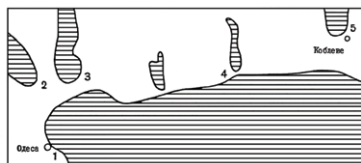

Рис. 94. Локализация гавани истриан по: 1 – И. Муравьевым-Апостолом; Г. Келлером, И. Стемпковским, А. Фабром, Е. Муральто, З. Аркасом, К. Мюллером; 2 – П. Беккером; К. Нойцманом, А. Уваровым, Ф. Бруном; 3 – Г. Шотлем, В. Латышевым, С. Пападимитриу, М. Синициным, М. Агбуновым; 4 – В. Гошкевичем, К. Маннертом.

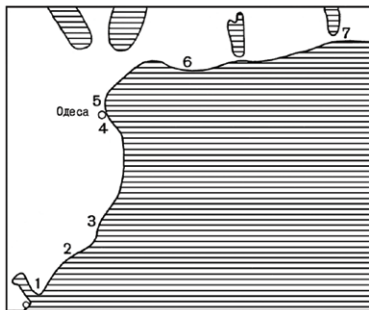

Рис. 95. Локализация гавани исиаков по: 1 – И. Стемповским, А. Фабром, Е. Муральто, Г. Киппертом; 2 – 3. Аркасом, С. Паладимитриу; 3 – К. Мюллером; 4 – П. Беккером, К. Нойманом, А. Уваровым, Ф. Бруном, В. Латышевым, Э. Миннзом, М. Агбуновым; 5 – М. Синициным; 6 – В. Гошкевичем; 7 – К. Маннертом.

Рис. 95а. Челеби-путешественник. Воображаемый портрет нового времени.

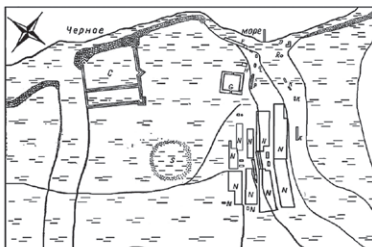

Рис. 96. «План... новопостроенного на берегу Черного моря турецкого города Гаджибея» Ивана Исланьева: В – батарея; С – Ретражимент старой соединенной батареи; D – дом командира города; Е – магазин; F – хлебопекарня; G – гостинный двор; H – мечеть; I – свайная пристань; K – неизвестные строения с реманентом; N – строения кучеров, янычар и христиан-волохов, построенные на выезде; O – место, где собираются старшины в торговые дни; P – казенные лавки для купцов; Q – дом янычарского бей; R – колодец; S – развалины старой крепости города Качибей (по: Боровой, 1967).

Рис. 97. Вид на турецкую крепость Хаджибей со стороны гавани. Гравюра XIX в.

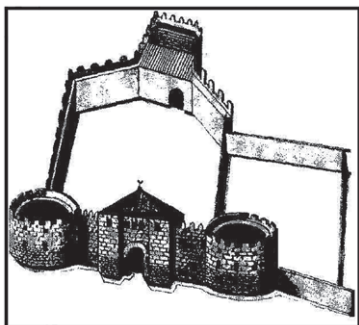

Рис. 98. Внешний вид турецкой крепости Хаджибей (по: Болдирев, 1995).

Рис. 98а. Г.А. Ладыжинский. 1899 г. Вид на турецкий Хаджибей со стороны Перекопы.

Рис. 100. Карта Одессы конца XIX в. (немецкое издание).

Рис. 99. Карта Старой Одессы.

Рис. 100а. Одесса в 1837 г. Гравюра.

Рис. 101. Карантинная гавань в конце XIX в. Литография.

Рис. 102. Вид Нововоронцовского маяка в начале XX в. Фотография.

Рис. 102а. Вид Нововоронцовского маяка в начале XX в. Акварель.

Рис. 102б. Пушка, поднятая с затонувшего в 1854 г. английского фрегата, установленная на Думской площади.

Рис. 102в. Остатки самолета Ю-52А, обнаруженные у входа в Одесскую гавань.

Рис. 104. Лоция Черного моря. От Одессы до устья Днестровского лимана. 1798 г. (по: Край Овідія, 2005. – С. 108).

Рис. 103. Карта Ф.П. Деволана побережья Черного моря от правого берега Днестровского лимана до Малого Аджалыкского лимана (по: Край Овідія, 2005. – С. 58).

Рис. 105. Карта Черноморского побережья от Одессы до устья Днестровского лимана. 1896 г. (по: Край Овидія, 2005. – С. 128).

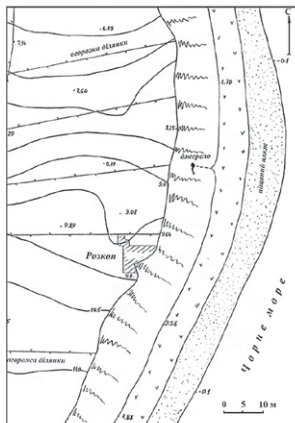

Рис. 106. План поселения Старое Бугово (по: Сапожников, Сапожникова, Секерская, 2002. – С. 121. Рис. 1).

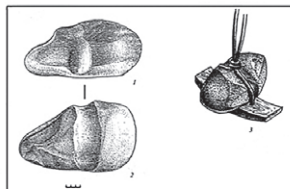
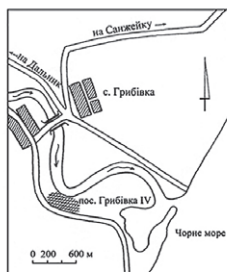

Рис. 107. Каменный якорь из саба-
тиновского поселения Грибовка 4: 1 –
схема расположения поселения; 2 –
внешний вид и реконструкция якоря.

Часть 2

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ДНЕСТРО-БУГСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

КУРГАННАЯ ГРУППА У с. ВАПНЯРКА

Могильник из девяти курганов, расположенный между селами Вапнярка и Александровка Коминтерновского района Одесской области, известен в научной литературе с середины XIX века (Уваров, 1851, табл. XXVI-XXVII). В дальнейшем курганы неоднократно фиксировались при проведении археологических разведок (Загинайло, 1973. - С. 16; Смольянинова, Островерхов, Кушнир, 1996. - С. 48, карта 4). На топографических картах Одесской области отмечен один из курганов могильника, с триангуляционным знаком на вершине.

Вследствие сложившейся ситуации (изменение целевого назначения лишь на части поля), могильник раскопан не полностью. В результате раскопок было обнаружено 26 захоронений, соотносимых с энеолитом, бронзовым веком и скифо-античным временем.

Историческая справка.

На берегах Аджалыкского лимана (в том числе на плато, где расположены курганы) в сентябре 1941 года была проведена боевая операция, связанная с обороной г. Одессы и получившая название Григорьевский десант. В районе с. Григорьевки отряд кораблей Черноморского флота (крейсера «Красный Кавказ» и «Красный Крым», эсминцы «Безупречный» и «Бойкий») под командованием контр-адмирала С.Г. Горшкова, прибывший из Севастополя, в ночь на 22 сентября 1941 высадил десант (3-й полк морской пехоты; 1929 человек; под командованием капитана К.М. Кореня, военком — батальонный комиссар И.А. Слесарев) для содействия Приморской армии в разгроме группировки румынских войск, наступавшей на Одессу из района Гильдендорф, Фонтанка. Используя успех, достигнутый морским десантом, продвинувшимся с боями на 10 км и захватившим Старую Дофиновку, войска Приморской армии (157-я и 421-я стрелковые дивизии) из района Крыжановки (Куяльницкий лиман) нанесли внезапный контрудар по румынским войскам в на-

правлении Сverdлово. Войскам и десанту оказывали поддержку корабельная и береговая артиллерия, а также авиация флота. В результате операции были разгромлены 13-я и 15-я румынские пехотные дивизии. Противник потерял до 2 тысяч человек и был отброшен на 5—8 километров. Десантники пробившись из Старой Дофиновки и соединились с основными силами Приморской армии (Козлов, 1985).

По историческим сведениям и рассказам местных жителей, во время Великой Отечественной войны на данном поле были оборонительные укрепления и окопы румынских войск. Судя по историческим картам, на поле был направлен удар с моря и воздуха.

На поле встречаются осколки снарядов, гильзы и патроны.

Перед началом раскопок на исследуемом участке визуально фиксировалось четыре кургана, несколько «пятен», выделявшихся более светлым тоном на фоне темной пашни, а также скопление мелких камней известняка и фрагментов керамики к востоку от кургана 2. Все курганы могильника сильно распаханы и выделяются едва заметными всхолмлениями небольшого диаметра на фоне пахоты, за исключением кургана 1.

На поле, где расположен могильник, перед началом раскопок был собран подъемный материал – фрагменты стенок светлоглиняных и красноглиняных античных амфор, фрагменты стенок лепных сосудов, кремневые отщепы, кости животных.

Курган 1 (Рис. 1-3).

К моменту раскопок имел высоту 0,96 м от современной поверхности поля, диаметр около 18 м. Полы кургана распаханы, задернованы, в центральной части насыпи до начала раскопок фиксировалась каменная наброска, состоящая из необработанных камней известняка, а также бетонные столбики и железные швеллера от геодезической пирамиды, которая к моменту раскопок не сохранилась. В центральной части кургана при предварительной расчистке вершины обнаружен геодезический репер в виде бетонного пилона с металлическим навершием, на которое нанесена маркировка. За условный нулевой репер кургана 1 был принят существующий геодезический репер.

Зачистка центральной части кургана выявила каменную вымостку (Рис. 5) из рваных по слою полигональных, реже подпрямоугольных плит известняка, преимущественно необработанных, иногда грубо околотых и отесанных. Вымостка, в основном, четы-

рехслойная, в центре – пятислойная, по краям – одно- и двухслойная. Ее размеры:

максимальная протяженность по линии север-юг 9,3 м

максимальная протяженность по линии запад-восток 11,6 м

Камень уложен небрежно, в виде наброски, мощность ее - 0,85 м. Размеры камней от 0,2 до 0,5 м в длину (0,52х0,23 м, 0,39х0,23х0,09 м, 0,37х0,32 м, 0,26х0,21х0,11 м, 0,22х0,2 м). Строгой геометрической формы каменная конструкция не имела. При ее зачистке между камнями и в дерновом покрытии встречались мелкие фрагменты античных амфор, лепной керамики, костей животных.

В 7,5 м к юго-западу от репера, фиксируется воронка от снаряда, диаметром около 2,5 м, с рваными краями, которая выделяется на фоне суглинка черным заполнением и материковым «гребнем» по краю. В западной части насыпи найдена противотанковая граната РГ-52. В восточной части насыпи прослежена яма, заполненная мешаным грунтом и крупными камнями; ее диаметр около 9-10 м глубина свыше 1,6 м. Выявленная яма является, скорее всего, воронкой от взрыва бомбы или снаряда. При зачистке бровки в воронке, заполненной мягким сыпучим грунтом, смешанным с камнями известняка, был найден запал от противотанковой мины. Воронка не раскапывалась в связи с возможностью обнаружения неразорвавшихся снарядов.

Каменная наброска является более поздним сооружением по отношению к фортификационным объектам времен Великой Отечественной Войны. Об этом свидетельствуют профили кургана, по которым можно определить положение камней на выбросе окопа (в западном секторе) или на поверхности заполненной камнями воронки (в восточном секторе). Основного захоронения, либо его следов, или же человеческих костей не зафиксировано. В полах кургана захоронений или элементов курганной архитектуры (ров, кромлех) не обнаружено.

По-видимому, во время Великой Отечественной войны курган использовался в системе фортификационных укреплений, расположенных на этом поле. К нему ведут окопы, обнаруженные при изучении прикурганного пространства в западном и северном секторах. После войны воронка, и частично – окопы, были засыпаны камнями при подготовке поля к сельскохозяйственным работам. Вероятно, центральное погребение, как и почти весь курган, было уничтожено воронкой от взрыва, что неудивительно, учитывая двойной обстрел поля с моря и воздуха.

В процессе работ в земляных слоях найдены фрагменты керамики, кремневые отщепы (без следов обработки или использования), кости животных. Судя по керамике из насыпи кургана (преимущественно, мелкие фрагменты стенок амфор и стенки лепных сосудов), его можно датировать ранним железным веком. Амфоры эллинистического времени и единичные краснолаковые фрагменты I-III вв н.э. позволяет предположительно сузить хронологические рамки в диапазоне от IV-III вв до н.э. до I-III вв н.э. Найденный фрагмент поливного сосуда является единичным на всем курганном поле.

Кости животных: Крупный рогатый скот. Фр-т нижнего пре-моляра – 1; Фр-т позвонка - 1; Метакарпальная кость – 1. Лошадь. Фр-т верхнего моляра – 1; Верхний моляр 2-й – 1; Фаланга 1-я – 1.

Курган 2 (Рис. 6)

Курган расположен на расстоянии 30 м к северо-северо-западу от кургана 1. Высота кургана 0,2 м, диаметр около 20 м, сильно распахан. На поверхности кургана – многочисленные мелкие камни известняка, также встречаются фрагменты стенок античных амфор. Курган раскапывался с одной бровкой, ориентированной по линии север-юг, длина бровки 22 м, ширина 1 м, высота 2,2 м.

Стратиграфия кургана (Рис. 7). Курган насыпан в один прием над скифским погребением 2. Далее в южную полу кургана были впущены два детских захоронения (№№ 3, 4), также скифского времени. Самым поздним является неопределенное погребение 1, которое, судя по хорошей сохранности костей, можно предположительно связать с поздним средневековьем.

К моменту раскопок фиксировалась единственная насыпь кургана; она прослежена в восточном и западном профилях бровки, в центральной части. Насыпь состояла из чернозема, перемешанного с мелким камнем известняка и известняковой крошкой, распахана. Сохранившаяся центральная часть насыпи имела диаметр около 11 м, толщина ее 0,24 м.

Под насыпью - погребенный чернозем темно-серого цвета, толщиной около 40-45 см, суглинок желтоватого, местами коричневатого, цвета (толщина около 35-45 см) и материк (ярко-желтая глина-белоглазка).

Учитывая, что погребение 4 находилось в 10 м к юго-востоку от репера, можно предположить, что в древности курган имел диаметр не менее 20-25 метров.

В западном профиле бровки, к северу от репера, между насыпью и погребенным черноземом фиксируется материковый выброс из колодца основного погребения, толщина выброса около 15 см, длина 0,5 м. Он лежит у борта входной ямы. К югу от репера фиксируется выброс толщиной до 0,1 м - на участке от 0,7 до 1,7 м. В восточном профиле бровки также прослежен выброс из основного погребения: а) материк, протяженность к северу от репера 1,5 м, толщина до 0,1 м; б) мешаный грунт (суглинок с материком), протяженность к югу – 1,8 м, толщина до 0,1 м. Мощный выброс из основного погребения фиксируется не только в бровке, но и в горизонтали: в западном секторе кургана, к северу и к западу от основного погребения (максимальное расстояние к западу от репера – 8 м, к северу – 3,5 м).

В западном профиле с уровня насыпи кургана прослеживается восточный край устья входной ямы погребения 2. На глубине 0,65 м в западном профиле фиксировались камни заклада над погребением 2.

Позднейшие перекопы. Южную полу кургана пересекает окоп времени Великой Отечественной войны, который фиксируется в бровке в 9 м к югу от репера и в горизонтали. Он связывает юго-восточную полу кургана 2 и западную полу кургана 1. Ширина окопа – 1,6 м, прослеженная глубина 1 м. На дне окопа отдельными скоплениями - крупные камни известняка, лежащие поверх слоя ила. Заполнение: мешаный желтый грунт с илистыми прослойками. Видимо, окоп долго был открытым, а потом засыпан перед полевыми работами. В центре кургана, в западном и восточном профилях, в 0,5 м к северу от репера видны контуры поздней ямы, прорытой экскаватором (ширина 0,7-0,8 м, глубина 0,8 м).

Исследование захоронений

Погребение 1 (неопределенное, парное) (Рис. 8, 1) найдено в 2,6 м к востоку от репера, на гл. 0,55 м. Контуры могильной ямы не прослежены. Скелеты двух погребенных разрушены, кости находятся не в анатомическом порядке. Два человеческих черепа лежат на правых височных костях, вплотную друг другу, ориентированы на юг. К северу от черепов, находились остальные кости, они залежали в материковом выбросе, относящемся к погребению 2.

Инвентарь отсутствует.

Погребение 2 (скифское, основное) (Рис. 8, 2) расположено на расстоянии 0,15 м к западу от репера кургана, на глубине 0,65 м.

Выявлено по мощному каменному закладу толщиной 0,4 м, уходящему под бровку.

Над закладом в бровке прослежены следы работы ковшом экскаватора: яма с зубцами по дну, заполненная светлым суглинковым грунтом. После снятия бровки над погребением заклад был зачищен; он оказался округлой в плане формы, диаметром 2,45 м, и был составлен из плит известняка и крупного бутового камня. Вымостка двухслойная, мощность - 0,42 м. Часть камней — со следами подтески, остальные — полигональные необработанные, рваные по слою, их размеры — от 0,2 до 0,7 м (0,71x0,46, 0,48x0,25x0,16, 0,41x0,28, 0,29x0,13, 0,19x0,09 м).

Среди камней заклада находился блок-параллелепипед (размером 0,62x0,39x0,26 м), сохранивший следы клиньев (в виде желобов диаметром около 5-10 см), используемых при его выламывании из карьера. Следы расположены в разном направлении — горизонтально и вертикально.

В земляном заполнении между камнями заклада найдены трехгранный втульчатый бронзовый наконечник стрелы. После снятия заклада, на глубине 1,05 м, выявился входной колодец катакомбы с овальным устьем; по мере углубления колодец приобрел подпрямоугольные контуры. Диаметр колодца — 2,26x1,7 м, глубина — 2,83 м (дно на глубине 3,74 м от репера).

С уровня 2,2 м от репера (1,15 м от устья) колодец приобретает вид крутого пандуса, имея наклон к востоку (около 45 - 50°). На стенах — небольшие ступени-зарубки для спуска. В северной стенке фиксировалась одна ступенька, в южной и восточной — по три.

В заполнении колодца найдены кости животных, а в придонной части — фаланга пальца человека, фрагмент тонкостенного сероглиняного сосуда с чернолощеной поверхностью и два фрагмента красноглиняных амфорных стенок, кости животных. На дне колодца — две крупных плиты известняка длиной 0,7-0,8 м.

Вход из шахты в погребальную камеру арочный (заостренной кверху, «стрельчатой» формы), высотой 1,23 м. С помощью бульдозера в целях безопасности был снят грунт к востоку от бровки, до выявления свода погребальной камеры. Бровка над захоронением была снята вручную для уменьшения давления и во избежание обвала.

Погребальная камера имеет вид катакомбы подпрямоугольных очертаний, неправильной формы (Рис. 37, 2), размерами 2,1 (западная стена, по оси С-Ю) x 1,6 м — 2,6 м (южная и северная стены, по оси З-В), высота свода (сохранившегося частично) — 1,9 м. В

северо-восточной части — подбой. Размеры подбоя: 0,9 (по оси С-Ю) x 0,88 м (по оси З-В). Погребальная камера и входной колодец вырыты в желтом материковом суглинке. Заполнением входного колодца служил смешанный грунт (гумус с комьями суглинка и материка). Катакомба заполнена грунтом в придонной части. На западной и северной стенке фиксировались следы белой извести и пятна красной охры.

Погребение ограблено в древности (через входной колодец). Вероятно, камни из заполнения колодца первоначально могли служить для заклада входа в погребальную камеру. Скелет поврежден грабителями, но сохранил относительный анатомический порядок. Погребенный лежал вытянуто на спине вдоль северной стенки погребальной камеры, головой ориентирован на ЗСЗ, руки вытянуты вдоль туловища, ноги размещены в подбое. От черепа сохранилась нижняя челюсть. Часть ребер и тазовых костей отсутствуют, перемещены. На смещенном пальце правой руки сохранились следы окислов меди/бронзы, по-видимому, от имевшегося в древности перстня. На середине правой голени также прослежено пятно окисла (возможно, ножной браслет?).

Между коленями уложен небольшой плоский камень. В заполнении у дна был найден (обнаружен) бронзовый трехгранный втульчатый наконечник стрелы плохой сохранности.

Инвентарь: 1. Бронзовый трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой (Рис. 8, 3). Грани у основания украшены ямками. Длина – 2,8 см. 2. Бронзовый трехгранный наконечник стрелы с еле выступающей втулкой (Рис. 8, 4). Сильно окисленный. Длина – 3 см. 3. Два небольших фрагмента стенок светлоглиняных амфор IV-III вв. до н.э. 4. Фрагмент венчика тонкостенного сероглиняного гончарного сосуда, с лощеной поверхностью.

Кости животных: Крупный рогатый скот. Фр-т плечевой кости – 1; Лучевая кость – 1; Фр-т локтевой кости – 1; Локтевая кость карпального сустава – 1; Фр-ты тазовой кости – 1; Таранная кость – 1.

Погребение 3 (скифской культуры, детское) (Рис. 9, 1). Обнаружено на расстоянии 3 м к юго-востоку от репера, на глубине 1,2 м. Могильная яма неправильно-овальной формы, ориентирована по оси З-В с отклонением. Длина 1,45-1,6 м, ширина 0,7 м, глубина 0,2 м. Заполнением служил гумус, смешанный с суглинком, в нем встречены 2 фрагмента амфор. Скелет ребенка лежал вытянуто на спине, головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища. Посткраниальный скелет частично разрушен, но сохранил анатомиче-

ский порядок. Над левым плечом возле черепа лепной горшочек. В районе несохранившихся шейных позвонков – остатки ожерелья (две стеклянных бусины, раковина). У запястья правой руки – остатки браслета (раковины, глазчатые бусины, костяные подвески, зуб байбака). Между левой рукой и ребрами – раковина-подвеска с отверстием. На левой бедренной кости – три бронзовых наконечника стрел.

Инвентарь: 1. Керамика. Лепной кубок, ножка отломана в древности (Рис. 9, 2). Сама емкость деформирована, овальной конфигурации, край венчика срезан под прямым углом. Тесто грубое, с примесью шамота, в изломе – черное; внешняя поверхность бугристая, обжиг неравномерный, цвет варьирует от серого до светло-розового. Высота сохранившейся части – 7,9 см; диаметр 8,0 x 9,9 см.

2. Ожерелье. а) Мелкие округлые глазчатые бусы – 2 экз (Рис. 9, 3). Диаметр 0,7 и 0,9 см, диаметр сквозных отверстий 1 и 1,5 мм. Основа из просвечивающегося синего стекла. На поверхности три слоистых глазка – на белый диск нанесен синий центр. Внутри отверстия следы керамической основы. б) Подвеска из раковин моллюсков *Nassa mutabilis*. Высота – 1,7 см.

3. Браслет с запястья а) Округлая глазчатая бусина, на поверхности – 7 выкрошившихся глазков (Рис. 9, 4). Внутри цилиндрического отверстия – следы керамической основы. Тип определить невозможно. Диаметр – 1,8 см, диаметр сквозного отверстия – 4 мм. б) Подвеска из зуба байбака *Arctomys Bobac* (Рис. 9, 5). Длина – 5 см. Ближе к резцу сделано сквозное отверстие, диаметром 1 мм. в) Подвеска из раковин моллюсков *Nassa mutabilis* (Рис. 9, 9-10). Высота – 1,8 см.

4. Браслет с предплечья. Подвеска с отверстием из раковины моллюска *Euthria cornea* с отверстием (Рис. 9, 11). Высота – 4,7 см.

5. Наконечники стрел. а) Бронзовый трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой (Рис. 9, 6). Грани у основания украшены ямками. На одной из граней – сквозное отверстие. Длина – 2,4 см. б) Бронзовый трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой (Рис. 9, 7). Грани у основания украшены ямками. Длина – 2,4 см. в) Бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с выступающей втулкой (Рис. 9, 8). Концы лопастей срезаны под острым углом к втулке. Втулка в разрезе шестигранная. Длина – 3,3 см.

Погребение 4 (скифской культуры, детское) (Рис. 9, 12). Расположено на расстоянии 10 м к юго-востоку от репера, на глу-

бине 1,25 м от репера. Могильная яма не прослеживалась, дно на глубине -1,4 м от репера. Костяк плохой сохранности (разрушен) залегал в смешанном коричневатом суглинковом слое, вытянуто на спине, головой на запад. Правая рука была вытянута вдоль тела, левая слегка согнута в локте (кисть на тазовых костях). Череп смещен к западу. Нижняя часть посткраниального скелета смещена, кости ног и таза – на верхней части скелета и к северу от него. У черепа, выше правого плеча - лепной горшочек с остатками костей животных (крупный рогатый скот).

В погребении было найдено в общей сложности 32 стеклянные бусины. Поскольку часть костей скелета смещена, первоначальное расположение бусин восстанавливается не полностью, хотя выделяется несколько комплексов. Можно отметить 10 бусин, компактной группой, у правого запястья (одноцветные и полихромные), и еще одну – несколько ниже. Фиксируется еще две пары полихромных бус, вблизи перемещенных костей нижних конечностей. Остальные бусины расположены бессистемно. Справа от таза – зуб лошади, чуть выше тазовых костей – обмазка зеленоватой глиной.

В заполнении найдены два фрагмента стенки светлоглиняной амфоры IV-III вв. до н.э.

Инвентарь: 1. Керамика. а) Сосуд лепной с высокой цилиндрической шейкой, выпуклым туловом, сужающимся ко дну (Рис. 9, 13). Край венчика приострен, слегка отогнут наружу. По плечикам – углубленный орнамент в виде горизонтального ряда оттисков, выполненных орнаментиром. Поверхность сосуда розовато-серая, в изломе цвет черный, в тесте примесь дресвы. На днище сосуда и в придонной части – несколько отпечатков зерен злаков. Размеры: высота 7,7 см, диаметр венчика – 6 см, диаметр дна – 4,5 см. б) Фрагмент стенки светлоглиняной амфоры IV-III вв. до н.э.

2. Бусы а) Одноцветные, из желтого стекла – 11 шт. (Рис. 9, 14). Диаметр 5-7 мм, диаметр сквозных отверстий 1-2 мм. б) Полихромные – 21 шт. (Рис. 9, 15). Мелкие бусы яйцевидной формы из просвечивающегося стекла с вертикальным полосатым орнаментом. Полоски белые. Диаметр 5-7 мм, диаметр сквозных отверстий 1-2 мм.

Кости животных: Лошадь. Верхний премоляр – 1. Крупный рогатый скот. Костный лом – 3.

Отдельные находки.

В верхних слоях кургана были обнаружены несколько разрозненных камней.

Пункт 1. На расстоянии 2 м к северо-востоку от репера, на глубине 0,15 м обнаружено несколько крупных камней без следов обработки.

Пункт 2. На расстоянии 1,7 м к юго-востоку от репера, на глубине 0,05 м обнаружено несколько крупных камней без следов обработки.

Пункт 3. На расстоянии 6,2 м к юго-востоку от репера, на глубине 0,8 метра обнаружен необработанный камень-известняк.

КУРГАН 3 (Рис. 10)

Расположен на расстоянии 90 м к северо-северо-западу от кургана 1. К моменту раскопок высота кургана составляла около 0,2 м, визуально фиксируемый диаметр около 20 м. Курган насыпан в один прием над скифским погребением 2. В дальнейшем в него было впущено погребение 1, также скифского времени. Курган распахан, насыпь не выделяется ни по цвету, ни по структуре.

Курган раскапывался с оставлением одной контрольной бровки, разбитой по линии ССВ-ЮЮЗ, высотой 1,3 м, который позволил проследить следующую стратиграфию (описание производится сверху вниз) (Рис. 11): 1. Чернозем – толщина 0,3 м; 2. Суглинок – толщина 0,45-0,5 м; 3. Материк (ярко-желтая глина-белоглазка).

Под репером и к югу от него прослеживается яма правильных прямоугольных очертаний, длина по линии север-юг 4 м, прослеженная ширина по линии запад-восток – около 2 м, глубина – 1,25 м. Яма заполнена крупными камнями известняка. В 5 м к северу от репера и в 8 м к югу от него, на глубине 0,75 м, фиксируется ров. Он выделяется несколько более темным заполнением на фоне суглинка. Размеры рва в северной части профиля – глубина 0,5 м, ширина – 0,5 м, ко дну слегка сужается. В южной части профиля ров шире, около 1 м.

В западном профиле прослеживается та же яма, что и в восточном профиле, глубина ее около 0,75 м. Ров фиксируется в 4,5 м к северу и в 7,5 м к югу от репера, также шире в южной части. Ров, окружавший курган, слабо прослеживался в горизонтали, он был виден лишь на отдельных участках в виде несколько более светлого заполнения, либо на тех участках, где дно его было слегка углублено в материк. Судя по его профилю, зафиксированному в бровке, ров имел подтрапецевидные очертания, расширяясь кверху. Его размеры: диаметр около 15-17 м, ширина в верхней части 0,5 м-1 м, ширина у дна: 0,45-0,9 м, глубина 0,5-0,6 м.

В кургане выявлены два окопа, фиксировались в придонной части. Оба окопа сходились к яме, выявленной под репером: 1. окоп вдоль восточного профиля бровки, ширина около 0,7 м, прослеженная длина около 3 м. 2. окоп, расположенный по линии запад-восток, ширина около 0,7 м, прослеженная длина около 12 м. Окопы не были углублены в материк, дно их находилось на уровне суглинка. Судя по перепаду высот, яма, выявленная в бровке, понижается к востоку. Возможно, это был блиндаж, дот или же какое-то иное фортификационное сооружение времен Великой Отечественной войны.

Погребение 1 (впускное, скифское) (Рис. 12, 1) расположено на расстоянии 6,7 м к востоку от репера кургана, глубина обнаружения – 0,88 м. Входной колодец выделялся темно-серым (смешанным черноземно-суглиновым) заполнением на фоне предматерию суглинка. Ориентирован по линии север-юг (с минимальным отклонением к западу), в плане подтрапцевидной формы, сужается к северу. Длина ямы 1,62 м, ширина в южной части – 0,78 м, в северной части – 0,66 м. Была перекрыта по центру погребения закладом из пяти известняковых плит, лежащих в 2 слоя. Общая площадь заклада – 0,42 (по линии С-Ю) x 0,51 м (по линии З-В), общая мощность 0,21 м.

На глубине 0,39 м (-1,27 м от репера) у западной стенки, по центру ее длины, выявлена известняковая плита, размером 0,51 м x 0,40 м.

На глубине 1,7 м (-2,58 от репера) был обнаружен 4-слойный заклад погребальной камеры погребения 1, состоящий из необработанных плит известняка. Площадь заклада 1,5 м (по линии С-Ю) x 1,02 м (по линии З-В), он осел на дно после ограбления захоронения в современное время. Нижний, четвертый уровень заклада составляли две массивных плиты, их размеры: 0,81 x 0,62 x 0,26 (северная) и 0,64 x 0,50 x 0,24 м (южная).

Заклад закрывал вход в погребальную камеру с небольшими подбоями в южной и северной стенках, которая сопрягалась с входным колодцем с помощью дромоса. В северной стенке входного колодца сделано несколько ступеней. Дно на глубине 3,66 м от репера. Собственно погребальная камера также выполнена с подбоями в западной и восточной стенках, ее размеры: 1,24x1,05 м. Она вторгается западной частью в погребальную камеру погребения 2, видимо, с этим связан перепад в уровнях дна: погребальная камера погребения 2 несколько глубже. Среди камней заклада найден трехгранный бронзовый наконечник стрелы. В южной части яма

нарушена современным грабительским вторжением. Погребение полностью ограблено; кости не сохранились. В заполнении обнаружена лопатка животного. Погребальное сооружение – катакомба I типа.

Инвентарь: бронзовый трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой (Рис. 12, 2). Грани у основания украшены ямками. На одной из граней сделано сквозное отверстие. Длина – 2,8 см.

Кости животных: Крупный рогатый скот. Лопаточная кость – 1.

Погребение 2 (основное, скифское) (Рис. 12, 1). Расположено на расстоянии 1,55 м к юго-востоку от репера, уровень обнаружения – 0,88 м. Входной колодец, неправильных очертаний - подпрямоугольная северная часть и округлая южная. Размеры его 1,8-1,85 м. С западной стороны колодец спускается в погребальную камеру крутым пандусом, с уклоном 50-60°. В заполнении входного колодца на разном уровне было встречено большое количество камней, вплоть до больших плит размером 0,9-1,0 м, возможно, от каменного заклада, закрывавшего вход из колодца в погребальную камеру и разрушенного грабителями. Вероятно, заклад был комбинированным: на глубине 2,6 м (уровень от репера кургана -3,48 м) был найден сырцовый кирпич размером 0,25х0,15х0,25 м.

В заполнении колодца были прослежены ступени, вырезанные современными грабителями, они вели по направлению с запада на восток. Заполнение входного колодца и погребальной камеры смешанное: гумусный грунт, гумусно-суглинистый коричневатый грунт – в верхней части, на ступенях грабителей, переотложенный материковый желтый суглинок – под ступенями, до уровня дна.

Южная часть могильных камер погребений 2 и 1 имела заполнение, однородное с заполнением других частей грабительского лаза (заполнение грабительского лаза отличалось более мягким грунтом). Через входной колодец грабители вторглись с западной стороны в погребальную камеру захоронения 2 и в погребение 1. В заполнении входного колодца были обнаружены современные артефакты (стабилизатор мины, гильзы от патронов, румынская военная сумка, оцинкованное ведро, садовые рукавицы, упаковки от пищи).

Под ступенями современных грабителей находились первоначальные ступени, выполненные строителями. В придонной части входного колодца, зафиксированы илистые прослойки, перемежающиеся с материковым заполнением, и крупный – длиной 0,9 м -

камень известняка (перемещенный). Видимо, это свидетельствует о первичном ограблении захоронения в древности; после ограбления колодец какое-то время был открытым.

Погребальная камера представляла собой катакомбу диаметром 2,14 м с сохранившейся высотой свода 1,2 м. Уровень дна погребения от репера кургана 3,75 м. Погребальное сооружение – катакомба V типа.

Погребение ограблено. Костяк не сохранился; в заполнении погребальной камеры найдены единичные человеческие кости (ребра), и два бронзовых наконечника стрел.

Инвентарь: 1. Бронзовый трехгранный наконечник со скрытой втулкой (Рис. 12, 3). На одной из граней сделан паз. Длина – 2,3 см. 2. Бронзовый трехлопастный наконечник с выступающей втулкой (Рис. 12, 4). Сильно окислен. Концы лопастей срезаны под острым углом к втулке. Длина – 3,3 см.

Грабительские вторжения в погребения кургана 3 были неоднократными.

1. Над сводом погребальной камеры погребения 2, до глубины около 1 м (-1,88 м от репера кургана) прослеживается современный перекоп-траншея, идущий по линии запад-восток, длиной 1,82 м, шириной 1,37 м. Видимо, это разведочная траншея современных грабителей в поисках входного колодца: двигаясь с востока на запад, грабители обнаружили входной колодец и углубились в него. При этом ими были повреждены северная и западная стенки колодца.

Возможна и другая трактовка этой траншеи – грабители могли снять грунт над погребением во избежание обвала. В таком случае грабительский лаз связан лишь с входным колодцем, в материковом заполнении которого были вырезаны ступени, ведущие в погребальную камеру.

Следы этого вторжения (современные артефакты) были выявлены в заполнении колодца погребения. Через погребальную камеру погребения 2 грабители вторглись с западной стороны в погребение 1. На это указывает характер заполнения: южная часть могильной камеры погребений 2 и 1 имела заполнение, однородное с заполнением других частей грабительского лаза, а также было нарушено дно погребальной камеры захоронения 1.

2. После фиксации и снятия ступеней современных грабителей, в процессе раскопок входного колодца стало ясно, что через входной колодец захоронение было ограблено еще в древности. Об этом свидетельствует заполнение нижней части колодца, куда не

добрались современные грабители: илистые прослойки и крупный перемещенный камень в придонной части колодца, уже под современными ступенями.

Курган 4 (Рис. 13-15)

Расположен на расстоянии 130 м к северо-западу от кургана 1. Высота кургана 0,2 м, диаметр 20-25 м (визуально фиксируемая насыпь на начало раскопок – около 15 м). Курган сильно распахан. Центральная часть кургана исследовалась вручную, периферия – с помощью техники. Курган раскапывался с двумя контрольными бровками – центральной и северной. На начальном этапе исследования, учитывая небольшие размеры кургана, была оставлена одна бровка. В процессе работ к северу от центральной бровки был обнаружен каменный кромлех. Поэтому в 5 м к северу от центральной бровки, была оставлена дополнительная северная бровка. Перепад высот между центральным и северным реперами -0,1 м. Ширина каждой бровки – 1 м.

Стратиграфия кургана (Рис. 16). Сооружение первоначальной насыпи кургана связано с погребениями 4 и 9, относящихся к энеолитической эпохе. Погребение 9 является более поздним, об этом свидетельствует нарушение юго-западного угла погребения 4 каменной оградкой захоронения 9. Возможно, именно при установке оградки боковые стенки погребения 9 приобрели разную высоту и несимметричность. Там, где камни отсутствуют, фиксируется подобие уступчиков, на которых они могли располагаться. Вероятно, захоронение было перекрыто каменными плитами: к моменту раскопок погребение было ограблено и плиты в виде бесформенной наброски перекрывали его северо-восточный край и западный край погребения 10.

Эти два погребения (№4 и №9) окружал кромлех, имеющий диаметр около 5,6 м, сложенный из небольших, рваных по слою грубо отесанных полигональных плит известняка, частично – из бутового камня различной величины. Плиты поставлены орфостатно. Фактически сохранилась лишь западная-юго-западная часть конструкции. Южная и юго-восточная стороны кромлеха частично нарушены погребениями 5, 6, 8, 11, северная отсутствует. Сохранившаяся высота конструкции 0,25-0,27 м, уровень залегания верха камней – от 0,35 м до 0,62 м от репера кургана. Очевидно, они были поставлены в неглубокую кольцевую канавку, не прослеженную при раскопках. Выкид из погребений отсутствует, что заставляет предположить его перемещение за пределы курганной насыпи.

Захоронения и кромлех были перекрыты первой насыпью кургана, которая состояла из чернозема с частыми вкраплениями мелкой известняковой крошки. Насыпь имела диаметр около 10 м и высоту не менее 0,6-0,7 м. Она фиксируется в северном и южном профиле центральной бровки и частично – в южном профиле северной бровки, в восточной его части.

На расстоянии 2,4 м к северу от репера находился заклад, имевший вид двухслойной вымостки, сложенной из крупных (до 1 м длиной) плоских рваных по слою полигональных необработанных плит известняка. Как оказалось, этот заклад не является перекрытием определенного погребения и закрывает частично погребения 9, 10 и объект 1. Размер заклада 1,6х1,4 м (по осям С-Ю и З-В). Северная плита расположена под углом к горизонтальной плоскости. Уровень залегания камней от 0,51 м (верхний угол северной плиты) до 0,71-0,72 м (нижний слой камней). Камни лежали на предматериковом суглинке и материковой глине. Среди плит нижнего слоя обнаружена антропоморфная стела размером 1,02х0,56х0,08 м (Рис. 20, 2). Головной выступ расположен несколько асимметрично, от плеч книзу стела сужается, боковой край отбит в древности. На одной из поверхностей от плеча наискосок проходит естественная промоина.

Вторая насыпь, края которой фиксируются в бровках, выполнена из плотного светло-серого суглинка, диаметр ее около 18,5 м, высота около 1 м. Видимо, это насыпь сместила центр кургана, в результате чего кромлех оказался в северной его поле. Она слабо выделяется, являясь несколько более плотной, чем перекрывающий ее вязкий суглинок. Определить, с каким захоронением она связана невозможно: в центральной части насыпи кургана отсутствует погребение, с которым можно было бы уверенно связать досыпку кургана. Возможно, она носила конструктивный характер.

Третья насыпь не восстанавливается из-за сильной распахки кургана. Ее диаметр, вероятно, был не менее 20 м, высота неизвестна. В центре ее – погребение 8 катакомбной культуры, однако незначительное количество основных погребений катакомбной культуры в Северо-Западном Причерноморье не позволяет однозначно решить вопрос о связи сооружения третьей насыпи с катакомбным захоронением. Практически все погребения кургана, за исключением энеолитических, впущены с уровня третьей насыпи.

Грабительские вторжения. Погребение 9 ограблено в древности. В северной части участка, окруженного кромлехом, прослеживается площадка, размером 1,6 м по линии З-В, около 1,8 м по

линии С-Ю, она углублена в материк на 7-10 см. Площадка незначительно разрушила северо-восточный угол погребения 4, а также северо-восточную часть оградки погребения 9 (если она существовала). Возможно, этот перекоп связан с ограблением погребения 9. Оно было разрушено и долгое время стояло открытым, о чем свидетельствуют черные илистые затеки на северо-западной стенке и на дне. Через какое-то время погребение было засыпано грунтом и камнями, возможно, из оградки или кромлеха. В северной части этой площадки имеется подовальное углубление неправильной формы, в заполнении которого найдены в беспорядке перемешанные с грунтом небольшие фрагменты костей человека (объект 1). Связано ли оно с деятельностью грабителей или существовало до них (погребение, жертвенная яма, яма для установки стелы?), неясно.

Грабители оставили следы копательного орудия (заостренная палка) на плотном грунте (вязкий заиленный чернозем), который окаймлял юго-восточный край погребения 9 и служил для фиксации оградки (?). Саму оградку в этой части грабители не тронули. Возможно, именно с разрушением погребения 9 связано наличие разрозненных костей человека между его юго-западным краем и оградкой (зафиксировано в отчете как погребение 7). Не исключена возможность, что кости из объекта 1 также являются останками погребенного из захоронения 9.

Можно предположить, что ограбление погребения 9 осуществлено строителями захоронения 10, т.к. последнее оказалось нетронутым, а каменный заклад из крупных плит известняка (включающий в себя и антропоморфную стелу) частично перекрывал оба погребения (№№ 9-10), а также объект 1.

Описание погребений

Погребение 1 (катакомбной культуры) (Рис. 17, 1) расположено на расстоянии 5,1 м к югу от репера, на глубине 1,1 м. Первоначально на расстоянии 6,6 м к югу от репера было выявлено скопление из 4 камней, площадью 0,75х0,55 м по осям З-ВхС-Ю, видимо, маркирующих место захоронения. Могильная яма овальной в плане формы ориентирована по оси СЗ-ЮВ, ко дну сужается, длина ямы по дну 1,7 м, ширина 0,95 м, глубина 0,85 м (-1,95 м от репера). Сама погребальная конструкция имеет «ступенчатую» форму – расширение типа «заплечиков» с запада (шириной до 0,4 м) и ступеньку в восточной части собственно погребальной камеры (шириной 0,15-0,17 м). Дно неровное, имеет наклон к северу. В южной части погребения обнаружен детский череп, ориентированный

на юго-юго-запад (посткраниальный скелет отсутствовал), и сосуд, лежащий рядом с ним на боку, устьем к северу.

В северо-восточной части ямы выявлена каменная конструкция размером 0,81х0,62 м (по осям СЗ-ЮВ), высота конструкции 0,29 м. Под восточную стенку захоронения была уложена массивная известняковая плита, (размеры 0,74х0,52х0,19 м) (Рис. 17, 2). С трех сторон (у стенки ямы и у коротких сторон) плиту ограничивали мелкие полигональные плиты известняка, поставленные орфостатно, постелью на фасад. Горизонтальная плита имеет следы обработки на закругленных коротких сторонах и, возможно, является стелой. После снятия заклада в северо-восточной части ямы был выявлен небольшой подбой, углубленный в стенку ямы на 0,32 м. Какие-либо находки в нем отсутствуют.

Инвентарь: Лепной округлобокий сосуд с короткой шейкой и высоким, чуть отогнутым наружу венчиком, край которого слегка приострен (Рис. 17, 3). Под венчиком – четыре горизонтальных врезных линии, пространство между которыми заполнено рядами косых насечек, образующих «елочку». Поверхность розового цвета, в изломе черная, на поверхности следы нагара. Размеры: высота 12,8 см, диаметр венчика 10,3 см, диаметр дна 7,5 см.

Погребение 2 (парное, бабинской культуры) (Рис. 17, 4). Расположено на расстоянии 2,0 м к юго-востоку от репера кургана, на глубине 0,95 м. Могильная яма не прослеживалась. Костяки залегали в серовато-желтом смешанном суглинистом слое. Скелет 1, взрослого человека, лежал в сильно скорченном положении на левом боку, головой на восток. Ноги согнуты в коленях под острым углом, руки согнуты в локтях, кистями поднесены к лицу. Южнее находился детский скелет, который также лежал в сильно скорченном положении на левом боку, головой на восток. Ноги ребенка согнуты в коленях под острым углом, руки кистями направлены к коленям.

Между головами умерших выявлена округлая «столбовая» ямка, диаметром 8 см и глубиной 40 см.

Инвентарь отсутствует.

Погребение 3 (катакомбной культуры) (Рис. 17, 5). Находилось на расстоянии 2,5 м к югу от репера, на глубине 1,35 м. Сначала, на расстоянии 3,45 м к югу от репера, был выявлен заклад из трех небольших (длиной 0,2-0,3 м), необработанных, рваных по краю, плит известняка; две плиты стояли вертикально. Вероятно, плиты представляли собой надмогильную конструкцию, отмечая место захоронения, т.к. с входным колодцем они не связаны (соотносились с северо-западной частью ямы). Входной колодец, овальный,

размером 1,3х 0,9 м и глубиной 0,3 м от уровня обнаружения, примыкал к юго-восточной части погребальной камеры. Погребальная камера подовальной формы имела размеры – 1,45 х 0,92 м, ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Высота свода, предположительно, около 0,5 м. Разница между уровнями дна камеры и колодца – 0,44 м. Яма вырыта в яркой материковой глине, заполнение – вязкое, серовато-желтое, представляющее собой смесь гумуса с суглинком. Дно под скелетом обмазано зеленой глиной. Скелет лежал в слабоскорченном положении на спине, колени согнуты влево, ориентирован головой на юго-запад. Руки слегка согнуты в локтях, вытянуты вдоль туловища. Некоторые ребра смещены к локтю левой руки. Череп лежал основанием на дне могилы, челюсти – на грудной клетке. У правого плеча – скопление охры 3х4 см, алого цвета. За головой – сосуд, который лежал на боку, устьем на север.

Инвентарь: Лепной округлобокий горшок с коротким, отогнутым наружу венчиком (Рис. 17, 6). По венчику и по краю дна – овальные углубления, выполненные орнаментом. Два горизонтальных ряда пальцевых вдавлений расположены на плечиках сосуда. Поверхность сосуда разных оттенков розового цвета, грубо заглажена, на ней сохранился значительный слой нагара, занимающий 2/3 поверхности. Размеры: высота 13,3 см, диаметр венчика 11 см, диаметр тулова 16 см, диаметр дна 9,7 см.

Погребение 4 (энеолитическое, основное) (Рис. 18, 1) обнаружено на расстоянии 2,8 м к северу от репера, на глубине 0,45 м, по камням перекрытия. Яма была перекрыта поперек тремя крупными полигональными, рваными по слою, плитами известняка, которые раскололись и просели в могильную яму в древности (некоторые из плит находились почти в вертикальном положении). Длина заклада 1,6 м, ширина от 0,5 м (на западе) до 1 м (на востоке). Плиты грубо обработаны; размеры обломков: 0,8х0,65х0,15 м; 0,62х0,46х0,21 м; 0,38х0,38х0,18 м. Могильная яма подтрапцевидная (борта на уровне -0,75 от репера), с закругленными углами («бобовидной» формы), к ногам погребенного сужается. Длина ямы 1,95 м (по дну 2 м), ширина в головах -0,95 м, в ногах – 0,7 м, в средней части – 0,75 м. Глубина могильной ямы - 0,32 м от уровня бортов ямы (-1,07 от репера). Заполнение ямы – мешаный грунт из чернозема с вкраплениями мелкого известняка, идентичный структуре 1-й насыпи. Борта ямы слегка скошены, возможно, приобрели такую конфигурацию под давлением каменных плит. Восточный край ямы поврежден при совершении погребения 9. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на восток. Руки вытянуты вдоль туловища.

ща, кости частично перемещены: лучевая кость левой руки находилась между бедренными костями. Правая часть грудной клетки повреждена камнями перекрытия. Фаланги пальцев ног сохранились частично, рук – не сохранились.

Скелет слабо окрашен светло-красной охрой: лобная часть черепа, плечевые кости в районе локтевых эпифизов, бедренные кости в верхней части; более интенсивно окрашены пяточные кости. Пятно охры размером 2х2 см прослежено на дне, в районе грудной клетки.

Инвентарь отсутствует.

Погребение 5 (бабинской культуры) (Рис. 18, 2) расположено на расстоянии 1,05 м к востоку-северо-востоку от репера, на глубине 0,3 м (Рис. 95, 2; 97, 2). Могильная яма не прослежена; костяк залегал в гумусном грунте, смешанном с вязким коричневым суглинком, над камнями кромлеха. Скелет лежал в сильно скорченном положении на левом боку, головой ориентирован на северо-восток. Колени на уровне грудной клетки, положение рук точно не восстанавливается, фаланги пальцев вблизи колен. От черепа сохранились только верхние и нижние челюсти и единичные кости черепной коробки.

Инвентарь отсутствует.

Погребение 6 (бабинской культуры) (Рис. 18, 3) расположено на расстоянии 0,1 м к югу от репера, на глубине 0,5 м. Могильная яма не прослежена, костяк залегал в гумусном слое. Погребенный был уложен в сильно скорченном положении на левом боку, с разворотом на живот, ориентирован головой на восток. Колени прижаты к груди, руки согнуты в локтях и кистями поднесены к лицу. У колен находился сосуд, уложенный на бок, устьем к коленям.

Инвентарь:

Сосуд горшковидной формы с сужающимся ко дну туловом (типа «чугунка»), слегка асимметричен (Рис. 18, 4). Венчик срезан по сырой глине, частично отбит в древности, дно с закраинами. На дне – отпечатки зерен (проса?). Поверхность серо-розовая, в изломе – черная, закопчена. В тесте – примесь толченого известняка. Размеры: высота 9,5-10 см, диаметр венчика 11,3 см, диаметр дна – 7,5 см.

Погребение 7 (неопределенное) (Рис. 19, 1) расположено на расстоянии 1,1 м к северо-востоку от репера, на глубине 0,65 м. На площади 0,8х0,6 м, в суглинковом слое, выявлены разрозненные и поврежденные единичные кости (фрагменты черепа, таза, 1 лучевая кость, ребра), залегающие в сером суглинке. Кости черепа най-

дены в противоположных краях скопления. Инвентарь отсутствует. Остатки скелета могут быть разрушенным захоронением, но и могут соотноситься с разрушенным захоронением 9 (находятся в непосредственной близости от его края).

Погребение 8 (катакомбной культуры) (Рис. 19, 2) расположено на расстоянии 1,2 м к северо-востоку от репера. Обнаружено на глубине 0,63 м от репера по заполнению входного колодца, которое выделялось темным пятном на фоне предматерикового суглинка. Колодец овальной формы, 0,88х0,74 м по осям З-В х С-Ю. Глубина колодца 0,24 м (дно на глубине -0,87 от репера). К колодцу с севера примыкала погребальная камера, ориентированная по линии ЗЮЗ-ВСВ. Длина ямы 2,5 м, ширина 1,1 м, разница в уровне дна колодца и погребальной камеры – 0,19 м (дно на глубине -1,06 м от репера). Заполнением служил коричневый вязкий гумусно-суглинистый грунт. От костяка сохранились фрагменты нижних конечностей (голени), по которым можно предположить, что скелет лежал вытянуто на спине головой на запад-юго-запад. Инвентарь отсутствует.

Северная длинная стенка погребения почти полностью нарушена погребением 11 (скифской культуры). Дно входного колодца погребения 11 фактически совпадало с дном погребальной камеры погребения 8. Часть северной короткой стенки нарушена камнем-заслонкой и погребальной камерой погребения 11.

Погребение 9 (энеолитическое, основное?) (Рис. 20, 1) расположено на расстоянии 1,05 м к северу от репера (южный угол ограды), на глубине 0,41-0,47 м. Окружено оградкой, которая состоит из рваных по слою полигональных плит известняка, грубо обработанных околкой и отеской. Камень поставлен орфостатно. Ширина швов 0,11-0,15 см, размеры камней: 0,44х0,25х0,22 м; 0,39х0,27х0,27 м, 0,29х0,26х0,2 м. Сохранившаяся юго-восточная стенка ориентирована по оси ЮЗ-СВ, ее длина 1,88 м, ширина 0,23-0,29 м, высота 0,27-0,30 м. Торцевая юго-западная стенка сохранилась частично, ориентирована по оси СЗ-ЮВ, длина 1,1 м, ширина 0,11-0,30 м, высота 0,07-0,25 м. Северная часть оградки отсутствует. Судя по тому, что северо-восточный край погребения имел небольшие уступчики, можно предположить, что оградка окаймляла все захоронение. Внутри оградки выявлено захоронение. Северный край его был перекрыт каменным закладом из крупных плит известняка (описан выше).

Могильная яма находилась на расстоянии 1,65 м к северо-северо-востоку от репера, на глубине 1,05-0,95 м (борта ямы). Вы-

делялась темным гумусным заполнением на фоне предматерикового суглинки, имела форму неправильного овала с заметным сужением к северо-востоку.

Размеры ямы на этом уровне: 1,7 x 0,9 м, ориентирована по линии ССВ-ЮЮЗ. На глубине 1,3 м от репера обнаружены лежащие в беспорядке камни известняка, среди которых – фрагмент человеческой кости. Глубина ямы 0,9 м (1,85 м от репера). Ко дну яма сужается, приобретая размеры 1,7x0,6 м, узкие стенки имеют небольшие подбои у дна. Скелет отсутствует. Фиксируются черные илестые затеки на северо-западной стенке и на дне.

Юго-восточная (длинная) стенка могильной ямы понижается на глубину до 0,3 м (-1,25 м от репера), это понижение было выровнено (?) для установки оградки с помощью гумусной прослойки (плотный заиленный чернозем). Визуально понижение центральной части южной стенки производит впечатление остатков нависающего входного колодца, заполненного черным гумусом, а само погребальное сооружение тогда предстает катакомбой. Но, в таком случае, не вполне логичной является установка оградки вокруг катакомбы, в том числе и непосредственно на входном колодце. Этот «колодец» не связан с погребением 11, находящемся с другой стороны оградки: колодец погребения 11 имеет четкие стенки в придонной своей части и отдален от данного углубления. В то же время можно предположить, что яма (?) в южной стенке является остатками уничтоженного грабителями впускного захоронения (которое не разрушило ограду), либо же южной оконечностью грабительского лаза.

Погребение 10 (бабинской культуры) (Рис. 20, 3) расположено на расстоянии 3,3 м к северо-востоку от репера, на глубине 0,65 м. Частично перекрывалось верхним уровнем каменного заклада погребения (общего с погребением 9 и объектом 1). Могильная яма овальной формы, ориентирована по линии С-Ю, очертания нечеткие, западная стенка разрушена каменным закладом, который лежал практически на скелете. Размеры 0,9x0,6 м, глубина 0,15 м (-0,8 м от репера). Костяк залегал в очень вязком сером суглинке, скелет сохранился частично, лежал на левом боку скорчено, головой на юг, руки согнуты в локтях, кисти у лица. Перед лицом (у лобной части) находился лепной сосуд, который был смещен при разборе каменного заклада.

Инвентарь: миниатюрная лепная чашечка в форме усеченного конуса (Рис. 20, 4). Край венчика слегка отогнут наружу. Тесто грубое, обжиг неравномерный, в тесте – примесь толченого известняка.

ка (?). Цвет поверхности варьирует от серого до бледно-розового. Профиль слегка асимметричен. Размеры: высота 6,2-6,7 см, диаметр венчика 7,2 см, диаметр дна 4,5 см.

Погребение 11 (скифской культуры) (Рис. 21, 1). На расстоянии 3 м к северо-востоку от репера, на уровне 0,45-0,52 м находился каменный заклад из мелкого и среднего бутового камня, оказавшийся заполнением входного колодца погребения. Западный край входного колодца расположен на расстоянии 2 м к северо-востоку от репера. Контуры входного колодца частично прослежены по дну, он имел диаметр около 0,9 м, уровень дна - 1,06 м от репера. К востоку от него находилась погребальная камера, вход в которую закрывали две крупные необработанные полигональные плиты известняка (0,9х0,54х0,15 м; 0,91х0,8х0,12 м), стоящие наклонно к востоку. Погребальная камера, видимо – катакомба, имела подтрапециевидные очертания, сужаясь к востоку. Ориентирована по линии ВСВ-ЗЮЗ. Длина 1,9 м, ширина от 0,41 до 0,49 м в ногах, 0,94-1,05 м – в изголовье. В ногах и в углах изголовья – небольшие ниши-подбои на уровне дна. Перепад между уровнем дна колодца и погребальной камеры – 22 см (глубина камеры - 1,28 м от репера). Западный угол (в изголовье) прослежен на уровне дна, на высоту около 0,2 м – в связи с тем, что выполнялся он в фактическом заполнении погребения 8. На остальных участках высота прослежена до уровня 0,6 м, свод не прослеживается. Заполнением служил коричнево-бурый гумусно-суглинистый грунт, очень вязкий.

Скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад, череп лежал на левой височной кости. Левая рука согнута в локте, кистью уложена на грудь. Правая рука вытянута вдоль тела, кисть на тазовых костях. Ноги скрещены в коленях. У правого плеча погребенного – лучевая и локтевая кости крупного рогатого скота (корова), лежащие крест-накрест. Под ними фиксируется коричнево-бурый древесный тлен (блюдо?), форма изделия не восстанавливается, диаметр пятна - 0,3х0,25 м. К западу от костей, на расстоянии 5-7 см, находились аморфные фрагменты коррозированного металлического изделия, 4 железных и 1 бронзовый. Один железный фрагмент напоминает острие, возможно, в комплексе это – остатки железного ножа с бронзовой заклепкой на рукояти. Кости животного находились за черепом, а также на скелете: в области колен, грудной клетки и стоп.

Инвентарь:

Фрагменты железного ножа с заклепками на рукоятке: а) Фрагмент коррозированного металлического изделия прямоугольной

формы, одна половина сделана из железа, другая из бронзы. Почти по центру – бронзовая заклепка. Размеры: 0,9х1,2 см, толщина 4 мм (Рис. 21, 2); б) Фрагмент нижней части железной рукоятки. У обломанного края, по центру – железная заклепка. Размеры: 1,1х1,7 см, толщина 3 мм (**Рис. 21, 3**); в) Фрагмент железного лезвия (Рис. 21, 4). Сильно коррозированный. Размеры: 4,5х0,7-1,5 см, толщина 3 мм.

Кости животных: Крупный рогатый скот. Фр-т лопаточной кости – 1; Плечевая кость – 1; Фр-т лучевой кости – 1; Фр-т локтевой кости – 1; Фр-ты лучевой кости – 2; Локтевая кость карпального сустава – 1; Лучевая кость карпального сустава – 1; Фр-т ребра – 1; Костный лом – 24.

Погребение 12 (бабинской культуры) (Рис. 21, 5) расположено на расстоянии 3,4 м к югу от репера, на глубине 0,9 м. Контуры ямы не прослежены. Скелет плохой сохранности, местами вместо костей – костный тлен. Погребенный был уложен на левом боку, головой на восток. Ноги согнуты под прямым углом к туловищу. Правая рука вытянута к коленям, левая согнута в локте (плечевой костью наружу), кистью направлена к лицу.

Инвентарь отсутствует.

Погребение 13 (катакомбной культуры) (Рис. 21, 6) расположено на расстоянии 6,2 м к юго-востоку от репера на глубине 1,25 м. Обнаружено по двум стоявшим вертикально фрагментам небольшой (длиной 0,35 м) плиты известняка, один край плиты был подтесан. К югу от них располагалась погребальная камера. Она имела размеры 1,16 х 0,78 м, высота свода около 0,3 м, уровень дна -1,79 м от репера. Дно неровное, в изголовье приподнято. Западная стенка с небольшим подбоем.

Скелет лежал в сильно скорченном положении на спине. Череп повернут к левому плечу, приподнят за счет неровности дна. Позвоночник изогнут. Правая рука согнута в локте, кисть лежит на тазовых костях, левая согнута в локте, кистью у лица. Ноги сильно согнуты в коленях, прижаты пятками к тазу, упали или уложены вправо.

Логично было бы предположить, что камни служили заслонкой, отделяющей входной колодец от погребальной камеры. Но профиль могильной ямы (прямая восточная стенка) указывает на то, что колодец мог быть либо нависающим, либо примыкать к юго-восточной стенке. Видимо, камни служили для маркировки места захоронения, как, например, в погребении 1.

В 0,4 м к юго-востоку от погребальной камеры этого погребения, на глубине 1,3 м, находились остатки черепа ребенка с одним

молочным зубом (объект 2). Возможно, он находился на дне не прослеженного входного колодца погребения 13.

Погребальный инвентарь отсутствует, что несколько затрудняет культурную идентификацию погребения. По деталям обряда (тесная погребальная камера, сильно скорченная поза погребенного, уложенного на спину) это захоронение ближе к захоронениям бабинской культуры. Но в этом кургане погребения бабинской культуры расположены довольно компактной группой у центра кургана, в овальных ямах в верхних слоях насыпи, скорченно на боку. Захоронение следует скорее связывать с группой катакомбных захоронений этого кургана, вблизи которых оно располагается.

Погребение 14 (ямной культуры) (Рис. 21, 7) расположено на расстоянии 7,2 м к северу от репера, на глубине 0,9 м. Обнаружено по двум каменным плитам заклада. Одна плита, подтрапцевидная, размерами 0,7х0,7-0,35 м, лежала наклонно на южном борту ямы, вторая, размерами 0,7х0,5 м была непосредственно в заполнении. Уступ не прослеживался. Погребальная камера, ориентированная по линии 3-В, имела подтрапцевидные очертания, размеры 1,53х0,76 м, глубина 0,41 м (-1,31 м от репера). Заполнение – вязкий гумусно-суглинкавый грунт, яма вырыта в желтой материковой глине.

Костяк лежал скорченно на спине, головой на восток, посткраниальный скелет сильно разрушен: грудной отдел, ребра, таз, руки практически отсутствуют (сохранился фрагмент плечевой кости правой руки). Ноги согнуты влево, левая голень приподнята – видимо, ноги первоначально были поставлены коленями вверх. Руки, вероятно, были вытянуты вдоль туловища.

Инвентарь отсутствует.

Погребение 15 (эпохи бронзы) (Рис. 22, 1) расположено на расстоянии 8 м к востоку от репера кургана, на глубине 1,25 м. Выделялось по небольшому (длиной 0,3 м) камню известняка и темному заполнению из серого смешанного гумусно-суглинкавого грунта. Под этим камнем, на глубине 0,2 м от уровня обнаружения ямы, находился еще один аналогичный камень.

Погребальная камера овальной формы, ориентирована по линии 3-В, длина 1 м, ширина 0,8 м, глубина 0,45 м (-1,7 м от репера). На дне ямы у западной стенки найдено несколько мелких фрагментов детского черепа и мелких истлевших костей детского скелета. Инвентарь отсутствует.

Погребение 16 (ямной культуры) (Рис. 22, 2) расположено на расстоянии 4,6 м к западу от репера, на глубине 0,93 м (уровень

каменного перекрытия) в центральной бровке. Перекрывалось поперек тремя мощными полигональными рваными по слою плитами известняка. Одна из плит имела размеры 1,2х0,8 м, перекрывала яму в изголовье, лежала почти горизонтально, частично на заплечиках или уступе (-1,05 от репера). Форма и размеры заплечиков/уступа не прослеживаются. Вторая плита, 0,7х0,7 м, находилась в центральной части могильной ямы; она лежала практически на костях скелета, раздавив их (-1,4 м от репера). Третья плита, 0,6х0,6 м, лежала наклонно на восточном краю погребальной камеры (-0,93 м от репера). Плиты со следами подтески, имели также следы обмазки зеленой глиной. Могильная яма трапециевидной в плане формы, размеры: длинные стороны 1,45 и 1,5 м, короткие стороны: в ногах 1,3 м, в изголовье – 1 м. Северный угол скошен ко дну. К западной стенке ямы, в северо-западном углу, сделана прирезка-ступенька 0,8х0,5 м (по осям СЮ-ЗВ, глубина 0,2-0,3 м), на которой лежала плита №1 перекрытия (возможно, это часть заплечиков). Глубина ямы 0,55 м от уровня бортов ямы (-1,63 от репера). По всей площади дна фиксировался коричневый тлен от подстилки.

Заполнение ямы – переотложенный желтый материковый сушлинок, практически не отличавшийся от окружающей почвы. Массивный скелет лежал скорченно на правом боку, ориентирован головой на северо-запад, череп на правой височной кости. Правая рука вытянута, левая согнута в локте, кисти обеих рук – у колен. Ноги согнуты под прямым углом к туловищу. У черепа находился фрагмент рога козы (?), у левой лодыжки – мелкий фрагмент бронзового изделия, на большой бедренной кости (у лодыжки) – зеленый окисел, видимо, от ножного браслета. У западной стенки, напротив локтевой кости правой руки – сосуд. Внутри сосуда – небольшой камень подтреугольной формы и комок зеленой глины, видимо, от камня перекрытия.

Инвентарь: 1. фрагмент рога козы (?); 2. Фрагмент медной пронызи от ножного браслета (?); 3. Лепной сосуд баночной формы с двумя горизонтальными ручками-упорами, со сквозными вертикальными отверстиями (Рис. 22, 3). Тулово ко дну сужается, на дне – закраины. Вся поверхность сосуда покрыта шнуровым орнаментом, состоящим из трех горизонтальных полос под венчиком и вертикального елочного орнамента по всей поверхности тулова. Поверхность розовая, с серыми пятнами, часть отслоилась. Размеры: высота 15,5 см, диаметр венчика 16,5 см, диаметр дна – 8,4 см.

Погребение 17 (бабинской культуры) (Рис. 23, 1) расположено на расстоянии 0,4 м к юго-западу от репера, на глубине 0,35 м.

Повреждено бульдозером. Яма имела овальную форму. Ориентирована по линии запад-восток. Длина 1,2 м, ширина сохранившейся части 0,75 м, прослеженная глубина 0,57 м (уровень дна 0,76 м от репера). Заполнение – коричневатый мешаный грунт (гумус с суглинком). От скелета сохранились фрагмент тазовой кости, ребро, бедренная кость и несколько фрагментов других костей нижних конечностей. Скелет ориентирован в восточном направлении. Возле костей – фрагменты лепного сосуда.

Инвентарь: Фрагмент небольшого острореберного сосуда (Рис. 23, 2), плечики расположены в верхней трети тулова, стенки ко дну сужаются, венчик не сохранился. Поверхность грубая, бугристая, серо-розового цвета, в тесте – крупный шамот и толченый известняк. Сохранившаяся высота -9,6 см.

Погребение 18 (ямной культуры) (Рис. 23, 3) расположено на расстоянии 6,9 м к северо-востоку от репера, на глубине 0,92 м. Яма неправильных, подпрямоугольных очертаний, частично уходила в северную бровку (южная сторона); ориентирована по линии С-Ю. Выделялась серо-коричневым мешаным грунтом на фоне желтой материковой глины. Длина 1,12 м, ширина 0,8 м, прослеженная глубина 0,31 м (уровень дна -1,23 м от репера). Верхняя часть скелета плохой сохранности, можно предположить, что он лежал скорченно на спине с наклоном влево, ориентирован головой на юг. Ноги согнуты коленями влево, правая рука согнута в локте, кистью лежит на тазе. На двух поясничных позвонках – следы охры. В северо-восточном углу ямы, у нижних конечностей – два лепных сосуда.

Инвентарь: 1. Лепной сосуд полусферической формы со слабо выраженным дном (Рис. 23, 4). Венчик не сохранился. Лежал на боку, устьем к югу. Поверхность серая, со следами копоты. В изломе тесто черное, с органическими примесями и примесью мелкоотслоенного шамота. Размеры: высота – 10, 3 см, диаметр тулова – 14,3 см, диаметр дна – 7 см. 2. Сосуд горшковидной формы с высоко поднятыми плечиками, сужающимся ко дну туловом и плоским дном (Рис. 23, 5). Цвет серый, в изломе – черный, закопчен, на внешней поверхности – следы заглаженности (пучком травы?). Лежал устьем вниз. Размеры: высота 16, 5 см, диаметр венчика 14 см, диаметр дна – 8 см.

Погребение 19 (неопределенное) (Рис. 24, 1) расположено на расстоянии 5,8 м к востоку от репера, в центральной бровке, на глубине 0,45 м. Могильная яма, частично прослеживалась в северном профиле центральной бровки, но стенки ее в горизонтالي не

фиксируются. Скелет залегал в очень вязком грунте серого цвета, представляющем собой смесь суглинка с гумусом. Погребенный был уложен, вытянуто на спине, руки вытянуты вдоль туловища (?), ориентирован головой на северо-запад. Верхняя часть скелета повреждена бульдозером. Инвентарь отсутствует.

Погребение 20 (катакомбой культуры) (Рис. 24, 2) расположено на расстоянии 6,2 м к северо-западу от репера, на глубине 0,7-0,8 м. Выявлено в северной бровке, на южном профиле которой фиксируются две расположенные рядом ямы. Придонные их части видны на фоне желтого предматерикового суглинка, форма верхней части неясна, т.к. выполнена в мешаном грунте. 1). Яма 1, верхний уровень -0,7 м от репера, глубина -1,15 м от репера, ширина около 0,9 м, сужается ко дну, заполнение: серый вязкий суглинок в придонной части, мешаный грунт - в верхней части; 2). Яма 2. С запада к ней примыкает яма 2, шириной 1,1 м, на дне которой - каменный заклад из горизонтальных плит и небольшой вертикальной плиты, стоящей наклонно. В целом, создается впечатление, что данный комплекс является катакомбой, свод которой не фиксируется, т.к. выполнен не в материке, а в мешаном суглиновом грунте северной полы кургана.

При расчистке погребального комплекса, в яме 2, на глубине 0,88 м выявлен заклад из рваных по слою полигональных необработанных плит известняка, лежащий на тонком слое черноземного заполнения. Возможно, этот заклад являлся в древности цельной плитой округлых очертаний. Диаметр заклада 1,2х1,1 м по осям З-В х С-Ю, толщина 7-8 см. Вероятно, яма с каменным закладом - это входной колодец, каменное перекрытие которого осело на дно. Контуры колодца четко не фиксируются, т.к. края ее выходили за бровку и оказались срезанными бульдозером. С востока к закладу примыкает вертикально поставленный камень (с наклоном к востоку), вероятно, закрывающий лаз в погребальную камеру, рядом с которым имеется обмазка зеленой глиной. Уровень залегания вертикального камня - 0,6 м. Погребальная камера (яма 1) имеет нечеткие очертания, сильно повреждена грызунами. Она имела подовальную (?) форму, длину около 1 м по линии С-Ю, ширину 0,52 м по дну, 0,9 м – в верхней части (по линии З-В), стенки выполнены небрежно, сильно скошены ко дну, прослежены частично на глубину 0,45 м. Дно на глубине -1,15 м от репера. Входной колодец примыкал к северо-восточному углу камеры.

На расстоянии 0,7 м к востоку от заклада, на глубине 0,71 м от репера обнаружен сосуд, возле которого находились раздро-

бленные кости животного. Он стоял на небольшом прямоугольном останце из материковой глины размером 0,3х0,3 м, напротив лица погребенного, но выше по уровню залегания. Скелет ребенка (очень плохой сохранности) лежал скорченно на спине с наклоном влево, головой на север, спиной к входу. За спиной и черепом – плотный вязкий суглинок, вероятно – глиняная пробка, закрывавшая вход. Правая рука слегка согнута в локте, кистью лежит на тазе, кости левой отсутствуют. Ноги согнуты коленями влево. В заполнении ямы, у нижних конечностей – фрагмент венчика лепного орнаментированного сосуда (чаши?).

Инвентарь: 1. Сосуд горшковидной формы, приземистых пропорций, с округлым туловом, высоко поднятыми плечиками и небольшим отогнутым венчиком, срезанным прямо (Рис. 24, 3). Цвет поверхности – светло-коричневый, в изломе – черный, местами внешняя поверхность подлощена. В тесте примесь мелкого шамота. Размеры: высота 10,5 см, диаметр венчика 12 см, диаметр дна – 8 см. 2. Фрагмент венчика лепного сосуда (чаши?) с прочерченным и штампованным орнаментом (Рис. 24, 4).

Кости животных: Коза/овца. Костный лом – 8.

Объект 1. На расстоянии 3,4 м к северу от репера, на глубине 0,87 м, под каменным закладом, общим для погребений 9 и 10, обнаружена яма неправильных очертаний, размером около 0,6х0,6 м, глубина около 0,1 м. Южная стенка в ней отсутствует. В заполнении, в перемешанном состоянии, найдены разрозненные человеческие кости: два зуба, ребро, фрагмент плечевой кости.

Объект 2. В 7 м к юго-востоку от репера, на глубине 1,3 м, в 0,4 м к югу от погребальной камеры погребения 13, находилось несколько небольших остатков черепа ребенка (с одним молочным зубом). Невозможно определить, является ли находка остатками разрушенного захоронения, или же связана с погребением 13.

Объект 3. На расстоянии 9,5 м западу от репера, на глубине 0,3-0,5 м, в северной бровке, найдено скопление костей козы/овцы, лежащих в несколько слоев компактно на участке 0,3х0,3 м. Ближайшим к нему является захоронение катакомбной культуры №20 (в 1,5 м к востоку от объекта 3). Возможно, объект относится к данному захоронению.

Кости животных: Коза\Овца. Фрагмент верхней челюсти – 1; Эпистрофей – 1; Фр-ты позвонков – 12; Фр-ты ребер – 3; Фр-т лопаточной кости – 1; Плечевая кость – 2; Фр-ты плечевых костей – 5; Фр-т локтевой кости – 1; Лучевая кость – 2; Метакарпальные кости – 3; Фр-ты тазовой кости – 4; Фр-ты бедренной кости – 5; Фр-т

большой берцовой кости – 2; Метатарзальная кость – 4; Пяточная кость – 1; Центральная кость – 1; Фаланга 1-я – 8; Фаланга 2-я – 1.

Итоги исследования

Таким образом, было исследовано четыре кургана, содержащие 26 захоронений различных хронологических эпох. Было проведено радиоуглеродное датирование отдельных захоронений (Табл. 1).

Помимо курганов, были исследованы т.н. «пятна» и место скопления керамики к востоку от кургана 2. Под скоплением керамики захоронений и следов курганной насыпи не обнаружено; по видимому, оно связано с нивелировкой вершины кургана 2 в процессе сельскохозяйственных работ. «Пятна» представляли собой следы от окопов времен Великой Отечественной войны, материковый выброс из которых смешался с пахотным слоем.

ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК «СОВИНЫОН»

Могильник расположен на расстоянии около 1,5 км к востоку от села Бурлачья Балка Овидиопольского района Одесской области (строящийся жилмассив Совиньон-4). В результате системной шурфовки поля (шаг 20 м) был выявлен грунтовый могильник (какие-либо опознавательные знаки, насыпи, нарушения почвенного слоя отсутствовали) (Рис. 25).

Могильник состоял из пяти захоронений.

Погребение 1 (Рис. 26) обнаружено в шурфе 109, на глубине 0,5 м от современной дневной поверхности. В 0,2 м к западу от западной ее стенки был установлен условный репер. Яма удлиненных подпрямоугольных очертаний, ко дну сужается, ориентирована по линии З-В. Длина на уровне обнаружения 2 м, ширина в изголовье 0,65 м, в ногах – 0,55 м, южная стенка вогнута. Глубина погребальной камеры – 0,8 м от уровня обнаружения (-1,3 м от современной поверхности), заполнение черноеземное. Ко дну яма приобретает удлиненно-овальные очертания и следующие размеры: длина 1,8 м, ширина в изголовье 0,5 м, в ногах – 0,35 м. В верхней части ямы, в заполнении, в головах и ногах погребенного, зафиксированы остатки жердей (диаметром 2-3 см) от поперечного перекрытия. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад, левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте, кистью лежит на крестце. Погребальный инвентарь отсутствует. Подстилка либо циновка не зафиксированы.

Погребение 2 (Рис. 27) обнаружено в 6 м к югу от репера, на глубине 0,4 м, по каменному закладу. Заклад занимал площадь 2 х 1,2 м, был вытянут по линии 3-В, и представлял собой три крупных каменных плиты известняка и несколько мелких камней. Западная часть заклада разрушена, состояла из скопления мелких камней размером от 0,1 до 0,4 м, размещенных на разной глубине – от 0,4 м до 0,7 м, под ними – фрагмент ручки кувшина (?), покрытый светло-коричневой, с зеленоватым оттенком, глазурью, который, видимо, попал сюда при разрушении перекрытия. Три крупных плиты обработаны. Одна из них подпрямоугольных очертаний, размером 0,6 х 0,6 м, толщина 0,1 м, находилась в восточной части ямы. Другая плита, размером 0,9 х 0,3 м, имела выступ в центральной части, по всей длине плиты, шириной 0,1 м, высотой 5 см. Третья плита, в центральной части заклада, размером 0,8 х 0,7 м, имела толщину от 0,1 до 0,17 м. На ее внешней поверхности сделаны два паза, идущие под углом друг к другу. Глубина их – 5 см, ширина одного – 4 см, другого – 11 см. Под каменным закладом, на глубине 0,7 м от современной поверхности, находилась погребальная камера (Рис. 28). Ориентирована по линии 3-В. В западной ее части, под разрушенным перекрытием, в заполнении, обнаружена нижняя челюсть человека. Могильная яма подтрапцевидных очертаний, длина ее 2,14 м, ширина в изголовье 0,96 м, в ногах 0,78 м. Глубина ямы 0,5 м от уровня обнаружения (-1,2 м от современной поверхности). Заполнение ямы – чернозем с примесью глины, в верхней части – глинистые затеки. Ко дну яма сужается и приобретает размеры: длина 1,95 м, ширина в изголовье – 0,72 м, в ногах – 0,56 м. На дне находился скелет в вытянутом положении на спине, головой ориентирован на запад. Череп смещен, теменем повернут на восток, лежит на левом предплечье. Отдельные кости (грудина) также смещены. Руки умершего вытянуты вдоль туловища, кисть левой прижата к тазу. Погребальный инвентарь отсутствует. Подстилка либо циновка не зафиксированы.

Погребение 3 (Рис. 29) расположено в 3,5 м к 3 (с небольшим отклонением к С) от репера. Обнаружено на глубине 0,4 м от современной поверхности. Ориентировано по линии 3-В. Могильная яма подтрапцевидных очертаний, длиной 2,05 м, ширина в изголовье – 0,8 м, в ногах – 0,68 м. Южная стенка слегка вогнута. Глубина ямы – 0,8 м от уровня обнаружения (-1,2 м от современной поверхности). Ко дну яма сужается, приобретая размеры: длина – 1,9 м, ширина в изголовье – 0,65 м, в ногах – 0,48 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад, руки слегка согнуты в локтях, кистями на-

правлены к тазу. Погребальный инвентарь отсутствует. Подстилка либо циновка не зафиксированы.

Погребение 4 (Рис. 30) обнаружено в 2 м к С-З от репера, на глубине 0,7 м от современной поверхности. Погребальная камера ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Она имела подтрапецевидные очертания, длина ее - 1,9 м, ширина в изголовье - 0,73 м, в ногах - 0,63 м. Ко дну длина ямы уменьшается до 1,7 м, за счет формы стенки в изголовье, ширина остается прежней. Глубина ямы - 0,6 м (-1,3 от современной поверхности). Скелет лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки вытянуты вдоль тела, кисти у таза. Череп склонен к левому плечу. Погребальный инвентарь отсутствует. Подстилка либо циновка не зафиксированы.

Погребение 5 (Рис. 31) обнаружено в 3 м к С от репера, в 0,4 м к С от погребения 4, на глубине 0,7 м от современной поверхности. Оба захоронения - 4 и 5 - имели одинаковую ориентировку и сходные очертания могильной ямы. Погребальная камера была длиной 2,15 м, шириной в изголовье - 0,7 м, в ногах - 0,65 м. Глубина 0,5 м (-1,2 м от современной поверхности). Короткая стенка в ногах закруглена. Ко дну длина ямы уменьшается до 1,9 м, за счет формы стенки в изголовье, ширина остается прежней. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на З-ЮЗ. Руки вытянуты вдоль туловища, кисти у таза. Позвоночный столб изогнут, череп склонен к левому плечу. Правая часть скелета повреждена, сдвинуты ребра, лопатка, правая рука смещена ближе к стенке. На месте сохранилась левая бедренная кость, левые берцовые кости отсутствуют. Правая бедренная кость лежит на костях скелета, на правой, поврежденной половине туловища, верхним эпифизом к черепу. Берцовая кость одной из ног - у короткой (восточной) стенки могильной ямы. Видимо, разрушение произошло вскоре после захоронения, т.к. правая рука смещена вся, что свидетельствует о целостности сухожилий. Погребальный инвентарь отсутствует. Подстилка либо циновка не зафиксированы.

Было проведено радиоуглеродное датирование отдельных захоронений (Табл. 1).

Таблица 1
Результаты радиоуглеродного датирования

№ п.п.	Привязка	Лабораторный номер	Возраст 14C	
			BP	BC/AD
	Вапнярка 4/4	Ki-15013	4100 ± 80	1σ 2870-2800, 2760-2560 2σ 2880-2470
	Вапнярка 4/16	Ki- 15014	4050 ± 60	1σ 2630-2470 2σ 2790-2450
	Вапнярка 4/18	Ki-15015	3880 ± 60	1σ 2470-2280 2σ 2500-2190
	Вапнярка 4/3	Ki-15012	5090 ± 60	1σ 3970-3900, 3880-3800 2σ 3990-3710
	Вапнярка 4/3	Ki-15230	3960 ± 70	1σ 2580-2340 2σ 2700-2200
	Вапнярка 4/6	Ki-15016	3470 ± 60	1σ 1880-1730 2σ 1940-1620
7.	Совиньон, п.3	Ki-14357	580±50	1σ 1300-1370 BC 2σ 1290-1430 BC
8.	Совиньон, п.3	Ki-14358	610±50	1σ 1300-1335 BC 2σ 1290-1420 BC
9.	Совиньон, п.1	Ki-14359	640±50	1σ 1345-1395 BC 2σ 1280-1410 BC

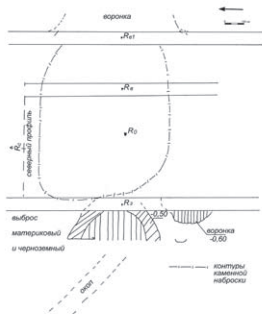

Рис. 1. Валнярка.
Курган 1. Общий план.

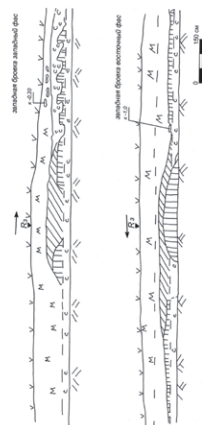

Рис. 2. Валнярка. Курган 1.
Западная бровка.

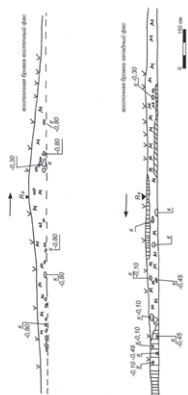
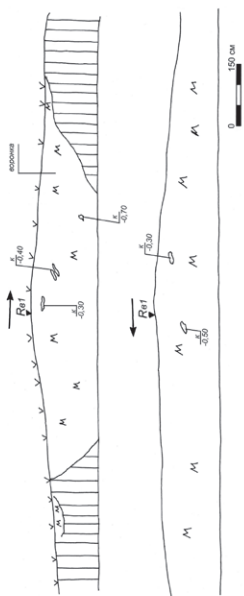

Рис. 3. Валнярка. Курган 1. Профили
восточной бровки.

1-я восточная бровка.

Рис. 4. Валнярка. Курган 1. 1-я
восточная бровка.

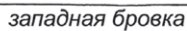

Рис. 5. Вапнярка. Курган 1. Каменная наброска.

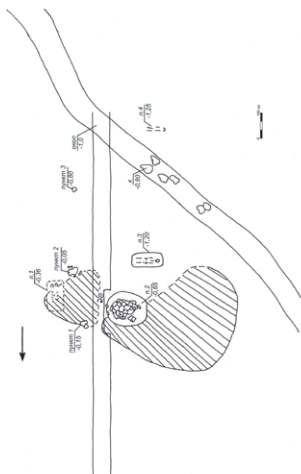

Рис. 6. Вapнярка. Курган 2. Общий план.

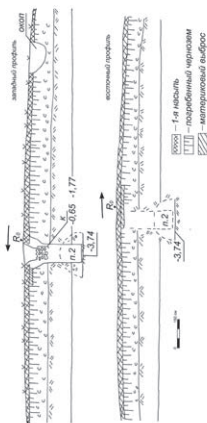

Рис. 7. Вapнярка. Курган 2. Западный и восточный профили.

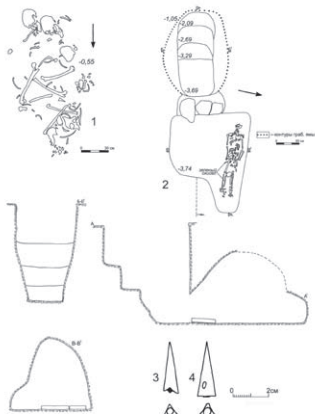

Рис. 8. Вapнярка. Курган 2. 1 – план погребения 1; 2 – план и разрезы погребения 2; 3-4 – бронзовые наконечники стрел.

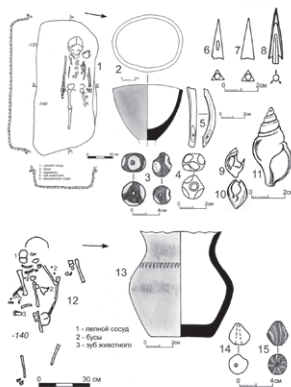

Рис. 9. Вapнярка. Курган 2. 1 – план и разрезы погребения 3; 2 – лепной кубок-чаша; 3-4 – стеклянные бусы; 5 – зуб байбака; 6-8 – бронзовые наконечники стрел; 9-11 – раковины; 12 – план погребения 4; 13 – лепной сосуд; 14-15 – стеклянные бусы.

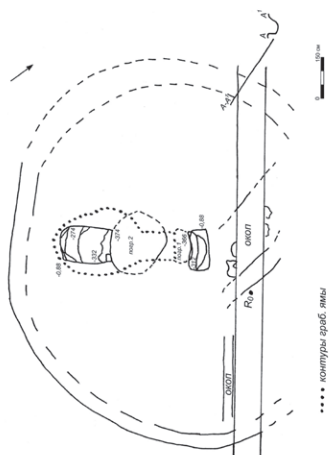

Рис. 10. Вапнярка. Курган 3. Общий план.

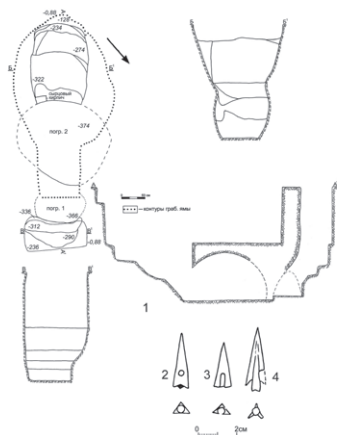

Рис. 12. Вапнярка. Курган 3. 1 – план и разрезы погребений 1 и 2; 2-4 – бронзовые наконечники стрел.

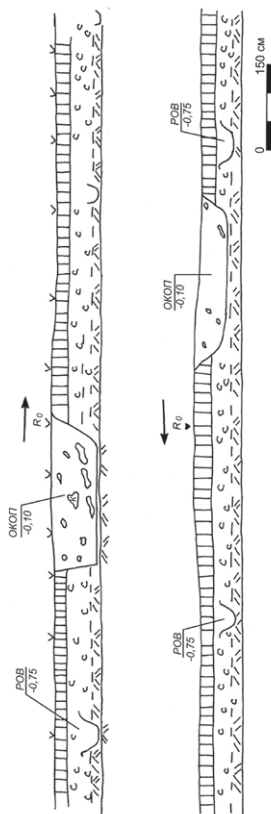

Рис. 11. Вапнярка. Курган 3. Профили центральной бровки.

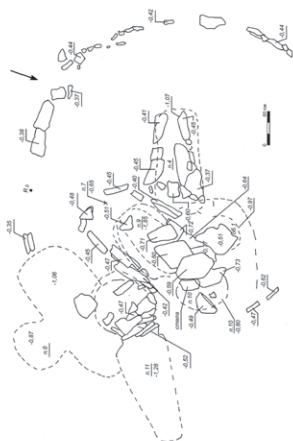

Рис. 13. Вапнярка. Курган 4. Центральная часть.

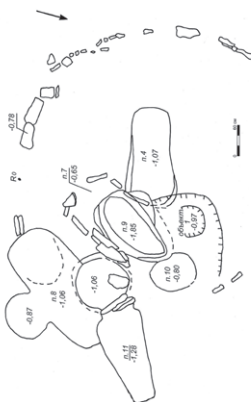

Рис. 14. Вапнярка. Курган 4. Центральная часть. Погребения после расчистки.

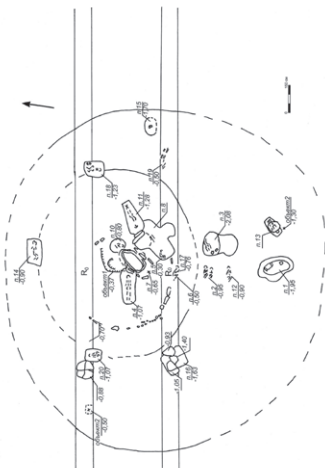

Рис. 15. Вапнярка. Курган 4. Общий план.

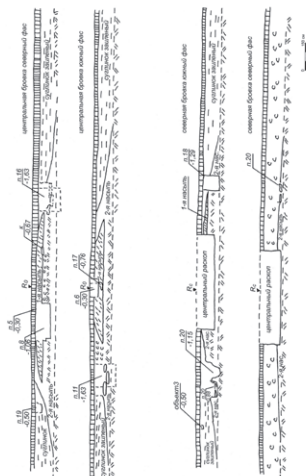

Рис. 16. Вапнярка. Курган 4.
Профили бровок.

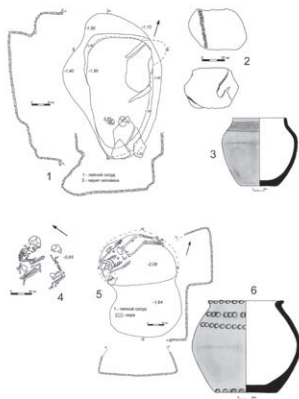

Рис. 17. Вапнярка. Курган 4. 1 – план и разрезы погребения 1; 2 – каменная стела; 3 – лепной сосуд; 4 – план погребения 2; 5 – план и профиль погребения 3; 6 – лепной сосуд.

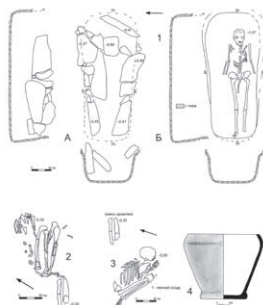

Рис. 18. Курган 4. 1 – план и разрезы погребения 4, А – 1-й этап расчистки, Б – 2-й этап расчистки; 2 – план погребения 5; 3 – план погребения 6; 4 – лепной сосуд.

Рис. 18. Вапнярка. Курган 4. 1 – план и разрезы погребения 4, А – 1-й этап расчистки, Б – 2-й этап расчистки; 2 – план погребения 5; 3 – план погребения 6; 4 – лепной сосуд.

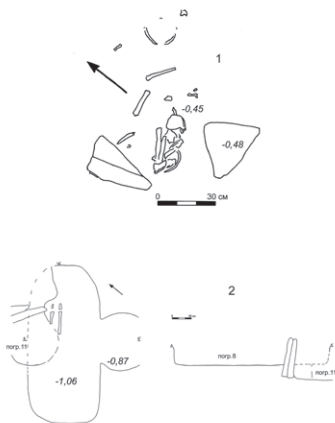

Рис. 19. Вапнярка. Курган 4. 1 – план погребения 7; 2 – план и разрез погребения 8.

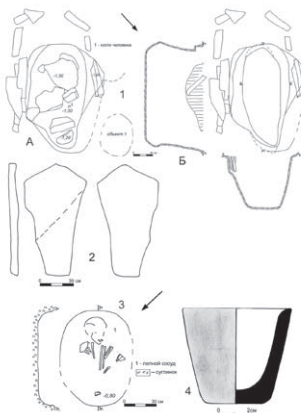

Рис. 20. Вапнярка. Курган 4. 1 – план и разрезы погребения 9, А – 1-й этап расчистки, Б – 2-й этап расчистки; 2 – каменная стела; 3 – план и разрез погребения 10; 4 – лепной сосуд.

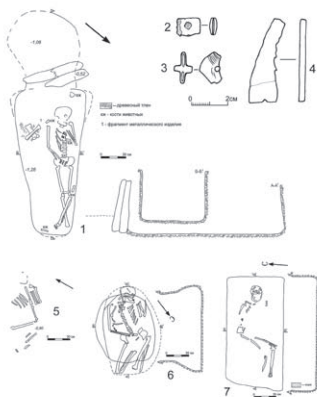

Рис. 21. Вапнярка. Курган 4. 1 – план и разрезы погребения 11; 2-4 – фрагменты железного ножа; 5 – план погребения 12; 6 – план и разрез погребения 13; 7 – план и разрез погребения 14.

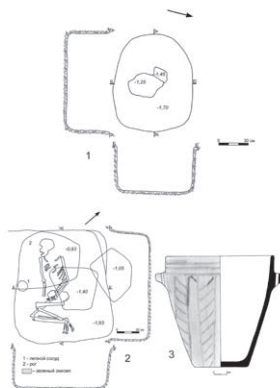

Рис. 22. Вапнярка. Курган 4. 1 – план и разрезы погребения 15; 2 – план и разрезы погребения 16; лепной сосуд.

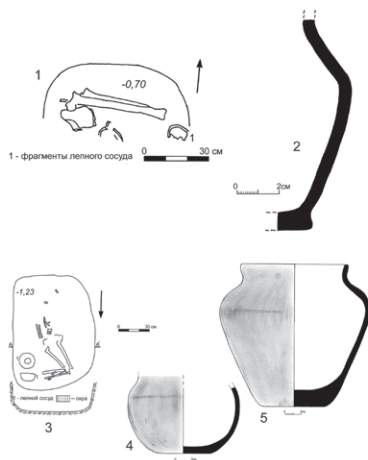

Рис. 23. Вапнярка. Курган 4. 1 – план погребения 17; 2 – профиль стенки лепного сосуда; 3 – план и разрез погребения 18; 4-5 – лепные сосуды.

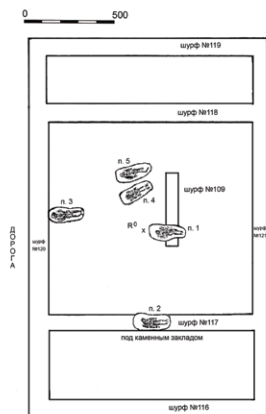

Рис. 25. Совиньон. Общий план
могильника.

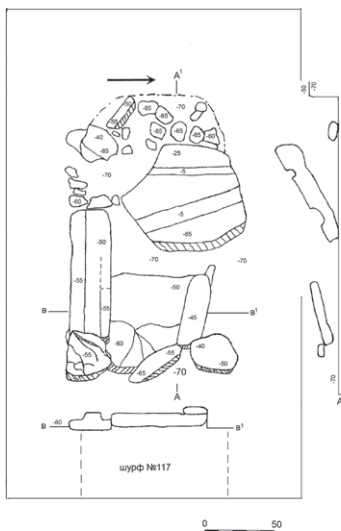

Рис. 27. Совиньон. Погребение 2.
Каменный заклад.

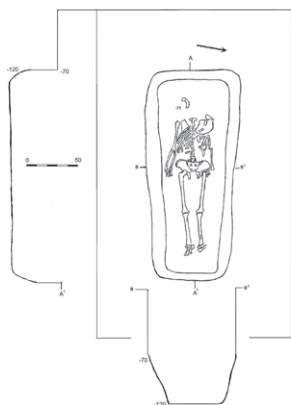

Рис. 28. Совиныйон. Погребение 2.

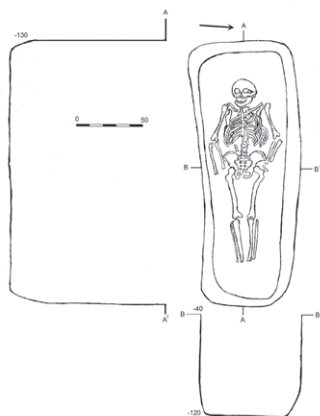

Рис. 29. Совиныйон. Погребение 3.

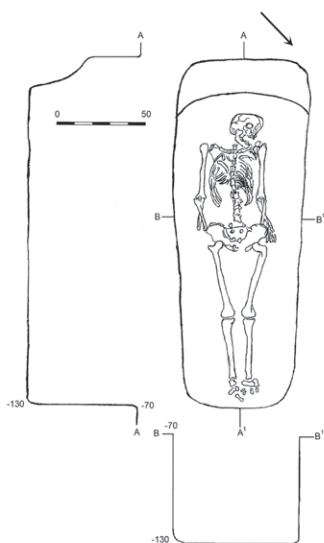

Рис. 30. Совиныйон. Погребение 4.

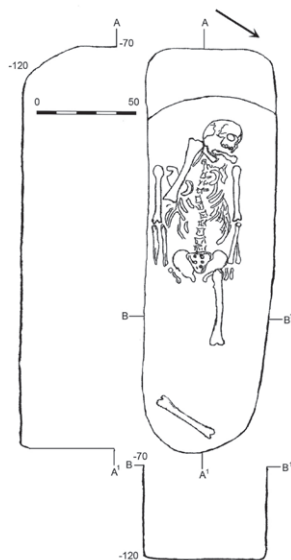

Рис. 31. Совиныйон. Погребение 5.

Часть 3

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА В ДНЕСТРО-БУТСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК У С. ВАПНЯРКА

Энеолитические погребения. Из четырех исследованных курганов лишь один соотносится с эпохой палеометалла, три остальных сооружены в скифо-античное время. Строительство кургана 4 началось в медном веке и связано с погребениями 4 и 9. По-видимому, оба погребения были основными, что не является исключением в погребальной практике энеолитических племен (хотя погребение 9 и является более поздним по отношению к захоронению 4). С ними же соотносится и строительство кромлеха. Кромлех сохранился частично, тем не менее, по аналогии с другими известными сооружениями такого рода, можно предположить, что он имел вид замкнутого круга. В захоронении №4, с поперечным каменным перекрытием, умерший лежал вытянуто на спине, головой на восток. Центр ограниченной кромлехом площадки приходится на восточную часть (изголовье) погребения 4.

Для публикуемого погребения № 4 имеется дата

Ki – 15013 BP 4100 ± 80;

BC 2870-2800, 2760-2560

Интересно, что практически одновременную дату дает вытянутое позднеэнеолитическое («постмариупольского типа», по мнению В.Г. Петренко) захоронение №17 из Александровского кургана (Петренко, Ковалюх, 2003. – С. 106, табл. 4):

Эти даты согласуются с отнесением Ю.Я. Рассاماкиным «вытянутых» погребений к этапу Триполье C2 (Рассамакин, 2000. – С. 159), что в абсолютных датах охватывает период 3400/3200-2750 BC (Videiko, 1999).

Погребение 9 разрушено в древности; возможно с ним связана антропоморфная стела, найденная в каменном закладе, который перекрывал его восточную часть (и захоронение бабинской культуры № 10). Погребение окружено оградкой, северная часть ее отсутствует (проход, или же не сохранилась).

Довольно близкой аналогией этому погребальному комплексу является энеолитическое погребение 5 кургана 1 могильника Круглая Могила (Bunjatjan, Kaiser, Nikolova, 2006. - р. 149). Совпадает ориентировка могильной ямы, отчасти – ее форма, в Круглой Могиле также отсутствует ограда в северной ее части.

Погребения бронзового века. В бронзовом веке курган использовался носителями ямной и катакомбной культур, а также бабинской культуры многоваликовой керамики. С ямной эпохой связаны три погребения (№№ 14, 16, 18), расположенные в разных секторах кургана, по окружности, что традиционно для курганов Северо-Западного Причерноморья. В погребении 14 умерший был уложен скорченно на спину, в погребении 16 находился на правом боку, в погребении 18 – скорченно на спине с наклоном влево. Два последних погребения содержали инвентарь (сосуды), для них имеются даты:

Погребение 16: Ki – 15014; BP 4050 ± 60;
BC 2630-2470.

Погребение 18: Ki – 15015; BP 3880 ± 60;
BC 2470-2280.

Эти даты (в том числе довольно ранняя для скорченного на боку захоронения) еще раз подтверждают факт одновременного сосуществования различных групп ямного населения, соблюдавших различные обрядовые традиции.

В центральной части кургана погребение ямной культуры отсутствует, хотя традиционным считается, что именно с впуска в центр инокультурного кургана должна начинаться серия ямных захоронений. В данной ситуации не стоит принимать во внимание частичное разрушение последней насыпи, т.к. сохранились захоронения бабинской культуры, размещенные в верхних слоях кургана. Погребения ямной культуры, как правило, достаточно углублены в тело насыпи или в материк. Нами уже высказывалось предположение о том, что расположенное в центральной насыпи кургана захоронение может «запечатывать» курган, завершая серию ямных комплексов. Такой вариант наблюдается, к примеру, в кургане 3 у с. Редова (Иванова и др., 2005. - С. 65), где имеется серия радиоуглеродных дат. Возможно, в публикуемом кургане имела место та же традиция, оставшаяся в силу каких-то причин незавершенной.

Кладбище племен катакомбной культуры (погребения №№ 1, 3, 8, 13, 20) также устроено традиционно для Северо-Западного Причерноморья, с расположением большинства захоронений в южном секторе кургана (четыре из пяти, найденных в кургане). В

трех захоронениях найдены сосуды, одно (№ 8) разрушено. В погребении 1 найдена антропоморфная каменная стела.

Для погребения № 3, сопровождающегося сосудом, радиоуглеродный анализ выполнялся дважды, в связи с некорректностью первой даты.

- 1). Ki – 15012; BP 5090 ± 60;
BC 3970-3900, 3880-3800;
- 2). Ki – 15230; BP 3960 ± 70;
BC 2580-2340.

Вторая дата вполне сопоставима с уже имеющимися датами для катакомбной культуры Северо-Западного Причерноморья (Иванова, и др., 2005. – С. 96-99).

Погребения культуры многоваликовой керамики занимали центральную часть курганный насыпи, выполнены в верхних ее слоях, в связи с чем погребальные камеры чаще всего не прослеживались. Захоронения очень близки по обрядовым признакам: погребенные уложены в сильно скорченном положении на левом боку, головой на восток, руки протянуты к коленям, либо согнуты в локтях и кистями лежат у лица (погребения №№ 2,5,6,12,17). Два захоронения сопровождались сосудами, одно было парным.

Для погребения №6 получена дата

- Ki – 15016; BP 3470 ± 60;
BC 1880-1730.

Эта дата дополняет немногочисленную серию датировок КМК, полученную ранее (Иванова и др. 2005. – С. 96-99).

Таким образом, в научный оборот вводятся не только новые археологические комплексы, но и новые радиоуглеродные даты, соотносимые с эпохой энеолита и ранним бронзовым веком.

Энеолит и бронзовый век Днестро-Бугского междуречья

Энеолитические памятники региона и в культурном отношении, и в хронологическом аспекте далеко не монолитны (Рис. 1). Существенны отличия в обряде, инвентаре и в имеющихся, пусть немногочисленных, радиоуглеродных датах. Эти комплексы не составляют единого целого ни в культурном отношении, ни в хронологическом аспекте.

Наиболее ранние радиоуглеродные даты в регионе получены для **суворовской культурной группы** (Петренко, Ковалюх, 2003. – С. 103).

К памятникам этого типа, обычно, относят грунтовые погребения со скорченными на спине скелетами, в прямоугольных ямах. Считается, что эту группу (или вариант) следует включать в новода-

ниловский культуру, локализирующуюся в Азово-Днепровском регионе. По мнению В.Г. Петренко, новоданиловским является уникальный грунтовый могильник с агглютинативной ярусно-рядовой планировкой Кошары I, на правом берегу устья Тилигульского лимана. Основная часть погребений суворовской группы находится западнее, в междуречье Днестра и Дуная. Автор раскопок подчеркивает четкость стратиграфии, интересную и важную атрибутику, отмечая при этом, что этому могильнику более присущи черты именно восточных (собственно, новоданиловских), а не западных комплексов (суворовской группы). Имеющиеся изотопные даты характеризуют Кошары I как предельно поздний новоданиловский памятник, отчасти синхронный периоду BII-CI Трипольской культуры (Петренко, Ковалюх, 2003. - С. 102-103, 108).

Культурная принадлежность погребений со скорченными на боку скелетами определяется исследователями по-разному. В эту группу включают захоронения в овальных или прямоугольных ямах, где умерший расположен на боку (чаще – левом), ориентирован на восток или северо-восток. Одна рука при этом лежит вдоль тела, а другая согнута в локте и уложена на таз или поперек туловища. Нередко в погребальном обряде присутствует красная охра. В курганах зачастую имеются каменные конструкции (кромлех, креpidы, заклады). В.Г. Петренко выделяет эти захоронения в **хаджидерский тип** памятников. По его мнению, хаджидерские комплексы имели отношение к генезису усатовской культуры (Патокова и др., 1989. - С. 114, 124). В то же время И.В. Манзура считает их проявлением бессарабского варианта культуры **Чернавода I**, которая распространяется на восток из земледельческих ареалов Подунавья и становится в конечном итоге одним из компонентов сложения усатовской культуры (Манзура, 2001/2002, 2005). Обряд схож с обрядом **нижнемихайловской** культуры, памятники которой расположены восточнее. Считается, что формирование нижнемихайловской культуры может быть связано с Кавказом, тем не менее, исследователи отмечают явное сходство части ее керамического комплекса с посудой культуры Чернавода I (Манзура, 2005. - С. 77). Именно в Днестро-Бугском междуречье, по мнению И.В. Манзуры, наблюдается бытование памятников обеих культур (Рис. 2).

Животилловская культурная группа также характеризуется положением умершего скорченно на боку, но руки его согнуты в локтях и кистями поднесены к лицу. Преобладает южная ориентировка скелетов. В чертах этой группы прослежены и кавказские (Майкоп), и трипольские черты (Rassamakin, 2003). Объединение их в единый

тип Хаджидер-Животиловка (Яровой, 2000), вероятно, не вполне правомерно. Для нескольких захоронений с территории Северо-Западного Причерноморья имеются радиоуглеродные даты, в том числе и для памятника с Днестро-Бугского региона, укладываемые в период Триполье CII (Петренко, Ковалюх, 2003. - С. 108).

Скорченные на спине погребения с восточной ориентацией, которые характеризуются овальными или близкими к овалу планами погребальных ям, были выделены в группу т.н. **«постстоговских»** погребений, по мнению исследователей, генетически связанных со стоговской культурой. Их относят к среднему периоду медного века и считают, что отдельные группы населения дошли до берегов Южного Буга и Днестра, контактируя с носителями трипольской культуры на севере и нижнемихайловскими племенами на юге (Рассамакин, Евдокимов, 2001). В.Г. Петренко предлагает выделять их в **тип Катаржино**. Он считает, что вариант обрядовой традиции, во всей полноте представленный в Катаржино, определенно существовал в рамках периодов Триполья CI и CII, примерно со второй трети IV тысячелетия до н.э. по калиброванной хронологии (согласно полученным датам), хотя зародился, возможно, даже несколько ранее. Для некоторых из захоронений этой группы, найденных в Днестро-Бугском междуречье, имеются радиоуглеродные даты, например, Катаржино 1/10 (Петренко, Ковалюх, 2003) Кошары III, 3/6 (Иванова и др., 2005).

Неоднородность группы т.н. «вытянутых» захоронений отмечалась исследователями и ранее (Николова, Рассасакин, 1985). Они отличны и по формам погребальной камеры, и по стратиграфической позиции. Л.В. Субботин разделяет их на две хронологические группы – ранние, энеолитические, и поздние, синхронные ямной культуре, впущенные в курганы параллельно раннеямным захоронениям или даже после них. Он полагает, что их нельзя объединять в одну культуру, исходя лишь из позы погребенного: они относятся к различным культурно-историческим образованиям (Субботин, 1991. - С. 72). Несмотря на то, что их предполагают выделять в рамках постмариупольских памятников (Яровой, 2000. - С. 15; Петренко, Ковалюх, 2003. - С. 104), следует отметить, что «классические» постмариупольские захоронения, с чертами и инвентарем, традиционно характеризующие эту культурную группу, в Северо-Западном Причерноморье пока не обнаружены. Тем не менее. И.Ф. Ковалева выделяет особую территориальную группу постмариупольских погребений Северо-Западного Причерноморья, особенностью которых является более поздняя хронологическая позиция по сравне-

нию с другими ареалами. Исследовательница считает, что определенные признаки (даже специфическая, «челночная», форма ямы, наличие изделий из каолина и охры и т.п.) могут варьировать в разных территориальных группах (Ковалева, 2002. - С. 64). Ю.Я. Рассамакин объединил бытовые памятники и «вытянутые» захоронения с керамикой квитянского типа в рамках квитянской культуры (Рассамакин, 1994, 2000), отмечая при этом, что в Днестро-Прутском междуречье и низовьях Днестра набор основных признаков теряется (Рассамакин, 2000 - С. 163-164). И.В. Манзура видит местные истоки группы «вытянутых» погребений в Карпато-Поднестровье. В хронологическом отношении они соотносятся с разными периодами энеолита (Levitsky, Manzura, Demchenko, 1996. – S. 59-61).

Для междуречья Южного Буга и Днестра имеются две радиоуглеродные даты, относящиеся к финалу периода Триполья CII.

И.В. Манзура (Манзура, 2005) отмечает, что рубеж энеолита и бронзового века характеризуется массовым проникновением в степь трипольского населения и формированием синкретических степных групп, в которых обнаруживаются как местные, так и трипольские черты. Наиболее яркий пример – **усатовская культура**, характеризующаяся редкими поселениями, развитыми мегалитическими традициями в погребальной архитектуре, развитой бронзовой металлургией, керамическим комплексом, в котором сочетаются трипольские и степные элементы. Усатовская культура распространена в степной зоне Северо-Западном Причерноморье, датируется серединой IV - началом III тыс. до н.э. В Буго-Днестровском междуречье она представлена комплексами Усатово и Маяки, (городища и погребальные памятники с биритуальным обрядом захоронения – грунтовым и курганным), курганными могильниками (Александровский курган), единичными подкурганными захоронениями (Рис. 3). Погребенных хоронили в простых ямах, иногда с подбоями, скорченно на левом боку, реже – на спине. Преобладает восточная ориентировка погребенных. Древнейшие усатовские комплексы синхронны финалу Триполья CI, в целом культура существовала на протяжении всего этапа Триполье CII.

Ямная культура. Своеобразие материальной культуры ямных племен Северо-Западного Причерноморья послужило основанием для выделения особого локального варианта внутри ямной культурно-исторической области или даже отдельной культуры (несмотря на отсутствие единства в названии этого явления). И если способ захоронения является традиционным в рамках обширной территории, занятой ямными памятниками, то материальная куль-

тура, безусловно, своеобразна. Анализ и классификации ее посвящено достаточное количество обобщающих работ.

Северо-Западное Причерноморье занимает промежуточное положение между двумя культурными ареалами — Балкано-Карпатским на западе и Причерноморской степью — на востоке. Именно связи с синхронными культурами Балкан и Карпат определили особенности материальной культуры, да и всего облика юго-западного («бужакского») варианта. Напротив, влияния соседнего южно-бугского варианта ямной КИО почти не ощущается. В целом можно предположить, что ранний этап ямной культуры региона определяется, прежде всего, балканскими связями. Движение отдельных групп населения с востока сочеталось с более ранними импульсами западных культур финала энеолита и раннего бронзового века. Эти разнохарактерные элементы (включая местное энеолитическое население) послужили тем субстратом, на котором сформировалась собственно ямная культура Северо-Западного Причерноморья.

Способ погребения и основные черты обряда памятников, происходящих с территории между Южным Бугом и Днестром, в целом, традиционны для Северо-Западного Причерноморья. Отличия между памятниками этих двух микрорегионов проявляются в тех аспектах, которые отражают инокультурные взаимовлияния. Находки из погребений прибрежной зоны Днестра и Днестровского лимана еще демонстрируют связи с Балкано-Карпатским регионом. Остальная часть междуречья Южного Буга и Днестра от такого влияния практически свободна. При этом характерно, что керамика региона отлична от материалов соседнего Побужья. Напротив, изредка встречающиеся в погребениях междуречья Южного Буга и Ингула сходные керамические формы (баночные сосуды с ручками-упорами) объясняют «западным направлением связей племен Буго-Ингулецкого междуречья» (Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986. - С. 59).

Можно отметить, что Днестро-Дунайское междуречье было открыто для культурного диалога, векторы его связей направлены на запад. Видимо, здесь сказываются традиции энеолитической эпохи. В то же время характерно, что территория между Днестром и Южным Бугом оказалась наименее подверженной влияниям соседних культурных групп. Ямным населением были освоены, преимущественно, Приднестровье и прибрежная зона (Рис. 4).

Катакомбная культура в междуречье Южного Буга и Днестра представлена, в основном, захоронениями и немногочисленны-

ми пунктами находок катакомбной керамики, что несопоставимо с более восточными территориями, включая соседнее Побужье. В рассматриваемом регионе памятники катакомбной культуры представлены разными обрядовыми традициями. Как и во всем Северо-Западном Причерноморье, здесь преобладают захоронения с вытянутыми на спине костяками. С ними же, видимо, сопоставимы вытянутые или слабоскорченные погребения с наклоном набок. Менее представительны иные варианты, с погребенными, скорченными на правом, левом боку или скорченно на спине. В целом, погребальный инвентарь катакомбных захоронений региона вполне вписывается в круг катакомбных древностей, известных как к востоку, так и к западу от междуречья Южного Буга и Днестра.

Следует также отметить связь катакомбного населения (Северо-Западного Причерноморья в целом) с ямными племенами региона, отображенную и в некоторых деталях катакомбного ритуала («ямная» поза погребенного, расчлененные захоронения), и в отдельных артефактах, сопровождающих умерших и имеющих аналоги в ямной культуре: сосуды, некоторые типы топоров, украшений. Немаловажным является и сходство приемов металлообработки, единые источники медного сырья. Но вот источники серебра, известные ямным племенам, оказались недоступными для катакомбных племен. Исследователями отмечаются контакты катакомбных племен с кругом культур шнуровой и постшнуровой керамики Карпато-Подунавья и Среднего Поднепровья (Черняков, Тоцев, 1985; Toscev, 1998). В то же время указывается и на некоторое своеобразие памятников Северо-Западного Причерноморья, отразившееся в нестандартном сочетании ранних и поздних черт в погребальной обрядности (Братченко, 2001). С другой стороны, если в иных регионах катакомбного ареала вытянутые захоронения составляют поздний горизонт, то в Северо-Западном Причерноморье вытянутые и часть скорченных на боку погребений одновременны. Это подтверждается и данными планиграфии (Яровой, 2000), и радиоуглеродными датами (Иванова и др., 2005).

Некоторые (неординарные) черты ритуала погребений Днестро-Бугского междуречья тяготеют к востоку. Так, погребения с т.н. «охристо-глиняными масками», найденные в Ясском могильнике, известны в Приазовье, Поднепровье, реже — в Побужье и Поингулье (Алексеева, 1994. - С. 103-105). Уникальный кубок из погребения 12 кургана 1 у с. Новая Долина находит близкие аналогии на поселениях типа Перун (Петренко и др., 2002. — С. 61-62). Серебряная подвеска из него (единичная находка для катакомбных

погребений Северо-Западного Причерноморья) типична для восточнокатакомбных комплексов. Аналогии сосуду из Великозимоново 1/4, украшенного елочным орнаментом, имеются в памятниках катакомбной культуры Поднепровья и Подонья (Братченко, 1976. - С. 33; Братченко, 2001. - С. 166, рис. 3; Болтрик, Левченко, Фиалко, 1991. - С. 80, рис. 13, 7; Прокофьев, 2002 - С. 119, рис. 10, 5). Единичная находка в регионе каменной булавы (Дубиново 1/12) связана, вероятно, с ареалом донецкой культуры.

В то же время, скорченное на левом боку положение, усиление скорченности ног погребенных, появление ям с уступами и подбоями на позднем этапе катакомбной культуры соответствуют основной характеристике местных памятников бабинской культуры многоваликовой керамики, указывая на связи двух культур в определенный период (Савва, 1992). Исследователи отмечают, что в материальной культуре КМК отчетливо прослеживаются элементы предшественников — ямной и катакомбной культур (Toscev, 1998).

Очевидно, что захоронения катакомбной культуры региона являются западной периферией ареала ингульской катакомбной культуры. При этом памятников здесь значительно меньше, чем в Буго-Днепровском междуречье. Отсутствуют яркие находки, монументальные сооружения, поселенческие комплексы. Создается впечатление, что лишь приморская зона Буджака была освоена катакомбными племенами относительно плотно (Рис. 5). Тот факт, что более чем в 50 курганах обнаружено по 1 захоронению, может указывать на недолгий период обитания в этих местах катакомбных племен, возвращении их на обжитые ранее территории, отсутствие постоянных пастбищ. В частности, именно Побужье, с его многочисленными сезонными стоянками, могло быть тем местом постоянного обитания, откуда отдельные группы населения продвигались на территорию Северо-Западного Причерноморья. Причем движение шло как в широтном, так и в меридиональном направлении: амфорка из кургана у с. Дубиново под Савранью (Иванова и др., 2005) имеет полные аналоги в комплексах Нижнего Побужья (Ковпаненко, Гаврилюк, 2002). В лесостепной зоне отчетливо прослеживается миграция из ареала донецкой катакомбной культуры. Определенную часть катакомбных племен составило «ямное» население Северо-Западного Причерноморья. Этот же процесс отражен и в тех немногих индивидуальных погребениях, выполненных в катакомбах, но сопровождающихся ямным инвентарем. Данный вывод подтверждается и антропологическими данными, которые указывают на наличие ямного компонента в катакомбной среде

Северо-Западного Причерноморья (Круц, 1997; Сегеда, 2000. - С. 103-107). При этом отмечается, что все «раннекатакомбные» (со скорченными костяками) группы и поздняя («буджакская») очень сходны между собой.

Проникновение катакомбных племен в Северо-Западное Причерноморье фиксируется, по-видимому, уже на начальных этапах культуры. Наиболее ранние катакомбные импульсы связали Северо-Западное Причерноморье не с близлежащим Побужьем, а с довольно отдаленным Подоньем, а также с Поднепровьем. Об этом свидетельствуют, к примеру, находки глиняных воронок в ямных захоронениях у с. Новоградовка (Ветчинникова, 1988). Они известны как в катакомбных погребениях Подонья (Братченко, 1976), так и в ямных захоронениях Калмыкии (могильник Цаца). Найдены они и в раннекатакомбных погребениях Правобережья Днепра, близ г. Орджоникидзе. Собственно, раннекатакомбные памятники, по мнению С.Н. Братченко, на территории Северо-Западного Причерноморья единичны (Братченко, 2001. - С. 61). Немногочисленная группа захоронений раннего облика раскопана в кургане у с. Старые Беляры, на берегу Григорьевского лимана, в Днестро-Бугском междуречье.

В погребениях катакомбной культуры известны находки ямных сосудов. Это — округлодонный сосуд в погребении 12 кургана 5 у с. Ясски (Алексеева, 1976), кувшин ямного облика в захоронении 5 кургана 2 у с. Великодолинское (Субботин, Черняков, Ядвичук, 1976) и др.

Но, по всей вероятности, бывшее «ямное» население, приняв новые идеологические представления, воплощенные в катакомбе, все же оставалось в какой-то степени этнически обособленным от остального массива катакомбных захоронений Северо-Западного Причерноморья. На это указывает ряд наблюдений. При рассмотрении парных и коллективных захоронений оказывается, что в одной могильной яме с вытянутым на спине умершим могут находиться только погребенные в такой же позе (Ясски 5/12). Порой, в одной могильной яме захоронены умершие, вытянутые на спине и вытянутые с наклоном на бок (Новые Раскаецы 1/8), либо уложенные на спину со слегка согнутыми ногами (Чобручи 4/35). В то же время среди парных захоронений со скорченными костяками наблюдаются разные варианты сочетания положения скелетов (на спине, на том или ином боку). В коллективных погребениях, порой, фиксируются все три варианта скорченного положения покойника (Фрикацей 9/8; Лиман 3А/31).

Но вытянутые и скорченные позы умершего в одном погребении практически не сочетаются. Более того, такая обособленность разных обрядовых групп может подчеркиваться и вариантами размещения захоронений под курганной насыпью. В кургане 3 у с. Новая Долина катакомбы с вытянутыми на спине костяками (№№ 6 и 8) расположены радиально по отношению к центру кургана. Погребения, где умершие лежали скорченно на спине (№ 9) и на боку (№ 12), размещены по касательной (Петренко, Островерхов, Сапожников, 2002 - С. 42, рис. 2). В кургане 1 у с. Дубиново из двух находившихся рядом захоронений радиально расположено то, где скелет скорчен на боку, а по касательной — с вытянутым на спине погребенным. Характерно, что даже помещение в погребальный комплекс ингульской амфоры (Дубиново 1/11) не повлияло на способ захоронения. Умерший здесь расположен с сохранением «ямных» традиций, скорченно на спине (Иванова и др., 2005).

Соотношение ямной и катакомбной культур на различных территориях Каспийско-Черноморских степей сложилось по-разному. В одних регионах исследователями выделяется ямно-катакомбный горизонт (или тип) памятников. В Северо-Западном Причерноморье, на наш взгляд, говорить о взаимовлиянии двух культурных массивов в течение длительного периода, скорее всего, нет оснований. Это не подтверждается ни стратиграфическими наблюдениями, ни «общностью» материальной культуры, которая предполагается некоторыми исследователями (Тощев, 1991; Субботин, 1993).

Помимо единичных попыток совместить идею простой ямы (или ямы с уступом) и катакомбы, иных катакомбных черт в ямном социуме региона практически не наблюдается. В Побужье смешанные комплексы ямно-катакомбного облика, напротив, представлены в значительном количестве (Шапошникова, 1987; Фоменко, 1990. - С. 99-101; Пустовалов, 2003). Это позволяет нам предположить разную степень освоенности двух больших ареалов, расположенных по обоим берегам Южного Буга. Если к востоку от него, только в Буго-Ингулецком регионе, известно более 1000 погребений ингульской культуры (Шапошникова, Фоменко, 2002), то в Северо-Западном Причерноморье их в три раза меньше (Яровой, 2000). По берегам Южного Буга располагаются поселения и многочисленные сезонные стойбища. Здесь же проходит фактическая граница распространения «ямно-катакомбных» комплексов. По-видимому, полностью обжить и освоить территорию между Южным Бугом и Дунаем катакомбные племена уже не имели возможности. Территория крайнего запада Причерноморских степей оказалась

включенной в катакомбный мир лишь отчасти. Вполне возможно, что редкие погребальные памятники, с незначительным количеством захоронений в них, отражают лишь отдельные проникновения катакомбных племен с территории Побужья и Поднепровья в ареал Северо-Западного Причерноморья. Эти продвижения можно расценивать скорее как импульсы, с незначительными кратковременными контактами между носителями разных культурных традиций.

Возможно, конечной целью катакомбников был поиск путей к балканским источникам меди, поскольку основные месторождения Донбасса контролировались племенами донецкой катакомбной культуры (Кравец, 2001). Однако выполнить эту задачу «ингульцам» оказалось не под силу: далее к западу эти импульсы постепенно угасают. В целом, в Северо-Западном Причерноморье катакомбными племенами относительно плотно были освоены лишь низовья Южного Буга, Нижнее Поднестровье и, частично, приморская часть Буджака. Несомненно, на территории Северо-Западного Причерноморья катакомбные племена были довольно немногочисленны. Они не сумели освоить все то пространство, что занимали в период расцвета племена ямной культуры. Все же историческая ситуация была такова, что в конечном итоге ямные племена воспринимают новые мировоззренческие традиции. Этот процесс не был одномоментным и, видимо, был обусловлен непосредственными контактами в определенных ареалах. Таким образом, видимо, непосредственные катакомбные импульсы и передвижения приводят к изменению мировоззренческих представлений ямных племен, к переходу их к иным погребальным канонам. Ямная культура как таковая угасает, однако, население, ее составлявшее, остается, сохраняя своих умерших по новым погребальным канонам.

Все же при этом нет оснований полагать, что ямный социум был подчинен и включен как неполноправный компонент в катакомбную среду, что постулируется в некоторых исследованиях (Пустовалов, 1995). Во-первых, смена мировоззренческих концепций отразила тот факт, что ямная общность прекратила свое существование как целостное историческое образование. Сохранившие в какой-то степени свою этническую специфику группы населения стали полноправными членами катакомбного общества. Об этом свидетельствует, прежде всего, наличие престижных артефактов в их погребальных комплексах, в тех катакомбных сооружениях, где умершие погребены по «ямному» обряду (скорченно на спине и на боку). Так, в инвентаре захоронений со скорченными на спине погребенными

можно отметить оружие (кремневый наконечник стрелы), керамику, в том числе раритетную амфору из Дубиново 1/11. При умерших, скорченных на спине с наклоном вправо, найдены каменные топоры, украшения, керамика. Особенно разнообразен инвентарь погребенных скорченно на спине с наклоном влево. Здесь обнаружены каменные топоры, булава, наконечник копья, нож-кинжал, заготовка стрелы, орудия труда, украшения, керамика. Эти данные не позволяют согласиться с трактовкой ямного компонента как неполноправной группы населения в рамках катакомбного социума.

На наш взгляд, ямный этнос не был и ассимилирован катакомбными племенами, о чем свидетельствует сохранение ямных обрядовых традиций в позах погребенных. Данный тезис подтверждается и тем фактом, что ямный антропологический тип сохраняется в катакомбной среде на некоторых территориях вплоть до финала катакомбной культуры, а затем вновь проявляется в культуре многоваликовой керамики (Круц, 1997; Сегада, 2000). В этом контексте отметим наблюдения исследователей относительно катакомбных памятников других регионов. Так, отмечается возрождение некоторых ямных традиций на позднейшем этапе катакомбной культуры (форма погребальной камеры), сохранении «ямной» позы погребенного (скорченно на спине) до финальной стадии культуры (Фещенко, 1993; Санжаров, 2002). В таком случае наличие именно «ямного» компонента, ямных черт и ямного антропологического типа в культуре многоваликовой керамики становится вполне объяснимым. «Ингульский» антропологический тип напротив, исчезает бесследно, не оставив следов в физическом облике последующих культурных образований на территории Украины (Круц, 1997. - С. 537).

Бабинская культура (многоваликовой керамики) в междуречье Южного Буга и Днестра представлена не только захоронениями, но и поселениями. Основную информацию о характере и особенностях культуры рассматриваемого региона предоставляют нам погребения под курганными насыпями; часть захоронений соотносят с бескурганым обрядом (Тощев, 1982, 1994). Под курганной насыпью может находиться одно или несколько захоронений КМК, порой, составляя могильники, в которых прослежено до десятка и более погребений. Чаще всего в могильнике наблюдается серия захоронений с определенными обрядовыми признаками. Преобладает поза умершего скорченно на левом боку, иногда — разворотом на грудь. Встречается и размещение на правом боку, скорченно на спине. В ориентировке доминирует восточное направление.

Положение рук нестабильно, обычно одна рука вытянута к коленям, а вторая согнута в локте, размещена поперек туловища. Часто руки кистями поднесены к лицу; могут быть скрещены на груди; известна и поза «скачущего всадника». Скелеты изредка могут быть слабо окрашены охрой.

Основная категория находок из погребений – это керамика и костяные и роговые (изредка – каменные) пряжки, являющиеся своеобразным маркером этой культуры. Керамика по типам довольно разнообразна и найдена примерно в половине захоронений. Другой инвентарь, найденный в захоронениях, известен в единичных случаях и представлен невыразительными изделиями из кремня (отщепы, скребки).

Почти все погребения с неординарным инвентарем найдены к западу от Днестра. Там же концентрируется и сосуды собственно с валиковой орнаментацией. Но захоронения, имеющие особенности в обряде, распределяются по обе стороны Днестра относительно равномерно. Поэтому при анализе комплексов, происходящих с территории южного Буга и Днестра, мы неминуемо обращаемся к памятникам всего Северо-Западного Причерноморья. В целом же этот регион (в отличие от Поднепровья и Северного Приазовья) отличаются бедностью и крайней невыразительностью инвентаря. «Классические» сосуды с композициями из наlepных валиков редки, составляя всего 10% керамического комплекса. Практически отсутствуют погребения с производственным инвентарем, оружием, топорами, оселками, выпрямителями стрел, деталями конской узды (дисковидные и желобчатые псалии), фигурными и зооморфными пряжками. Можно назвать лишь три погребения с кремневыми наконечниками стрел: и одно с булавой. Украшений найдено немного, причем совершенно не известны бусы из пасты и фаянса, традиционные для восточного ареала КМК. Отметим редкость находок металлических изделий и концентрацию их всего в нескольких (восьми) погребениях Северо-Западного Причерноморья.

Между тем, памятники Поднепровья, Левобережья Днестра, Северного Надазовья предоставляют очень яркий и выразительный материал (Березанская и др., 1986; Литвиненко, 1996). Создается впечатление, что западная провинция во всех отношениях отставала от центра и восточного ареала КМК. При этом почти все неординарные захоронения Северо-Западного Причерноморья в той или иной степени обладают чертами раннего хронологического горизонта. На позднем этапе погребальный инвентарь представлен исключительно пряжками и невыразительными сосудами. Из рарите-

тов с поздним горизонтом КМК соотносят лишь Бородинский клад и бронзовый кинжал из погребения 28 кургана 9 у с. Старые Куконешты (Березанская и др., 1986. - С. 12; Отрощенко, 2001. - С. 110). При этом С.С. Березанская сопоставляет кинжал из Куконешт с кинжалом из Бородинского клада (Березанская, 1986. - С. 11). Случайную находку золотой двуручной чаши вблизи Крыжовлина, форма которой имеет аналоги в культуре Монтеору, полагают возможным также относить ко времени КМК (Березанская и др., 1986. - С. 12).

В.В. Отрощенко обратил внимание на факт распространения костяных пряжек в различных культурах в переходный период (от среднего к позднему бронзовому веку) и на раннем этапе поздне-бронзового века. Причем известны они в разных культурах: КМК, Монтеору, Синташта, доно-волжская, абашевская, покровская, срубная (ранний этап). Данные антропологии свидетельствуют о том, что это была деталь, прежде всего, мужского убранства. На позднем этапе пряжки получают широкое распространение в среде носителей КМК (Отрощенко, 1998, 2001). Существуют разные точки зрения о назначении пряжек: предполагается как их функциональное, так и декоративное назначение. Трасологическое их изучение позволило внести ясность в этот вопрос. На массовом материале фиксируются следы крепления пряжек к ремню, причем различные способы и варианты. В то же время имело место, намеренное изготовление некоторой части изделий в форме пряжек в качестве украшений-подвесок (Усачук, 1998). Такое их использование наряду с массовостью материала и тяготению к мужским захоронениям позволяет предположить, что пряжки могли маркировать социальную группу воинов. В целом же, пряжки были найдены в различных ситуациях: в неординарных погребениях, сопровождавшихся конструкциями из камня и дерева; в сочетании со жреческими атрибутами (чаши, астрагалы), в погребении с оружием (наконечник стрелы). Но более всего их обнаружено в рядовых захоронениях. Отсутствуют они в погребениях с металлическим инвентарем, в захоронениях детей и, предположительно, лиц старческого (отчасти зрелого) возраста.

В целом же создается впечатление, что на территории Северо-Западного Причерноморья обитало общество, ориентированное исключительно на военные походы, лишенное в обиходе престижных и эстетически привлекательных вещей, и клады — тому подтверждение. Клады свидетельствуют прежде всего о нестабильности обстановки в регионе в среднем бронзовом веке. При этом концентрация погребений с пряжками в низовьях Днестра, Дуная и на территории

Румынии (Савва, 1992. - С. 122, рис. 51), а также захоронения КМК в ареале подкарпатской культуры шнуровой керамики, определенно указывает на западные и северо-западные экспансии (Тощев, 1986; Савва, 1992; Свешников, 1974). Причем контакты с Задунавьем устанавливаются уже на ранних этапах КМК и культуры Монтеору. Не так давно к западу от Дуная, на территории Румынии, выделена группа ранних захоронений КМК, с вытянутым обрядом погребения, сопровождающихся пряжками. По находке керамики они соотносятся с этапом Ic3 культуры Монтеору (Burtănescu, 2002). С другой стороны, именно вблизи Дуная расположены немногие погребения с металлом. Показательно, что клады, соотносимые с носителями КМК, на территории Северо-Западного Причерноморья состоят не из украшений, орудий труда, литейных форм, а исключительно из парадного и боевого оружия (целого или сломанного). К парадному оружию, безусловно, относятся артефакты из Бородинского клада. Тесла, топоры, серпы из Рыбаковского (Савва, 1992) и Коблевского (Черняков, 1967) кладов, которые связывают с КМК, вполне могли использоваться как эффективное рубящее оружие ближнего и среднего боя. Исследователями отмечается полифункциональность большинства металлических артефактов бронзового века, которые могли использоваться и как орудия труда, и как оружие, что является вполне рациональным при ценности и редкости металла. Сочетание топоров (или кельтов) с серпами в кладах довольно традиционно. Отнесение кинжалов и топоров к оружию ближнего боя сомнений не вызывает. На наш взгляд, в качестве оружия среднего боя могли использоваться боевые серпы, или же закрепленные на древке. К тому же на внешней стороне двух серпов из Коблевского клада имеются зазубрины, сделанные ударами какого-то узкого инструмента (Черняков, 1967. - С. 30, рис. 4, рис. 5). Возможно, повреждения связаны именно с применением этих артефактов в бою. Широколезвийные серпы типа Дебедень-Кабаково (Дергачев, Бочкарев, 2002. - С. 94) несомненно, вызывают ассоциации с оружием типа алебард, изображенных, к примеру, на знаменитом горельефе из Богазкей, что уже отметил Е.Н. Черных (Каргалы, 2004. - С. 248, рис. 8, 1). На наш взгляд, следует выделять и боевые серпы. Из всех артефактов, находимых в кладах, лишь серпы стоят особняком, выделяясь как «сельскохозяйственное орудие». Трудно себе представить, чтобы статус сельскохозяйственного орудия равнялся статусу боевого. Чаще всего в кладах сочетаются топоры (тесла) либо с серпами, либо с наконечниками копий, что косвенно указывает на их взаимозаменяемость. Порой, к ним добавляется кинжал. Исходя

из всего сказанного, мы полагаем, что Рыбаковский и Коблевский клады следует считать, прежде всего,кладами оружия, а серпы – боевыми. С другой стороны, найденные в них предметы, могли служить также и продуктами обмена; в таком случае они могли иметь ценность вне зависимости от своего функционального назначения.

Бородинский клад долгое время соотносили с сейминско-турбинским очагом металлообработки; происхождение нефрита, из которого изготовлены топоры, связывалось с Саянами. Из этих посылок выводился тезис о торговых связях Северо-Западного Причерноморья с отдаленными восточными территориями в эпоху средней бронзы, мирных контактах носителей КМК с другими культурами. На самом деле есть гораздо более близкие источники нефритоидов и жадеитовых пород (Среднеднепровский район Украинского кристаллического щита). К тому же, с территории современной Румынии, как считают исследователи, поступал камень уже в раннетрипольское время (Петрунь, 1994; Ключко, 2002). Отметим в этом контексте мнение С.С. Березанской о том, что нельзя исключать принадлежность клада тшинцево-комаровской культуре (Березанская, 1998. - С. 63). Относительно постоянные связи КМК с культурами Комарово и Монтеору отмечает и Е.В. Савва (Савва, 1992. - С. 169). В.И. Ключко соотносит Бородинский клад с кругом культур шнуровой керамики (Ключко, 2002). Таким образом, на запад, северо-запад (а не на восток) были направлены отнюдь не торговые интересы носителей культуры многоваликовой керамики Северо-Западного Причерноморья.

При этом памятники междуречья Днестра и Южного Буга имеют некоторые особенности, если сопоставлять их с Буджакской степью. Эти отличия проявляются и в некоторых чертах погребального ритуала, и в характере инвентаря. Здесь гораздо меньше процент захоронений с пряжками. Так, из 155 погребений региона, пряжками сопровождалось всего 21 (это составляет около 13 %). При этом большинство находок пряжек здесь связано с территорией Приднестровья. Имеются могильники, где пряжки не зафиксированы вовсе (Старые Беляры, курган 1 — 9 захоронений; Щербанка, курган 1 — 10 захоронений; курган «Любаша» — 5 захоронений; Киселово, курган 1 — 12 захоронений). Заметим, что такой могильник без пряжек есть и на правом берегу Днестра (Новые Раскаецы); в нем находилось 15 погребений КМК (Яровой, 1990).

В то же время между Южным Бугом и Днестром расположены поселения КМК, к которым тяготеют и некоторые курганные могильники. Можно предположить, что эта территория была занята племенами несколько иного хозяйственного и социального уклада,

нежели население крайнего запада Причерноморских степей. Однако отсутствие больших поселений с каменным домостроительством, слабая заселенность этого региона, довольно стандартные и однообразные захоронения свидетельствуют о том, что экономический их уровень был также невысок.

Интересную информацию предоставляет картографирование «элитных» захоронений. Выявляется несколько цепочек, видимо, отмечающих движение определенных племен в Северо-Западном Причерноморье в разных направлениях (Рис. 6). Именно памятники междуречья Южного Буга и Днестра позволили уловить эти закономерности.

Погребения с деревянными рамами и настилами. По линии северо-восток – юго-запад связывается центральная часть междуречья Южного Буга и Днестра с низовьями Дуная: курган «Любаша» – Никольское – Глиное – Оланешты – Струмок – Холмское – Каланчак – Плавни.

Погребения в срубax. По линии северо-восток – юго-запад связывается лесостепная зона левого берега Днестра через Поднестровье и Попрутье с Буджаком: Каменка – Мерень – Токиле-Рэдукань – Саратены – Казаклия – Балабан.

Погребения в колодах. Почти строго по направлению запад-восток проходит условная линия, соединяющая две территориальные группы:

1. Терновка, Никольское, Глиное, Хаджимус на р. Днестр.
2. Токиле-Рэдукань, Крихана Веке на р. Прут.

Севернее, в лесостепи, находятся Каменские курганы, где также известно одно захоронение в колоде.

Погребения в каменных ящиках. Выделяется две относительно равные, компактные группы, которые расположены в приморской зоне, но на противоположных концах Северо-Западного Причерноморья:

1. Бассейн Хаджибеевского, Куяльницкого и Григорьевского лимана (Старые Беяры, Большой Аджалык, Киселово, Слободка-Романовка).

2. Территория между озерами Сасык и Катлабух (Борисовка, Виноградовка, Мирное, Островное). Несколько западнее от этой группы находятся могильники Фрикацей и Балабан, где также есть погребения в ящиках. В лесостепи каменный ящик был обнаружен в погребении Каменка 3/7.

В каждой из этих территориальных групп выделяется по одному захоронению с неординарным инвентарем. В первой это —

Слободка-Романовка 1/23, с двумя деревянными сосудами, накопником стрелы и пряжкой. Во второй группе привлекает внимание Борисовка 6/2 с каменным куполом и двуручной чашей. Можно отметить и Островное 2/3 с металлическими шилом, булавкой с полусферической головкой и заточенным острием, сосудом с валиковой орнаментацией. В этих трех случаях, видимо, присутствует ритуальный компонент.

Анализ погребальных комплексов позволяет заметить, что элитные захоронения фиксируются не только на раннем (как это предполагалось прежде), но и на позднем этапе КМК. Возможно, наблюдается замещение захоронений в ящиках погребениями с колодами (поэтому колоды и имели «запечатку»?). К тому же именно эти две группы захоронений располагались не цепочками, а компактными ареалами. Поздними следует считать часть погребений в колодах, позднейшими — те, в которых деревянные конструкции имели вид сплошного настила. В то же время большинство захоронений с ритуальным инвентарем также соотносимы с ранним этапом (деревянные чаши, астрагалы). Это определяется по ряду признаков (степень скорченности умершего, ранний характер дополнительного инвентаря, ранние черты обряда).

Немногочисленные особенности в инвентаре погребальных комплексов, с учетом их картографирования, также поддаются определенной интерпретации.

Погребения с металлическими изделиями распределяются на территории региона неравномерно. Комплексы с украшениями расположены между озерами Ялпуг и Катлабух в Нижнем Подунавье, но можно проследить движение бронзовых изделий на северо-восток, в Поднестровье: Градешка – Кислица – Мреснота могила – Островное – Холмское – Каушаны. При этом к местам сосредоточения металла примыкают территории с элитными захоронениями (в каменных ящиках).

Клады оружия найдены на Тилигульском лимане (Коблево, Рыбаковка), бронзовое тесло из Коржевского кургана является крайней западной точкой движения этих предметов. Учитывая наличие кладов КМК с аналогичными артефактами на восточных территориях, можно предположить два источника получения металлических изделий в Северо-Западном Причерноморье: оружия — с востока, а украшений с запада. Ранее предполагалось, что главным поставщиком изделий из металла в среду носителей КМК был Кавказ (Березанская и др., 1986. - С. 38). В.И. Ключко высказывает предположение, что литейная мастерская у с. Малые Копани в Нижнем

Поднепровье, продуктом деятельности которой является известный клад (Черняков, 1967), относится к многоваликовому хронологическому горизонту. В то же время она входит в число древнейших комплексов Красномаяцкого центра металлообработки. Появление красномаяцкой металлургической традиции, получившей развитие в эпоху поздней бронзы, относится к многоваликовому времени (Клочко, 2002). В любом случае, для территории Северо-Западного Причерноморья металлические изделия из кладов являются импортom. К тому же основная часть территории от металла свободна, находки его связаны с пограничными зонами.

Из небольшого обзора особенностей погребальных памятников бабинской культуры можно сделать вполне определенный вывод. Сопоставление памятников микрорегионов на фоне общей проблематики, возможно, позволит в дальнейшем выйти на новый уровень интерпретации памятников культуры многоваликовой керамики запада Причерноморских степей, осветить некоторые вопросы развития носителей КМК. Появляется возможность более определенно подойти к оценке того неоднозначного явления, которое известно в археологической науке как культура многоваликовой керамики, или бабинская культура (Отрощенко, 2001. - С. 82).

Заканчивая краткий обзор, можно констатировать, что территория Днестро-Бугского междуречья на протяжении первой половины бронзового века тесно связана с Правобережьем Днестра. Некоторые отличия в обрядности или материальной культуре все же имели место. Основным моментом, который следует отметить – это меньшая плотность населения по сравнению с Буджакской степью. На наш взгляд, не стоит объяснять этот факт только с точки зрения меньшей изученности региона (меньшим объемом полевых исследований). Для ямной культуры следует отметить, что именно памятники Северо-Западного Причерноморья по многим показателям являются самым ярким компонентом в системе ямной КИО. Концентрация престижных артефактов и символов власти на территории между Южным Бугом и Дунаем определенно указывает на то, что Северо-Западное Причерноморье являлось ярким социальным центром ямной культуры, на что уже обращали внимание исследователи (С.Ж. Пустовалов, Н.А. Рычков).

«Отток» населения в Буджак связан с аттрактором, которым выступают Балканские территории (медные рудники и залежи кремня) – с одной стороны. С другой стороны, междуречье Южного Буга и Днестра – своеобразный буфер между основным ядром культурной

группы и восточными территориями, контакты с которыми сознательно ограничиваются или регулируются. По крайней мере, фиксируется движение извне (как на запад, так и на восток), а не вовнутрь. Именно памятники Днестро-Бугского ареала позволяют прийти к выводу об относительной замкнутости и стабильности ямного социума Северо-Западного Причерноморья: в регионе практически отсутствуют восточные связи. Не стоит искать объяснение этому в географических факторах. Южный Буг не был более сложной водной преградой, нежели Днестр. По-видимому, население Северо-Западного Причерноморья являлось относительно замкнутым, самодостаточным социумом, с самобытной материальной культурой, ориентированной в большей степени на западный мир. Стабильность общества подтверждается и отсутствием инноваций на финальном этапе, в период широкой экспансии катакомбной культуры в Причерноморских степях. В междуречье Днестра и Южного Буга в ямных памятниках проявляются катакомбные черты, фиксируется катакомбная керамика или иные артефакты (Шапошникова, 1987; Фоменко, 1990; Кияшко 1998; Пустовалов, 2003 и др.). Но к западу от Южного Буга катакомбное влияние практически не ощущается. Социум Северо-Западного Причерноморья оказался более консервативным, или же более мощным, чем его восточные соседи.

Ситуация в среднем бронзовом веке совершенно отлична. Памятники и катакомбной, и бабинской культуры бедны и немногочисленны по сравнению с восточным ареалом этих культурно-исторических общностей. В катакомбное время «выброс» избыточного населения (а такими оказались, по-видимому, самые бедные, с нестабильным социальным положением, группы) на крайний запад степи сопровождался формированием своеобразного «заслона» из поселений и летовок на Южном Буге. Движение на запад не было столь мощным, как это представляется некоторым исследователям (Черняков, 1996), на территории Румынии катакомбных погребений известно всего около двух десятков. Поэтому движение в сторону Буджака было связано не с формированием там своеобразного «ядра» культурно группы, как это имело место в ямное время, а с поиском своей жизненной ниши.

Для племен бабинской культуры Северо-Западное Причерноморье являлось в какой-то степени промежуточной территорией, открывающей путь на запад и северо-запад, в Балкано-Карпатский регион (а Бородинский клад предполагает и более дальние походы). В Днестро-Бугском междуречье население практиковало более оседлый образ жизни.

Некоторые вопросы хронологии памятников эпохи палеометалла

Вопросы трансформации и культурной эволюции обществ энеолита и бронзового века Днестро-Бугского междуречья так или иначе связываются с проблемой хронологии и периодизации памятников Северо-Западного Причерноморья в целом. В то же время исследователи справедливо полагают, что Северо-Западное Причерноморье являлось связующим звеном между восточноевропейскими степями и Балкано-Дунайским миром, которые в совокупности на определенных этапах (от энеолита до средневековья) образовывали единую историко-культурную систему. С другой стороны, Северо-Западное Причерноморье является своеобразной «контактной зоной», которая обладает чертами определенной уникальности. Спецификой региона была предрасположенность функционирующих здесь культур и культурных групп к активному взаимодействию с инокультурным окружением. Именно в данном пространстве культурная трансформация выглядит особенно динамичной и разносторонней. Развитие локализующихся здесь культурных общностей определялось главным образом взаимодействием двух культурных блоков: степного восточноевропейского и балкано-дунайского (Manzura, 1993).

В последние десятилетия наметился новый подход к изучению археологических культур, который позволяет более полно учесть всю сложность культурных взаимодействий в эпоху бронзы. Речь идет об очагах культуругенеза, функционирование («пульсация») которых ведут к появлению и распространению новых культур и культурных блоков.

В.С. Бочкаревым на территории Восточной Европы в бронзовом веке было выделено три крупных очага культуругенеза: карпато-балканский, северокавказский и волго-уральский. Проявлением их были металлургические провинции, базирующиеся на сырье соответствующих горнорудных месторождений (Бочкарев, 1991, 1995). Территориальная влияние этих очагов и основные направления связей менялись от эпохи к эпохе, что определяло изменения на карте культур Европы.

Такой подход получил поддержку и дальнейшее развитие в археологической среде. Так, был выделен Карпато-Днепровский центр культуругенеза на территории Правобережной Украины, функционирование которого начинается в раннем бронзовом веке,

с распадом культурно-исторической общности Кукутуни-Триполье и образованием в Карпато-Днепровском ареале новых культур и культурных групп. С ним связываются многочисленные культурные образования бронзового века (усатовская и софиевская культуры, восточные ареалы блока шнуровых культур и тшинцевой культурно-исторической общности, блок культур Сабатиновка-Ноа-Кослоджень, белогрудовская и чернолесская культуры финального этапа бронзового века (Клочко, 1996).

С Донецким краем связано формирование Днепро-Донецкого центра культуруогенеза (Отрощенко, 2005). Днепро-Донецкий регион выступает довольно стабильной зоной культуруогенеза еще с эпохи неолита, с ним связан интенсивный процесс возникновения и развития археологических культур в энеолите и бронзовом веке, с ним можно связать становление на территории Украины ямной, катакомбной и бабинской культур раннего и среднего периода бронзового века, бережновско-маевской срубной культуры эпохи поздней бронзы.

Неравномерность развития культур на разных территориях, понятие центра и периферии, близости и удаленности от центра очага культуруогенеза, – эти аспекты смещают системы координат в разных регионах. В таком случае вполне логично несколько отступить от традиционной ступенчатой схемы смены культур, которая все же остается стержнем, маркирующим направление развития и эволюции. Исследователи отмечают, что распространение единых хронологических схем на обширные регионы ведет к искусственному объединению одновременных, но качественно разных явлений (Кияшко, 2002). Все более заметным оказывается тот факт, что при традиционном рассмотрении археологического материала в жестких рамках «хронологических этапов», вне поля зрения остается сложность культурных взаимодействий в эпоху бронзы. К тому же, такой подход искусственно разграничивает сосуществующие на определенных этапах культуры и распределяет их в различные периоды по традиционной схеме. Это подтверждается и абсолютной хронологией. Отметим, что радиоуглеродные даты давно уже вызвали дискуссии в среде археологов, поскольку в какой-то степени сместили и нарушили традиционную ступенчатую схему. Ведутся дискуссии о корректности этих дат и соотношении их со стратиграфическими данными. К тому же следует помнить, что используемые в настоящее время даты и периоды чаще всего имеют вероятность 1 сигма (не более 68%). Тем не менее, несмотря на все сложности и противоречия, отказ от использования радиоуглеродных дат в ар-

хеологических исследованиях существенно сузил бы как историко-ведческую базу, так и познавательные возможности археологии как науки. С другой стороны, исследователи постепенно ломают стереотипы в своем сознании и приходят к выводу об определенном сосуществовании культур, ранее считавшихся последовательными. И это вполне логично, т.к. при полном исчезновении одной культуры и лакуной между следующей пришлось бы говорить о вымирании или тотальной миграции населения, что не прослеживается археологически.

Наступление бронзового века для Юго-Восточной Европы чаще всего связывают с радиоуглеродной датой около 3400/3200 BC, что соответствует началу этапа C2 по трипольской хронологии; последний, в целом, в абсолютных датах охватывает период 3400/3200-2750 BC (Videiko, 1999). Здесь необходимо иметь в виду неравномерность исторического развития и существование в Днестро-Бугском междуречье, а шире – в Северо-Западном Причерноморье на временном отрезке 3400/3200-2750 гг до н.э. и культур позднего энеолита, что подтверждается и радиоуглеродными датами (Табл. 1-3, 7).

Усатовская культура, в целом, также укладывается в период позднего Триполья (Табл. 2, 2а). Памятники ямной культуры, известные с начала этапа Триполье C2, продолжают существовать практически до рубежа III-II тыс. до н.э. (Табл. 3, 3а). Ямным временем датируются и захоронения Кемпи-обинского типа (Табл. 4, 4а). Судя по имеющимся датам, определенный отрезок времени катакомбная культура сосуществует параллельно с ямной; финал ее также приходится на рубеж тысячелетий (Табл. 5, 5а). В Северо-Западном Причерноморье памятники обеих культур в конце III – начале II тыс. до н.э. сменяются комплексами бабинской культуры, просуществовавшими здесь вплоть до появления сабастиновской культуры эпохи поздней бронзы (Табл. 6, 6а).

Изотопное датирование памятников энеолита и бронзового века Северо-Западного Причерноморья показывает частичное сосуществование, а не последовательную смену в этом регионе носителей отдельных культур. С этапом Триполье C2 соотносятся памятники позднего энеолита разных обрядовых традиций, а также усатовская и ямная культуры бронзового века (Табл. 7).

Таким образом, ориентируясь на радиоуглеродные даты, можно говорить об определенном континуитете в развитии культур бронзового века. Понятие «континуитет» содержит несколько составляющих, характеризующих особенности данного феномена.

Первая составляющая подразумевает простую преемственность эпох, продолжение прошлого (или отдельных его явлений) в будущем. При этом преемственность может наблюдаться в области материальной культуры, производственных традиций, отчасти в идеологии. Вторая составляющая является темпоральной характеристикой и представляет собой непрерывность происходящих процессов, отсутствие дискретности, лагун на протяжении всей переходной эпохи. Третья составляющая включает в себя единство и качественную целостность всех эволюционных процессов. Для бронзового века рассматриваемой территории можно говорить об эволюционной трансформации отдельных культур, с сохранением при этом не только некоторых внешних, но и внутренних континуитетных структурно-системных характеристик с региональной спецификой. Актуальными в этой связи являются вопросы о взаимоотношениях новых волн населения с автохтонным, смене культур как проявлении определенного дисконтинуитета.

Обращаясь к вопросам хронологии и периодизации, сосуществованию и смене культур, невозможно обойти вопрос о курганной стратиграфии, которая, как считают многие исследователи, при сосуществовании культур должна быть переменной. Здесь уместно поставить вопрос: является ли возможным одновременное использование носителями различных культурных и идеологических традиций такого сложного и многозначного комплекса, как курган?

В последние десятилетия сформировалось понимание кургана или могильника определенной культуры как единого пространства. Отмечается существование определенных правил формирования подкурганных кладбищ у конкретных коллективов (Турецкий, 1992; Гей, 1999). В погребальном обряде реализуется мысленная пространственная схема, где заранее определено место для будущих захоронений лиц определенного ранга (Кожин, 1997. - С. 54-55). Предполагается, что на основе социальных и биологических отношений в соответствующем коллективе устанавливалось право того или иного индивида быть помещенным в определенном соседстве с уже захороненными членами сообщества. Таким образом, тот вид, который кладбище имеет в момент раскопок — это отражение соответствующих социальных и мемориальных установок, которые действовали в обществе на момент совершения погребения.

Общепризнано, что курганная стратиграфия отражает последовательность совершения захоронений. За рамками остаются два аспекта – возможности и желания (необходимости) совершать захоронения своих соплеменников в том или ином конкретном кур-

гане. Чем определяется захоронение в существующем кургане или строительство рядом нового? Допустимо ли существование «переменной стратиграфии» в принципе, т.е. практически одновременное использование родового (?) кладбища и святилища разнотническими и, возможно, враждебными племенами?

Е.В. Яровой отсутствие «переменной стратиграфии» объясняет определенными культовыми запретами (Яровой, 1985). Л.В. Субботин своими наблюдениями подтверждает эту точку зрения, обращая внимание на тот факт, что инокультурные захоронения, предшествующие ямным, как правило, разрушены. Это, по его мнению, свидетельствует об обрядах ритуального очищения места захоронения (Субботин, 2000).

На наш взгляд, можно говорить не только об идеологических установках. Уже давно курганы перестали восприниматься исследователями просто как кладбища, акцент делается на многоплановость символики кургана и его значения в жизни древних социумов. Одной из функций курганов являлась маркировка территории (в т.ч. пастбищ, водопоев), что особенно актуально именно для подвижных скотоводов. В таком случае и возведение конкретными племенами новых курганов, и захоронение своих умерших в инокультурных насыпях могли отражать распространение и утверждение определенного человеческого коллектива на определенной территории. Носители иных культурных традиций, зачастую, просто не имели возможности утвердиться в течение определенного отрезка времени на тех территориях, где уже доминировало иное население. В данном контексте следует обратиться и к сфере хозяйственно-экономических отношений, исходя из культурно-хозяйственного типа скотоводческих обществ Северо-Западного Причерноморья. Подвижное скотоводство предполагало сезонные циклы кочевания (пойма-водораздел) – с одной стороны, и смену системы пастбищ в целом – при перевыпасе и их истощении – с другой (Шишлина, Булатов, 2000). При этом, скорее всего, происходила смена владельцев не только пастбищ, но и сакральных комплексов, находящихся на оставленной территории. Вполне возможно, что инокультурные погребения появляются в тех курганах, где предыдущие пользователи пастбищ (и мест захоронений) по какой-либо причине сменились. Причем на близлежащих территориях проживание различных племен могло быть синхронным; владельцы же пастбищ (и водопоев?) были различны. Возвращение на «свои» территории могло вести к строительству новых курганов по соседству с существую-

щами, но уже использованными «чужаками» — и, таким образом, к формированию могильников.

Видимо, на каком-то этапе сложными были взаимоотношения ямных племен с носителями усатовской культуры, что отразилось в разрушении усатовских захоронений перед совершением ямных. Возможно, имеющиеся неразрушенные усатовские курганные могильники, маркирующие длительное пользование усатовцами определенной территории, отражает в итоге установление стабильных взаимоотношений

Распространение носителей катакомбной культуры в Причерноморских степях не было одномоментным, и, видимо, сопровождалось непосредственными контактами ямных и катакомбных племен в определенных ареалах. В этой связи отметим наблюдения исследователей, что в каждом конкретном регионе после появления раннекатакомбных памятников, ямные памятники исчезают (Николова, Черних, 1997. - С. 108), а при относительной синхронности ямных и катакомбных дат региона, в отдельно взятом кургане они чаще всего не совпадают (Nikolova, 1999). На наш взгляд, процесс был обратным: катакомбные племена могли появиться в том ареале, который покинули носители ямной культуры; у «катакомбников» появлялась возможность использовать не только земли, но и курганы ямных племен. Катакомбное население, немногочисленное в сравнении с ямным (судя по количественному соотношению захоронений), видимо, могло пользоваться теми землями, на которые ямные племена уже не претендовали. Скорее можно говорить не о подчиненном положении носителей ямной культуры в предгосударственном катакомбном образовании, как это предполагают некоторые исследователи (Пустовалов, 1995), а о довольно немногочисленной группе катакомбного населения, пытающейся найти свою нишу в степях Северо-Западного Причерноморья. Носители ямной культуры на старые истощенные пастбища, вероятно, не возвращались (либо не пользовались курганами, где были катакомбные захоронения из идеологических, социальных, культурных либо иных запретов). Этим можно объяснить отсутствие ямных погребений в верхних слоях тех курганов, где уже были погребены носители катакомбной культуры. Одновременное их обитание на разных территориях, подтверждаемое радиоуглеродными датами, исключало контакты в виду табуирования или отсутствия в них необходимости, при подвижном характере практикуемого ими скотоводческого хозяйства.

Носители бабинской культуры многоваликовой керамики завершают хронологическую и стратиграфическую колонку первой половины бронзового века в курганах Северо-Западного Причерноморья.

Некоторые итоги. Рассмотрение блоков культур, становление и развитие которых связано с теми или иными очагами культурогенеза, позволяет дифференцировать собственно культуры бронзового века и при этом избежать схематизма, предпринять попытку смоделировать образ раннебронзовой эпохи в отдельно взятом периферийном регионе и показать суть происходивших там процессов на основе идеи континуитета явлений культуры.

Данный хронологический период (этап С2) соотносится, с одной стороны – с поздним энеолитом, а с другой – с ранним бронзовым веком, в зависимости от конкретной культурной ситуации. Таким образом, энеолит и бронзовый век следует рассматривать, прежде всего, как качественные понятия, а не как последовательные хронологические этапы в истории населения Юго-Восточной Европы.

Балкано-Карпатский очаг культурогенеза стимулировал возникновение усатовской культуры в самом начале бронзовой эпохи (под влиянием культуры Чернавода и при участии позднетрипольских племен). Ямная культура Северо-Западного Причерноморья, представленная яркими памятниками, с престижными и металлическими артефактами (повозки, изделия из серебра и бронзы), воспринимает импульсы прилегающих культурных очагов (Балкано-Карпатского, Днепро-Донецкого) и в то же время передает их в восточном и западном направлении. Напротив, катакомбная культура Северо-Западного Причерноморья – это затухающий импульс с востока, о чем свидетельствует немногочисленность и относительная бедность открытых здесь памятников и почти полное отсутствие их за Дунаем. Это же можно сказать и о бабинской культуре, хотя она распространилась далее на запад, чем катакомбные племена, взаимодействуя с культурой Монтеору и испытав на себе определенное влияние Балкано-Карпатского очага культурогенеза. Поздний бронзовый век предстает как век оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства, меняются климат, образ жизни, культурно-хозяйственный тип. Появляются новые очаги культурогенеза, новые культуры и новые отношения между ними, отражая дискретность исторического процесса на изломе эпох.

Рис. 1. Погребения энеолитической эпохи (по: Rassamakin, 2004)
1 – «вытянутые» погребения; 2 – скорченные на боку; 3 – животиловского типа;
4 – постстоговские

Рис. 2. Памятники энеолита периода Кукутень В- Триполье С1
(по: Манзура, 2003/2004)
1 – памятники бессрабаского варианта культуры Чернавода I
(группа Хаджидер); 2 – памятники нижнемихайловской культуры.

3

Рис. 3. Памятники усатовской культуры
(по: Манзура, 2003/2004).

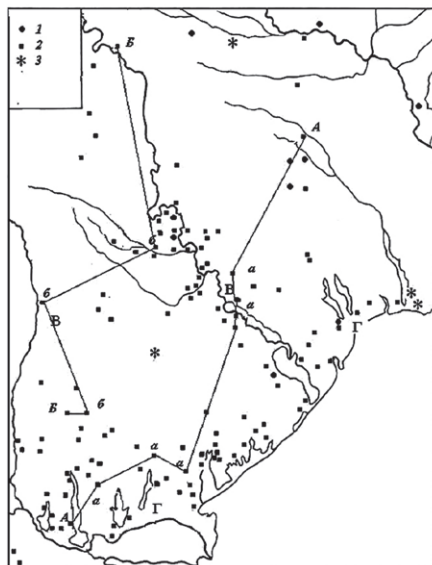
4

Рис. 4. Памятники ямной культуры

5

Рис. 5. Памятники катакомбной культуры.

6

Рис. 6. Памятники бабинской культуры
(1 – поселения; 2 – погребения; 3 – клады. А-А, Б-Б – распространение особенностей в погребальном ритуале)

Таблица 1.
Радиоуглеродные даты погребений энеолитической
эпохи этапа Триполье С2

N	Адрес	No	BP	Интервал BC cal -68%	Источник
1	Саратены 2/3	Лу-2477	4530+40	3360-3100	Яровой, 2000
2	Вапнярка 4/4	Ki-15013	4100 + 80	2870-2560	Раскопки авто- ра 2008 г
3	Александровка, п. 17	Ki-9526	4010+60	2621-2463	Петренко, Ковалюх, 2003
5	Бурсучены 1/20	HD-19362	4548+28	3345-3120	Петренко, Ковалюх, 2003
6	Красное 9/10	HD-19389	4467+34	3295-3040	Петренко, Ковалюх, 2003
7	Бурсучены 1/21	HD-19933	4452+22	3110+3030	Петренко, Ковалюх, 2003
8	Саратены 4/8	Лу-2455	4410+50	3148-3018	Петренко, Ковалюх, 2003

1-3 - вытянутые погребения («постмариупольский»-квитянский тип);
4-7 - животилковский тип.

Таблица 1а.
Радиоуглеродные даты погребений энеолитической эпохи

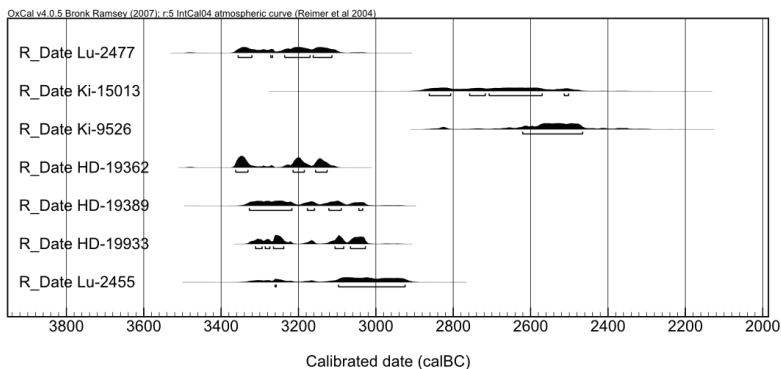

Табл. 2.
Радиоуглеродные даты погребений усовской культуры

N	Адрес	No	BP	Интервал BC cal -68%	Источник
1	Александровка п.35	Ki-9524	4720+70	3631-3377	Петренко, Ковалюх, 2003
2	Александровка п.22	Ki-9525	4760+70	3639-3383	Петренко, Ковалюх, 2003
3	Маяки ров	Ki-870	4670+110	3659-3330	Телегин, 1985
4	Данку-2, п.2	Ле-1054	4600+60	3500-3140	Черных и др., 2000
5	Маяки ров	KIGH-282	4580+120	3510-3100	Патокова и др., 1989
6	Маяки ров	KIGH-281	4475+130	3350-2930	Патокова и др., 1989
7	Маяки, ров	Bin-629	4400+100	3310-2910	Телегин, 1985
8	Маяки, ров 4	Ki-9527	4380+70	3095-2907	Петренко, Ковалюх, 2003
9	Маяки ров	UKLA-1642B	4375+110	3310-2900	Телегин, 1985
10	Маяки ров	UKLA-1642G	4375+60	3090-2920	Телегин, 1985
11	Маяки жилище	Ле-645	4340+65	3090-2900	Телегин, 1985
12	Усатово	UKLA-1642	4330+60	3040-2900	Телегин, 1985
13	Маяки п.10	Mo-70	4150+50	2880-2620	Черных и др., 2000
14	Семеновка 14/6	Ki-7089	4135+60	2703+84	Назаров, Ковалюх, 1999
15	Затока, жертвенник	Ki-6800	4170+60	2759+101	Szmyt, Chernyakov, 1999
16	Затока, жертвенник	Ki-6801	4095+65	2600+124	Szmyt, Chernyakov, 1999
17	Затока, п. 6	Ki-6802	4020+65	2539+92	Szmyt, Chernyakov, 1999
18	Затока, п. 6	Ki-6803	4090+60	2590+115	Szmyt, Chernyakov, 1999
19	Затока, п. 9	Ki-6804	3990+60	2491+89	Szmyt, Chernyakov, 1999
20	Затока, п. 10	Ki-6805	3930+55	2387+79	Szmyt, Chernyakov, 1999
21	Затока, п. 7	Ki-6806	3975+55	2479+88	Szmyt, Chernyakov, 1999

Продолжение таблицы 2.

N	Адрес	No	BP	Интервал BC cal -68%	Источник
22	Затока, п. 7	Ki-6807	3950±60	2402±97	Szmyt, Chernyakov, 1999
23	Затока, п.7	Ki-6808	3935±45	2399±66	Szmyt, Chernyakov, 1999
24	Затока, п.23	Ki-6809	3920±60	2379±85	Szmyt, Chernyakov, 1999
25	Затока, п. 24	Ki-6810	3945±50	2398±78	Szmyt, Chernyakov, 1999

Таблица 2а.
Радиоуглеродные даты памятников усатовской культуры.

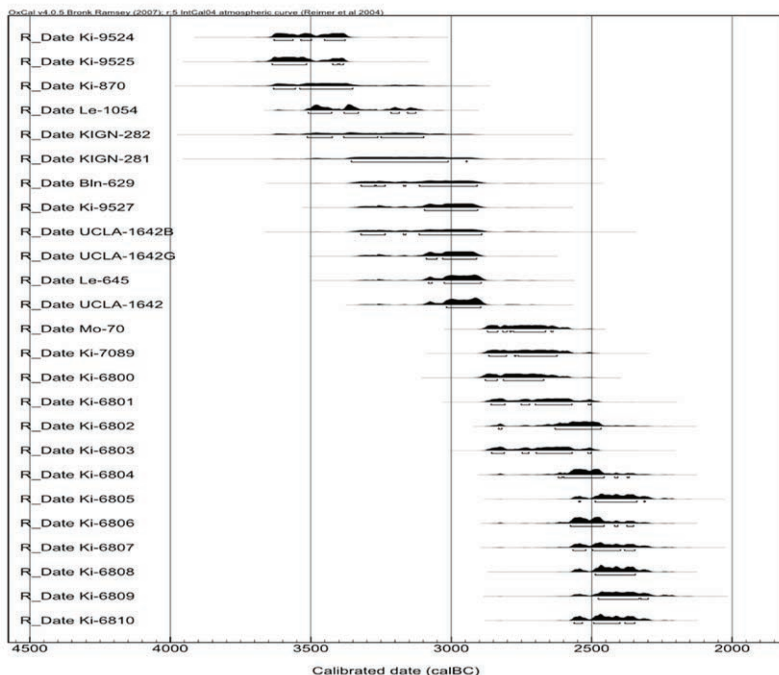

Таблица 3
Радиоуглеродные даты погребений ямной культуры

N	Адрес	No	BP	Интервал BC cal 68%	Источник
1	Утконосовка 1/3	КИ-660	4770 + 120	3660-3370	Телегин, 1977
2	Новоселица 20/9	КИ-1713	4700 + 80	3630-3490	Субботин, 2000
3	Семеновка 14/2	КИ-2126	4600 + 90	3520-3310	Субботин, 2000
4	Маяки-82, 1/9	Ле-2328	4580 + 40	3500-3120	Субботин, 2000
5	Новоселица 19/7	КИ-1219	4520 + 70	3360-3100	Субботин, 2000
6	Лиман 2/2	КИ-2394	4490 + 90	3350-3030	Субботин, 2000
7	Петрешты 1/8	Лу-2472	4530 + 50	3360-3100	Яровой, 2000
8	Саратены 1/4	Лу-2476	4480 + 50	3340-3040	Яровой, 2000
9	Семеновка 11/6	КИ-1758	4400 + 50	3100-2920	Субботин, 2000
10	Саратены 1/5	Лу-2459	4360 + 30	3020-2910	Яровой, 2000
11	Курчи 20/16	КИГН-634	4660 + 10	31-28 вв	Иванова, 1991
12	Курчи 20/16	КИГН-636	4380 + 45		Иванова, 1991
13	Курчи 20/16	УВ-3135	4290 + 60		Мэллори, Телегин, 1994
14	Курчи 20/16	КИ-3136	4204 + 19		Мэллори, Телегин, 1994
15	Курчи 20/16	КИГН-635	4080 + 45		Иванова, 1991
16	Вишневое 17/38	КИ-1738	4200 + 80	2890-2630	Субботин, 2000
17	Ревава 3/16	Ки-11059	4135±60	2863-2599	Иванова и др, 2005
18	Вишневое 17/38	КИ-7126	4105 + 65	2860-2500	Kovalyukh, Nazarov, 1999
19	Новоселица 19/16	КИ-7080	4205 + 55	2890-2680	Kovalyukh, Nazarov, 1999
20	Новоселица 19/19	КИ-7085	4180 + 60	2880-2660	Kovalyukh, Nazarov, 1999
21	Вапнярка 4/16	Ки-15014	4050 + 60	2630-2470	Иванова, Ветчинникова, 2009
22	Новоселица 19/19	КИ-7127	4055 + 60	2770-2510	Kovalyukh, Nazarov, 1999
23	«Любаша», погр. 19	Ки-11249	4030±60	2657-2467	Иванова и др, 2005
24	Новоселица 20/8	КИ-7128	4005 + 50	2580-2460	Kovalyukh, Nazarov, 1999

Продолжение таблицы 3.

N	Адрес	No	BP	Интервал BC cal 68%	Источник
25	Вишневое 17/4	КИ-1217	3950 + 90	2580-2300	Субботин, 2000
26	«Любаша», погр. 8	Ки-11177	3990±70	2581-2455	Иванова и др, 2005
27	Огородное, 1/14	Ле-2323	3970 + 40	2570-2400	Субботин, 2000
28	Затока 1/14	КИ-6817	3920 + 45	2470-2330	Szmyt, Chernyakov, 1999
29	Регова 3/7	Ки-11058	3910±60	2467-2305	Иванова и др, 2005
30	Вишневое 17/37	КИ-1439	3800 + 120	2460-2040	Субботин, 2000
31	Затока 1/13	КИ-6816	3865 + 50	2430-2250	Szmyt, Chernyakov, 1999
32	Затока 1/17	КИ-6818	3840 + 65	2410-2200	Szmyt, Chernyakov, 1999
33	Вапнярка 4/18	Ки-15015	3880 + 60	2470-2280.	Иванова, Ветчинникова, 2009
34	Затока 1/17	КИ-6819	3865 + 60	2430-2240	Szmyt, Chernyakov, 1999
35	Новоселица 19/11	КИ-1220	3800 + 60	2400-2130	Субботин, 2000
36	Регова 3/15	Ки-11060	3780±70	2327-2041	Иванова и др, 2005
37	Затока 1/22	КИ-6821	3775 + 60	2310-2100	Szmyt, Chernyakov, 1999
38	Нагорное 15/10	Ле-2322	3790 + 40	2290-2140	Субботин, 2000
39	Затока 1/21	КИ-6820	3760 + 45	2260-2090	Szmyt, Chernyakov, 1999
40	Вишневое 17/36	КИ-1424	3700 + 60	2200-1970	Субботин, 2000
41	Затока 1/22	КИ-6822	3810 + 55	2370-2170	Szmyt, Chernyakov, 1999

Таблица 3а.
Радиоуглеродные даты погребений ямной культуры

OxCal v4.0.5 Bronk Ramsey (2007); r5 IntCal04 atmospheric curve (Reimer et al 2004)

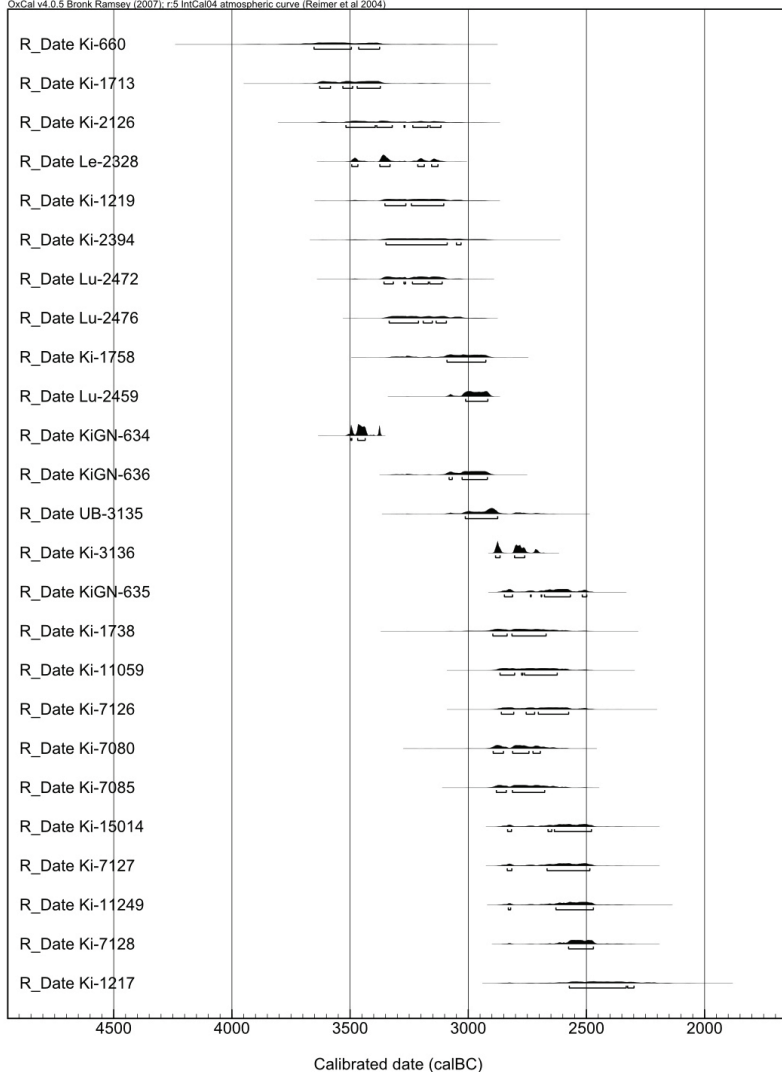

Таблица 4
Радиоуглеродные даты погребений кеми-обинского типа

N	Адрес	No	BP	Интервал BC cal 68%	Источник
1	Старые Беляры, 1/14, скелет 2	Ki-11209	4030±80	2855-2463	Иванова и др., 2005
2	Затока 1/1	Ki-6811	3900 ± 65	2367 ± 92	Szmyt, Chernyakov, 1999
3	Затока 1/1	Ki-6812	3950 ± 60	2402 ± 97	Szmyt, Chernyakov, 1999
4	Затока 1/2	Ki-6813	3930 ± 50	2392 ± 72	Szmyt, Chernyakov, 1999
5	Затока 1/12	Ki-6815	3925 ± 55	2388 ± 78	Szmyt, Chernyakov, 1999
6	Затока 1/3	Ki-6814	3890 ± 50	2368 ± 80	Szmyt, Chernyakov, 1999

Таблица 4а.
Радиоуглеродные даты погребений кеми-обинского типа

OxCal v4.0.5 Bronk Ramsey (2007); r-5 IntCal04 atmospheric curve (Reimer et al 2004)

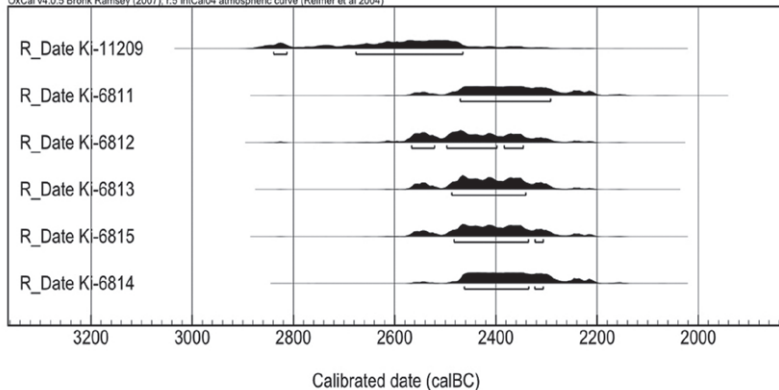

Таблица 5
Радиоуглеродные даты погребений катакомбной культуры

N	Адрес	No	BP	Интервал BC cal -68%	Источник
1	Вапнярка 4/3	Ki-15012	5090 ± 60	3970-3800	Иванова, Ветчинникова, 2009
2	Вапнярка 4/3	Ki-15230	3960 ± 70	2580-2340	Иванова, Ветчинникова, 2009
3	Ревово 3/13	Ki-11172	3940 ± 60	2495-2341	Иванова и др., 2005
4	Дубиново 1/8	Ki-11200	3940 ± 70	2575-2349	Иванова и др., 2005
5	Дубиново 1/12	Ki-11203	3900 ± 80	2471-2207	Иванова и др., 2005
6	«Любаша», п. 17	Ki-11217	3890 ± 60	2495-2341	Иванова и др., 2005
7	Катаржино 1/3	Ki-11250	3890 ± 60	2463-2297	Иванова и др., 2005
8	Катаржино 1/3	Ki-11206	3300 ± 100	1685-1455	Иванова и др., 2005
9	Старые Беляры 1/33	Ki-11208	3810 ± 80	2427-2071	Иванова и др., 2005
10	Великозименово 1/4	Ki-11210	3780 ± 70	2327-2041	Иванова и др., 2005
11	Дубиново 1/11	Ki-11202	3720 ± 70	2267-1981	Иванова и др., 2005

Таблица 5а.
Радиоуглеродные даты погребений катакомбной культуры

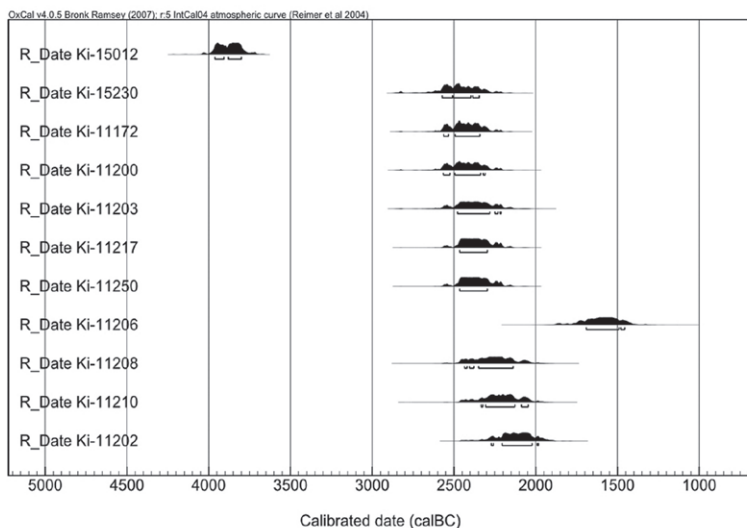

Таблица 6

Радиоуглеродные даты погребений бабинской культуры (КМК)

N	Адрес	No	BP	Интервал BC cal -68%	Источник
1	Затока 1/11	Ki- 6823	3795 + 60	2215 + 106	Szmyt, Chernyakov, 1999
2	Затока 1/15	Ki-6824	3745 + 50	2118 + 79	Szmyt, Chernyakov, 1999
3	Затока 1/16	Ki-6825	3780 + 60	2166 + 107	Szmyt, Chernyakov, 1999
4	«Любаша», п.15	Ki-11201	3740 + 70	2277-2033	Иванова и др., 2005
5	Затока 1/20	Ki-6826	3685 + 45	2046 + 75	Szmyt, Chernyakov, 1999
6	Ревава 3/14	Ki-11175	3590 + 70	2033-1799	Иванова и др., 2005
7	«Любаша», п. 9	Ki-11173	3520 + 80	1943-1741	Иванова и др., 2005
8	Вапнярка 4/6	Ki-15016	3470 + 60	1880-1730	Иванова, Ветчинникова, 2009
9	«Любаша», п. 3	Ki-11176	3080 + 70	1415-1261	Иванова и др., 2005

Таблица 6а.

Радиоуглеродные даты погребений бабинской культуры (КМК)

OxCal v4.0.5 Bronk Ramsay (2007); r5 IntCal04 atmospheric curve (Reimer et al 2004)

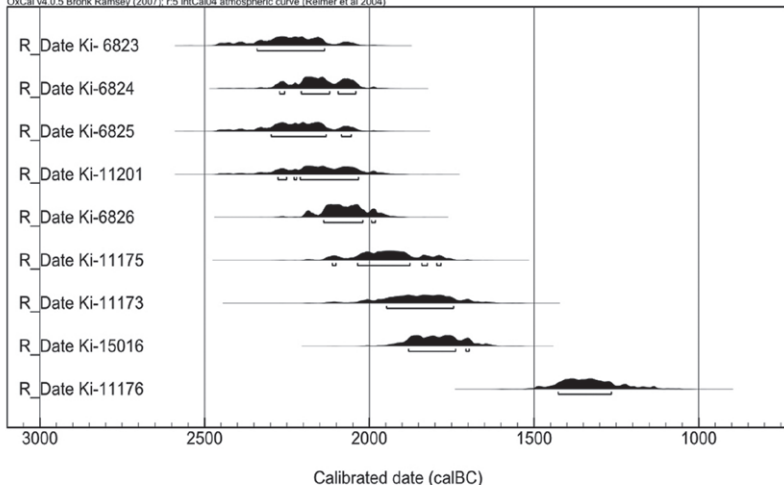
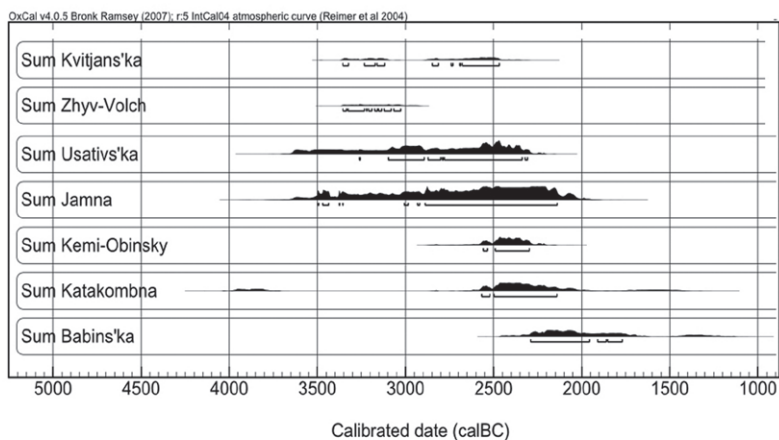

Таблица 7.

Сопоставление сумм вероятностей калиброванных дат культур энеолита и раннего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье.

Часть 4

ДНЕСТРО-БУГСКОЕ МЕЖДУРЕЧЬЕ В СКИФО-Античное время и Позднее Средневековье

СКИФСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ДНЕСТРО-ТИЛИГУЛЬСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

Территория между Днестровским и Тилигульским лиманами представляет собой очень важный для историко-археологического изучения регион. При этом следует отметить то, что накопленный на сегодняшний день фактический материал крайне малочисленный, и не дает возможности как для разработки и углубленного исследования ряда вопросов истории варварского населения этого региона, так и наиболее полных выводов обобщающего характера. Такая малочисленность археологических источников может объясняться отсутствием широкомасштабных полевых исследований, в отличие от Днестро-Дунайского междуречья, где таковые имели место. Вместе с тем не исключено, что причина такого положения дел также может скрывать-ся и в каких-то событиях исторического характера.

Планомерному археологическому изучению в Днестро-Тилигульском междуречье подвергались только могильник и поселение у с. Николаевка и Надлиманское городище на левобережье Нижнего Днестра. Остальное пространство слабо заполняют находки в основном случайного характера. Следует отметить то, что такая археологическая лакуарность характерна не только для скифского времени, но и вообще для всех исторических эпох этого района.

Эта территория входила в т.н. Левобережный Приднестровский эколого-экономический район (Гаврилюк, 1999. - С. 299). Скифские памятники, расположенные на левом берегу Нижнего Днестра, соседствуют с памятниками оседлого как греческого так и гетского населения. Могильник Вапнярка территориально наиболее близко расположен к городищу у с. Кошары. Такая приуроченность скифских памятников позволяет думать, что это не случайно. Близкое расположение к греческим поселениям диктовалось выгодным экономическим сотрудничеством. О культурных и экономических контактах варварского и античного населения ярко свидетельствуют археологические данные. Существует мнение, что эта территория могла быть дальней

хорой Никония либо Ольвии (Буйских, 1997. – С. 101), однако такая большая географическая удаленность как от одного, так и от другого центра, позволяет думать, что расположенные здесь поселения в своих политических и экономических взаимоотношениях с крупными центрами могли быть и независимыми.

Скифские захоронения, в отличие от Днестро-Дунайского междуречья, в рассматриваемом регионе расположены неравномерно (Рис. 1). В связи с малочисленностью представляется целесообразным перечислить их ниже.

Маяки. Основное в кургане 2. Яма вытянутой формы с закругленными углами. Костяк лежал, вытянуто на спине, головой на запад. В погребении находилась амфора конца V в. до н.э. и 62 бронзовых наконечника стрел V-IV вв. до н.э. (Субботин, Охотников, 1981. – С. 106).

Надлиманское. Здесь было исследовано два скифских погребения. Одно из них разрушено. Из материалов сохранились только гераклейская амфора и килик, датируемый концом V – первой четвертью IV вв. до н.э.; второе захоронение было совершено в яме с подбоем. Сопровождающий материал представлен амфорами типа Солоха, фрагментами гераклейской амфоры, двумя трехлопастными бронзовыми наконечниками стрел и небольшой лепной чашечкой (Субботин, Охотников, там же).

Ефимовка. Здесь обнаружено несколько скифских комплексов. Могильник раскапывался в 1968-1969 гг. и доследовался в 1973 г. И.Л. Алексеева сначала опубликовала без иллюстраций одно впускное погребение в курган эпохи бронзы. Яма с подбоем. Скелет лежал в вытянутом положении головой на восток. В ногах находилась красноглиняная гераклейская амфора с энглифическим клеймом с надписью ΑΡΧΕ ΤΡΑΤΟ, рядом с черепом стоял краснофигурный арибаллический лекиф, возле левой руки лежали бронзовый трехгранный втульчатый наконечник стрелы, два железных ножа, а также фрагменты однолезвийного железного меча (Алексеева, 1971. – С. 151-152). В более поздней работе речь идет еще о двух комплексах (Алексеева, Булатович, 1990. – С. 38-39). Впускное погребение №14 содержало скелет лошади с бронзовыми украшениями сбруи и уздечки: два бронзовых кольца, ворворку, бронзовый нащечник в виде стилизованного бедра пантеры и лапы хищника, бронзовые псалии. Еще одно погребение №20 было ограблено. Яма овальной формы. В заполнении обнаружены остатки железного чешуйчатого панцыря, разбитая хиосская амфора, обломки железного ножа с костяной ручкой, серебряная дужка от килика.

Здесь же, на левой стороне Днестровского лимана, на протяжении всей его длины, зафиксировано большое количество поселений

(см. напр. Охотников, 1983), возникших как результат политических и этнокультурных контактов греческих колонистов и варварского населения. Исследования показали достаточно высокое содержание материалов скифского облика, и особенно керамики, что может свидетельствовать не только о торгово-экономических связях, но и о непосредственном присутствии местного субстрата среди населения этих поселений. Необходимо также отметить и наличие керамики гето-фракийского типа. Одним из наиболее хорошо изученных, хоть и не полностью, является поселение и связанный с ним могильник у села **Николаевка**, которому посвящена отдельная монография А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1975). На поселении исследованы землянки, хозяйственные ямы, помещения носят следы варварской строительной традиции. Погребения в могильнике как грунтовые, так и курганные. Погребальные ямы представлены двумя основными типами: простыми и катакомбными (подбойными). Ориентировка погребенных преимущественно восточная, что заметно отличается от традиционной западной ориентировки в скифском погребальном обряде. Следует заметить, что вооружение играло большую роль не только при жизни населения, оставившего могильник. Здесь встречено большое количество бронзовых наконечников стрел скифского типа, наконечники копий, несколько мечей, а также железный топор. Керамический комплекс представлен разнообразными античными и скифскими формами, отмечается так же небольшой процент керамики с фракийскими чертами. В целом, по мнению А.И. Мелюковой, «варварские» элементы могут считаться определяющими, или основными.

Несколько памятников, сочетающих элементы скифской и греческой культур, были открыты в районе села **Надлиманское**.

Ряд поселений и городищ, отражающих скифо-эллинический синкретизм, известен и на правом берегу Днестровского лимана. Они также вытянуты длинной цепью с юга на север, хоть и не так густо, как аналогичные им на противоположной стороне, однако свидетельствующие о плотной заселенности региона в античную эпоху. Что касается скифских памятников на этом берегу лимана, то здесь следует отметить курганы, исследованные в 1975-1976 гг. у села **Семеновка** (Охотников, Субботин, 1981. – С. 108-115).

С правого берега Хаджибеевского лимана у с. **Дачное** происходит единичная находка двулезвийного кинжала скифского типа, с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием, который датируется началом V в. до н.э. (Диамант, Черненко, 1971. – С. 159-160).

На севере Хаджибеевского лимана, между Большим и Малым Кульником, обнаружено одно основное скифское погребение в неболь-

шом кургане (**Настасьевка**). Тип могилы проследить не удалось. Судя по сохранившимся *in situ* костям погребенного, он лежал на спине в вытянутом положении головой на запад. В могиле обнаружены кости различных животных, а также фрагмент пластинчатого наборного панциря (Алексеева, 1971. – С. 150-151).

В этом же районе у села **Исаево** кладоискатели раскопали курган, в котором они нашли скифский котел с ручками, медную пуговицу, оселок (Фабрициус, 1951. – С. 54).

В ходе археологических разведок в 1976 году у села **Новопетровка** был найден конский наносник-налобник VI-V вв. до н.э. (Островерхов, Тощев, 1985).

Здесь же в районе Тилигульского лимана известны отдельные находки памятников звериного стиля скифского типа (Дзиговський, Островерхов, 2004; Островерхов, 2005).

Скифские древности на территории между Куяльницким и Тилигульским лиманами, в южной части, практически не представлены.

В некрополе, связанном с греческим городищем у села **Кошары**, интенсивно раскапывавшемся в последние годы, было открыто одно захоронение, с характерными чертами скифского погребального обряда. Погребение было совершено в большой яме с подбоем. Скелет вытянут на спине, ориентирован головой на восток. Ноги перекрещены в голенях. Около правого плеча лежал железный наконечник копья, возле левого бедра остатки кожаного колчана с наконечниками стрел, древки частично сохранились. В яме также встречены 66 наконечников стрел, два из которых костяные. За головой – фасосская амфора, чернолаковый килик и миска с костями животного (Papuci-Władyka, Redina, Chochorowski, Bodzek, Machowski, 2006. – S. 367-368, fig. 28).

Курганный могильник у села **Вапнярка**, расположенный на западном плато Большого Аджалыкского лимана, дал интересную компактную группу скифских захоронений. Описание самих погребений приведено во 2 главе настоящей книги. Здесь же мы остановимся на подробной характеристике погребального обряда и инвентаря. Для удобства предлагаем дать анализ по комплексам¹.

Основное погребение 2 из кургана 2 было совершено в катакомбе II типа². Помимо немногочисленных фрагментов гончарной керамики здесь были обнаружены два втульчатых трехгранных наконеч-

¹ Материалы из скифских погребений этого могильника уже были представлены на V Граковских чтениях (г. Запорожье, октябрь 2009 г.) и опубликованы в сборнике материалов конференции (Савельев, Остапенко, 2009. – С. 164-171).

² Типология катакомбных погребений дается по (Ольховский, 1991).

ника стрел. Наконечники подобных типов хорошо известны в степных скифских захоронениях IV в. до н.э.

Интересным по вещественному комплексу представляется впускное погребение 3 в этом же кургане, совершенное в подпрямоугольной яме. Лепной кубок-чаша с обломанной ножкой является находкой не типичной для скифской культуры в целом. Сосуд имеет некоторое сходство с лепными чашками на ножке, найденными в разнотипных памятниках конца VII-I вв. до н.э. в Северном Причерноморье (Зайцева, 2000а, 2000б). Тем не менее, точных аналогий себе этот сосуд не находит. Можно предположить, что рассматриваемый экземпляр является оригинальным штучным изделием. Относительно этой чаши-кубка мы хотим отметить отсутствие, каких либо оснований полагать, что она использовалась в качестве курильницы. Ожерелье на шее погребенного представлено двумя бусинами и раковиной. По типологии Е.М. Алексеевой это тип 33а (Алексеева, 1975. – С. 61-62, табл. 15, 1-3). Бусы подобного типа бытовали на протяжении всей античной эпохи, но слоистая техника исполнения глазков и наличие остатков керамических трубочек внутри отверстия, позволяют датировать изделия IV-III вв. до н.э. Подобные украшения в большом количестве встречаются в скифских погребениях этого времени (Островерхов, 1998. – С. 140, табл. 1. – Ан. № 37в, 38; Островерхов, Охотников, 1985. – С. 29-30, табл. 1). Тип бусины с запястья определить невозможно. Раковины принадлежат моллюскам *Nassa mutabilis* и *Euthria cornea*, район обитания которых соответственно Эгейское и Адриатическое моря (Riedl, 1963. – Р. 375, 377). Два трехгранных втульчатых наконечника характерны для IV в. до н.э., трехлопастный наконечник с выступающей втулкой можно датировать V- IV вв. до н.э.

Форму могильной ямы в погребении 4 кургана 2 установить не удалось. Интересно отметить несколько скоплений стеклянных бус в районе скелета. Бусинами была обшита не только плечевая, но вероятно, также и поясная одежда. Одноцветные бусы из желтого стекла - тип 36 (Алексеева, 1978. – С. 63, табл. 33,8). Датируются IV-II вв. до н.э. Входят в типичные наборы античных и скифских ожерелий. Полихромные же бусы представлены типом 192а (Там же. – С. 43, табл. 27, 89). Е.М. Алексеева датирует подобные украшения I в. до н.э. – II в. н.э. На самом деле, они, как и бусы типа 192б, являются более характерными для IV-II вв. до н.э. Встречаются как в античных, так и в скифских комплексах (Островерхов, Охотников, 1985. – С. 29-30, табл. 1). Небольшой лепной сосуд с высокой цилиндрической шейкой - типичный для скифского керамического комплекса IV в. до н.э. По мнению Н.А.

Гаврилюк горшки этого типа являются миниатюрными копиями таких изделий средних размеров (Гаврилюк, 1980. – С. 23).

Основное погребение 2 в кургане 3 было совершено в катакомбе V типа. Яма больших размеров, к сожалению, полностью ограблена, из вещей сохранились лишь два бронзовых наконечника стрел – трехгранный и трехлопастный. Оба типа наконечников широко представлены в скифских погребениях IV в. до н.э.

Впускное погребение 1 – катакомба I типа. Камера катакомбы была сопряжена с камерой погребения 2. Инвентарь представлен одним трехгранным втульчатым наконечником.

Наконец еще одно впускное погребение 11 было раскопано в кургане 4. По-видимому, это также была катакомба, вход в камеру был перекрыт вертикально стоящими каменными плитами. Найденные фрагменты железного ножа не дают полного представления о его форме. Интересно отметить, что ноги погребенного были перекрещены в голенях. Справа от скелета лежала деревянная миска или блюдо, в которое были помещены кости крупного рогатого скота, также в перекрещенном положении. Обряд перекрещенности ног умершего не является традиционным для скифского погребального ритуала, в небольшом процентном содержании он все же встречается, максимальное его распространение приходится на IV в. до н.э. Обряд считается более характерным для населения восточного региона, а именно Предкавказья. Интересно, что скелет принадлежал женщине молодого возраста (см. приложение Л.В. Литвиновой).

Все погребенные в исследованных могилах были ориентированы головой на запад, в некоторых случаях с небольшими отклонениями. Положение умерших вытянутое на спине, конечности вытянуты, у скелета в погребении 4 из кургана 2 левая рука лежит на тазовых костях, а в кургане 4 погребении 11 руки скелета лежат на тазу, а ноги скрещены. Несколько наконечников стрел не просто одинакового типа, но и полностью совпадают в размерах, что свидетельствует об их отливке в одной форме. Судя по всему, компактные погребения могильника, могли быть оставлены родственным населением, возможно представителями одного рода.

Могильные конструкции, погребально-поминальный обряд, особенности ориентировки и поз погребенных, набор погребального инвентаря, все это находит самые широкие аналогии среди североприморских скифских древностей IV в. до н.э.

Можно отметить, что открытые комплексы в культурно-хронологическом отношении очень близки скифским древностям, открытым в степном Побужье, информация о которых была собрана

и проанализирована в недавно вышедшей монографии Ю.С. Гребенникова (Гребенников, 2008) и в то же время отличаются от скифских памятников, тяготеющих к восточному берегу Днестра. Здесь также присутствуют могильные конструкции описанных типов, аналогичные ориентировка и позы погребенных, идентичный инвентарь. Это дает основание утверждать о культурно-хронологической, а возможно и родственной связи населения двух регионов. Здесь уместно вспомнить сведения Геродота, согласно которым на всей этой территории проживали каллипиды.

Комплексы из курганов у с. Вапнярка в какой-то мере заполняют лакуну в скифских древностях на территории от южной части Днестровского до Тилигульского лимана. Что касается пространства между Тилигульским и Березанским лиманами, то здесь скифские памятники вообще не известны.

Таким образом, все известные на сегодняшний день скифские древности на территории между Днестром и Тилигульским лиманом разбросаны по этому региону и не составляют каких либо компактных групп. Исключением являются могильники у сел Надлиманское и Вапнярка, при чем первый из них приурочен к поселению и связан с оседло-кочевым населением, а второй типично степной скифский родовой могильник. Практически все учтенные памятники датируются временем, когда скифская культура в Северном Причерноморье достигла своего наивысшего расцвета, а именно IV в. до н.э. Более ранние памятники представлены лишь единичными случайными находками, в отличие от Днестро-Дунайского междуречья, где скифские погребения V в. до н.э. хорошо известны. Памятники, тяготеющие к Днестру, являют собой яркий пример скифо-эллинистического синкретизма, в то же время кочевники, оставившие курганы, в прилегающих к этой территории районах, лишь демонстрируют торговые и культурные контакты населения.

Трудно сказать какой из скифских этнических групп принадлежали как могильник у с. Вапнярка так и отдельные случайные находки, разбросанные на всем пространстве от Днестра до Тилигула. При рассмотрении различных вопросов, связанных с проблемой скифского населения рассматриваемого региона, исследователи обращают внимание, чаще всего, на этноним (?) каллипиды. Проблема каллипидов в отечественной науке уже имеет свою историю и значительную историографию (см. об этом напр. Отрешко, 2009а. – С. 28-37; Отрешко 2009б. – С. 93-97), до сих пор вызывая дискуссии, и как бы она ни решалась в ближайшем или отдаленном будущем, отнести упоминавшиеся памятники к какому-то из конкретных скифских племен мы вряд ли сможем.

В начале III в. до н.э. период стабильного развития региона был прерван кризисом, охватившим все Северное Причерноморье, который привел к исчезновению сложившейся здесь исторической конфигурации. Поселения оседлых земледельцев запустевают, скифы мигрируют в разных направлениях, жизнь сосредотачивается в крупных античных центрах. В результате различных культурных трансформаций в восточном кочевом мире и мире латенизированных культур Центральной Европы, Северное Причерноморье станет ареной для уже новых действующих лиц.

Греки в Днестро-Тилигульском междуречье

Освоение греками Северо-Западного Причерноморья представляло собой протяженный во времени процесс, состоявший из нескольких этапов и являвшийся частью Великой греческой колонизации. Первыми в VII в. до н.э. были освоены низовья Истра (Дунай) и Борисфена (Днепро-Бугский лиман) (Виноградов, 1989. – С. 32 и сл.). Затем в конце VI в. до н.э. появились первые колонии в нижнем течении Тираса (Днестр): сельские поселения (Надлиманское VI, III, Маяки IV, Беляевка I) во главе с Никонием на левом берегу и Офиусса-Тира на правом берегу (Карышковский, Клейман, 1985. – С. 36 и сл.). Появилось и несколько позднеархаических поселений и на берегу Одесского залива. В процессе колонизации осваивалась лишь узкая полоса прибрежной зоны, расположенная вдоль берегов моря и лиманов. Таким образом, к концу VI – началу V вв. до н.э. пространство между Истром и Борисфеном было в той или иной степени освоено греками. Причина такого подхода к освоению этой части побережья Черного моря, когда огромные пространства между Дунаем и Днепром оказались вне внимания эллинов неизвестна. Тем более это непонятно, так как все греческие колонии конца VI в. до н.э. Северо-Западного Причерноморья были основаны выходами из одного и того же полиса – Милета (Bilabel, 1920. – Р. 11), и вероятно, этно-географическая ситуация побережья между Днестром и Днепро-Бугским лиманом была хорошо в Милете известна. Косвенно об этом может свидетельствовать пассаж из труда Геродота. Описывая поход Дария против скифов, историк указывает на участие в походе ионийских греков и стратега митиленцев Коя. Перед вторжением персов в земли к востоку от Дуная стратег обращает внимание царя на ситуацию в этой части Причерноморья: отсутствие населенных пунктов. Кроме того, исходя из контекста предложенного Геродотом

описания Скифии, можно сделать вывод и о достаточно слабой заселенности этой местности скифами (Herod., IV. 97). Это позволило на начальном этапе своего развития эллинским населенным пунктам не ощущать давление со стороны варварского населения, и развиваться достаточно самостоятельно. Греко-варварские взаимоотношения в первоначальный период колонизации были безконфликтными. Это способствовало возникновению большого числа мелких поселений, не имевших систем укреплений.

Благоприятными для основания поселений были и природные условия. Плодородные земли и реки, здесь протекавшие, наряду с достаточно мягкими климатическими условиями способствовали как развитию сельского хозяйства, так и различных промыслов (Одрин, 2005).

Территория междуречья Буга и Днестра не отличалась разнообразием природных условий, в основном это равнина, расчлененная большим числом балок оврагов и мелких речек. На севере территория ограничивается границей степи и лесостепи. Эта территория давала значительные возможности для занятия сельским хозяйством благодаря долинам образованным притоками крупных рек и лиманами. Несмотря на достаточно протяженную территорию между Днестром и Бугом, античные поселения концентрируются отдельными группами у берегов лиманов и морского побережья. Еще более пустынным в плане заселенности этой территории греками был отрезок побережья между Днестром и Тилигулом.

Данных о присутствии греков на пространстве между Днестром и Тилигулом, которые сохранились в описаниях древнегреческих писателей, историков и географов, крайне мало. В основном это отрывочные сведения в трудах латинских авторов, которые называют некоторые пункты на этой территории: город Одесс или Ордес, город Фиска, Скопелы, Гавань Истриан и Гавань Исиаков, а так же племена, проживавшие здесь. Восточной границей интересующего нас района античные авторы называют реку Асиак (Тилигул) между которой и Тирасом (Днестр) живет племя асиаков (Plin. IV, 82; Mela, II, 7). Упоминает устье реки Асиак и Клавдий Птолемей в своем труде "Географическое руководство". Рядом с устьем Асиака он упоминает и населенный пункт - город Фиску (III, 10, 7). Другие авторы в этом месте указывают гавань Ордес (Plin. IV, 82) или Одесс, где отмечается стоянка кораблей (Ps.-Arr., 87). Кроме Одесса или Ордеса, находящегося на востоке междуречья Тираса и Тилигула древние авторы упоминают и другие населенные пункты: местечко Скопелы, гавань истриан, гавань исиаков, местечко Никоний (Ps.-Arr., 87). Естественно, что римские геогра-

фы и историки пользовались трудами своих предшественников и пункты, упомянутые в трудах римских авторов, возникли еще в доримский период. Исследования античных письменных источников показывает, что часто более поздние авторы, пользуясь трудами своих предшественников, указывали в числе синхронных им населенных пунктов и те, что уже прекратили свое существование. Примером может служить указание Клавдия Птолемея на одновременное существование в период его жизни (II в. н.э.) двух разных городов: Офиуссы и Тиры (III, 10, 8), хотя это всего лишь два названия одного города, причем Офиусса его первоначальное имя (Карышковский, Клейман, 1985. – С. 42). Естественно, на интересующей нас территории было выявлено значительно больше античных пунктов, чем упомянуто в трудах античных авторов. Это привело к появлению различных точек зрения на локализацию упомянутых пунктов (Беккер, 1853; Брун, 1879-1880. – С. 72-97; Буйских, 1999. – С. 84-91; Фабрициус, 1951. – С. 54 и др.). Наиболее достоверным можно считать локализацию Одесса (Ордеса) на месте расположения Кошарского городища. Правда следует отметить, что в римское время этот пункт не существовал, но есть римские поселения на левом берегу Тилигульского лимана. Можно предположить, что достаточно крупные поселения на берегу Куяльницкого лимана - Лузановка и Жевахова гора были гаванями истриан и исиаков. И пока нельзя достаточно аргументировано предположить местоположение Скопелов или Фиски.

Часть поселений, расположенных в междуречье Тираса и Асиака являлись сельскохозяйственной хорой больших полисов, отношение других к таким крупным центрам как Ольвия и Тира неясно. В разное время эти поселения переставали существовать, затем возрождались вновь. Этот процесс зависел от политической и экономической ситуации в регионе в целом, и от взаимоотношений с варварами. Все поселения можно разделить на две хронологические группы: поселения VI – V вв. до н. э. и поселения IV – III вв. до н. э.

Рассматриваемая нами территория, в разные периоды жизни древнегреческих колоний, по-разному представлена археологическими материалами. Собранные материалы на памятниках отражают общую тенденцию – жизнь на возникших в VI в. до н. э. поселениях, прекращается в первой половине V в. до н. э. Недолговременность существования ранних греческих поселений и сильные разрушения береговой линии, отразились в скудности археологических источников, дошедших до настоящего времени (Назаров, 2003. – С. 42-43). К первому – архаическому этапу, относятся в основном случайные на-

ходки, которые не всегда могут указывать на существование в данном месте античного поселения.

Основная масса известных на данный момент поселений VI – V вв. до н. э. располагается на восточном (левом) берегу Днестра и его лимана на расстоянии, начиная от морского побережья и до 50 км вглубь материка (Охотников, 1990). Все поселения расположены на плато или мысах, ограниченных балками, впадающими в реку или лиман. Размеры таких поселений совпадают с размерами мысов, на которых они расположены и не превышают 1,2-3 га. Планировка поселений носила стихийный характер, а зачастую либо не прослеживается, либо отсутствует. На поселениях существовали постройки полуземляночные и наземные. К поселениям этого времени можно отнести ряд пунктов на левом берегу Днестровского лимана, где была зафиксирована керамика VI – V вв. до н. э.: Беляевка I, Граденицы III, Маяки, Маяки IV, Надлиманское городище, Надлиманское III, Надлиманское V, Надлиманское VI, Николаевка II, Роксоланское городище, Роксоланы I, Бугаз IV, Бугаз VI. Значительная часть этих поселений имеет также керамику IV – III вв. до н. э. Всего позднеархаических поселений на левом берегу насчитывается 16 пунктов, включая Никоний (Буйских, 1997. – С. 99). Они все тяготеют к последнему и, вероятно, составляли его хору. На побережье от Днестра до Одесского залива неизвестно ни одного поселения с материалами конца VI-V вв. до н.э.

На побережье Одесского залива таких пунктов известно – 7, в устье Куяльницкого лимана располагалось всего одно поселение (Жевахова гора), которое имеет некоторое число материалов конца V в. до н.э. На всем же морском побережье между этими пунктами и до Березанского лимана поселения этого времени отсутствуют. Практически все поселения этого времени, включая как крупные центры, так и небольшие поселки, фиксируются на двух террасах: верхней и нижней (Бруяко, 1999. – С. 34).

Все античные памятники, размещенные и в Одесском заливе (Лузановка, Жевахова гора, Приморский бульвар и др.), и в устье Хаджибеевского и Куяльницкого лиманов в древности имели выходы к морю. На данный момент оба лимана отгорожены от моря единой песчаной пересыпью длиной 7,5 км и шириной от 1,5 до 4,5 км (Диамант, 1992. – С. 18-20). Эта пересыпь, начиная от высокого коренного морского берега в районе Лузановки (район современного города), доходит до устья Водяной балки, также, по-видимому, ранее впадавшей в Одесский залив. Современные очертания береговой линии Одесского залива в его северо-восточной части – результат значительных изменений, приведших к образованию пересыпи. Правомерно предположить,

что во время существования античных поселений акватории Хаджибеевского и Куяльницкого лиманов представляли собой заливы, что очевидно и предопределило выбор мест для основания поселений. Именно на этих поселениях в культурном слое отмечены материалы VI–V вв. до н. э. Интересны, в этой связи, археологические исследования в районе Приморского бульвара Одессы (район Воронцовского дворца), где зафиксирован слой, с датирующимся керамическим комплексом конца VI – V вв. до н. э. (Добролюбский, Красножон, 2005. – С. 172 и сл.). Находки античных материалов на Приморском бульваре и в районе Оперного театра были зафиксированы еще в первой половине XIX в. Сильные разрушения данного поселения и незначительные масштабы раскопок не позволяют составить полное представление об этом поселении. Оно, скорее всего, было достаточно небольшим и представляло собой обычное селение.³

Если поселения, расположенные на побережье Днестровского лимана могли составлять хору Никония, то поселения, расположенные на берегах Одесского залива, вряд ли попадали под юрисдикцию Никония или Ольвии. Скорее всего, они образовывали самостоятельную государственную структуру, судить о которой невозможно в виду крайне неудовлетворительной степени изученности этих поселений.⁴

Все перечисленные поселения, функционировавшие на территории между Днестровским лиманом и Тилигулом, как впрочем, и иные позднеархаические греческие населенные пункты Северо-Западного Причерноморья, прекратили свое существование в результате, вероятно, целого ряда причин как экономического, так и политического характера. Ряд авторов связывает это со скифской экспансией (Виноградов, 1989. – С. 107; Зубарь, Сон, 2007. – С. 55 и сл.). Другие исследователи больше опирались на экономические изменения в том или ином районе, например, ольвийском, которые могли привести к прекращению жизни на архаических поселениях (Крыжицкий и др., 1999. – С. 94-97). В этой связи следует отметить, что на поселениях, подвергшихся более или менее значительным исследованиям, отсутствовали следы разрушений. Последнее обстоятельство, а так же ряд

³Совершенно фантастические определение этого поселения как крупного городского центра, точно также как и его хронология, свидетельствуют в лучшем случае о желании придать значимости античному прошлому Одессы, поставив поселения Одесского залива в один ряд с такими крупными центрами как Истрия или Ольвия (Добролюбский, Красножон, 2005).

⁴Ср. с точкой зрения С.Б.Буйских, который полагает, что поселения Одесского залива могли находиться или под обоюдным влиянием Ольвии и Никония либо могли быть дальней хорой Ольвии (Буйских, 1997. – С. 101). При всей увлекательности данного предположения достаточных данных для его подтверждения пока нет.

иных, позволили исследователям ольвийского полиса поставить под сомнение тезис о скифской военной угрозе и искать причины прекращения жизни на поселениях ольвийской хоры в особенностях экономического развития самого полиса (Крыжицкий и др., 1999. – С. 94-95). В этой связи необходимо установить причину прекращения жизни на архаических поселениях в других районах Северо-Западного Причерноморья, не имевших отношения к Ольвийскому полису (Нижнее Поднестровье, Одесский залив, Нижнее Подунавье), одновременно с поселениями Днестро-Бугского лимана. Следует отметить одну общую особенность для Нижнего Поднестровья и Нижнего Побужья для этого времени. Несмотря на прекращение жизни на сельских поселениях, крупные античные образования в Нижнем Поднестровье (Тира, Никоний), и в Нижнем Побужье (Ольвия, Березань) интенсивно развиваются (Крыжицкий и др., 1999. – С. 94; Лапин, 1968. – С. 152; Охотников, 1990. – С. 67; Самойлова, 2005. – С. 159 и сл.). Косвенным свидетельством этого может служить строительство уже в конце V в. до н.э. систем оборонительных сооружений и начало нового этапа в градостроительстве (Крыжицкий, Лейпунская, 1988; Лапин, 1968. – С. 125; Самойлова, 1988. – С. 18; Секерская, 1989. – С. 47-49). Естественно, что подобное строительство должно было иметь под собой хорошую экономическую базу.

Таким образом, прекращение жизни на античных поселениях Северо-Западного Причерноморья было вызвано какими-то общими причинами. Если для таких центров как Ольвия, Березань, Никоний, Тира, Истрия можно предположить в большей степени экономическую составляющую этого процесса – реорганизацию “аморфной” большой хоры в компактную плотно заселенную округу (Крыжицкий и др., 1999. – С. 96), то для группы античных поселений Одесского залива это представляется не вполне аргументированным. В Нижнем Подунавье, Нижнем Побужье или Нижнем Поднестровье жители архаических поселков, покинув их, могли временно влиться в уже существовавшие городские центры и затем основать новые поселения. В Одесском же заливе такой городской центр отсутствовал. Тем не менее, картина наблюдается сходная с той, что была описана выше: прекращение жизни на архаических поселениях и затем возникновение новых поселений или продолжение существования некоторых пунктов (например – поселение на Жеваховой горе или Приморский бульвар). Для этого района невозможно установить, произошло ли увеличение некоторых поселенческих структур после прекращения жизни на ряде позднеархаических поселений или нет. Тем не менее, район Одесского залива не остался без эллинского населения на следующем этапе.

Возникновение новых греческих поселений, а иногда возрождение жизни на известных в более раннее время местах, начинается с последней трети V в. до н. э. В этот период происходит расширение территориальных владений греческих полисов, достигших к концу IV – началу III вв. до н. э. наивысшего экономического расцвета. На левом берегу Днестра и Днестровского лимана учтено – 69 памятников, как античных, так и имевших смешанную этническую окраску – греко-варварскую. На всем пространстве между Днестровским лиманом и Одесским заливом выявлено только 4 пункта, в районе Одесского залива и Куяльницкого лимана – 12. На территории между Куяльницким лиманом и Тилигулом было выявлено всего 10 поселений, причем 5 из них – на правом берегу Тилигульского лимана (Буйских, 1997. – С. 100). При этом можно уловить определенную разреженность на пространстве между Одесским заливом и Тилигулом.

Большинство греческих памятников на берегах Одесского залива, включая Хаджибей и Куяльник, относятся к концу V – началу III вв. до н.э. Эти поселения попали в поле зрения любителей древностей и историков еще в XIX в., когда бурными темпами проходило строительство Одессы. Один из них, И. А. Стемповский, заинтересовался археологическими находками на территории Приморского бульвара и Жеваховой горе, где были найдены древнегреческие амфоры (Стемповский, 1826).

Первые систематические исследования древних греческих поселений в этом районе были начаты в 20-30-х годах XX столетия раскопками Лузановского поселения конца V-III вв. до н. э., которые были продолжены затем после войны (Синицин, 1957). Оно было достаточно большим не менее 2 га с учетом того, что часть была уничтожена береговой эрозией, располагалось на высоком берегу возле моря. Небольшие по площади раскопки выявили остатки каменного, сырцового и земляночного домостроительства, хозяйственные ямы. Землянки относились к первоначальному этапу жизни на поселении. Каменные дома были одно- двух- и в одном случае трехкамерные, обычные для поселенческих структур Северо-Западного Причерноморья IV-III вв. до н.э. В градостроительной структуре поселения присутствовали мощенные камнем улицы, водостоки. Все это характерно для греческого образа жизни и, несмотря на определенное количество керамики варварского облика, поселение, несомненно, принадлежало эллинам. Среди находок, выявленных при раскопках, были найдены многочисленные материалы: фрагменты амфор Гераклеи Понтийской, Фасоса, Синопы, Хиоса, Книда, чернолаковой и красноглиняной посуды, рыболовные грузила, обломки лепной посуды скифского облика. Особое

значение имеет находка клада из 13 медных монет Ольвии с изображением Деметры, Медузы Горгоны на аверсе и герба Ольвии – орел, клюющий дельфина – на реверсе, и терракоты, изображающей Кору Персефону (Аттика). Основным занятием жителей, естественно, было сельское хозяйство, рыбная ловля, различные промыслы. Находки монет говорят о развитии товарных отношений. При исследовании был выявлен слой пожара. Возможно, это поселение существовало и в римский период, так как здесь была найдена ольвийская монета времени императора Александра Севера.

Вторым памятником, подвергшимся относительно значительному исследованию, было поселение на Жеваховой горе. В период своего основания (V в. до н.э.) поселение находилось на высоком мысу, который выдавался в море (Рис. 2, 1). В период владычества Османской Порты здесь были проведены фортификационные работы, во время которых пострадали и остатки античного поселения здесь расположенного. В период обороны Одессы в 1941 г. здесь были размещены артиллерийские орудия.

Еще в конце XIX - начале XX в. обратили на себя внимание находки античных артефактов на этой территории (Штерн, 1904). В 30-е гг. XX в. под руководством директора Одесского археологического музея К.А.Раевского были проведены разведки, а в 60-70-х гг. XX в. Э.И.Диамантом - раскопки. Сохранилось невнятное свидетельство о находке здесь ионийской керамики, пока не подтвержденное дальнейшими исследованиями.

Вероятно, первоначально поселение занимало не менее 4 га, т.е. было достаточно большим. Располагаясь на мысу, оно было отделено от степной части плато мыса ложбиной, за которой в XIX в. были отмечены курганы, возможно, представлявшие некрополь поселения. Сейчас они уже не выделяются или хищнически раскопаны, или уничтожены в результате хозяйственной деятельности людей.

Исследователи выделяли два строительных периода, к первому из которых относятся землянки, хозяйственные ямы, датируемые концом V-началом IV в. до н.э. Несмотря на то, что в это время сооружения представляли собой наиболее примитивные конструкции – землянки, тем не менее, жители пытались их приукрасить, в одной из ям были найдены обломки глиняных карнизов и штукатурки. Строения второго строительного периода, перекрывавшие землянки, пострадали сильнее, они представляли собой уже каменные строения (Диамант, Кузьменко, 1977. – С. 289-290; Диамант, Кузьменко, 1978. – С. 321-322). Прослежено земляночное строительство и на завершающем этапе жизни поселения – конец IV-III вв. до н.э. Остатки землянок и полузем-

лянок, каменных домов придают поселению сходство с Лузановским поселением. Схож и набор вещественных находок: обломки амфор (хиосских, фасоских, гераклейских) (Рис. 2, 2, 5), чернолаковой керамики (Рис. 2, 4), лепной керамики скифского облика, кухонной керамики (Рис. 2, 3), рыболовные грузила, пряслица (Рис. 2, 6), зернотерка, железный серп. Одной из специфических находок является письмо на свинцовой пластинке, исполненное на греческом языке (конец V - начало IV в. до н.э.).

В конце V - начале IV в. до н.э. продолжилась жизнь и на месте Приморского бульвара. Но как представляется, в этот период поселение было больше смещено в юго-восточном направлении и в основном находилось между памятником Дюку де Ришелье и зданием городского Совета, располагаясь, как и ранее, на высоком коренном берегу Одесского залива. Со стороны Театральной площади к поселению примыкал некрополь, на сегодняшний момент, полностью разрушенный при строительстве города.

Как некрополь, так и само поселение, были обнаружены еще в начале XIX в., но не были подвергнуты систематическим исследованиям. И. А. Стемпковский указывает на неоднократные находки античной керамики на этой территории (Стемпковский, 1826. – С. 2). Дальнейшие исследования были проведены в 70 гг. XX в. (Диамант, 1976. – С. 204-212) и в 2008 г. Работы были очень ограниченными по площади и не позволили составить связного представления об этом памятнике. Было обнаружено достаточно большое количество керамических материалов, первое место среди которых составляют фрагменты амфор различных античных центров (Гераклея, Синопа, Фасос, Хиос). Были выявлены и остатки каменных домов. Рядом с поселением находился и некрополь, простиравшийся, вероятно, вплоть до Греческой площади, где было отмечено несколько курганов. Описание разрушенных при строительстве захоронений фиксирует использование каменных перекрытий, гробниц в виде каменных ящиков, отмечено и трупосожжение. При погребальном обряде использовались предметы, характерные для греческой традиции: амфоры, светильники, чернолаковые сосуды IV-III вв. до н.э. (лекиф, пелики, килики и пр.), всего было зафиксировано более 20 погребений (Стемпковский, 1826).

Кроме указанных выше достаточно крупных поселений, два из которых могут претендовать на идентификацию с упомянутыми в античных источниках гаванями исиаков и истриан, есть и несколько поселений датируемых IV-III вв. до н.э. и римским временем на территории Одессы. Правда в этом случае исследования ограничивались визуаль-

ным осмотром и сбором материалов. Так, были проведены разведки в районе винодельческого института им. Таирова на Сухом лимане, где было выявлено небольшое поселение доримского времени. В этом же районе был выявлен курганный некрополь, а так же обнаружены каменные гробницы с человеческими костями (Уваров, 1856), правда, его связь с поселением не была установлена. От этого некрополя на сегодняшний день визуально фиксируется только один курган. Были открыты два поселения в районе Люстдорфа, датируемые доримским временем (Синицын 1955. – С. 54-55) и разрушенные к настоящему времени. Недалеко от одного из них (Черноморка I) находился курганный могильник, который в XIX в. насчитывал до 40 курганов. Материалы из разграбленных четырех курганов этого могильника датируются античным временем. Более точно хронологические рамки памятника определить пока не удастся, как и этническую принадлежность погребенных. Следует отметить, что в районе этого могильника был обнаружен небольшой могильник уже средневекового периода.

Два поселения со слоями IV-III вв. до н.э. и I-III вв. н.э. были выявлены на пересечении улиц Балковская и Краснослободская (Слободка) и восточнее парка Победы по улице Балковской (Молдаванка). Рядом по улице Марины Расковой у Водяной балки в 1909 г. была найдена мраморная плита с посвящением Ахиллу Понтарху от имени стратегов и жрецов города Ольвии (Latyshev, 1916). Эта находка считается подтверждением факта распространения территории Ольвийского полиса на побережье Одесского залива. Условия же находки и содержания таковы, что могут вызывать сомнения в том, что она попала сюда в древние времена. Соответственно построение теории относительно распространения власти Ольвии на столь удаленные территории на этом основании представляется чересчур смелым шагом.

Большую роль в обследовании памятников Одесского залива, Хаджибейского и Куяльницкого лиманов сыграл М.С. Синицын, который обследовал и выявил целый ряд поселений античного времени. В послевоенные годы были осмотрены: Красная Слободка, Кривая балка, Шкодова гора, Крыжановка, Н.-Дофиновка, Григорьевка. Были обследованы Большой и Малый Аджалыкские лиманы, где были выявлены остатки поселений (Новая Дофиновка, Григорьевка, Беяры). Были изучено побережье Тилигульского лимана, где было осмотрено более 20 поселений: Коблево I, Коса, Червона Украина II, Ташино III, Люблино, Калиновка I и II, Марьяновка, Ленинка, и Карабаш (Буйских, 1997; Сымонович, 1954).

Наиболее исследованным из поселений Тилигульского лимана является Кошарское городище, открытое еще в 1950 г. экспедицией

Л.М.Славина. Как и другие античные поселения региона, оно располагалось на высоком берегу у впадения в море реки Асиак (Тилигул), так как в то время тилигульского лимана не было, а река непосредственно впадала в море. При исследовании этого памятника была высказана достаточно обоснованная точка зрения о его тождестве с упомянутым в античных источниках Одессом-Ордесом (Сымонович, 1954. – С. 147-150). Кошарское городище занимает наиболее значительную из всех известных античных памятников Тилигуло-Днестровского междуречья площадь – около 10 га и датируется началом IV-III вв. до н.э. Городище имело систему оборонительных сооружений (ров и вал с каменной стеной). Часть поселения находилась вне защиты оборонительных сооружений. В южной части городища находился зольник (Рис. 3, 5), представлявший собой культовый объект греческого облика, где совместно отправлялись культы в первую очередь земледельческих богов - Деметры, Кору-Персефоны, Диониса (Носова, 2005. – С. 201 и сл.). К северо-западу от поселения находился его некрополь, который включал в себя как курганы, так и грунтовые, безкурганные захоронения. Вокруг поселения были выявлены следы размежки полей, принадлежавших жителям поселения, и древние дороги (Бруяко, Назарова, Петренко, 1991. – С. 41 и сл.).

Можно выделить два основных строительных периода. Для первого характерно земляночное строительство и наличие наземных конструкций. Для второго, начиная с третьей четверти IV в. до н.э. характерно сооружение многокамерных (до семи помещений) каменно-сырцовых домов, появляются элементы планировки городского типа (Рис. 3, 1-2). В системе жилых домов выявлены такие элементы как внутренние дворики. Дома ограничивались мощеными камнем улицами и переулками с водостоками. Кошарское городище представляет достаточно значительным поселенческим образованием, которое могло быть своего рода экономическим центром этого района. Естественно, основным занятием его жителей было сельское хозяйство: земледелие и скотоводство. Об этом говорят и находки пифосов для хранения зерна, зерновые ямы, зернотерки и ручные ротационные мельницы, большое число костей домашних животных. Определенное значение в хозяйственной жизни жителей Кошарского городища играло рыболовство и различные промыслы и ремесла, которые в первую очередь должны были удовлетворять нужды его обитателей.

Будучи самым крупным населенным пунктом в низовьях Тилигула, городище обладало функцией и торгового центра, перепродавая товары, которые поступали сюда, скорее всего из Ольвии (Рис. 4, 2-3).

О связях с этим крупнейшим центром Северо-Западного Причерноморья свидетельствуют находки ольвийских монет (Рис. 4, 1).

Некрополь, принадлежавший Кошарскому городищу, содержит все основные типы погребальных сооружений, которые встречаются на некрополях античных памятников, в том числе и ольвийском: земляные склепы, подбои, каменные и сырцовые гробницы, грунтовые могилы (Рис. 3, 3), кремации. Присутствуют и курганы (Рис. 3, 4). Исследования некрополя показали, что основным обрядом, который присутствовал во время погребальных церемоний, был греческий обряд, но прослеживается и влияние скифских традиций. На территории некрополя был обнаружен фрагмент надгробия с именем умершего (Рис. 3, 6).

Таким образом, на Днестро-Тилигульском междуречье можно зафиксировать три основных группы памятников: хора Никония и Тиры, поселения Одесского залива и поселения Тилигульского лимана. Впервые поселения древних греков появились в конце VI в. до н.э. в районе Одесского залива и Нижнем Поднестровье. Взаимоотношения между этими тремя районами могут быть установлены только исходя из археологических материалов. Письменные источники в этом отношении не могут дать никакой информации.

Пространство между Одесским заливом и районом Ольвийского полиса в позднеархаический период не имело поселений эллинов. Связь между позднеархаическими поселениями Нижнего Поднестровья, тяготевшими к Никонию, и Одесским заливом не прослеживается, так же как и связь между последними и ольвийским полисом. Вполне возможно, что они в этот период были автономны, тем более, что заселенность региона варварскими племенами была крайне незначительной. Контакты этих районов между собой если и имели место, то были эпизодическими и связь между поселенческими структурами Нижнего Поднестровья, Одесского залива и Тилигульского лимана не выявлена. Сами поселения этого времени были небольшими по площади. Выделяется своими размерами только Никоний, к которому и тяготеют поселения левого берега Тираса. Были ли крупные поселения позднеархаического периода в районе Одесского залива установить невозможно. Все поселения этого времени были неукрепленными и располагались на высоких мысах морского побережья или берегах рек, имевших выход в море.

Наибольшее число поселений относится к периоду конца V-III вв. до н.э. Настоящий уровень исследований поселений всех трех групп недостаточен для окончательных выводов относительно уровня контактов между этими структурами и в этот период. В этот период

появляются поселения на Тилигульском лимане, что связывается рядом исследователей с расширением влияния Ольвийского полиса и дальнейшим развитием каботажного пути, проходившего вдоль побережья Черного моря из Ольвии через Тиру и далее на запад, а так же функционированием сухопутного пути таково же направления (Буйских, 1997. – С. 101). Для этого времени следует отметить наличие наряду с небольшими поселками в каждом из районов достаточно крупных поселений площадью до 4 га (Надлиманское городище, Николаевка; Лузановка, Жевахова гора, Кошарское городище), которые имели укрепления в виде рвов, валов и даже каменных стен.

Для этого периода характерно появление на некоторых поселениях ольвийских монет, что дало основание исследователям определять границы Ольвийского полиса на линии Одесского залива, считая расположенные здесь поселения его западной окраиной. Естественно, что поселения на Тилигульском лимане, по их мнению, так же должны были входить в состав этого государственного образования (Зубарь, Сон, 2007. – С. 93). Это подтверждается находками ольвийских монет, фрагментом мраморного надгробия с именем Леофанта, сына Наниона, возможно, ольвиополита (Редина, Хохоровский, Носова, Папуци-Владыко, Бодзек, 1999. – С. 24). Следует отметить, что ни один полис Северного и Северо-Западного Причерноморья не имел столь обширной территории. Действительно, определенные археологические материалы могут свидетельствовать в пользу значительного влияния ольвийского полиса на достаточно удаленные от него территории, но утверждать, что это его земли, нет достаточных оснований.

Относительно возможности вхождения поселений Одесского залива, а так же Куяльницкого и Хаджибейского лиманов в состав ольвийского полиса, следует отметить то, что их удаленность от него еще более значительна и, несмотря на находки ольвийских монет, она еще более проблематична. Можно утверждать, что они не входили в состав ольвийского государства, а находились под контролем кочевников и поддерживали с Ольвией только экономические связи (Крыжицкий и др., 1999. – С. 192-193). В такой же степени, можно говорить и о поддержании экономических связей этих поселений с Никоном и Тирой.

В период расцвета античных центров Северо-Западного Причерноморья (конец V-III вв. до н.э.) в регионе наблюдается наиболее многочисленное варварское население. Здесь сосуществуют две разных этнических группы: скифы и гето-фракийцы, разные не только по этносу, но и по экономическому укладу и традициям: кочевники (скифы) и земледельцы (гето-фракийцы). Именно эта часть региона и была контактной зоной трех разных этносов: греческого, скифско-

го, гетского, а затем сарматского и дакийского. И именно античные сельские поселения в первую очередь и были наиболее тесно связаны с варварами. Исследователей давно уже интересует вопрос, в каких формах происходило взаимодействие античной цивилизации и варварских миров (Кузык, Яковец, 2008. – С. 79 и сл.). Были ли это преимущественно военные столкновения и стремление воинственных варваров насильственно подчинить себе античные центры или же преобладали экономические интересы, диктовавшие установление торговых связей, а, кроме того, культурных контактов. Естественно, античные города в Северо-Западном Причерноморье, как и в других регионах побережья Понта Евксинского, не располагали большим военным потенциалом, и хотя и имели оборонительные сооружения, тем не менее, стремились к мирным и выгодным в экономическом смысле связям с варварами. И скифы, и геты, были так же заинтересованы как в прочных торговых контактах с античными центрами, так и в их расцвете, что было возможно только условиях достаточно мирного существования, хотя последнее не всегда соблюдалось. В этой связи необходимо понимать, что наиболее уязвимыми в военном отношении были сельские поселения, основная масса которых не обладала даже примитивными оборонительными сооружениями. В междуречье Днестра и Тилигула преобладающим было скифское население, но на этой территории прослеживается определенное влияние и гетской культуры. Соседство эллинов с постоянно меняющимся миром варваров накладывало свой отпечаток, как на жизнь одних, так и других. Наиболее четко это можно проследить, на сельских поселениях, но для этого они недостаточно изучены. В целом сельские поселения региона имеют облик сходный с поселениями хоры Ольвии или Тиры. Несомненно, что какая-то часть сельского населения была варварами или имела варварские корни. Можно было бы говорить о возникновении определенного греко-варварского синтеза, но пока его характер остается неизученным в достаточной степени. В значительной мере античная культура, греческий этнос, а также варварские культуры и этносы развивались параллельно (Греки и варвары, 2005. – С. 414), взаимодействуя в основном в экономической сфере. Это подтверждается в первую очередь и достаточно близким расположением к античным поселениям погребальных памятников скифов и присутствием в них греческого импорта, поступавшего естественно из античных поселений и городов региона.

Золотоордынская эпоха в Северо-Западном Причерноморье

Новый период в истории Северо-Западного Причерноморья, как и всей Великой Евразийской Степи, начался в первой половине XIII в. – на авансцену истории вышло государство Чингиз-хана и его потомков – Великий Монгольский Улус. Империя Чингизидов стала самой территориально и организационно масштабной державой в истории Великой Степи. В его рамках впервые была объединена действительно вся Степь; к тому же был завоеван ряд сопредельных стран, традиционно бывших объектами набегов кочевников, местом их расселения среди оседлых народов, но почти никогда – объектом завоевания степными державами. Под властью отдельных ветвей Чингизидов оказались Китай, Иран и Средняя Азия (а частично и Ближний Восток); вассалами самого западного из монгольских улусов, Улуса Джучи (или, по отечественной терминологии, Золотой Орды), стали соседствующие со Степью славянские страны – Русь и Болгария.

Государство Чингиз-хана сложилось как этнически объединенное государство монголоязычных кочевников на рубеже XII-XIII вв. Символически это было выражено повторным избранием Темучжина каганом на курултае 1206 года (Гумилев, 2003. – С. 165-166). Именно к этому моменту держава Темучжина, сына Йесугая, провозглашенного Чингиз-ханом (*tengiz* = тюрк.-монг. «море, океан»), охватила все земли, населенные монголоязычными племенами (и некоторыми смешанными, тюрко-монгольскими, каковым были найманы Джунгарии).

Политическое оформление общемонгольского государства имело свое немедленное продолжение в его активной внешней политике. Как любое крупное государственное образование кочевников, оно было порождено войной, и могло существовать только в условиях постоянно продолжающейся войны (Федоров-Давыдов, 1966. – С. 21). Кочевое скотоводческое общество не способно полностью само себя обеспечить, почему нуждается в продуктах земледельческого хозяйства (Плетнева, 1982. – С. 80). В большинстве случаев кочевникам нечего предложить для *адекватного* экономического обмена (даже если в продукции скотоводов оседлое население очень нуждается, как это имело место в Северном Китае (Кляшторный, Савинов, 2005. – С. 27)). Поэтому наряду с кочевым скотоводством важнейшей отраслью экономики любого кочевого социума является грабеж оседлых соседей (Плетнева, 1982. – С. 81). Как подчеркивают современные исследователи, «...завоевательный импульс (*кочевого империи* – Г.Б.)... направлен на подчинение территорий с иным хозяйственно-культурным

типом... конечный итог предполагает данническую зависимость или какие-либо иные формы политической зависимости» (Кляшторный, Савинов, 2005. – С. 9-10).

Чингиз-хан превратил эту обычную экономическую сферу деятельности своей кочевой державы в полномасштабное завоевание степной зоны Евразии и ее ближайших оседлых соседей. Уже в 1207 г. войска Улуса вторгаются в земли Кыргызского каганата в Минусинской котловине и в государство тангутов в нынешней китайской провинции Ганьсу, в 1210 г. начинается большая война с чжурчжэньской династией Цзинь, владевшей Северным Китаем; далее – вторжение в земли кыпчаков в степях современного Казахстана (1216 г.) и война с Хорезмом (1219 г.) (Гумилев, 2001. – С. 686-688).

В Восточную Европу монголы вышли в 1222 г. в ходе знаменитого рейда через Иран и западные степные области, в который Чингиз-хан отправил лучших полководцев Улуса – Субэда-багатура и Чжэбэ-нойона. Вышли с юга, через Грузию и Дербент. С половцами (западными кыпчаками) они вначале заключили мир, обеспечив их нейтралитет в войне с кавказскими аланами. Затем мир был вероломно нарушен, и монголы обрушились на половецкие кочевья. Ряд половецких ханов во главе с Кутаном (летописный «Котян») обратился за помощью к союзным русским князьям. Вмешательство русинов закончилось катастрофическим разгромом на р. Калке в 1223 году. Впрочем, Субудэ повернул от Днепра на восток – поход 1221-1223 гг. действительно был в первую очередь разведкой (Гумилев, 2001. – С. 466-467).

После смерти основателя династии, провозглашения каганом его третьего сына Угэдэя и завершения завоевания Северного Китая (уничтожения династии Цзинь в 1234 г.), новый курултай (в 1235 г.) постановил продолжить большую войну на западе. Там, как гласит монгольское «Сокровенное сказание», оставались «кыпчаки, булгары, ясы, урусы... и прочие недооконченные народы» (Пашуто, 1968. – С. 271). Формально поход возглавлял Чингизид Бату, сын Джучи, внук Темучжина⁵, а фактически – все тот же Субудэ. Весной 1237 года началась полномасштабная степная война с западными кыпчаками. «Половецким фронтом» командовал Чингизид Мункэ (Монгкё), сын Толуя, младшего сына Темучжина; сам Субудэ с основными силами в это время разорял русское Залесье. К 1239 г. покорение половцев было в основном закончено; сильнейший из половецких ханов – Кутан – бежал в Венгрию (Пашуто, 1968. – С. 272-276). В 1240 г. начался второй великий поход Бату (возглавлял его по-прежнему Субудэ), направленный на Киев,

⁵ Северо-западные завоеванные земли еще при жизни Чингиз-хана были выделены в удел его старшему сыну – отсюда и термин Улус Джучи.

Червонную Русь и далее на Венгрию, Чехию и Польшу. Чехам удалось разбить вторгшийся в Моравию отряд Пайдара у Оломоуца; Венгрия и польские княжества были разгромлены и разорены. Возвращалась орда Субудэ через Болгарию; по-видимому, кыпчаки традиционно поддерживали болгарских Асений: монголы снова столкнулись с ними в Северо-Западном Причерноморье. Среди захваченных монголами *болгарских* городов летописец Чингизидов Рашид-ад-дин упоминает «Кыле» – общепризнанно, Старую Килию (Пашуто, 1968. – С. 278-282).

После возвращения из второго великого западного похода Бату установил свою ставку в низовьях Волги и начал политическое оформление своего Улуса. Крайние западные области восточно-европейской Степи пока оставались, по-видимому, во владениях прежних хозяев: в 40-50-хх гг. на границе Галицкого княжества кочевала половецкая орда хана Тигака, союзника Данила Галицкого (Пашуто, 1950. – С. 152-153).

В 1252 г. вспыхнула война Данила и его союзника Андрея Ярославича Суздальского против Орды. На запад были отправлены войска во главе с Чингизидом Куремсе; впрочем, вторжение Куремсе в земли Галицко-Волынского княжества Данило отразил (Пашуто, 1968. – С. 284). Владения кыпчаков Тигака были напрямую подчинены Улусу Джучи либо Куремсе, либо около 1258/1260 гг., когда против непокорного галицкого князя были отправлены лучшие силы Улуса во главе с нойоном Бурундой (Пашуто, 1950. – С. 57-62). Данило вынужден был подчиниться хану, срыв стены своих крепостей; имя хана Тигака исчезает из источников вовсе (Павлов, 1995. – С. 122). Отныне весь степной регион современной Украины стал интегральной частью Улуса Джучи.

До 1270-хх гг. золотоордынские ханы практически не обращали внимания на юго-западную границу. Лишь около 1270 г. на западе Золотой Орды образуется новый центр власти, главой которого становится беглярибег Ногай, сын Буфала, бастарда Джучи, правнук Чингиз-хана, мусульманин по вероисповеданию. После смерти Берке-хана (1266 г.) Ногай становится наиболее влиятельным политиком Улуса Джучи, все ханы Сарая последней трети XIII в. были его креатурами. Он активно вмешивается в усобицы Северной Руси, подчиняет степные области Мунтении, участвует в греко-болгарской войне 1265-1273 гг., подавляет восстание Ивайла (1280 г.). В грабительские походы на Балканы, Венгрию и Польшу он поднимает подчиненных ему болгарских и галицких вассалов (Грушевский, 1997. – С. 115-126; Павлов, 1995. – С. 123-126). Ставкой беглярибега была Сакча (Сакджа, Исакча) на Дунае; видимо, под его эгидой начинается развитие урбанистических струк-

тур в регионе, включая Белгород – Акджа Керман на Днестре (Павлов, 1992. – С. 61; Руссев, 1999. – С. 90).

Несомненно, что организация нового центра власти на крайнем западе Золотой Орды должна была сопровождаться притоком нового населения – людей, на которых эта власть могла опереться. Так же неизбежны были и перегруппировки уже обитавшего здесь населения в интересах новых властных структур. Право определять места и маршруты кочевания своих родовичей и тем более подчиненных племен – таков кочевнический эквивалент феодального права собственности сюзерена (Кляшторный, Савинов, 2005. – С. 30-31).

Археологические материалы по истории кочевников монгольской эпохи в Северо-Западном Причерноморье представлены единственной категорией памятников – подкурганными погребениями, в большинстве своем одиночными, как основными, так и впускными; впрочем, известно и два курганных могильника (Добролюбский, 1986. – С. 69). Территория распространения этих памятников охватывает степную часть Дунайско-Бугского междуречья, на левом берегу Днестра они концентрируются в районе Тираспольских переправ, в Буджаке тяготеют к поречью Дуная (в том числе к району переправы у Картала – Исаки) и приморью. Оба известных могильника – Нерушай и Дракуля – расположены в приморской зоне Пруто-Днестровского междуречья (Добролюбский, 1986. – С. 26). Топография памятников неизменна: погребения повсеместно тяготеют к пресноводным артериям региона, рекам и озерам, находясь на традиционных маршрутах перекочевков и набегов (Добролюбский, 1986. – С. 73-74).

Погребальные памятники кочевого населения Золотой Орды в целом сохраняли тот же этнический характер, что сложился до завоевания. Обряды и наборы вещей, характерные для кыпчакских кочевников XII – начала XIII вв. существуют и в монгольское время: «ряд локальных признаков в половецкой степи, сложившихся до монгольского завоевания, сохраняется и развивается в XIII-XIV вв.» (Федоров-Давыдов, 1981. – С. 231). В целом, эпоха Улуса Джучи была выделена Г.А. Федоровым-Давыдовым в качестве особого, IV-го периода в его общей классификации кочевнических памятников домонгольской и монгольской эпохи (Федоров-Давыдов, 1966. – С. 150-162). Пришельцев с востока, собственно монгол и восточных тюрок, было немного. С пришлыми из Сибири людьми и традициями можно связать лишь отдельные элементы погребального обряда; эти черты обычно сочетаются с традиционными формами кыпчакских погребений (Федоров-Давыдов, 1981. – С. 231).

В эталонной схеме Г.А. Федорова-Давыдова выделено в общей сложности 66 типов захоронений, группирующихся в восемь отделов. В основе определения отделов лежала ориентация скелета и наличие или отсутствие конского скелета или части такового. Критерием выделения типов служат формы могильной ямы и взаиморасположение останков человека и коня (Федоров-Давыдов, 1966. – С. 124-128). Работу по хронологическому и этнокультурному распределению известных на середину 1980-х годов погребальных памятников кочевников X-XIV вв. в регионе Северо-Западного Причерноморья на основе типологической классификации и хронологических определений Г.А. Федорова-Давыдова проделал А.О. Добролюбский, в том числе и для времен Улуса Джучи (Добролюбский, 1986. – С. 65-79).

В домонгольскую эпоху, по данным погребальных памятников, в Северо-Западном Причерноморье безусловно преобладали кочевники-тюрки огузской группы – печенеги и гузы-торки лишь с некоторой примесью кыпчаков-половцев. Хорошо заметно смешение этнизирующих признаков в единый многовариантный «огузский погребальный обряд», маркирующий реальную метисацию орд (Добролюбский, 1986. – С. 57-58). Основную тюркскую этническую группировку региона предмонгольского времени можно назвать «смешанно-огузской» (Добролюбский, 1986. – С. 65). Показательно, что обязательный кыпчакский обряд установления каменной статуи на вершине кургана для Северо-Западного Причерноморья не характерен – западная граница распространения «половецких баб» проходит по междуречью Днестра и Ингульца (Плетнева, 1981. – С. 257).

В общем, все выше перечисленные тенденции сохраняются и в эпоху Улуса Джучи. Распределение погребальных памятников середины XIII-XIV вв. показало сохранение традиционных, некогда специфически этнических типов обряда, как печенежского, так и кыпчакского (Добролюбский, 1986. – С. 69, 73). Подавляющее большинство остальных типов погребений представлено немногочисленными, нередко единичными комплексами, и в основном они представляют собой дальнейшие модификации и вариации того «смешанного огузского» погребального обряда, сложение которого началось еще в XI в. (Добролюбский, 1986. – С. 69, 71).

Вместе с тем, количество вариантов обряда и, соответственно, этническая пестрота кочевого населения Северо-Западного Причерноморья в эпоху Улуса Джучи заметно нарастает – тенденция, также характерная для всей восточно-европейской Степи в целом (Федоров-Давыдов, 1966. – С. 151). Появляется в Причерноморье смешанный

обряд, характерный для региона Поросья – тот вариант смешанных обычаев и этноса, который сложился среди русских «своих поганных» в т.н. «Черном Клобуке» на юге Киевской земли⁶ (Добролюбский, 1986. – С. 72). Действительно, после монгольского завоевания бассейн Роси теряет свое полuosедлое тюркское население, а характерный для него погребальный обряд фиксируется не только в Северо-Западном Причерноморье, но и – маркированный заметно бóльшим количеством комплексов – на Нижней Волге (Федоров-Давыдов, 1981. – С. 231).

Меридиональная ориентация погребенного (особенно северная) связывается исследователями с ордынским влиянием. Специфический для золотоордынского времени в Поволжье (видимо, выработанный во второй половине XIII в. в этом регионе) погребальный обряд – единственный, прослеженный на обоих курганных могильниках золотоордынской эпохи в Северо-Западном Причерноморье (в Нерушае и в Дракуле). Таким образом, в отличие от кочевников-«автохтонов» Северо-Западного Причерноморья, собственно золотоордынские смешанные тюрко-монгольские группы селились в Придунавье относительно компактно, и не смешиваясь с местным населением (Добролюбский, 1986. – С. 73). Связано данное обстоятельство, по-видимому, с тем, что они составляли основную военную силу бегов Улуса Джучи, действовавших на западной границе державы, и должны были быть при необходимости легко поднимаемы в седло – следовательно, не быть рассеянными по степи и селиться неподалеку от ставки. Оба могильника расположены в приморской зоне Дунайско-Днестровского междуречья, в южной ее части, ближе к Дунаю (и более крупный могильник, Дракуля, – южнее и ближе к Дунаю, чем Нерушай) (Добролюбский, 1986. – С. 26), а ставка беглярибега Ногай – ближайший центр ордынской власти в регионе в 1270-1300 гг. – располагалась на южной стороне крупнейшей нижнедунайской переправы, в Исаке (Павлов, 1992. – С. 61).

Таким образом, «картина этнического состава *кочевого* населения в золотоордынское время в степях Северо-Западного Причерноморья представляется довольно пестрой» (Добролюбский, 1986. – С. 73). Это было неизбежным следствием сложения и существования крупного степного государства, каковым являлась Монгольская империя в целом, и Улус Джучи в частности. Особенно важно в данном случае господство степной империи над зависимым данью оседлым насе-

⁶ «Черный Клобук» (видимо, калька тюркского самоназвания кара-калпак) сложился как равноправный союз поселившихся под покровительством киевских князей групп из огузских племен печенегов и торков, а также «берендеев» – огузированного кыпчакского племени баяндур (Плетнева, 1981 – С. 214).

нием окраинных и сопредельных областей. Перераспределение населения Степи с целью создания крупных ударных сил на стратегически важных направлениях является типичным для того типа государства, каковым является «степная империя» (Кляшторный, Савинов, 2005. – С. 10). В конкретном случае Северо-Западного Причерноморья речь идет, вероятно, об известной из письменных источников балканской политике беглярибега Ногая. В 1273 г. брак Ногая с византийской принцессой знаменовал про-греческий и анти-болгарский поворот политики ближайшего степного соседа Балкан. После разгрома восстания Ивайла (1280 г.) Болгария становится полностью зависимой от Ногая. Ситуация, сложившаяся в Болгарии, аналогична хорошо известной нам по истории Руси – без санкции ордынской власти ни один правитель не мог занять престол. Смены в Тырнове Тертеров на Смилецов и наоборот служат тому прекрасной иллюстрацией (Павлов, 1992. – С. 60-62).

В целом историки выделяют в хронологических рамках золотоордынской эпохи для Северо-Западного Причерноморья четыре периода: до Ногая (40-60-ые гг. XIII в.), период улуса Ногая (1270-1302 гг.), период от падения Ногая до образования городских центров в центральной части Пруто-Днестровского междуречья – Янги-Шехра (Старого Орхоя) и Костешть (1300-1340-ые гг.) и позднеордынский (до 1390-х гг., когда на восток до Днепра распространяется сюзеренитет соседних государств – Великого княжества Литовского между Днестром и Днепром и Молдовы к западу от Днестра) (Смирнов, 1999. – С. 8-11). В археологическом материале *кочевнических* погребений эти периоды, выделенные на основании данных письменных источников, попросту неуловимы (Добролюбский, 1986. – С. 77). Как мы отмечали выше, для первого периода, насколько нам известно из нарративных источников, прямой и непосредственной власти Улуса Джучи в Северо-Западном Причерноморье (а соответственно, и золотоордынского населения) еще не было (Пашуто, 1950. – С. 57-62; Павлов 1995: 122). «Периодом Ногая» предположительно могут датироваться упомянутые выше золотоордынские могильники – по своей географической локализации и по отсутствию в них монетных находок, характерных для более поздних комплексов (Добролюбский, 1986. – С. 76).

Со времен Ногаева улуса ведет свой отсчет эпоха урбанизации Северо-Западного Причерноморья – время развития городских центров западной окраины Золотой Орды. Собственно, два города из числа расположенных в регионе, мы уже упоминали в нашем изложении – это Килия и Исакча. К этой же эпохе относится и старейшее упоминание Белгорода – Акджа Кермана (в генуэзском документе, датированном 1290 г.): генуэзский купец Джакомо ди Фианале отправляется

в *Мальвокастро* (Malvocastro) закупать товары для перевозки в Константинополь (Полевой, 1988. – С. 9). Отныне именно *города* западной границы Улуса Джучи становятся не только экономическими (что вполне естественно), но и политическими центрами региона. Именно они определяют «лицо» государства – его политический и экономический имидж. Происходит данный процесс почти синхронно с аналогичным процессом на Нижней Волге, в сердце Улуса (Федоров-Давыдов, 1981. – С. 232-236). Узбек-хан (1312-1341 гг.), сын Тохты, опирался в своей политике на поддержку торгово-ремесленной прослойки городов Поволжья, особенно на крупные корпорации международных торговцев. Это, собственно, и обусловило окончательный переход Чингизидов из дома Джучи в ислам, ибо мусульманская религия уже возобладала в нижеволжских городских центрах (Греков, Якубовский, 1950. – С. 76).

Для начала третьего периода (двух первых десятилетий XIV в.) некоторые авторы постулируют вытеснение золотоордынцев на восток за Днестр болгарским царем Тодором Светославом (Добролюбский, 1986. – С. 76; Смирнов, 1999. – С. 10). Это мнение ошибочно. Тохтахану удалось выйти из-под контроля Ногай, и в Улусе Джучи полыхнула очередная династическая война; в ней беглярибег и погиб (1300 г.). Его старший сын Чака (Джека) попробовал закрепиться в Тырново, но был свергнут собственным протее и шурином Тодором Светославом (1300-1321 гг.) из дома Тертер (кстати, не собственно болгарского, а из болгарских кыпчаков). Тодор выдал голову Чаки Тохтахану, в Сакче утвердился Тукулбуга, сын Тохты; через два года так же погиб брат Чаки Туран (Павлов, 1995. – С. 126-127; Руссев, 1999. – С. 91-92).

Еще в 1330-х гг. отлично информированные египетские авторы Исмаил Абу-л-Фида и ал-Умари связывают город Акджа Керман в равной степени как со «страной Берке или Узбека» (т.е., Улусом Джучи), так и с Болгарией. Оба автора ссылаются на рассказы своих знакомых, египетских купцов, бывавших в Причерноморье. Город называется ими «небольшим», его население характеризуется как смешанное («мусульмане и неверные»), а политическая принадлежность определяется одновременно как город «в стране *булгар*» и пограничный клим (округ) «страны кыпчаков» (еще одно метафорическое обозначение Улуса Джучи) (Коновалова, 1991. – С. 37, 69). Эти данные подтверждаются и европейскими источниками. На нескольких европейских портуланах XIV в. (Анхело Далорто, 1325 г., братья Пиццигани, 1367 и 1373 гг. и др.) надпись *Bulgaria* тянется на восток до Днестра, хотя над городом Maurocastro обычно ставится флаг с джучидской тамгой (Коновалова, 1983. – С. 35-50). Маврокастро дважды упомянут в реестрах городов, где существовали обители католического Ордена

Св. Франциска Ассизского (датируются реестры 1314-1343 гг.). Еще один францисканский документ упоминает, что «...в *Мауро Кастро* (Mauro Castro) фра Ангелус де Сполето ...замучен *вулгарями*...» (дата мученичества, очевидно, – 1307 г.). При этом общее название документа о мученичестве: «О братьях миноритах, замученных в *Тартарии*» (Русев, 1999. – С. 62). Наконец, существует постановление Оффиции Газарии⁷ от 22 марта 1316 г., известное как «Запрет хождения в Загору». Оно является отголоском конфликта, который имел место за год до того в «*Мавокастро*» (Mavocastro) между генуэзцами и людьми «императора Загоры, Божьей милостью владыки *Булгарии Федицклавуса*» (Fedixclavus); имеется в виду, несомненно, царь Тодор Светослав. Постановление Оффиции под угрозой большого штрафа запрещает подданным Республики Сан-Джорджо торговые операции в землях, подвластных «Федицклавусу», а от последнего требует возмещения убытков, понесенных какими-то генуэзцами от «императорских» людей «в *Мавокастро* и других местах». (Русев, 1999. – С. 63).

Итак, документы фиксируют в Акджа Кермане (и, следует полагать, на всей территории между низовьями Днестра и Дуная) в 1307-1315/1316 гг. администрацию, подчиненную болгарскому царю. Как же это сочетается с наличием ханской ставки Тукулбуги в Исакче? Полагаем, такая ситуация обусловлена тем, что вся Болгария считалась подчиненной Улусу Джучи. Высший суверенитет над землями оставался за ханом (Русев, 1999. – С. 92-101). Возможно, это был *личный* ханский подарок союзнику и вассалу за важную услугу; подобным образом еще Бату одарил Александра Невского Суздалем за срыв анти-ордынского выступления его брата Андрея. Возвращение Акджа Кермана (и, как обычно полагают, всей территории между низовьями Днестра и Дуная) под прямое управление Улуса Джучи исследователи предположительно датируют временем после смерти Тодора (=после 1321 г.) (Русев, 1999. – С. 92-93). Вовсе не исключено, однако, что такое положение сохранялось и несколько позже, ведь данные египетских авторов Абу-л-Феды и ал-Умари относятся уже к 1330-м гг.

К третьему периоду относится и основная масса золотоордынских погребений, датированных монетными находками, которые все укладываются в хронологические рамки 10-40-х гг. XIV в. Характерна их концентрация на левобережье Днестра в районе переправ у Тирасполя (Добролюбский, 1986. – С. 76). По-видимому, справедливо мнение, что «при хане Узбеке междуречье Днестра и Кучургана пре-

⁷ Т.е., правительства генуэзской колонии Каффы, которое считалось верховной властью над всеми генуэзскими колониями Причерноморья.

вращается в плацдарм для последующего наступления на западных границах Золотой Орды» (Смирнов, 1999. – С. 10), и, соответственно, зоной концентрации кочевников, как при жизни, так и после смерти. Действительно, в 1320-1330-х гг. набеги отрядов Улуса Джучи беспокоят территорию Трансильвании и Валахии (Полевой, 1979. – С. 80). Позже Венгрия контратакует: в 1352 г. войска Андраша Лакцфи разбили татар где-то «за Карпатами», хотя значение этой победы сильно преувеличено летописцами – якобы татар прогнали «за Днестр» (Параска, 1981. – С. 78-79), что не соответствует действительности.

В целом, необходимо повторить, что уже с самого начала третьего периода (=рубежа XIII-XIV вв.) главную роль в жизни золотоордынского населения Северо-Западного Причерноморья играют городские центры региона, в первую очередь Белгород – Акджа Керман (Руссев, 1999. – С. 22). Вряд ли приходится сомневаться, что еще при Узбек-хане Акджа Керман вернулся под прямое управление Улуса Джучи. Более того, можно весьма обосновано предположить, что именно его политика привела к появлению в Белгороде восточного этнического компонента, существование которого ясно прослеживается в традициях домостроения, а отчасти и характере внешних связей Акджа Кермана на протяжении оставшегося времени золотоордынского господства (Кравченко, 1986. – С. 24-35; Самойлова, Кожокару, Богуславский, 2002. – С. 180-184; Богуславский, 2002; 2005). Населению нижневолжских городов под властью Узбек-хана стало легче, чем когда бы то ни было, реализовать свои экономические возможности (Греков, Якубовский, 1950. – С. 76). Значительная часть этого населения была занята в сфере торговли, а удобное географическое местоположение Акджа Кермана для внешнеторговых операций уже выявилось: именно здесь, наряду с Крымом, концентрировалась основная экономическая активность «морских извозчиков Средиземноморья» эпохи – генуэзцев. Наконец, Узбек-хан мог прямым приказом перебросить некоторую часть подданных из центра державы на западную границу для укрепления своего господства в регионе.

В 1341 г. на трон в Новом Сарае взошел средний сын Узбек-хана Джанибек. Следует отметить, однако, существенную разницу в политике отца и сына. Мусульманские по вероисповеданию зажиточные слои торговых городов поречья Нижней Волги, опора политики Узбека, были сторонниками централизованной державы, где они занимали бы чиновные посты в управлении страной (Федоров-Давыдов, 1973. – С. 44). Джанибек же опирался на степных беков, которые не были сторонниками сильной ханской власти, и поддерживали ее только в противовес усилению политической роли городской верхушки. Сильные

города степной элите были невыгодны, поскольку могли дать отпор грабителям; до более высоких материй, чем прямой грабеж соседей и сограждан, политическая мысль кочевой аристократии никогда не поднималась (Федоров-Давыдов, 1973. – С. 45). Времена Джанибека характеризовались сильным давлением на торгово-ремесленные слои; была заметно централизована монетная чеканка, права на которую ряд городов лишился. Даже монетные дворы обоих Сараев переживают резкий спад производства (Руссев, 1999. – С. 47). Нумизматические материалы свидетельствуют, что резкий поворот политики нового хана Сарая в отношении городов не прошел бесследно. По данным Н.Д. Руссева, товарно-денежные отношения в Белгороде и других городах региона в середине XIV в. переживают очевидный упадок, что, безусловно, связывается с политическими событиями. Новый всплеск денежного обращения и рост количества нотариальных актов, в которых упоминается Маврокастро, датируется уже второй половиной правления Джанибека (Руссев, 1999. – С. 159-160) – т.е., временем после страшных событий Великой Чумы.

Страшнейшая пандемия в истории Старого Света прокатилась в 1346-1353 гг. по всему континенту от Желтого моря до Атлантики. По территории Улуса Джучи мор прошел дважды; именно отсюда генуэзцы завезли чуму в Италию. Ряд источников сообщает о грандиозных жертвах, понесенных населением Улуса; особенно пострадали поречье Нижней Волги и соседние регионы. Распространена версия, что именно поражение чумой центральных районов страны и вызвало «урбанистический взрыв» на ее западных границах в силу массового переселения бежавшего от эпидемии населения (Руссев, 1999. – С. 54-58; Смирнов, 1999. – С. 10). Речь идет в первую очередь о появлении золотоордынских городов в средней части Пруто-Днестровского междуречья – Янги-Шехра (Старого Орхоя) и городища Костешть. Вокруг них формируется сеть сельских поселений по берегам рек Быка и Ботны. Однако выразительная общая однородность материальной культуры этих городов с материальной культурой современного им Белгорода позволяет предположить, что какую-то часть беглецов-переселенцев принял и Акджа Керман (Руссев, 1999. – С. 58). Нам эта гипотеза представляется не абсолютно доказанной, но очень вероятной.

«Золотой век» времен Узбека – Джанибека закончился в 1357 г., когда старший сын Джанибек-хана Бердибек собственноручно задушил больного отца на обратной дороге из похода на Арран. Этим актом деяния Бердибека не окончились: вернувшись в Сарай, он приказал казнить всех своих братьев общим числом двенадцать душ (Греков, Якубовский, 1950. – С. 77). Отцеубийца и братоубийца усидел на тро-

не меньше двух лет. Немедленно появились претенденты на трон; некоторые из них провозглашали себя «чудесно спасшимися» сыновьями Джанибека. Бердибек в конце концов умер не своей смертью (1359 г.). В Орде началась т.н. Великая Замятня (термин из северорусских летописей), за время которой только в столичном Сарая сменилось двадцать ханов за двадцать три года. Фактически усобицу закончила лишь битва на Куликовом поле, после которой Тохтамыш-хану удалось восстановить единство Улуса, притом сильно ослабленного (Греков, Якубовский, 1950. – С. 80-84). До самых западных областей бывших ордынских владений его власть уже не дотягивалась, ограничиваясь, по-видимому, Днепром.

В лихолетье Великой Замятни Улус Джучи как единый государственный организм практически перестал существовать: отделился Хорезм, мурзы Великого Булгара пользовались независимостью де-факто и т.д. (Греков, Якубовский, 1950. – С. 79-81). Лишь на запад от Волго-Донского междуречья было относительно спокойно. Тут хозяйничал зять покойного Бердибека, тумен-нойон и беглярибег Мамай. Ставка его располагалась в городе в низовьях Днепра, известном в литературе под археологическим названием «городище Большие Кучугуры» (аутентичное название города не дошло до нас ни в одном источнике). Всесильный темник мог прикрыться фигурой любого хана, но, не будучи Чингизидом, не мог стать ханом сам. Однако командовал западным улусом именно он, и войска присягали беглярибегу, а не его марионеткам (Федоров-Давыдов, 1973. – С. 97). Креатурой Мамай был хан Абдаллах (Авдула северорусских летописей), который много лет претендовал на трон Сарая, преимущественно безуспешно.

Сначала, впрочем, необходимо остановиться на вопросе о татарских князьях, разбитых Великим князем Литовским Альгирдасом (Ольгердом) в знаменитой битве на Синих Водах (р. Синюха, приток Южного Буга на востоке Подолья) в 1362 г. Распространено мнение, что владения этих бегов – Дмитрия, Кутлубуги и Хаджибега – располагались в Степи между Южным Бугом и Дунаем. Сколько долго правили они – вопрос, не имеющий данных для ответа; какому из этих князей принадлежал сюзеренитет над Янги-Шехром и Акджа Керманом, исследователи решают по-разному, аргументируя версию или Дмитрия, или Кутлубуги (Быря, 1997. – С. 109-110; Руссев, 1997. – С. 148). Неизвестно, тождествен ли упомянутый в привилее венгерского короля Людовика Анжуйского (1368 г.) «татарский князь Деметрий», правивший где-то у Дуная, бегу с Синих Вод (Полевой, 1988. – С. 12). Существует и версия, что коренные владения бегов находились в Крыму (Герцен, Могаричев, 1993. – С. 62-63). Как бы ни решался этот вопрос,

достаточно вероятен вывод, что «три бега» не были сторонниками Мама-мая. Потому-то он не оказал им помощи в борьбе с князем Альгирдасом, и, вероятно, именно после их поражения крайний запад владений Улуса Джучи перешел под руку беглярибега и его хана. Видимо, неслучайна близость даты победы литовцев на Синих Водах и начала монетного чекана ханской ставки на правобережье Днестра.

Как подтверждение тезиса о возрастающей значимости городов «дальнего Запада» отметим: для четвертого периода золотоордынской эпохи в Северо-Западном Причерноморье нет достоверно датированных кочевнических комплексов (Добролюбский, 1986. – С. 70) на фоне богатого археологического материала, происходящего из городских центров региона. Не подлежит сомнению тот факт, что правительство Мама-я – Абдаллаха существенно повлияло на ускоренное развитие городов на западном приграничье Улуса Джучи. С 1363 по 1365 г. по данным монетного чекана (ДСО, 1981. – С. 84-85), ставка самого Абдаллах-хана находилась в городе Янги-Шехр (Шехр ал-Джедид, Старый Орхей) в устье реки Реут неподалеку от впадения ее в Днестр, в средней части Пруто-Днестровского междуречья. В Янги-Шехре времен пребывания города ханской ставкой был оборудован монетный двор, который насыщал своей продукцией рынки не только самого «Новгорода» (так переводится тюркское Янги-Шехр), но и соседних городов в междуречье – Костешть и Акджа Кермана. Причем, по крайней мере, в последнем широко расходилась янги-шехрская мелкая разменная медь – ясный свидетель высокого уровня развития внутреннего денежного рынка. Вообще, на 1360-ые гг. приходится очень высокий подъем урбанистической и хозяйственной активности в регионе, который переживает свой последний кратковременный расцвет золотоордынской эпохи (ДСО, 1981. – С. 89-90). И это, напомним, в условиях заметного обрыва связей с центральными (нижневолжскими) и тем более, восточными областями Улуса Джучи.

Акджа Керман, в отличие от Янги-Шехра и Костешть, не был глубоко золотоордынским городом. Он возник раньше последних, и был, опять же в отличие от них, пестрым по этническому составу центром; ордынцы, возможно, и не составляли в нем большинства населения. Его экономическая ориентация была обращена не на восток, а на юг, к кораблям генуэзских купцов. Тем не менее, в это десятилетие он во многом разделил судьбу своих северных соседей (Руссев, 1999. – С. 160). По крайней мере, общие черты тождества материальной культуры всех городских центров Поднестровья несомненны, хотя не менее заметны и различия. Медные монеты местного чекана Янги-Шехра (тип Шехр ал-Джедид) наполняли акджакерманский рынок; они со-

ставляют в сумме около трети всего джучидского нумизматического материала на Белгород-Тирском городище (из единичных находок, без учета кладов) (Булатович, 1986. – С. 117-120; Руссев, 1999. – С. 192, Таб. 14).

Таким образом, можно уверенно постулировать теснейшую связь ханской ставки на Нижнем Реуте с портом в устье Днестра. Тому есть и еще одно подтверждение. Акджа Керман, по данным генуэзских документов, еще в начале XIV в. приобретает характер транзитного торгового порта со специализацией на зерноторговле («вывоз зерна... доминирует в экономике города») (Полевой, 1979. – С. 70). Но хлеб, шедший из Белгорода, не мог поступать из ближайшей округи, ибо сельских поселений XIV в. вокруг него не найдено. Зато у Янги-Шехра и Костешть, как мы отмечали выше, такая сельская округа была, и экспортное зерно в 1360-х гг. вполне могло поступать именно оттуда (Полевой, 1988. – С. 13).

О последних годах золотоордынского господства в регионе нам практически ничего не известно. После откочевки Абдаллах-хана из Поднестровья монетный двор Янги-Шехра продолжал выпуск анонимных эмиссий еще три года (ДСО, 1981. – С. 81); в Акджа Кермане последняя по времени чеканки джучидская монета датирована 1369/1370 гг. и принадлежит следующему хану – креатуре Мамай, Мухаммед-Булаку (Булатович, 1986. – С. 119). Гипотезу об отвоевании Белгорода молдавским князем у литовцев (?! – Г.Б.) в ходе военного конфликта 1377 г. (Шлапак, 2001. – С. 26) следует признать слабо аргументированной.

Притом следует заметить, что падение золотоордынской власти на землях Поднестровья, возможно, было близко к обвальному. По крайней мере, к такому выводу приводит резкое прекращение жизни на Янги-Шехре в начале 1370-хх гг.; лишь через полвека на его месте возникает молдавский Орхей (ДСО, 1981. – С. 90). Аналогичная судьба постигает и безымянный город на Ботне (городище Костешть), которому вообще не судилось возродиться. При этом не стоит забывать, что Мамай оставался у власти до 1381 г., по-прежнему прикрываясь номинальными ханами, и был достаточно силен, чтобы вести борьбу за Сарай. Складывается впечатление, что ордынское население просто централизовано снялось с места и откочевало на восток – туда, где беглярибегу нужны были военные силы для новых войн. «Дальний Запад» его не интересовал, что вполне реально в свете известной политики Мамай, связанной с отношениями с поволжскими областями Золотой Орды, Крымом, итальянцами и Северной Русью (Греков, Якубовский, 1950. – С. 84).

Старейшее, хотя и косвенное свидетельство о пост-золотоордынском Белгороде содержит присяга господаря Романа I Мушата (ок. 1391-1394 гг.) польскому королю Владиславу I Ягайле (1386-1434 гг.), датированная 1392 годом. В ней господарь называет себя «дедичем всей земли волошской от полонины аже до берегу моря»; известна титулатура Романа «воевода обладая Землею Молдавскою от планины до берегу моря» (Параска, 1987. – С. 15-16). Ясно, что «дедичем» можно считаться только унаследованного владения; соответственно, переход приморской части Пруто-Днестровского междуречья, центрованной Белгородом, должен датироваться временем правления отца и предшественника Романа – фактического создателя Молдавского княжества, господаря Петру I Мушата (ок. 1375-1391 гг.). В свете изложенного выше представляется возможным, что Акджа Керман оставался под властью Улуса Джучи до самого падения Мамая (1381 г.), и лишь после этого молдавский господарь сумел «перехватить» город из рук нового хана – Тохтамыша.

Но это только возможность; в свете отсутствия данных нарративных источников финал золотоордынского господства в Северо-Западном Причерноморье остается не имеющим точной датировки.

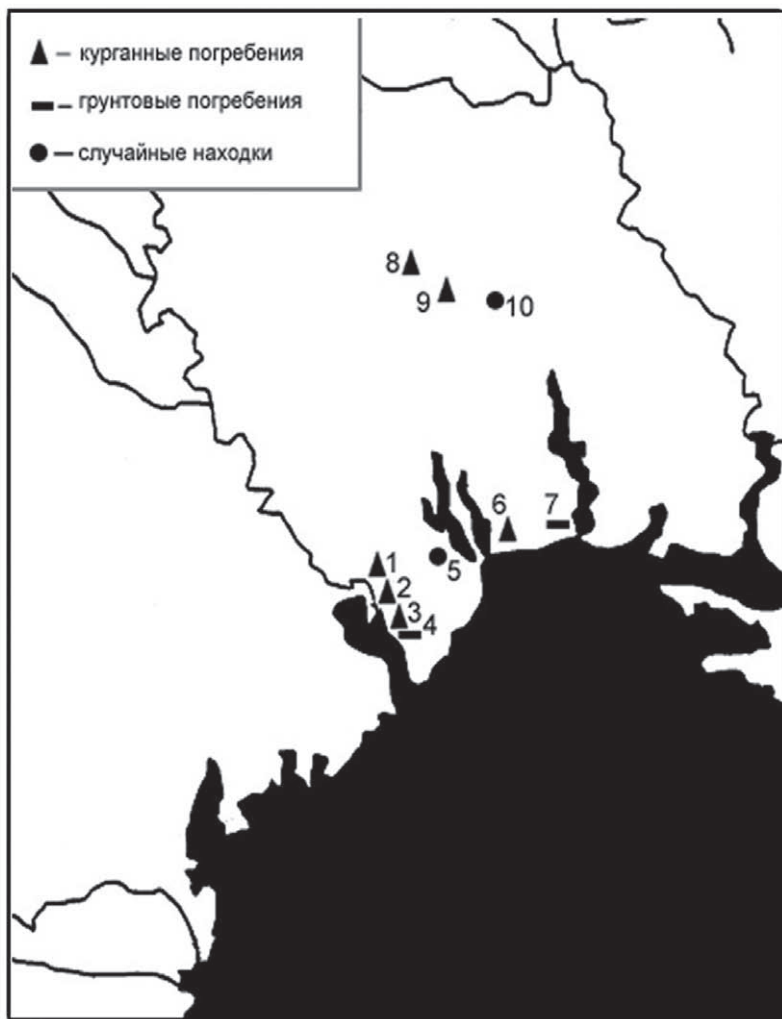

Рис. 1. Скифские погребения и случайные находки вещей скифского типа в степной части Днестро-Бугского междуречья. 1. Маяки; 2. Надлиманское; 3. Ефимовка (Николаевка); 4. Николаевский могильник; 5. Дачное; 6. Вапнярка; 7. Кошары; 8. Настасьевка; 9. Исаево; 10. Новопетровка.

Рис. 2. 1 – общий вид на памятник Жевахова гора; 2 – фрагмент амфоры; 3 – фрагмент кухонного сосуда; 4 – фрагменты чернολаковой керамики; 5 – фрагменты амфорной тары; 6 – разный материал из раскопок на Жеваховой горе. (2-5 – раскопки Е.Ф. Рединой в 2006 г.. 6 – раскопки Э.И. Диаманта в разные годы).

1

2

3

4

5

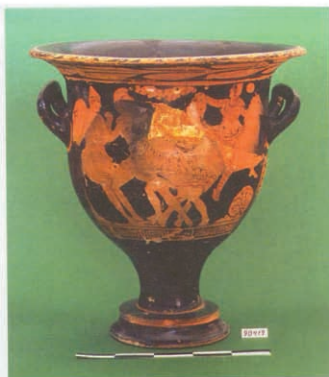

6

Рис. 3. Кошарское городище. 1 – фрагмент застройки поселения (наземное помещение); 2 – фрагмент застройки поселения (подвал дома); 3 – некрополь, подбойная могила; 4 – некрополь, общий вид (на переднем плане кольцевой ровик кургана); 5 – зольник; 6 – фрагмент мраморной надгробной стелы.

1

2

3

Рис. 4. Кошарское городище. 1 – бронзовая ольвийская монета (т. н. «Борисфен»);
2 – чернолаковый афинский кратер; 3 – чернолаковая керамика из погребений.

Заключение

Немногочисленность археологических памятников Днестро-Бугского междуречья (по сравнению с Буджаком) сочетается, тем не менее, с их яркостью и выразительностью, причем это касается практически всех археологических эпох. Пещера Ильинка каменного века, энеолитические грунтовые могильники в окрестностях с. Кошары на Тилигульском лимане, Усатово, эпонимный памятник усатовской культуры, знаменитый Одесский курган, поселение Вороновка II позднебронзового века – все это связано с Днестро-Бугским междуречьем. Отметим и первые масштабные (и плодотворные) полевые исследования курганов на юге России в конце XIX- начале XX века сугрупами И.Я. и Л.П. Стемпковскими, которые были проведены на Левобережье Днестра. Для скифо-античной эпохи достаточно упомянуть поселения и могильники Никоний, Кошары, Николаевка, поселения на Жеваховой горе и на Приморском бульваре в черте г. Одесса.

Даже этого небольшого списка достаточно, чтоб привлечь внимание историков и археологов к данному региону, который был освоен еще в эпоху каменного века (Красковский В.И. 1978, с. 61). Правда, не обнаружено неолитических памятников: объекты этого времени располагались на нижних надпойменных террасах, и в настоящее время затоплены (Островерхов А.С., Сапожников И.В. 1987, с. 12). Древнейшими подкурганными и грунтовыми памятниками являются захоронения энеолитической эпохи, различных культур и культурных групп, датируемые, в целом, V - началом III тыс. до н.э. В конце IV – середине II тыс. до н.э. Днестро-Бугское междуречье населяли кочевые скотоводческисе племена ямной, катакомбной и бабинской культур. С середины II тыс. до н.э., в связи с климатическими изменениями, в регионе возрастает роль земледелия, которое со второй половины того же тысячелетия, во времена обитания здесь племен сабатиновской и белозерской культур, становится доминирующим.

Археологические данные о проживании исторических киммерийцев в районе междуречья немногочисленны (Яровой, Кашуба, Махортых, 2002). Более конкретными становятся сообщения авторов о населении региона в античную эпоху (Herod. IV, 17; IOSPE, I², № 32 Strabo. VII, 3, 17.)

Для позднего средневековья имеются письменные источники, но археологические памятники немногочисленны.

Таким образом, в различные эпохи регион был вовлечен в активные исторические процессы, являясь своеобразным буфером между Буджаком и степной зоной Днепровского Правобережья.

Данная работа не претендует на воспроизведение целостной картины исторического развития Буго-Днестровского междуречья с древнейших времен и до позднего средневековья. Мы попытались осветить в ней лишь часть проблем истории и археологии региона. Имеющаяся к настоящему времени источниковедческая база (археологическая и историческая), позволяет надеяться, что появление полного и комплексного историко-археологического исследования – вопрос не столь отдаленного будущего.

Приложение 1

Литвинова Л.В.

**Антропологический материал
из грунтового могильника Совиньон**

Грунтовый могильник Совиньон был исследован в 2007 году экспедицией Института археологии НАНУ у с. Бурлачья Балка Овидиопольского района Одесской области. Исследовано пять грунтовых погребений, которые датируются серединой 14 в. (Иванова, Субботин, Анохин, 2008).

Определение пола и возраста проводились с учетом особенностей строения черепа, костей верхних и нижних конечностей, а также степени облитерации черепных швов и состояния зубной системы. Возраст у индивидуумов определен, в зависимости от сохранности посткраниального скелета, в различных возрастных интервалах. Определение пола и возраста, а также измерения по остеологической программе проведены по традиционной методике (Алексеев, Дебец, 1964; Ubelaker, 1984). Определения пола и возраста, а также сохранность материала представлены в таблице 1. Индивидуальные измерения костей верхних и нижних конечностей представлены в таблице 2. Ниже приводим подробное описание антропологического материала из пяти погребений.

Погребение 1.

Взяты фрагменты черепа, кости верхних и нижних конечностей подростка. На верхней и нижней челюсти прорезались все зубы, кроме третьего моляра (верхнего и нижнего), у этого зуба сформирована только коронка. На вторых молярах (верхних и нижних) корни сформированы частично.

Размеры длинных трубчатых костей: плечевая – 27,5 см, лучевая – 20,5 см, бедренная – 38,5 см, б. берцовая – 30,0 см.

Возраст 13-15 лет.

Погребение 2.

Взяты крупные фрагменты черепного свода, нижняя челюсть, кости верхних и нижних конечностей, фрагменты костей таза.

Наблюдается значительная посмертная деформация черепного свода, поэтому измерения невозможны. Стенки черепа массивные, однако мышечный рельеф развит умеренно. Лоб прямой, края глазниц несколько заострены. Надбровные дуги менее 1 балла,

наружный затылочный гребень – 1 балл, нижняя челюсть средних размеров, широкая, угол ветви нижней челюсти тупой. Состояние черепных швов: сагиттальный зарос почти полностью, затылочный облитерирован (зарос) в области λ , венечный шов проследить нельзя. Состояние зубной системы: стертость зубов на нижней челюсти 2-3 балла. Диагностируется пародонтоз, зубной камень. Отмечена прижизненная потеря верхнего третьего моляра (справа и слева), в альвеолах отмечен воспалительный процесс, альвеолы не облитерированы.

Длинные трубчатые кости среднемассивные, значительно развит мышечный рельеф на костях нижних конечностей, на костях верхних конечностей рельеф развит умеренно. Индивидуальные измерения костей верхних и нижних конечностей представлены в таблице 2.

Женщина ? (пол определен с некоторой долей сомнения), возраст 35-45 лет.

Погребение 3.

Сохранился мозговой отдел черепа, лицевой отдел разрушен. Кости верхних и нижних конечностей, кости таза. В целом, скелет среднемассивный, хорошо развит рельеф на длинных костях и костях таза. Череп суббрахикранный (черепной указатель – 95,9), лицо широкое (скуловой диаметр – 150,0), глубина клыковой ямки небольшая – 2,0 мм, что свидетельствует об уплощении лица на среднем уровне. Лоб прямой, края глазниц закруглены, надбровные дуги – 1 балл, сосцевидный отросток – 2 балла, наружный затылочный бугор – 1 балл, мышечный рельеф сглажен. Все черепные швы заросли с внутренней стороны, с внешней стороны наблюдается полная облитерация венечного и сагиттального шва, затылочный шов зарос в области λ . Наблюдается прижизненная потеря многих зубов на верхней и нижней челюсти с последующей атрофией альвеол, стертость зубов 3-4 балла.

Длинные трубчатые кости среднемассивные, значительно развит мышечный рельеф. Индивидуальные измерения костей верхних и нижних конечностей представлены в таблице 2.

Женщина ? (пол определен с некоторой долей сомнения), возраст 45-55 лет.

Погребение 4.

Взяты фрагменты черепа, кости верхних и нижних конечностей, крупные фрагменты костей таза. Скелет, в целом, грацильный, мышечный рельеф сглажен.

Частично сохранилась верхняя и нижняя челюсть, фрагмент скуловой кости, реставрация черепа невозможна. Череп небольших размеров: надбровные дуги сглажены, лоб прямой, края глазниц заострены, сосцевидный отросток – 1 балл, наружный затылочный бугор – 0 баллов, нижняя челюсть небольших размеров, неширокая, угол ветви нижней челюсти тупой. Состояние черепных швов: все черепные швы открыты, края черепных швов острые. Состояние зубной системы: стертость зубов минимальная – 1 балл, на вторых и третьих молярах (верхних и нижних) отсутствуют следы стертости. Диагностируется пародонтоз. Визуально, глубина клыковой ямки неглубокая. Лицевой отдел отсутствует. Определение морфологического типа затруднено из-за отсутствия важнейших диагностирующих признаков.

Длинные трубчатые кости грацильные, мышечный рельеф сглажен. Индивидуальные измерения костей верхних и нижних конечностей представлены в таблице 2.

Женщина, возраст 25-30 лет.

Погребение 5.

Сохранились фрагменты черепа, кости верхних и нижних конечностей, кости таза.

Скелет, в целом, среднемаассивный, мышечный рельеф развит значительно. Отмечена посмертная деформация черепного свода. Череп характеризуется брахикранией, черепной указатель 84.1. Лицевой отдел сохранился частично, нос широкий (ширина носа – 27.0). Глубина клыковой ямки значительная – 5.0 мм. Череп среднемаассивный: надбровные дуги более 1 балла, края глазниц закруглены, сосцевидные отростки – 3 балла, наружный затылочный бугор – 2 балла. Нижняя челюсть широкая, угол ветви прямой, хорошо развит подбородочный выступ. Состояние черепных швов: венечный облитерирован (зарос) с внутренней стороны, венечный зарос в области вьегта, венечный и затылочный шов уплотнены. Стертость зубов минимальная от 1 до 3 баллов. На третьих молярах верхних и нижних следы стертости минимальные. Отмечен пародонтоз, зубной камень. Зубы небольших размеров.

Определить морфологический тип данного индивидуума не представляется возможным из-за отсутствия диагностических признаков.

Длинные трубчатые кости среднемаассивные, значительно развит мышечный рельеф. Индивидуальные измерения костей верхних и нижних конечностей представлены в таблице 2.

Мужчина, возраст 30-35 лет.

Плохая сохранность антропологического материала из грунтового могильника Совиньон не позволяет определить морфологический тип, к которому принадлежат черепа из этой серии и провести сравнительный анализ с помощью статистических методов. Однако, учитывая те измерения, которые удалось взять на черепах, можно сделать некоторые выводы. Мужской череп (погребение 5) характеризуется брахикранией (черепной указатель равен 84.1) и широким носом (ширина носа – 27.0 мм). Женский череп (погребение 3) суббрахикранный (черепной указатель равен 95.9), лицо очень широкое (скуловой диаметр составляет 150.0 мм), глубина клыковой ямки незначительная – 2.0 мм, что свидетельствует о некоей уплощенности лица на среднем уровне. На втором женском черепе (погребение 4), визуально, клыковая ямка неглубокая. В целом, черепа из грунтового могильника Совиньон характеризуются большими размерами мозговой коробки, брахикранией, широким и несколько уплощенным лицом. Уплощение лицевого отдела удалось проследить из-за плохой сохранности материала только на среднем уровне. Признаки, разграничивающие европеоидов и монголоидов, горизонтальная и вертикальная профилировка лица, выступание переносья и носовых костей отсутствуют, поэтому определение морфологического типа в серии Совиньон затруднено.

Три основные группы кочевников, обитавшие в степи: печенеги, половцы и торки очень слабо изучены и зачастую этнически не определены. Кочевники характеризуются неоднородным составом и большой долей монголоидных признаков. Они отличаются крупными размерами черепного свода и лица, высокими орбитами и лицом, ослабленной горизонтальной профилировкой лица, что свидетельствует о его уплощенности (Дебец, 1948; Шевченко, 1980; Круц, 2003).

Таблица 1

Антропологический материал из грунтового могильника Совиньон

№ п/п	№ Погребения	Пол	Возраст	Сохранность материала
1	Погребение 1	Подросток	13-15 лет	Фрагменты черепа, кости нижних конечностей
2	Погребение 2	Женщина ?	35-45 лет	Крупные фрагменты черепа, кости верхних и нижних конечностей
3	Погребение 3	Женщина ?	45-55 лет	Фрагменты черепа, кости верхних и нижних конечностей, кости таза
4	Погребение 4	Женщина	25-30 лет	Фрагменты черепа, кости верхних и нижних конечностей, фрагменты костей таза
5	Погребение 5	Мужчина	30-35 лет	Фрагменты черепа, кости верхних и нижних конечностей

Таблица 2

Индивидуальные измерения костей посткраниального скелета из грунтового могильника Совиньон

Признаки по Мартину	П. 2 Ж ? 35-45	П. 2 Ж ? 35-45	П. 3 Ж ? 45-55	П. 3 Ж ? 45-55	П. 4 Ж 25-30
Плечевая кость	Правая	Левая	Правая	Левая	Правая
1. Наибольшая длина	299.0	-	-	-	310.0
2. Вся длина	292.0	-	-	-	305.0
3. Верхняя эпифизарная ширина	43.0	-	-	-	46.0
4. Нижняя эпифизарная ширина	57.0	-	-	-	-
5. Наибольший диаметр середины диафиза	21.0	-	-	-	20.0
6. Наименьший диаметр середины диафиза	17.0	-	-	-	15.0
7. Наименьшая окружность середины диафиза	60.0	-	-	-	54.0
7а. Окружность середины диафиза	63.0	-	-	-	57.0
Лучевая кость	Правая	Левая	Правая	Левая	Правая
1. Наибольшая длина	225.0	-	-	-	235.0
2. Физиологическая длина	212.0	-	-	-	226.0
4. Поперечный диаметр диафиза	15.0	-	-	-	15.0
5. Сагиттальный диаметр диафиза	13.0	-	-	-	10.0
3. Наименьшая окружность диафиза	41.0	-	-	-	39.0
Локтевая кость	Правая	Левая	Правая	Левая	Правая
1. Наибольшая длина	-	-	-	256.0	-
2. Физиологическая длина	-	-	-	222.0	-

Признаки по Мартину	П. 2 Ж ? 35-45	П. 2 Ж ? 35-45	П. 3 Ж ? 45-55	П. 3 Ж ? 45-55	П. 4 Ж 25-30
11. Передне-задний диаметр	-	-	-	16.0	-
12. Поперечный диаметр	-	-	-	13.0	-
13. Верхний поперечный диаметр	-	-	-	28.0	-
14. Верхний сагиттальный диаметр	-	-	-	22.0	-
3. Наименьшая окружность диафиза	-	-	-	38.0	-
Бедренная кость	Правая	Левая	Правая	Левая	Правая
1. Наибольшая длина	414.0	449.0	418.0	418.0	428.0
2. Длина в естественном положении	412.0	444.0	414.0	414.0	424.0
21. Мышечковая ширина	76.0	75.0	79.0	78.0	73.0
6. Сагиттальный диаметр	28.0	28.0	28.0	26.0	23.0
7. Поперечный диаметр середины диафиза	28.0	24.0	26.0	26.0	25.0
9. Верхний поперечный диаметр диафиза	30.0	25.0	33.0	33.0	31.0
10. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	26.0	26.0	27.0	29.0	21.0
8. Окружность середины диафиза	89.0	83.0	81.0	82.0	80.0
Большая берцовая кость	Правая	Левая	Правая	Левая	Правая
1. Полная длина	339.0	-	353.0	354.0	350.0
1а. Наибольшая длина	336.0	-	345.0	348.0	346.0
5. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	72.0	73.0	73.0	73.0	67.0
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	-	49.0	49.0	51.0	46.0
8. Сагиттальный диаметр на уровне середины диафиза	26.0	28.0	24.0	27.0	23.0
8а. Сагиттальный диаметр на уровне for. ment.	29.0	32.0	28.0	30.0	27.0
9. Поперечный диаметр на уровне середины диафиза	20.0	20.0	21.0	21.0	18.0
9а. Поперечный диаметр на уровне for. ment.	23.0	25.0	22.0	22.0	20.0
10. Окружность на уровне середины диафиза	79.0	79.0	75.0	74.0	71.0
10в. Наименьшая окружность диафиза	70.0	70.0	68.0	70.0	65.0
Малая берцовая кость	Правая	Левая	Правая	Левая	Правая
1. Наибольшая длина	-	-	344.0	-	334.0

Продолжение таблицы 2

Индивидуальные измерения костей посткраниального скелета из грунтового могильника Совиньон

Признаки по Мартину	П. 4 Ж 25-30	П. 5 М 30-35	П. 5 М 30-35
Плечевая кость	Левая	Правая	Левая
1. Наибольшая длина	306.0	329.0	324.0
2. Вся длина	302.0	325.0	320.0

Признаки по Мартину	П. 4 Ж 25-30	П. 5 М 30-35	П. 5 М 30-35
3. Верхняя эпифизарная ширина	45.0	49.0	48.0
4. Нижняя эпифизарная ширина	55.0	62.0	64.0
5. Наибольший диаметр середины диафиза	18.0	23.0	24.0
6. Наименьший диаметр середины диафиза	15.0	20.0	21.0
7. Наименьшая окружность середины диафиза	54.0	67.0	67.0
7а. Окружность середины диафиза	56.0	70.0	71.0
Лучевая кость	Левая	Правая	Левая
1. Наибольшая длина	235.0	-	248.0
2. Физиологическая длина	226.0	-	235.0
4. Поперечный диаметр диафиза	15.0	-	18.0
5. Сагиттальный диаметр диафиза	10.0	-	14.0
3. Наименьшая окружность диафиза	39.0	-	46.0
Локтевая кость	Левая	Правая	Левая
1. Наибольшая длина	-	-	-
2. Физиологическая длина	-	-	-
11. Передне-задний диаметр	-	-	-
12. Поперечный диаметр	-	-	-
13. Верхний поперечный диаметр	-	-	-
14. Верхний сагиттальный диаметр	-	-	-
3. Наименьшая окружность диафиза	-	-	-
Бедренная кость	Левая	Правая	Левая
1. Наибольшая длина	428.0	-	442.0
2. Длина в естественном положении	425.0	-	438.0
21. Мышелковная ширина	73.0	-	79.0
6. Сагиттальный диаметр	24.0	-	28.0
7. Поперечный диаметр середины диафиза	25.0	-	29.0
9. Верхний поперечный диаметр диафиза	30.0	-	33.0
10. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	23.0	-	28.0
8. Окружность середины диафиза	78.0	-	90.0
Большая берцовая кость	Левая	Правая	Левая
1. Полная длина	349.0	366.0	361.0
1а. Наибольшая длина	345.0	363.0	356.0
5. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	66.0	74.0	71.0
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	47.0	53.0	-
8. Сагиттальный диаметр на уровне середины диафиза	25.0	28.0	30.0
8а. Сагиттальный диаметр на уровне for. ment.	29.0	33.0	33.0
9. Поперечный диаметр на уровне середины диафиза	17.0	22.0	20.0
9а. Поперечный диаметр на уровне for. ment.	20.0	24.0	23.0
10. Окружность на уровне середины диафиза	71.0	83.0	80.0
10в. Наименьшая окружность диафиза	65.0	77.0	74.0
Малая берцовая кость	Левая	Правая	Левая
1. Наибольшая длина	-	-	-

Приложение 2

Литвинова Л.В.

**Антропологический материал
из курганного могильника у с. Вапнярка**

Антропологический материал был получен при исследовании курганного могильника у с. Вапнярка Коминтерновского района Одесской области. В кургане 2 исследовано 4 погребения (погребение 2 - парное), три из них относятся к скифской культуре (погребения 2, 3 и 4) и одно погребение (погребение 1) – неопределенное. В кургане 4 исследовано 20 погребений (одно погребение парное), костный материал получен из 18 погребений, относящихся к различным периодам: энеолит или раннеямное время (погребение 4), ямная культура (погребения 14, 16, 18), катакомбная культура (погребения 1, 3, 13), КМК (погребения 2, 5, 6, 10, 12, 17.), скифская культура (погребение 11).

Сохранность антропологического материала плохая, поэтому определение пола и возраста, измерение антропологического материала в ряде случаев вызывает затруднение.

Антропологический материал из курганного могильника у с. Вапнярка исследован по краниологической, остеологической программам. Для каждого из этих исследований важное значение имеют поло-возрастные определения, проведенные с учетом особенностей строения черепа, костей таза, верхних и нижних конечностей, состояния черепных швов и зубной системы, а также измерительные данные (Никитюк, 1960; Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Ubelaker, 1984).

Измерения антропологического материала проведены по традиционной методике Р. Мартина, Г.Ф. Дебеца и В.П. Алексеева (Martin, Saller, 1959; Алексеев, Дебец, 1964).

Методы определения биологического возраста индивидуума достаточно объективные и позволяют его фиксировать с точностью до 1-2 месяцев или 1-2 лет в детском возрасте и 5-10 лет во взрослом состоянии. Однако, учитывая плохую сохранность костного материала возраст индивидуумов в некоторых случаях определен в широком интервале: *infantilis-I* (до 6-7 лет), *infantilis-II* (до 12-13 лет), *juvenis* (до 17-18 лет), *adultus* (до 30-35 лет), *maturus* (до 50-55 лет), *senilis* (от 55 лет и старше).

Поло-возрастные определения, а также данные о количестве и сохранности антропологического материала представлены в таблице 1. Индивидуальные измерения мужских и женских черепов по краниологической программе приведены в таблице 2, индивидуальные измерения костей верхних и нижних конечностей представлены в таблице 3.

Курган 2 погребение 1 (парное).

Скелет 1. Сохранился черепной свод, частично сохранились кости лицевого отдела, а также кости нижних конечностей.

Череп, в целом, средних размеров с хорошо развитым мышечным рельефом. Надбровные дуги 2 балла, сосцевидный отросток – 2 балла, наружный затылочный гребень – 0 бал, нижняя челюсть средних размеров, угол ветви тупой. Состояние черепных швов: все черепные швы открыты, с внутренней стороны черепа частично уплотнены венечный, сагиттальный и затылочный швы. Стертость зубов минимальная и составляет 1-2 балла. На третьем коренном зубе (верхнем и нижнем) отсутствуют следы стертости, эти зубы прорезались еще не полностью. Череп частично измерен по краниологической программе, индивидуальные измерения приведены в таблице 2.

Кости нижних конечностей длинные, грацильные, мышечный рельеф развит умеренно. Эпифизы срослись не полностью. Измерения длинных костей представлены в таблице 3.

Скелет принадлежал женщине, возраст – не более 25 лет.

Скелет 2. Взяты крупные фрагменты черепа, лицевой отдел сохранился частично, а также кости верхних и нижних конечностей: плечевая (правая и левая), фрагменты локтевой и лучевой кости, берцовая кость (правая и левая), большая берцовая кость (правая).

Череп, в целом, массивный, значительно развит мышечный рельеф. Лоб покатый, края глазниц закруглены, надбровные дуги массивные – более 2 баллов, сосцевидный отросток – около 3 баллов, наружный затылочный гребень 3 балла. Нижняя челюсть массивная, широкая, угол ветви прямой, хорошо развиты места прикрепления мышц. Прослеживается частичная облитерация черепных швов: венечный зарос в области bregma, сагиттальный шов зарос полностью, затылочный шов облитерирован частично. Стертость зубов от 1 до 3 баллов. На третьих коренных зубах (верхнем и нижнем) стерты только бугорки. Диагностируется парадонтоз. Измерения на черепе невозможны.

Длинные трубчатые кости массивные, значительно развит мышечный рельеф. Прослеживаются незначительные деструктивные

изменения на краях суставных площадок (края эпифизов „заострены”), возможно, связанные с физическими нагрузками. Кости верхних и нижних конечностей частично измерены, индивидуальные измерения приведены в таблице 3.

Кости посткраниального скелета принадлежали мужчине, возраст определен в широком интервале 35-45 лет.

Курган 2 погребение 2.

Сохранились обломки нижней челюсти и крупные фрагменты костей верхних и нижних конечностей.

Нижняя челюсть, в целом, небольших размеров, однако значительно развит подбородочный выступ, угол ветви нижней челюсти прямой. Стертость зубов незначительная 1-2 балла. Обнаружен парадонтоз и зубной камень. Измерения на нижней челюсти невозможны.

Длинные трубчатые кости среднемассивные, значительно развит мышечный рельеф. Наблюдаются деструктивные изменения на краях эпифизов. На правой лучевой кости обнаружены следы неправильно сросшегося перелома. В результате перелома правая лучевая кость меньше левой. Длинные трубчатые кости частично измерены, индивидуальные данные приведены в таблице 3.

Мужчина, возраст определен в широком интервале – adultus (возмужалый).

Курган 2 погребение 3.

Сохранились крупные фрагменты черепа и костей верхних и нижних конечностей ребенка.

Прослежена смена зубов: на верхней и нижней челюсти прорезались первые резцы и первые моляры, на втором моляре (верхнем и нижнем) сформирована коронка и шейка, зуб прорезается.

Размеры длинных костей: плечевая – 19.5 см, бедренная – 28.0 см, б.берцовая – 22.5 см.

Возраст ребенка 8-9 лет.

Курган 2 погребение 4.

Сохранились мелкие фрагменты черепного свода, обломки нижней челюсти. Все молочные зубы прорезались. Размеры длинных костей: плечевая – 14.0 см, бедренная – 17.5 см, большая берцовая – 14.5 см. Возраст ребенка – 2-3 года.

Курган 4 погребение 1.

Сохранились мелкие фрагменты черепного свода, обломки нижней челюсти, зубы (резец, клык, моляры). На зубах сформирована только коронка. Возраст ребенка 5-6 месяцев.

Курган 4 погребение 2 (парное).

Скелет 1. Сохранились незначительные фрагменты черепного свода, обломки верхней и нижней челюсти. Череп, в общем, небольших размеров, грацильный, мышечный рельеф сглажен. Лоб прямой, широкий, края глазниц заострены. Надбровные дуги менее 1 балла, сосцевидный отросток 1 балл, Нижняя челюсть небольших размеров, неширокая, угол ветви тупой, зубы небольших размеров. Прослежено состояние только затылочного шва: не зарос, не уплотнен, края острые. Состояние венечного и сагиттального швов проследить нельзя. Стертость зубов минимальная – 1 балл. Измерения невозможны.

Женщина, возраст 25-30 лет.

Скелет 2. Сохранились мелкие фрагменты черепного свода, обломки нижней челюсти ребенка. Все молочные зубы прорезались. На постоянном первом моляре сформирована только коронка. Возраст 3-4 года.

Курган 4 погребение 3.

Фрагменты черепа, кости верхних конечностей. Состояние зубной системы в полном объеме проследить нельзя. Молочный нижний второй моляр еще находится в альвеоле, первый и второй постоянные моляры прорезались, у примоляра и моляров корень зуба сформирован не полностью, у резцов корень зуба не сформирован.

На плечевой кости верхний эпифиз не прирос, нижний прирос частично, длина плечевой кости – 26.5 см.

Подросток, возраст 12-14 лет.

Курган 4 погребение 4.

Сохранились незначительные обломки черепа, фрагменты костей верхних и нижних конечностей. Скелет, в целом, среднемаассивный, мышечный рельеф развит умеренно.

Череп среднемаассивный, мышечный рельеф развит умеренно, края глазниц заострены, сосцевидные отростки 1 балл, наружный затылочный гребень – 1 балл, нижняя челюсть средних размеров, угол ветви тупой, стертость зубов минимальная – 1 балл.

Длинные трубчатые кости среднемаассивные, мышечный рельеф сглажен. Индивидуальные измерения костей верхних и нижних конечностей представлены в таблице 3.

Женщина, возраст 25-30 лет.

Курган 4 погребение 5.

Сохранились очень мелкие обломки верхней и нижней челюсти. Зубы средних размеров, стертость зубов 2-3 балла. Пол определить невозможно, возраст – adultus.

Курган 4 погребение 6.

Взяты мелкие фрагменты черепа, кости нижних конечностей (эпифизы разрушены). Череп, в общем, массивный, мышечный рельеф развит значительно. Лоб покатый, надбровные дуги более 2 баллов, сосцевидный отросток около 3 баллов, наружный затылочный гребень более 2 баллов. Имеет клювовидную форму. Затылочный шов зарос с внутренней стороны, состояние венечного и сагитального швов проследить нельзя. Зубы не сохранились.

Длинные трубчатые кости массивные, мышечный рельеф развит значительно. Частично измерена правая бедренная кость (Таблица 3).

Скелет принадлежал мужчине, возраст определен в широком интервале – *maturus* (зрелый).

Курган 4 погребение 7.

Сохранились мелкие фрагменты черепного свода, обломок нижней челюсти. Череп, в целом, массивный, мышечный рельеф развит значительно, сосцевидный отросток около 3 баллов. Нижняя челюсть широкая, угол ветви нижней челюсти прямой, наружный затылочный гребень более 2 баллов, имеет клювовидную форму. Состояние черепных швов проследить невозможно. Сохранились два верхних резца (первый и второй), зубы среднемассивные, корни длинные, стертость первого резца – 4 балла, второго – 3 балла.

Мужчина, возраст определен в широком интервале – *adultus-maturus* (возмужалый-зрелый).

Курган 4 погребение 10.

Взяты очень мелкие обломки черепа и незначительные фрагменты костей верхних и нижних конечностей подростка. Измерения невозможны. На зубах следы стертости отсутствуют, зубы крупные. На втором нижнем моляре корни сформированы не полностью, на третьем нижнем моляре сформирована только коронка. Состояние зубной системы позволяет определить возраст в интервале 12-15 лет.

Курган 4 погребение 11.

Сохранились фрагменты черепного свода, верхней и нижней челюсти, кости верхних и нижних конечностей. Череп среднемассивный, визуально, долихокраний. Надбровные дуги менее 1 балла, лоб прямой, края глазниц заострены, сосцевидные отростки более 2 баллов, мышечный рельеф на черепе развит умеренно, тело нижней челюсти неширокое. Состояние черепных швов: не уплотнены, края острые. Зубы среднемассивные, корни длинные. Стертость зубов неравномерная от 1 до 3 баллов. На третьем коренном зубе (верхнем

и нижнем) отсутствуют следы стертости. Обнаружен зубной камень. Измерения на черепе невозможны.

Длинные трубчатые кости грацильные, мышечный рельеф сглажен. Видны следы сращения эпифизов. Индивидуальные измерения костей верхних и нижних конечностей представлены в таблице 3.

Женщина, возраст не более 25 лет.

Курган 4 погребение 12.

Взяты мелкие фрагменты костей верхних и нижних конечностей. Измерения невозможны. Длинные трубчатые кости среднемаассивные, мышечный рельеф развит умеренно.

Женщина ? (пол определен с некоторой долей сомнения), возраст – *adultus-maturus* (возмужалый-зрелый).

Курган 4 погребение 13.

Череп целый, кости верхних и нижних конечностей. Череп массивный, больших размеров, значительно развиты места прикрепления мышц. Сильно развито надпереносье – 6 баллов, надбровные дуги более 2 баллов, наружный затылочный бугор 4 балла, сосцевидный отросток – 3 балла, переднее-носовая кость – 4 балла. На черепе прослежена деформация лицевого отдела из-за прижизненной потери всех зубов (кроме первого моляра на верхней челюсти и двух зубов на нижней). В результате потери зубов наблюдается атрофия альвеол со следами воспалительного процесса. Состояние черепных швов: венечный облитерирован (зарос) у висков, уплотнен и с внутренней стороны зарос. Сагиттальный шов уплотнен и частично облитерирован, с внутренней стороны зарос полностью. Затылочный шов уплотнен и зарос только с внутренней стороны. Обнаружен зубной камень. Индивидуальные измерения по краниологической программе приведены в таблице 2.

Длинные трубчатые кости массивные, значительно развит мышечный рельеф. Края суставных площадок деформированы, прослеживаются костные разрастания, отмечена деформация головки бедренной кости. Индивидуальные измерения костей верхних и нижних конечностей представлены в таблице 3.

Мужчина, возраст 35-40 лет.

Курган 4 погребение 14.

Сохранились очень мелкие фрагменты черепного свода, нижней челюсти и зубы ребенка. Состояние зубной системы прослежено частично. Еще не выпал второй молочный моляр. У первого постоянного моляра (верхнего и нижнего) и примоляра корень сформирован не полностью, у второго моляра (верхнего и нижнего) сформирована только коронка. Возраст 12-13 лет.

Курган 4 погребение 16.

Взяты крупные фрагменты черепного свода, обломки верхней и нижней челюсти, а также левая плечевая кость. Измерения на черепе невозможны, визуально, череп долихокранный. Череп, в целом, массивный, значительно развиты места прикрепления мышц, надбровные дуги более 2 баллов, надпереносье 5 баллов. Лоб наклонный, края глазниц закруглены. Нижняя челюсть массивная, угол ветви прямой, значительно развит подбородочный выступ. Состояние черепных швов: полная облитерация венечного и сагиттального, частичная затылочного, а с внутренней стороны зарос полностью. Отмечена прижизненная потеря части зубов на верхней и нижней челюсти. Стертость зубов значительная 4-5 баллов, отмечен пародонтоз. Частично измерена нижняя челюсть (Таблица 2).

На плечевой кости разрушен верхний эпифиз, кость измерена частично (таблица 3).

Мужчина, возраст 50-55 лет.

Курган 4 погребение 18.

Сохранились незначительные фрагменты длинных трубчатых костей, костей таза ребенка. Учитывая размеры костей, возраст определен в интервале второго детства – *infantilis-II*.

Таблица 1

**Антропологический материал из курганного
могильника Вапнярка**

№ п/п	№ Кургана № погребения	Пол	Возраст	Сохранность материала
1	К. 2 п. 1 ск.1	Женщина	До 25 лет	Фрагменты черепа, кости нижних конечностей
2	К. 2 п. 1 ск.2	Мужчина	35-45 лет	Фрагменты черепа, кости верхних и нижних конечностей
3	К. 2 п. 2	Мужчина	Adultus	Обломки нижней челюсти, фрагменты костей верхних и нижних конечностей
4	К. 2 п. 3	Ребенок	8-9 лет	Крупные фрагменты черепа, кости верхних и нижних конечностей
5	К. 2 п. 4	Ребенок	2-3 года	Мелкие обломки черепа, длинные кости
6	К. 4 п. 1	Ребенок	5-6 мес.	Очень мелкие обломки черепа
7	К. 4 п. 2 с. 1	Женщина	25-30 лет	Фрагменты черепа
8	К. 4 п. 2 с. 2	Ребенок	3-4 года	Обломки черепа
9	К. 4 п. 3	Подросток	12-14 лет	Фрагменты черепа, кости верхних конечностей
10	К. 4 п. 4	Женщина	25-30 лет	Обломки черепа, кости верхних и нижних конечностей
11	К. 4 п. 5	Не опред.	Adultus	Мелкие обломки верхней и нижней челюсти
12	К. 4 п. 6	Мужчина	Maturus	Фрагменты черепа, кости нижних конечностей
13	К. 4 п. 7	Мужчина	Adultus-Maturus	Фрагменты черепа
14	К. 4 п. 10	Подросток	12-15 лет	Обломки черепа, фрагменты костей верхних и нижних конечностей
15	К. 4 п. 11	Женщина	До 25 лет	Фрагменты черепа, кости верхних и нижних конечностей
16	К. 4 п. 12	Женщина	Adultus-Maturus	Кости верхних и нижних конечностей
17	К. 4 п. 13	Мужчина	35-40 лет	Целый череп, кости верхних и нижних конечностей
18	К. 4 п. 14	Ребенок	12-13 лет	Фрагменты черепа
19	К. 4 п. 16	Мужчина	50-55 лет	Крупные фрагменты черепа, плечевая кость
20	К. 4 п. 18	Ребенок	Infantilis-II	Фрагменты костей верхних и нижних конечностей и костей таза

Таблица 2

**Индивидуальные измерения черепов из курганного
могильника у с. Вапнярка**

№ п/п	Признаки по Мартину и др.	К. 2 п. 1 с. 1 Ж До 25	К. 4 п. 13 М 35-40	К. 4 П. 16 М 50-55
1	1. Продольный диаметр	185.0	180.0	-
2	8. Поперечный диаметр	135.0	146.0	-
3	8:1. Черепной указатель	72.9	81.1	-
4	17. Высотный диаметр (basion-bregma)	131.0	136.0	-
5	17:1. Высотно-продольный указатель (basion)	70.8	75.5	-
6	17:8. Высотно-поперечный указатель (basion)	97.0	93.1	-
7	5. Длина основания черепа	110.0	104.0	-
8	9. Наименьшая ширина лба	90.0	93.0	-
9	9:8. Лобно-поперечный указатель	66.6	63.6	-
10	10. Наибольшая ширина лба	109.0	112.0	-
11	9:10. Широтный лобный указатель	82.5	83.0	-
12	29. Лобная хорда	106.0	106.0	-
13	30. Теменная хорда	108.0	114.0	-
14	31. Затылочная хорда	97.0	91.0	-
15	23а. Горизонтальная окружность (ophryon)	333.0	337.0	-
16	24. Поперечная дуга (por-br-por)	302.0	316.0	-
17	25. Сагиттальная дуга	313.0	370.0	-
18	26. Лобная дуга	106.0	120.0	-
19	27. Теменная дуга	110.0	133.0	-
20	28. Затылочная дуга	97.0	117.0	-
21	7. Длина затылочного отверстия	36.0	36.0	-
22	16. Ширина затылочного отверстия	31.0	32.0	-
23	11. Ушная ширина	121.0	140.0	-
24	12. Ширина затылка	109.0	122.0	-
25	40. Длина основания лица	-	-	-
26	43. Верхняя ширина лица	-	108.0	-
27	45. Скуловой диаметр	-	143.0	-
28	46. Средняя ширина лица	-	103.0	-
29	48. Верхняя высота лица	-	-	-
30	48:45. Верхний лицевой указатель	-	-	-
31	48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	-	-	-
32	45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	-	97.9	-
33	9:45. Лобно-скуловой указатель	-	65.0	-
34	60. Длина альвеолярной дуги	50.0	-	-
35	61. Ширина альвеолярной дуги	67.0	-	-
36	62. Длина неба	47.0	-	-
37	63. Ширина неба	42.0	-	-
38	55. Высота носа	-	47.0	-
39	54. Ширина носа	24.0	26.0	-
40	54:55. Носовой указатель	-	55.3	-
41	51. Ширина орбиты (maxillofrontale)	-	42.0	-
42	51а. Ширина орбиты (dacryon)	-	40.0	-
43	52. Высота орбиты	-	30.0	-
44	52:51. Орбитный указатель (maxillofrontale)	-	71.4	-

№ п/п	Признаки по Мартину и др.	К. 2 п. 1 с. 1 Ж До 25	К. 4 п. 13 М 35-40	К. 4 П. 16 М 50-55
45	MC. Максиллофронтальная ширина	-	21.0	-
46	MS. Максиллофронтальная высота	-	10.0	-
47	MS:MC. Максиллофронтальный указатель	-	47.6	-
48	SC. Симотическая ширина	-	9.5	-
49	SS. Симотическая высота	-	4.5	-
50	SS:SC. Симотический указатель	-	47.4	-
51	DC. Дакриальная ширина	-	23.0	-
52	DS. Дакриальная высота	-	21.0	-
53	DS:DC. Дакриальный указатель	-	91.3	-
54	32. Угол профиля лба (nasion)	-	-	-
55	g-m. Угол профиля лба (glabella)	-	-	-
56	43(1). Биорбитальная хорда	-	98.0	-
57	sub.n(43)1). Высота nas. над биорбитальной хордой	-	19.0	-
58	77. Назомалярный угол	-	137.0	-
59	zm-zm. Зигомаксиллярная хорда	-	102.0	-
60	sub.ss/zm-zm. Высота ss над зигомаксиллярной хордой	-	28.0	-
61	zm. Зигомаксиллярный угол	-	122.0	-
62	FC. Глубина клыковой ямки	-	4.0	-
63	65. Мышелковая ширина нижней челюсти	106.0	133.0	-
64	66. Угловая ширина нижней челюсти	99.0	117.0	-
65	71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	33.0	37.0	35.0
66	67. Передняя ширина нижней челюсти	46.0	52.0	47.0
67	69. Высота симфиза нижней челюсти	26.0	29.0	33.0
68	69(1). Высота тела нижней челюсти	27.0	28.0	-
69	69(3). Толщина тела нижней челюсти	14.0	15.0	14.0
70	69(3):69(1). Указатель толщины тела нижней челюсти	41.3	53.5	-
71	C. Угол выступания подбородка	-	-	-
72	Надпереносье (по Мартину 1-6)	-	6	5
73	Надбровные дуги (1-3)	2	2	2
74	Наружный затылочный бугор (по Брока 0-5)	0	4	-
75	Сосцевидный отросток (1-3)	2	3	-
76	Передне-носовая ось (по Брока 1-5)	-	4	-

Таблица 3

Индивидуальные измерения костей посткраниального скелета из курганного могильника Вапнярка

Признаки по Мартину	К.2 п.1 с.1 Ж До 25	К.2 п.1 с.1 Ж До 25	К.2 п.1 с.2 М Ad.- mat.	К.2 п.1 с.2 М Ad.-mat.	К.2 п.2 М Ad.
Плечевая кость	Правая	Левая	Правая	Левая	Правая
1. Наибольшая длина	-	-	328.0	-	-
2. Вся длина	-	-	325.0	-	-
3. Верхняя эпифизарная ширина	-	-	50.0	-	-

Признаки по Мартину	К.2 п.1 с.1 Ж До 25	К.2 п.1 с.1 Ж До 25	К.2 п.1 с.2 М Ad.- mat.	К.2 п.1 с.2 М Ad.-mat.	К.2 п.2 М Ad.
4. Нижняя эпифизарная ширина	-	-	65.0	66.0	68.0
5. Наибольший диаметр середины диафиза	-	-	27.0	26.0	22.0
6. Наименьший диаметр середины диафиза	-	-	21.0	21.0	19.0
7. Наименьшая окружность середины диафиза	-	-	74.0	73.0	68.0
7а. Окружность середины диафиза	-	-	80.0	78.0	71.0
Лучевая кость	Правая	Левая	Правая	Левая	Правая
1. Наибольшая длина	-	-	-	-	257.0
2. Физиологическая длина	-	-	-	-	250.0
4. Поперечный диаметр диафиза	-	-	-	-	19.0
5. Сагиттальный диаметр диафиза	-	-	-	-	14.0
3. Наименьшая окружность диафиза	-	-	-	-	49.0
Локтевая кость	Правая	Левая	Правая	Левая	Правая
1. Наибольшая длина	-	-	-	-	-
2. Физиологическая длина	-	-	-	-	-
11. Передне-задний диаметр	-	-	-	-	-
12. Поперечный диаметр	-	-	-	-	-
13. Верхний поперечный диаметр	-	-	-	-	-
14. Верхний сагиттальный диаметр	-	-	-	-	-
3. Наименьшая окружность диафиза	-	-	-	-	-
Бедренная кость	Правая	Левая	Правая	Левая	Правая
1. Наибольшая длина	451.0	449.0	471.0	-	-
2. Длина в естественном положении	446.0	444.0	466.0	-	-
21. Мышечковая ширина	75.0	75.0	83.0	-	84.0
6. Сагиттальный диаметр	28.0	28.0	33.0	33.0	28.0
7. Поперечный диаметр середины диафиза	24.0	24.0	29.0	29.0	27.0
9. Верхний поперечный диаметр диафиза	26.0	25.0	35.0	35.0	36.0
10. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	26.0	26.0	28.0	30.0	29.0
8. Окружность середины диафиза	83.0	83.0	100.0	100.0	89.0
Большая берцовая кость	Правая	Левая	Правая	Левая	Правая
1. Полная длина	370.0	370.0	381.0	-	-
1а. Наибольшая длина	367.0	363.0	376.0	-	-
5. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	-	70.0	-	-	-
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	48.0	48.0	54.0	-	-
8. Сагиттальный диаметр на уровне середины диафиза	28.0	27.0	31.0	-	-

Признаки по Мартину	К.2 п.1 с.1 Ж До 25	К.2 п.1 с.1 Ж До 25	К.2 п.1 с.2 М Ad.- mat.	К.2 п.1 с.2 М Ad.-mat.	К.2 п.2 М Ad.
8а. Сагиттальный диаметр на уровне for. ment.	31.0	31.0	37.0	-	-
9. Поперечный диаметр на уровне середины диафиза	19.0	19.0	23.0	-	-
9а. Поперечный диаметр на уровне for. ment.	23.0	22.0	25.0	-	-
10. Окружность на уровне середины диафиза	82.0	79.0	90.0	-	-
10в. Наименьшая окружность диафиза	72.0	70.0	80.0	-	-
Малая берцовая кость	Правая	Левая	Правая	Левая	Правая
1. Наибольшая длина	-	-	-	-	-

Продолжение таблицы 3

Индивидуальные измерения костей посткраниального скелета из курганного могильника Вапнярка

Признаки по Мартину	К. 2 п. 2 М Ad.	К. 4 п. 4 Ж 25-30	К. 4 п. 4 Ж 25-30	К. 4 п. 6 М Mat.	К. 4 п. 11 Ж До 25
Плечевая кость	Левая	Правая	Левая	Правая	Правая
1. Наибольшая длина	-	285.0	283.0	-	-
2. Вся длина	-	282.0	281.0	-	-
3. Верхняя эпифизарная ширина	-	47.0	47.0	-	-
4. Нижняя эпифизарная ширина	-	57.0	57.0	66.0	-
5. Наибольший диаметр середины диафиза	-	21.0	21.0	26.0	19.0
6. Наименьший диаметр середины диафиза	-	16.0	17.0	21.0	15.0
7. Наименьшая окружность середины диафиза	-	62.0	62.0	73.0	54.0
7а. Окружность середины диафиза	-	65.0	65.0	78.0	59.0
Лучевая кость	Левая	Правая	Левая	Правая	Правая
1. Наибольшая длина	264.0	-	-	-	-
2. Физиологическая длина	253.0	-	-	-	-
4. Поперечный диаметр диафиза	18.0	-	-	-	-
5. Сагиттальный диаметр диафиза	14.0	-	-	-	-
3. Наименьшая окружность диафиза	47.0	-	-	-	-
Локтевая кость	Левая	Правая	Левая	Правая	Правая
1. Наибольшая длина	-	-	-	-	-
2. Физиологическая длина	-	-	-	-	-

Признаки по Мартину	К. 2 п. 2 М Ad.	К. 4 п. 4 Ж 25-30	К. 4 п. 4 Ж 25-30	К. 4 п. 6 М Mat.	К. 4 п. 11 Ж До 25
11. Передне-задний диаметр	-	-	-	-	-
12. Поперечный диаметр	-	-	-	-	-
13. Верхний поперечный диаметр	-	-	-	-	-
14. Верхний сагиттальный диаметр	-	-	-	-	-
3. Наименьшая окружность диафиза	-	-	-	-	-
Бедренная кость	Левая	Правая	Левая	Правая	Правая
1. Наибольшая длина	-	412.0	412.0	-	-
2. Длина в естественном положении	-	406.0	407.0	-	-
21. Мыщелковая ширина	-	77.0	77.0	-	-
6. Сагиттальный диаметр	-	24.0	24.0	34.0	24.0
7. Поперечный диаметр середины диафиза	-	25.0	25.0	30.0	23.0
9. Верхний поперечный диаметр диафиза	-	32.0	33.0	37.0	32.0
10. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	-	23.0	24.0	31.0	23.0
8. Окружность середины диафиза	-	81.0	80.0	100.0	76.0
Большая берцовая кость	Левая	Правая	Левая	Правая	Правая
1. Полная длина	-	337.0	338.0	-	-
1а. Наибольшая длина	-	333.0	334.0	-	-
5. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	-	71.0	71.0	-	-
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	-	50.0	-	-	55.0
8. Сагиттальный диаметр на уровне середины диафиза	-	26.0	27.0	-	29.0
8а. Сагиттальный диаметр на уровне for. ment.	-	29.0	-	-	31.0
9. Поперечный диаметр на уровне середины диафиза	-	21.0	21.0	-	19.0
9а. Поперечный диаметр на уровне for. ment.	-	24.0	-	-	23.0
10. Окружность на уровне середины диафиза	-	81.0	82.0	-	75.0
10в. Наименьшая окружность диафиза	-	75.0	74.0	-	71.0
Малая берцовая кость	Левая	Правая	Левая	Правая	Правая
1. Наибольшая длина	381.0	-	-	-	-

Продолжение таблицы 3

Индивидуальные измерения костей посткраниального скелета из курганного могильника Вапнярка

Признаки по Мартину	К. 4 п. 11 Ж До 25	К. 4 п. 13 М 35-40	К. 4 п. 13 М 35-40	К. 4 п. 16 М 50-55
Плечевая кость	Левая	Правая	Левая	Левая
1. Наибольшая длина	-	-	283.0	-
2. Вся длина	-	-	281.0	-
3. Верхняя эпифизарная ширина	-	55.0	47.0	-
4. Нижняя эпифизарная ширина	-	-	57.0	-
5. Наибольший диаметр середины диафиза	20.0	31.0	21.0	25.0
6. Наименьший диаметр середины диафиза	16.0	22.0	17.0	21.0
7. Наименьшая окружность середины диафиза	54.0	76.0	62.0	70.0
7а. Окружность середины диафиза	60.0	89.0	65.0	75.0
Лучевая кость	Левая	Правая	Левая	Левая
1. Наибольшая длина	-	-	-	-
2. Физиологическая длина	-	-	-	-
4. Поперечный диаметр диафиза	-	-	-	-
5. Сагиттальный диаметр диафиза	-	-	-	-
3. Наименьшая окружность диафиза	-	-	-	-
Локтевая кость	Левая	Правая	Левая	Левая
1. Наибольшая длина	-	-	-	-
2. Физиологическая длина	-	-	-	-
11. Передне-задний диаметр	-	-	-	-
12. Поперечный диаметр	-	-	-	-
13. Верхний поперечный диаметр	-	-	-	-
14. Верхний сагиттальный диаметр	-	-	-	-
3. Наименьшая окружность диафиза	-	-	-	-
Бедренная кость	Левая	Правая	Левая	Левая
1. Наибольшая длина	-	480.0?	480.0?	-
2. Длина в естественном положении	-	-	-	-
21. Мыщелковая ширина	-	-	86.0	-
6. Сагиттальный диаметр середины диафиза	24.0	35.0	34.0	-
7. Поперечный диаметр середины диафиза	24.0	30.0	30.0	-
9. Верхний поперечный диаметр диафиза	33.0	36.0	39.0	-
10. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	21.0	31.0	35.0	-
8. Окружность середины диафиза	76.0	101.0	101.0	-
Большая берцовая кость	Левая	Правая	Левая	Левая
1. Полная длина	-	394.0	-	-
1а. Наибольшая длина	-	388.0	-	-
5. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	-	-	-	-
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	53.0	52.0	-	-
8. Сагиттальный диаметр на уровне середины диафиза	28.0	31.0	30.0	-
8а. Сагиттальный диаметр на уровне for. ment.	31.0	38.0	38.0	-
9. Поперечный диаметр на уровне середины диафиза	19.0	27.0	28.0	-
9а. Поперечный диаметр на уровне for. ment.	22.0	30.0	30.0	-
10. Окружность на уровне середины диафиза	75.0	94.0	92.0	-
10в. Наименьшая окружность диафиза	72.0	85.0	83.0	-
Малая берцовая кость	Левая	Правая	Левая	Левая
1. Наибольшая длина	-	-	-	-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В.И. 1949. Осетинский язык и фольклор. М.-Л.
- Агбунов М.В. 1981. Материалы по античной географии Северо-Западного Причерноморья // ВДИ. № 1.
- Агбунов М.В. 1984. Античная география Северо-Западного Причерноморья. Автореф. дис. канд. истор. наук. М.
- Агбунов М.В. 1985. Загадки Понта Эвксинского. М.
- Агбунов М.В. 1987. Античная лоция Черного моря. М.
- Агбунов М.В. 1989. Путешествие в загадочную Скифию. М.
- Агбунов М.В. 1992. Античная география Северного Причерноморья. М.
- Агульников С.М. 1998. Погребальные комплексы культуры многоваликовой керамики междуречья Прут-Кагул // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности и культурно-исторической общности многоваликовой керамики. Запорожье.
- Адобовский В.В. 2004. Особенности гидрологического режима Тилигульского лимана на современном этапе // ПЕБ. № 2 (12).
- Алексеев В.П. 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.
- Алексеев Р.П. 1987. Следы античных поселений у Тендровской косы // Проблемы охраны и исследования подводных историко-археологических памятников Запорожья. ТДС. Запорожье.
- Алексеева Е.М. 1975. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г.1-12. Т.1.
- Алексеева Е.М. 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г.1-12. – Т.2.
- Алексеева И.Л. 1971. Скифские погребения в курганах Одесской области // АИУ в 1968 г.
- Алексеева И.Л. 1994. Группа катакомбных погребений с глиняными накладными масками в курганах Нижнего Поднестровья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н.э). Тирасполь.
- Алексеева И.Л., Булатович С.А. 1990. Два кургана на левобережье Днестровского лимана // Охранные историко-археологические исследования на юго-западе Украины. Одесса-Запорожье.
- Амброз Ю.А. 1993. Тілігульський лиман // Геологічна енциклопедія України. Т. 3. К.
- Анучин В.А. 1960. Теоретические проблемы географии. М.

Анучин В.А. 1982. Географический фактор в развитии общества. М.

Аполлоний Родосский. Аргонавтика. Пер. Н.А. Чистяковой. 2001. М.

Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. 1993. Баку.

Аракелян Ф.О. 1983. Исследование раскопок античных сооружений на Керченском полуострове для оценки интенсивности разрушительных землетрясений // Изв. АН Арм. ССР. Т. 34. № 4.

Аркас З. 1853. Сравнительная таблица эллинских поселений по Эвксинскому Понту Безымянного автора с местами, назначенными на меркаторской карте Черного моря от Дуная до Буга // ЗООИД. Т. 3.

Армандт Д.Л. 1975. Наука о ландшафте. М.

Ахутин А.В. 1988. Понятие „природа” в античности и в Новое время. М.

Арский Ф.Н. 1974. Страбон. М.

Балабанов И.П., Квирквелия Б.Д., Островский А.Б. 1981. Новейшая история формирования инженерно-геологических условий и долгосрочный прогноз развития береговой зоны полуострова Пичунда. Тбилиси.

Баландин Ю.Г., Мельник В.И. 1987. События голоцена на северо-западном шельфе Чёрного моря по радиоуглеродным данным. К.

Бачинська О.А. 1998. Дунайське козацьке військо. 1828-1868 рр. Одеса.

Бачинський А.Д., Бачинська О.А. 1995. Козацтво на півдні України. 1775-1869. Одеса.

Бейлис В.М. 1988. Ал-Идриси о портах Черноморського побережжя і зв'язях между ними // Торговля і мореплавання в басейні Чорного моря в древності і в середні віки. Ростов-на-Дону.

Беккер П.В. 1853. Берег Понта Евксинского от Истра до Борисфена // ЗООИД. Т. 3.

Беленький Д.Б. 1995. Комплексный подход к изучению береговых процессов на острове Березань (предварительные результаты) // Экологические аспекты теоретической и прикладной геоморфологии. Материалы Международной конференции «III-е Шуйкинские чтения». М.

Белов Г.Д. 1941. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931-1932 гг. // МИА. № 4.

Берг Л.С. 1915. О русской географической терминологии // Землеведение. Т. 22. Кн. 4. СПб.

Березанская С.М. 1998. КМК — культура или керамический стиль // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности и культурно-исторической общности многоваликовой керамики. Запорожье.

Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарфутдинова И.Н. 1986. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. К.

Березанская С.С. Цвек Е.В. Клочко В.И., Ляшко С.Н. 1994. Ремесло эпохи энеолита – бронзы на Украине. К.

Берлянд А.М. 1986. Образ пространства: карта и информация. М.

Бертье-Делагард А.Л. 1896. Сообщение о виденных в Петербурге нумизматических коллекциях и о картографических документах архива Главного штаба // ЗООИД. Протоколы. Т. XIX.

Білецький О.А. 1962. Борістенес – Данапріс – Дніпро // Питання топоніміки і ономастики. К.

Бируля О. 1928. Ріка Бог та її сточище. Вінниця.

Блаватский В.Д. 1958. О подводной археологии // СА. № 3.

Блаватский В.Д. 1962. Подводные разведки в Ольвии // СА. № 3.

Блаватский В.Д. 1965. Подводная археологическая экспедиция в 1962 г. // СА. № 1.

Блаватский В.Д. 1965а. Техника подводных археологических работ // МИА. Вып. 129.

Блаватский В.Д. 1967. ΒΟΡΗΣΕΕΝΙΣ // ЗОАО. Т. 2 (35).

Блаватский В.Д. 1976. Природа и античное общество. М.

Блаватский В.Д. 1977. Землетрясение 63 года до н.э. на Керченском полуострове // Природа. № 8.

Блаватский В.Д. 1978. О древней навигации и задачах подводной археологии // ПСА.

Блаватский В.Д. 1985. Подводные археологические исследования на северных берегах Понта в 1957-1962 гг. // Античная археология и история. М.

Блаватский В.Д. 1985а. Подводные археологические работы в северной части Чёрного моря // Античная археология и история. М.

Блаватский В.Д., Кошеленко Г.А. 1963. Открытие затонувшего мира. М.

Блаватский В.Д., Петерс Б.Г. 1966. Подводные работы на дне Чёрного моря около Донузлава // АО-1965. М.

Блаватский В.Д., Петерс Б.Г. 1967. Подводные археологические работы в районе Евпатории // КСИА АН СССР. Вып. 109.

Блаватский В.Д., Петерс Б.Г. 1969. Кораблекрушение конца IV – начала III в. до н.э. около Донузлава // СА. № 3.

Блаватский В.Д., Петерс Б.Г. 1969а. Приемы подводных археологических работ при изучении остатков древнего кораблекрушения // Морские подводные исследования. М.

Бларамберг И.П. 1828. Описание древних медалей Ольвии или Ольвиополя. М.

Богуславский Г.С. 2002. Поливная керамика из раскопок Белгород-Тирской экспедиции (1996-1998 гг.) // Tyras – Cetatea Albă – Belhorod-Dnistros'kyj. I. București.

Богуславский Г.С. 2005. Северо-Западный квартал (новые данные о городской застройке золотоордынского Аккакермана по материалам раскопок 1999-2004 годов) // Культура народов Причерноморья. № 63. Симферополь.

Боднарский М. 1953. Античная география. М.

Болдирев О.В. 1995. Одесі – 600. Одеса.

Болтенко М.Ф. 1925. Раскопки Усатовско-Большеусатовского поля культурных остатков // ВОКК. Вып. 2/3.

Болтенко М.Ф. 1947. Стародавня руська Березань // Археологія. Т. 1.

Болтенко М.Ф. 1948. История исследования о-ва Березани и изменения его проблематики. НА ІА НАНУ. Ф. 12. № 278.

Болтенко М.Ф. 1954. Значение острова Березань в совместной борьбе братских великого русского и украинского народов за Черное море против турецких захватчиков // Тр. ОГУ. Т. 144. (сер. истор. наук). Вып. 4.

Болтенко М.Ф. 1960. Исторические судьбы острова Березани // ЗОАО. Т. 1 (34).

Болтенко М.Ф. 1962. Herodotenea // МАПП. № 4.

Болтрик В.В., Левченко В.Н., Фиалко Е.Е. 1991. О позднейших чертах в катакомбном погребальном обряде низовья реки Молочной // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. К.

Болтунова А.И. 1973. Надгробная эпитафия Дандиана // Studia classica. Т. XV. București.

Боплан Г.Л. де. 1990. Опис України. К.

Боровой С.Я. 1967. Хаджибей в 60-х гг. XVIII ст. // ЗОАО. Т. II (35).

Бочкарев В.С. 1991. Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социоогенез и культурогенез в историческом аспекте: Материалы методологического семинара ИМК АН СССР. СПб.

Бочкарев В.С. 1995. Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы: Материалы конференции. Саратов. СПб.

Братченко С.Н. 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. К.

Братченко С.Н. 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ.

Браун Ф.А. 1897. Несколько слов о *Υλαία* и *Αχιλλεως δρόμος* // Сб. статей в честь Н.В. Помяловского. СПб.

Браун Ф.А. 1899. Разыскания в области гото-славянских отношений // Сб. Отделения русского языка и словесности. Т. 64. Вып. 12. СПб.

Браунд Д. 1999. Сообщение об Ольвии Диона Хрисостома: литературная традиция и философские представления // Древнейшие государства Восточной Европы. М.

Браунер Л.А. 1940. Прошлое лиманно-морского ландшафта Правобережной Украины. НА ОАМ. № 59269, 59270.

Брашинский И.Б. 1970. Опыт экономико-географического районирования античного Причерноморья // ВДИ. № 2.

Бромлей Ю.В., Подольный Р.Г. 1984. Создано человечеством. М.

Брун Ф.К. 1853. Остров св. Эферия // Новороссийский календарь за 1854 г., издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса.

Брун Ф.К. 1858. Берег Черного моря между Днепром и Днестром по морским картам XIV и XV ст. // ЗООИД. Т. IV.

Брун Ф.К. 1863. Донесение о поездке к устьям Буга и Днестра // ЗООИД. Т. 5.

Брун Ф.К. 1865. Судьбы местности, занимаемой Одессой // Тр. Одесского Статистического комитета. Вып. 1. Одесса.

Брун Ф.К. 1879-1880. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Ч. 1-2. Одесса.

Брун Ф.К. 1907. Шведская руническая надпись, найденная на о. Березани // ИАК. Вып. 23.

Бруяко И.В. 1999. Очерки экономической истории населения Северо-Западного Причерноморья в 7-3 вв. до Р.Х. Волжск.

Бруяко И.В., Карпов В.А. 1992. Древняя география и колебания уровня моря (На примере северо-западной части Черноморского бассейна в античную эпоху) // ВДИ. № 2.

Бруяко И.В., Карпов В.А., Петренко В.Г. 1991. Изменения уровня Чёрного моря от эпохи камня до средних веков (по результатам исследования северо-западного шельфа) // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. Вып. 2. М.

Бруяко И.В., Назарова Н.П., Петренко В.Г. 1991. Древние культурные ландшафты на юге Тилигуло-Днестровского междуречья по данным аэрофотосъемки // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. К.

Буйських С.Б. 1977. Античне городище на мису між Березанським і Сосицькими лиманами // Археологія. № 22.

Буйских С.Б. 1988. Исследования на хоре Ольвии // АО-1986. М.

Буйских С.Б. 1997. Античные поселения Северо-Западного Причерноморья доримского времени (опыт картографирования) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса.

Буйских С.Б. 1999. Еще раз о так называемой „Одесской” Истории // КС ОАО. Одесса.

Буйских С.Б. 2001. Исследование святилища Ахилла на Бейкушском мысу (предварительные итоги) // ХС. Вып. XI.

Буйских С.Б. 2002. К истории изучения Бейкушского святилища // Северное Причерноморье в античное время. К.

Буйских С.Б. 2004. Святилища extra-urban эпохи грецької колонізації Нижнього Побужжя // Археологія. № 3.

Буйских С.Б. 2004а. К началам сакральной истории Ольвийского полиса // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Т. 2. СПб.

Буйських С.Б., Бураков А.В. 1977. Античне городище на мису між Березанським та Сосицьким лиманами // Археологія. Вип. 22.

Буйских С.Б., Иевлев М.М. 1986. О топографии городищ Нижнего Побужья в первые века н.э. // АКСП в первые века н.э. К.

Буйських С.Б., Ієвлев М.М. 1991. Про осіле населення понизь Дніпра та Південного Бугу у X – XIII століттях // Археологія. № 4.

Буйских С.Б., Иевлев М.М. 1993. Археологическая карта Тилигульского лимана // Древности Причерноморских степей. К.

Булатович С.А. 1986. Джучидские монеты из Белгорода-Днестровского // Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII-XIV в.). К.

Бураков А.В. 1976. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. К.

Бурачков П.О. 1875. О местоположении древнего города Каркинитеса и монетах ему принадлежащих // ЗООИД. Т. IX.

Былкова В.П. 1990. Археологическая деятельность В.И. Гошкевича // Проблемы археологии Северного Причерноморья. ТДК. К 100-летию Херсонского музея древностей. Ч. 3. Херсон.

Былкова В.П. 1993. Археологическая деятельность В.И. Гошкевича // Проблемы исследования отечественной археологии. ТДК. Л.

Бырня П.П. 1997. Из истории молдавского Белгорода – Четатя Албэ // Аккерманские древности. Вып. 1. Белгород-Днестровский.

Вавричин М., Дашкевич Я., Кришталович У. 2004. Україна на стародавніх картах: кінець XV – перша половина XVII ст. К.

Ваксель Л. 1801. Изображения разных памятников древности, найденных на берегах Черного моря, принадлежащая Российской империи. Снятые с подлинников в 1797 и 1798 годах, с приложением географической карты тех мест, где оные памятники обреты, с древними наименованиями. СПб.

Веклич М.Ф. 1990. Основы палеоландшафтоведения. К.

Ветчинникова Н.Е. 1988. Об особенностях гончарного ремесла племен позднеямной культуры Северо-Западного Причерноморья // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. М.

Виноградов Ю.Г. 1989. Политическая история Ольвийского полиса. VII – I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М.

Виноградов Ю.Г. 1994. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. № 1.

Вонсович А. 1997. Польские путешественники первой половины XIX в. в Херсонесе Таврическом // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. ТДК. Севастополь.

Воропай Л.И., Куница Н.А. 1986. Палеогеографические рубежи в развитии природы Юго-Запада Русской равнины в плейстоцене и голоцене // Корреляция отложений, событий и процессов антропогенеза. Кишинев.

Гаврилюк Н.О. 1980. Кераміка степових скіфських поховань IV–III ст. до н.е. // Археологія. №34.

Гаврилюк Н.А. 1993. Палеоекологічна ситуація і занепад Великої Скіфії // Оточуюче середовище й стародавнє населення України. К.

Гаврилюк Н.А. 1999. История экономики Степной Скифии VI – III вв. до н.э. К.

Гайдукевич В.Ф. 1969. О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // КСИА АН СССР. № 116.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 2. Тбилиси.

Гей А.Н. 1999. О некоторых проблемах изучения бронзового века на юге Европейской России // РА. №1.

Геология шельфа УССР. Лиманы. 1984. К.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. 1993. Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-кале. Симферополь.

Гідроніми Нижнього Подністров'я. 1981. Одеса.

Гинзбург Г.И. 2000. Келер Г.К. и библиотека Эрмитажа // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России. Альманах. Вып. 2. СПб.

Гожик П.Ф. 1992. История лиманов Причерноморья // История озер Восточно-Европейской равнины. СПб.

Голенко К.В. 1961. Византийские монеты X в. из находок в с. Станиславе // СА. № 3.

Гольева А.А. 2000. Взаимодействие человека и природы в Северо-Западном Прикаспии в эпоху бронзы // Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке. М.

Горбенко К.В. 2004. К вопросу о хозяйственной деятельности жителей поселения «Дикий сад» // BORYSTHENIKA-2004. МАК к 100-летию начала исследований острова Березань Э.Р. Штерном. Николаев.

Горбунова К.С. 1969. Древние греки на острове Березань. Л.

Горлов Ю.В., Поротов А.В., Столярова Е.В. 2004. К оценке изменений уровня Черного моря в античный период по археолого-палеогеографическим данным // ДБ. № 7.

Гошкевич В.И. 1903. Клады и древности Херсонской губернии. Ч. 1. Херсон.

Гошкевич В.И. 1909. Записка об археологических исследованиях в Херсонской губ // Древности. Тр. МАО. Т. XXII. Вып. 1.

Гошкевич В.И. 1912. Летопись Херсонского музея за 1909-1911 гг. Вып. 2. Херсон.

Гошкевич В.И. 1915. Где был древний Одесс? // ЗООИД. Т. 32.

Гошкевич В.И. 1915а. Летопись Херсонского музея за 1913 г. Вып. 5. Херсон.

Граков Б.Н. 1954. Каменское городище на Днестре // МИА. № 36.

Гребенников Ю.С. 2008. Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX-III вв. до н.э.). Николаев.

Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. 2005. СПб.

Григорович В.И. 1876. Записка о пособиях к изучению южно-русской земли, находящихся в военно-учебном архиве Главного штаба // ЗНУ. Т. XX. Ч. 2.

Григорьев В.В. 1871. О скифском народе саках. СПб.

Грінченко Б.Д. 1958-1959. Словарь української мови. Надруковано з видання 1907-1909 р. Т. 1-4. К.

Грушевський М.С. 1997. Історія України-Руси. Т.III. К.

Гудкова А.В., Охотников С.Б., Субботин Л.В., Черняков И.Т. 1991. Археологические памятники Одесской области (справочник). Одесса.

Гумилев Л.Н. 1965. По поводу предмета исторической географии // ВЛГУ. № 18. Вып. 3.

Гумилев Л.Н. 1967. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР. Т. 1. М.

Гумилев Л.Н. 1987. Люди и природа Великой Степи // ВИ. Т. 3. № 11.

Гумилев Л.Н. 2001. Древняя Русь и Великая Степь. М.

Гумилев Л.Н. 2003. Поиски вымышленного царства. М.

Давня історія України. 1997. Первісне суспільство. Т. 1. К.

Двойченко П.А. 1930. Гидрогеологический очерк Северной Таврии // Тр. ЮОМО. Вып. XV.

Дворянинов С.А., Дзиговский А.Н., Субботин Л.В. 1985. Раскопки курганной группы у с. Вишневое // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.

Дебец Г.Ф. 1948. Палеоантропология СССР. Труды Института этнографии. Нов. сер. Том IV. М.-Л.

Дергачев В.А., Бочкарев В.С. 2002. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев.

Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. 2001-2002. Ладья в погребальных обрядах древнего и средневекового населения Восточной Европы // Старая Скифия. STRATUM +. № 3.

Дзиговський О.М., Островерхов А.С. 2004. Пам'ятки звіриного стилю з мікрорегіону "Тилігул" та деякі питання історії Північно-Західного Надчорномор'я ранньоеліністичного часу // ЗІФ ОНУ. Вип.15.

Диамант Э.И. 1976. Раскопки Жеваховского поселения на побережье Одесского залива. // АО за 1975 г.

Диамант Э.И. 1976а. Поселение и могильник V-III вв. до н.э. на месте Приморского бульвара в Одессе // МАСП. Вып. 8.

Диамант Э.И., Кузьменко В.И. 1977. Раскопки Жеваховского поселения на побережье Одесского залива // АО за 1976 г.

Диамант Э.И., Кузьменко В.И. 1978. Раскопки Жеваховского поселения на побережье Одесского залива // АО за 1977 г.

Диамант Э.И. 1989. Топография античных поселений побережья Одесского залива и лиманов // Воспитание историей. ТДК. Одесса.

Диль Ш. 1914. Византийские портреты. СПб.

Дитмар А.Б. 1980. География в античное время. М.

Добролюбский А.О. 1986. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. К.

Добролюбский А.О., Красножон А.В. 2005. Топография, стратиграфия и периодизация поселения "Приморский бульвар" в Одессе // Боспорский феномен. СПб.

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. 1982. Народы нашей страны в „Истории” Геродота. Тексты. Перевод. Комментарий. М.

Доманский Я.В., Виноградов Ю.Г., Соловьев С.Л. 1989. Основные результаты работ Березанской экспедиции // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Сборник научных трудов. Л.

Дружинин А.Г. 1989. Методологические основы географических исследований культуры // Изв. РГО. Т. 121 (1).

ДСО. 1981. Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. Древности Старого Орхоя (золотоордынский период). Кишинев.

Евлія Челебі. 1997. Книга Подорожей. Північне Причорномор'я. Переклад з російської. С.О. Карлічук. Одеса.

Ельницкий Л.А. 1961. Знания древних о северных странах. М.

Ельницкий Л.А. 1962. Легенда о „гиперборейских” дарах Аполлону и пути ее распространения // МАСП. № 4.

Жекулин В.С. 1982. Историческая география: предмет и методы. М.

Железняк І.М. та інші. 1981. Гідронімія України в її міжмовних і міждіалектних зв'язках. К.

Загинайло А.Г. 1973. Отчет об археологических разведках в Коминтерновском районе Одесской области в 1973 году // Архив ОАМ, № 74494.

Загоровский Н.А. 1929. Лиманы Северного Причерноморья на картах прошлых столетий // ВОКК. Вип. 4-5.

Зайцева К.И. 2000. Лепные чашки на ножках конца VII-I вв. до н.э. из Северного Причерноморья. Ч. 1 // Археологические Вести. Вып. 7.

Зайцева К.И. 2000. Лепные чашки на ножках конца VII-I вв. до н.э. из Северного Причерноморья. Ч. 2 // Археологические Вести. Вып. 8.

Залізняка Л.Л. 2005. Чорноморський потоп та його археологічні наслідки // Археологія. № 3.

Зограф А.Н. 1941. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черном море // СА. Т. 7.

Золотарев М.И. 1979. Новые данные о древних морских путях в Понте Эвксинском // Проблемы греческой колонизации Западного и Восточного Причерноморья. Тбилиси.

Золотарев М.И. 2001. О сакральной функции каменных якорных штоков с о. Березань // Ольвия та античний світ. К.

Золотарев М.И. 2002. О сакральной функции каменных якорных штоков с о. Березань // Северное Причерноморье в античное время. К.

Зориктуев Б.Р. 1997. Прибайкалье в середине VI – начале XVII века. Улан-Удэ.

Зубарь В.М., Сон Н.А. 1994. Об интерпретации ольвийской надписи с упоминанием трех римских легионов // Ольвия – 2000. ТДК. Посвященной 200-летию археологического исследования Ольвии. Николаев.

Зубарь В.М., Сон Н.А. 2007. Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху. Симферополь.

Ибн-Хордадбах. 1986. Книга путей и стран. М.

Иванова М.Ф. 1980. Общая геология с основами исторической геологии. М.

Иванова С.В., Ветчинникова Н.Е. 2009. Курган эпохи палеометалла на берегу Аджалыкского лимана в Одесской области // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Вип. XV. Запоріжжя.

Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е. 2005. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. Одесса.

Иванова С.В., Петрова К.А., Будикін І.А. 2003. Найдавніший кам'яний ярк з поселення Грибівка IV // Археологія. № 2.

Иванова С.В., Островерхов А.С. 2007. Ландшафтная система „Тилигульский лиман” и ее роль в истории Северного Причерноморья // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 8. Армавир.

Иванова С.В., Островерхов А.С., Петренко В.Г. 2004. Археология и история западного берега Тилигульского лимана: проблемы исследования и охраны культурного наследия // ПЕБ. Т. 2 (12).

Иванова С.В., Субботин А.В., Анохин Е.В. 2008. Грунтовый могильник у с. Бурлачья Балка в Одесской области // Древнее Причерноморье. VIII. Одесса.

Ієвлєв М.М. 1991. Природа України в давнину і сьогодні // Золото степу. Археологія України. Шлезвіг.

Ієвлєв М.М. 1992. Природні умови та господарська діяльність Ольвійської держави у VII-V ст. до н.е. // Стародавнє виробництво на території України. К.

Ієвлєв М.М. 1997. Природне середовище Нижнього Побужжя та Нижнього Подніпров'я в добу античності. Автореф. дис. канд. істор. наук. К.

Иессен А.А. 1947. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л.

Иловайский Д.И. 1893. История России. Т. 1. Ч. 2. СПб.

Ильвес М. 1976. Тендровская коса. Одесса.

Ингульский Д., Гармашев Л. 1926. Географический очерк // Николаевщина. Николаев.

Иордан. 2001. О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. М.

Історія міст і сіл УРСР. 1972. Херсонська область. К.

Історія Української РСР. 1977. Т. 1. К.

Каплин П.А., Селиванов А.О. 1999. Изменение уровня морей России и развитие берегов: прошлое, настоящее, будущее. М.

Кармин А.С. 1997. Основы культурологии. Морфология культуры. М.

Карпенко Ю.А. 1970. Лингвистика – география – история // СС. № 4.

Карпенко О.Н. 1989. Назви річок Нижньої Правобережної Наддніпрянщини. К.

Карта Днепровского лимана, Егорлыцкого и Тендровского заливов и части Чёрного моря от Очакова до Джарылгагатского залива. Изд. Главным гидрографическим управлением Морского министерства в 1889 г.

Каришковський П.Й. 1959. М.Ф. Болтенко (1888-1959) // Праці ОДУ. Сер. істор. наук. Т. 149. Вип. 7.

Каришковський П.Й. 1959а. Пам'яті М.Ф. Болтенка // МАСП. Вип. 2.

Карышковский П.О. 1960. Болтенко М.Ф. (1888-1959) // СА. № 1.

Карышковский П.О. 1962. Новое посвящение Ахиллу Понтарху. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды // ВДИ. № 3.

Карышковский П.О. 1967. Заметки об Ольвии и Борисфене // ЗОАО. Т. 2 (35).

Карышковский П.О. 1971. Находки позднеаримских и византийских монет в Одесской области // МАСП. Вып. 7.

Карышковский П.О. 1976. Находки античных и византийских монет в Одесской области // Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. К.- Одесса.

Карышковский П.О., Клейман И.Б. 1985. Древний город Тира. К.

Каткевич В. 2005. Пушечное место // Комсомольская правда в Украине. 145/32.

Кауфман Л.С. 1993. Микола Аркас. 3 родинної хроніки. Миколаїв.

Качарава Д.Д., Квирквелия Г.Т. 1991. Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Тбилиси.

Келпен П.И. 1828. Древности северного берега Понта. М.

Кетрару Н.А. 2001. И.К. Суручан – первый бессарабский археолог и замечательный коллекционер древностей (К 150-летию со дня рождения) // Labirint. Кишинев.

Кириков С.В. 1970. Человек и природа восточноевропейской лесостепи. М.

Кириков С.В. 1983. Человек и природа степной зоны. М.

Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. 1986. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М.

Кияшко А.В. 1998. О культурном единстве позднеаримских и раннекатакомбных памятников эпохи средней бронзы // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. ТДК. Ростов-на-Дону.

Кияшко А.В. 2002. О восточных элементах катакомбной культуры на Нижнем Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 году. Вып. 18.

Клочко В.І. 1990. "Народи моря" та Північне Причорномор'я // Археологія. № 1.

Клочко В.І. 1996. Карпато-дніпровський центр культурогенеза // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век). Материалы международной конференции. Ч.1. Донецк.

Клочко В.І. 2002. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000 — 900 рр. до Р.Х.). К.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. 2005. Степные империи древней Евразии. СПб.

Кобалия Д.Р., Нефёдов В.В. 2002. Методика исследований и организация подъема казачьей лодки 1738 г. // Подводная археология: сто лет исследований. ММК. М.

Кобалия Д.Р., Нефёдов В.В. 2005. «Запорізька Чайка»: Історія однієї знахідки. Запоріжжя.

Ковалева И.Ф. 1984. Север степного Поднепровья в энеолите-бронзовом веке. Днепропетровск.

Ковалева И.Ф. 2002. К выделению территориальных групп в постмариупольской культуре // Проблемы археологии Евразии. М.

Ковпаненко Г.Т., Гаврилюк Н.А. 2002. Курганы у с. Ковалевка (группа VI) // Археологічні відкриття в Україні в 2000-2001 рр. К.

Кожин П.М. 1997. Показатели кочевого быта культур Причерноморско-Прикаспийских степей эпохи бронзы // Степь и Кавказ (культурные традиции). Труды ГИМ. Вып. 97.

Козлов М. М. (ред.) 1985. Великая Отечественная война 1941—1945: энциклопедия. М.

Колли Л.П. 1909. Следы древних культур на дне морском // ИТУАК. Вып. 43.

Кондратов А.М. 1981. Следы на шельфе. Л.

Кондратов А.М. 1988. Атлантиды ищите на шельфе. Л.

Конисский Г. 1846. История русов или Малой России. М.

Коновалова И.Г. 1983. Итальянские навигационные пособия XIII-XIV вв. как источник по истории и исторической географии Северо-Западного Причерноморья // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М.

Коновалова И.Г. 1991. Арабские источники XII-XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель // Древнейшие государства на территории СССР. 1990. М.

Коновалова И.Г. 2006. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М.

Константин Багрянородный. 2008. Об управлении империей. Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М.

Королева М.К., Бондарчук Г.П., Тюрин С.А. 1976. Словарь географических названий Украинской ССР. Т. 1-4. М.

Кравец Д.П. 2001. О хозяйстве племен Донецкой катакомбной культуры // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Вип. IX. Запоріжжя.

Кравченко А.А. 1986. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII-XIV в.). К.

Крапивина В.В., Буйских А.В., Крутилов В.В., Хмелевский Д.Н., Смирнов А.И. 2003. Охранные раскопки в южной части Нижнего города Ольвии в 2001 году (краткие итоги) // АДУ 2001-2002. К.

Красковский В.И. 1978. Памятники палеолита и мезолита Северо-Западного Причерноморья. К.

Круц С.І. 1997. Антропологічний склад населення // Давня історія України. Т.1. К.

Круц С.И. 2003. Антропологическая характеристика ногайцев XVI-XVIII вв. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Антропология ногайцев. Выпуск IV. М.

Крыжицкий С.Д. 1984. Основные итоги изучения затопленной части нижнего города Ольвии // АКСП.

Крижицький С.Д. 1995. Про вплив змін оточуючого середовища на історичний розвиток Ольвійської держави // Археологія. № 2.

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. 1989. Сельская округа Ольвии. К.

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. 1990. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). К.

Крижицький С.Д., Крапівіна В.В. 1993. Населення й оточуюче середовище в античних державах Північного Причорномор'я // Оточующее середовище і стародавнє населення України. К.

Крыжицкий С.Д., Шилик К.К. 1972. Подводные исследования в Ольвии и Тире // АО-1971. М.

Крючков Ю.С. 1989. Начало Николаева и судостроения в городе // „Именоватъ – город Николаев”. Николаев.

Кубланов М.М. 1957. Легенда о ристалище Ахилла и ольвийское агонистическое празднество // ЭМИРА. Т. 1.

Кулаковский Ю.А. 1899. Карта Европейской Сарматии по Птолемею. К.

Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. 2008. Цивилизация: теория, история, диалог, будущее. Т.III. М.

Лагачева Н.М., Снытко И.А. 1986. Мраморное изваяние с о. Безрезань // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. К.

Лазаров М. 1975. Потъналата флотилия. Варна.

Ландшафтоведение. 1963. М.

Лапин В.В. 1966. Греческая колонизация Северного Причерноморья (критический очерк отечественных теорий колонизации). К.

Лапин В.В. 1968. Исследование древнегреческого поселения на о. Березань // АИУ 1967 г. Вып. 2.

Лапин В.В. 1978. Березань и проблемы генезиса античной северопричерноморской цивилизации // НА ИА НАНУ. К. Ф. 24.

Латышев В.В. 1887. Исследования об истории и государственном строе Ольвии. СПб.

Латышев В.В. 1899. Заметки по древней географии северного побережья Черного моря. V. Об острове св. Еферия // ЖМНП. № 5.

Латышев В.В. 1909. ПОНТИКА. СПб.

Левченко М.В. 1956. Очерки по истории русско-византийских отношений. М.

Леваш И.Я. 1999. Культурология. Курс лекций. Минск.

Лейпунська Н.О. 1979. Амфори з затопленої частини Ольвії // Археологія. Вип. 30.

Лейпунская Н.А. 1984. Керамика из затопленной части Ольвии // АКСП.

Ленц Н.И. 1906. Бомбардирование Одессы (10 апреля 1854 г.) // ЗООИД. Т. 26.

Летопись русская. 1989. Пер. с древнерусского Л. Е. Махновца. К.

Лиманно-устьевые комплексы Причерноморья. 1988. Л.

Лисецкий Ф.Н., Молодецкий А.Э. 1990. География Николаевской области: природа, население, хозяйство. Пособие для учителей. Николаев.

Литвин М. 1994. О нравах татар, литовцев и москвитян. М.

Литвиненко Р.А. 1996. К оценке культуры многоваликовой керамики Восточного Надазовья // Тезисы докладов конференции «Северо-Восточное Приазовье в системе Евразийских древностей». Донецк.

Лихачев Д.С. 1980. Экология культуры // Памятники Отечества. М.

Лоция Чёрного моря. 1987. М.

Люперсольский П.И. 1887. Что такое ΕΛΗΝΕΣ ΣΚΥΘΑΙ у Геродота, IV,17? // ЖМНП. № 2.

Магомедов Б.В. 1987. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. К.

Магомедов Б.В. 1991. Каменка-Анчекрак. Поселение черняховской культуры. К.

Магомедов Б.В. 2001. Черняховская культура. Проблема этноса. Люблин.

Мазарати С.Н., Назаров В.В. 1986. Исследования в районе Березани // АО-1984. М.

Максимова М.И. 1954. Краткий путь через Чёрное море и время его освоения греческими мореходами // МИА. № 33.

Максимова М.И. 1956. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.

Малюкевич А.Е., Петренко В.Г. 1993. Усатовский комплекс с фигурными пронизиями в низовьях Днестра // Древнее Причерноморье. Одесса.

Манзура И.В. 2001-2002. Проблема формирования культур раннего бронзового века на Северо-Восточных Балканах // Stratum plus. №2.

Манзура И.В. 2005. Северное Причерноморье в энеолите и в начале бронзового века: ступени колонизации // Stratum plus. № 2.

Маркевич А. 1894. Город Качибей или Гаджибей – предшественник города Одессы // ЗООИД. Т. XVII.

Марков С. 1954. Историк Черноморья // Вокруг света. № 6.

Марченко К.К. 1993. Античное Северо-Западное Причерноморье в историко-географическом аспекте // ДП КС ОАО. Одесса.

Массон В.М. 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.

Массон В.М. 1990. Исторические реконструкции в археологии. Фрунзе.

Мелюкова А.И. 1969. К вопросу о границе между скифами и гетами // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. МИА. № 150.

Мелюкова А.И. 1975. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М.

Мечников Л.И. 1924. Цивилизация и великие исторические реки. Л.

Микульский Д.В. 1998. Арабский Геродот. М.

Милиславлевич К. 1925. Старинная пушка, найденная у о. Тендры // ВОКК. № 2-3.

Милюков П.Н. 1897. Время и место действия записки греческого топарха // Тр. VIII АС. М.

Молодецкий А.Э. 2004. Туристско-рекреационные ресурсы Тилигульского лимана // ПЕБ. Т. 2 (12).

Мороз Т.Г. 1990. Формирование лиманов и их классификация // Лиманы Северного Причерноморья. К.

Мосионжик Л.А. 2000. Антропология цивилизаций. Курс лекций. Кишинев.

Муравьев-Апостол И.М. 1821. Ольвия: Отрывок из путешествия в Тавриду в 1820 году, с приобщением перевода отрывка из Бористенитской речи Диона Хрисостома. СПб.

Муравьев-Апостол И.М. 1823. Путешествие по Тавриде в 1820 г. СПб.

Муральт Э.Г. 1850. Древнейшие поселения на северо-западном берегу Черного моря от Дуная до Буга // Записки Санктпетербургского нумизматического общества. СПб. Т. 2.

Мурзаев Э.М. 1984. Словарь народных географических терминов. М.

Мурзакевич Н.Н. 1844. О двух эллинских надписях, найденных вблизи с. Троицкое в имении помещика А.Ф. Кoble // ЗООИД. Т. 1.

Назаров В.В. 1985. Подводные археологические исследования в 1984 г. // Проблемы исследования Ольвии. ТДК. Парутино.

Назаров В.В. 1987. Исследования на Березанском лимане // АО-1985. М.

Назаров В.В. 1989. Подводные исследования у о. Березань // IV Респ. науч. конф. з истор. краєзнавства. ТДК. К.

Назаров В.В. 1990. Исследования на Березани в 1989 г. // Проблемы археологии Северного Причерноморья. ТДК. Херсон.

Назаров В.В. 1994. До питання про морську справу ольвіополітів // Археологія. № 2.

Назаров В.В. 1997. Древнегреческое поселение на острове Березань. К.

Назаров В.В. 1999. Во владениях Понтарха (Подводные исследования у о-ва Березань) // Летопись Причерноморья. Ч. 1. Херсон.

Назаров В.В. 2001. Святилище Афродиты на Борисфене // ВДИ. № 1.

Назаров В.В. 2003. Гидроархеологическая карта Черноморской акватории Украины. К.

Назаров В.В., Воронов С.А. 2002. Гидроархеологическое исследование района Тендровской косы (Черное море) // Подводная археология: сто лет исследований. М.

Назарчук В.И. 1999. Ольвийский сборник В.И. Кеппена // Летопись Причерноморья. Т. 3. Херсон.

Невеский Е.Н. 1958. К вопросу о новейшей черноморской трансгрессии // Тр. Ин-та океанологии. Т. 28.

Недков Б. 1960. България и съседните земи през XII век според «Географиета» на Идриси. София.

Нефьодов В.В., Остапенко М.А., Кобалія Д.Р. 1999. Запорізька Чайка першої половини XVIII ст. в річці Старий Дніпро біля о. Хортиця // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Збірка наукових статей. Вип. 8. К.

Нікітін В.І. 2008. Вплив географічного фактора на інгульську катакомбну культуру // Археологія. № 3.

Никитин В.И. 2006. Путь шведов и казаков из Полтавы // ІЕКНД. VI. Миколаїв.

Никитюк Б.А. 1960. Определение возраста человека по скелету и зубам // Вопросы антропологии. Вып. 3.

Николова А.В., Рассамкин Ю.Я. 1985. О позднеэнеолитических памятниках правобережья Днепра // СА. №3.

Николова А.В., Черних Л.А. 1997. До однієї з концепцій соціального розвитку носіїв катакомбної культури // Археологія. № 1.

Никонов А.А. 1996. Следы сейсмических воздействий на древние погребальные сооружения в пределах г. Керчь // Проблемы археологии и истории Боспора. Керчь.

Никонов А.А. 2000. Сейсмический потенциал Крымского региона: сравнение региональных карт и параметров выявленных событий // Физика Земли. № 7.

Никонов А.А., Вангейм Э.А. 1991. Землетрясение "Синяя Балка" // Природа. № 4.

Никонов В.А. 1965. Введение в топонимику. М.

Носова Л.В. 2002. О культовых зольниках античных поселений Северо-Западного Причерноморья (в связи с раскопками Кошарского археологического комплекса) // Боспорский феномен. Ч. 2. СПб.

Носова Л.В. 2005. Греческие культы на западной окраине Ольвийского полиса // Боспорский феномен. СПб.

Одрин А.В. 2002. Морские торговые пути в Причерноморье в VII-IV вв. до н.э. // Северное Причерноморье в античное время. К.

Одрін О. 2005. Природні ресурси та торговельно-економічний потенціал античних держав Північного Причорномор'я. Нижнє Подністров'я та Нижнє Побужжя. К.

Окроков А.В. 1985. Символ мореплавания и надежды // Наука и религия. № 12.

Ольховский В.С. 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). М.

Описание пути от Константинополя до Очакова. 1821. СПб.

Орбели Р.А. 1940. Гидроархеологическая карта СССР // ЭПРОН. Т. XVI-XVII.

Орбели Р.А. 1945. Гидроархеология: Подводные исторические изыскания близ древних греческих городов на Черноморском побережье // Судоподъём. Т. 29.

Орбели Р.А. 1947. Исследования и изыскания. Материалы по истории подводного труда с древнейших времён до наших дней. М.-Л.

Островерхов А.С. 1979. К вопросу о сырьевой базе античного ремесленного производства в районе Днепровского и Бугского лиманов // ВДИ. № 3.

Островерхов А.С. 1985. Стекланные бусы в памятниках позднего Триполья // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.

Островерхов А.С. 1986. Тайны Гилейского моря // Спортсмен-подводник. Вып. 77.

Островерхов А.С. 1988. Развитие черной металлургии в античных городах Северного Причерноморья // Очерки истории естествознания и техники.

Островерхов А.С. 1993. Технология античного стеклоделия: архаика (по археологическим материалам Северного Причерноморья). Препринт. К.

Островерхов А.С. 1998. Стекло из скифских и сарматских погребений восточной части Буджака // Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. Археологические древности Буджака. Курганы у сел Вишневое и Белолесье. Одесса.

Островерхов А.С. 2005. Памятники звериного стиля из Нижнего Побужья и Нижнего Поднестровья // Структурно-семиотические исследования в археологии. № 2. Донецк.

Островерхов А.С. 2006. Гідроархеологія та гідроісторична географія Нижнього Подунав'я: досягнення, проблеми, перспективи // ПЕБ. № 3-4.

Островерхов А.С. 2008. Гідроархеологія, історична географія та гідроніміка Дністро-Дунайського межиріччя: досягнення, проблеми, перспективи. Одеса.

Островерхов А.С., Охотников С.Б. 1985. Стекланные изделия из античных памятников Нижнего Поднестровья // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. К.

Островерхов А.С., Сапожников И.В. 1987. Колебания уровня Черного моря и проблемы изучения памятников каменного – бронзового веков Северного Причерноморья // Проблемы охраны и исследования подводных историко-археологических памятников Запорожья. ТДС. Запорожье.

Островерхов А.С., Сапожников И.В. 2002. Рец.: И.В. Тункина. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). – СПб. ССПК. Т. X.

Островерхов А.С., Тощев Г.М. 1985. Скiфський кінський налобник // Археологія. №49.

Островский А.Б., Измайлов Я.А., Балабанов И.П. 1977. Новые данные о палеогеографическом режиме Чёрного моря в верхнем плейстоцене и голоцене // Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. М.

Оточуюче середовище і стародавнє населення України. 1993. К.

Откупщиков Ю.В. 1988. Догреческий субстрат. Л.

Отрешко В.М. 1979. Посвящения Ахиллу Понтарху как один из критериев определения границ Ольвийского государства // Памятники древних культур Северного Причерноморья. К.

Отрешко В.М. 1979а. К проблеме экономического районирования Нижнего Побужья в архаическую эпоху // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси.

Отрешко В.М. 1981. Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья // СА. № 1.

Отрешко В.М. 1993. О локализации гавани исиаков и гавани истриан // Україна і Греція: історія і сучасність. ТДК. К.

Отрешко В.М. 2009а. Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья // Ольвийские древности. К.

Отрешко В.М. 2009б. Проблема каллипидов // Ольвийские древности. К.

Отрощенко В.В. 1998. Феномен кістяних пряжек // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности и культурно-исторической общности многоваликовой керамики. Запорожье.

Отрощенко В.В. 2001. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи. К.

Отрощенко В.В. 2005. Дніпро-Донецький осередок культурогенеза (постановка проблеми) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ.

Охотников С.Б. 1983. Археологическая карта Нижнего Поднестровья в античную эпоху (VI – III вв. до н.э.) // МАСП.

Охотников С.Б. 1989. Археологические памятники на территории г. Одессы // Воспитание историей. ТДК. Одесса.

Охотников С.Б. 1990. Нижнее Поднестровье в VI – V вв. до н. э. К.

Охотников С.Б. 2000. Греческие колонии Нижнего Поднестровья. Одесса.

Охотников С.Б. 2002. Гидрогеографические условия Нижнего Поднестровья в античную эпоху // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь.

Охотников С.Б. 2007. Ф.П. Де-Волян и античные памятники Северного Причерноморья // Человек в истории и культуре. Сборник научных работ в честь 70-летия В.Н. Станко. Одесса-Терновка.

Охотников С.Б., Островецких А.С. 1991. Подводные археологические исследования в Северо-Западной части Чёрного моря // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. Вып. 2. М.

Охотников С.Б., Островецких А.С. 1993. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). К.

Охотников С.Б., Пасхина Е.П. 1984. Находки амфор в Чёрном море // Новые археологические исследования на Одессине. К.

Павлов П. 1992. Бележки към вопроса за българското етническо и политическо присъствие в междуречието на Дунав и Днестър през XII-XIV вв. // Българите по Северното Причерноморие. Т. I. Велико Търново.

Павлов П. 1995. Татарите на Ногай, България и Византия (около 1270-1302 гг.) // Българите по Северното Причерноморие. Т. IV. Велико Търново.

Падалка Л. 1903. Остатки старины на Нижнем Днепре // Археологическая летопись Южной России. № 2. К.

Палатная Н.Н., Карпов В.А. 1987. Карангатские отложения района Тендровской косы // Стратиграфия и корреляция морских и континентальных отложений Украины. К.

Палеогеография Северной Евразии в позднем плейстоцене-голоцене и географический прогноз. 1978. М.

Пападимитриу С.Д. 1910. Древние сведения об острове Березани // ЗООИД. Т. XXVIII. Протоколы.

Пападимитриу С.Д. 1912. Местоположение древней Одессы // ЗООИД. Т. 30.

Пападимитриу С.Д. 1915. Еще о местоположении древней Одессы // ЗООИД. Т. 32.

Папанова В.А. 2006. Урочище Сто Могил (некрополь Ольвии Понтийской). К.

Параска П.Ф. 1981. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев.

Параска П.Ф. 1987. Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV – начало XIX вв.). Кишинев.

Паркер Э. Дж. 1987. Средиземное море: подводный музей // Подводная археология. Курьер ЮНЕСКО. Декабрь.

Патокова Э.Ф. 1979. Усатовское поселение и могильники. К.

Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю. 1989. Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. К.

Пачкалов А.В. 2007. К вопросу о локализации топонима Calmuzi Sara на карте Фра-Мауро (1459) // Anni di ca'Forcani Rivista della facoltà di lingue e letterature straniere dell'università Ca'Foscari di Venezia. XLVI, 1. Venezia.

Пашуто В.Т. 1950. Очерки истории Галицко-Волынской Руси. М.

Пашуто В.Т. 1968. Внешняя политика Древней Руси. М.

Петерс Б.Г. 1963. О подводных археологических работах в Ольвии // КСИА АН СССР. Вып. 95.

Петерс Б.Г. 1982. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.

Петренко В.Г. 1989. Михал Федорович Болтенко // 150 лет ООИД. Одесса.

Петренко В.Г., Островерхов А.С., Сапожников И.В. 2002. Новый курган энеолита-бронзы в Нижнем Поднестровье // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Вип. X. Запоріжжя.

Петренко В.Г., Ковалюх Н.Н. 2003. Новые данные по радиоуглеродной хронологии энеолита Северо-Западного Причерноморья // Трипільські поселення-гіганти в Україні. Тальянки.

Петрунь В.Ф. 1964. О вулканических породах из эмпория борисфенитов на о. Березань // СА. № 3.

Петрунь В.Ф. 1966. К петрографической характеристике камня // МАСП. Вып. 5.

Петрунь В.Ф. 1994. Жадеитовые орудия из собрания Одесского археологического музея // Древнее Причерноморье. Краткие записки Одесского археологического общества. Одеса.

Петрунь Ф.Г. 1926. Степное Побужье в хозяйственном и военном укладе украинского пограничья // Журнал научных изысканий г. Одессы. Вып. 2. Одесса.

Петрунь Ф.Г. 1928. Качибей на старинных картах // Записки Одесского товариства природознавців. Т. 44. Одеса.

Писаревский Н.П. 1978. Античные авторы о камарах // Норция. Вып. 2. Воронеж.

Писаревский Н.П. 1980. Местные традиции кораблестроения и мореплавания в Понте Эвксинском // Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси.

Плетнева С.А. 1982. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.

Погорелая В.В. 1985. Остров святого Эферия // Древнейшие государства на территории СССР. 1984 г. М.

Подосинов А.В. 2002. Восточная Европа в римской картографической традиции. М.

Полевой Л.Л. 1979. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев.

Полевой Л.Л. 1988. Международная черноморская торговля и социально-экономическое развитие Днестровско-Карпатских земель во второй половине XIII-XIV вв. (по материалам истории товарно-денежного обращения) // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев.

Попова Т.Н. 1997. А.И. Мурзакевич (заметки к биоисториографическому этюду // В кн.: А.И. Маркевич (1847-1903). Библиографический указатель. Одесса.

Попова Т.Н. 2004. Відзив офіційного опонента на дисертацію О.О. Синявської на тему: „Історик О.О. Маркевич: життя та творчість” // ЗІП ОДУ. Вип. 15.

Приваторов И.А. 1967. К вопросу о трансгрессивном ходе уровня за последние тысячелетия на северном лагунном побережье северо-западной части Черного моря // Геология побережья и дна Черного и Азовского морей в пределах УССР. К.

Присоединение Крыма к России: Рескрипты, письма, реляции и донесения. В 4 т. / Под ред. Н. Дубровина. 1887. Т. 3. СПб.

Прокофьев Р.В. 2002. Раскопки двух курганов эпохи бронзы в Чертовском районе Ростовской области // Археологические записки Донского археологического общества. Вып. 2. Ростов-на-Дону.

Пустовалов С.Ж. 1995. О возможности реконструкции сословно-кастовой системы по археологическим материалам // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Вып. V. Запорожье.

Пустовалов С.Ж. 2003. Анализ радиоуглеродных дат из погребений ямной и катакомбной общностей, опубликованных в *Baltic-Pontic Studies*, №7 (1999) // *Vita Antiqua*. № 5-6.

Развитие морских берегов России и их изменения при возможном подъеме уровня Мирового океана / Под ред. П.А. Каплина и А.О. Селиванова. 1997. М.

Рассамакін Ю.Я. 1997. Світ скотарів // Давня Істрія України. Т.1. К.

Рассамакин Ю.Я. 2000. Квитянская культура: история и современное состояние проблемы // Stratum plus. № 2.

Рассамакин Ю. Я., Евдокимов Г. Л. 2001. Новый энеолитический могильник на р. Ингулец и проблема выделения "постстоговских" погребений // Археологический альманах. № 10. Донецк.

Ратнер І.Д. 1984. Довідник з археології України. Херсонська область. К.

Редіна Є. Ф. 2002. Античні пам'ятки узбережжя Одеської затоки та лиманів (VI-III ст. до н. е) // ЗІФ ОНУ. Вип. 12.

Редина Е.Ф., Хохоровский Я., Носова Л.В., Папуци-Владыко Е., Бодзек Я. 1999. Раскопки древнегреческого поселения и могильника у с. Кошары Одесской области // Охрана и исследования памятников археологии в Одесской области. Одесса.

Ростовцев М.И. 1918. Новая книга о Белом острове и Таврике // ИАК. Вып. 65.

Ростовцев М.И. 1925. Скифия и Боспор. Л.

Русов А. 1888. Осада и взятие Очакова // КС. Т. XXIII. Сентябрь-декабрь.

Руссев Н.Д. 1997. Житие Иоанна Нового: легенда и историческая действительность // Аккерманские древности. Вып. 1. Белгород-Днестровский.

Руссев Н.Д. 1999. На рубеже миров и эпох. Города низовьев Дуная и Днестра в конце XIII–XIV вв. Кишинев.

Русяева А.С. 1971. Культурні предмети з поселення Бейкуш поблизу острова Березань // Археологія. №2.

Русяева А.С. 1979. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. К.

Русяева А.С. 1986. Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. № 2.

Русяева А.С. 1987. Эпиграфические памятники // Культура населения Ольвии и её округи. К.

Русяева А.С. 1992. Религия и культы античной Ольвии. К.

Русяева А.С. 2002. Древнегреческие ландшафтные святилища в Северном Причерноморье // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. Ч. 2. СПб.

Русяева А.С. 2004. Святилище Деметры на мысу Гипполая // Боспорские исследования. Вып. V. Керчь.

Русяева А.С. 2005. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. К.

Русяева А.С., Виноградов Ю.Г. 1991. Лист жерця з Гілеї // Золото степу. Археологія України. Шлезвіг.

Русяева А.С., Диатроптов П.Д. 1993. Два культовых комплекса западного теменоса в Ольвии // АДУ 1991. Луцьк.

Русяева А.С., Скржинская М.В. 1979. Ольвийский полис и каллипиды // ВДИ. № 4.

Рыбаков Б.А. 1950. Уличи // КСИИМК. № XXXV.

Рыбаков Б.А. 1952. Русские земли на карте Идриси 1154 г. // КСИА АН СССР. Вып. 43.

Рыбаков Б.А. 1979. Геродотова Скифия. М.

Рыбаков Б.А. 1981. Язычество древних славян. М.

Савва Е.Н. 1992. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев.

Савельев О.К., Остапенко П.В. 2009. Новые памятники скифской эпохи в Северо-Западном Причерноморье // ССПК. Т. XV.

Самойлова Т.Л. 1988. Тира в VI-I вв. до н.э. К.

Самойлова Т.Л. 2002. История изучения античной Тире и средневекового Белгорода // Tiras - Cetatea Albă – Belgorod-Dnistrovs'kyj. București.

Самойлова Т.Л. 2005. Некоторые замечания о состоянии экономики доримской Тире и ее отражение в письменных источниках // Боспорский феномен. СПб.

Самойлова Т.Л., Кожокару В., Богуславский Г.С. 2002. Античная Тира – средневековый Белгород (отчет о раскопках за 1996-1999 гг.) // Tiras – Cetatea Albă – Belhorod-Dnistrovs'kyi. I. București.

Санжаров С.Н. 2002. О позднекатакомбных погребениях в ямах Северского Донца // Тезисы докладов конференции «Проблемы археологии и этнической истории Дона и Северного Кавказа». Ростов-на-Дону.

Сапожников И.В. 1999. Описание Одессы и Северного Причерноморья 1780-х годов. Ильичёвск.

Сапожников И.В. 2000. Штурм острова Березань черноморскими козаками. К.-Іллічівськ.

Сапожников И.В. 2003. Очерки истории исследований Ольвии и Березани (до начала XIX века) // STRATUM. 2001-2002. Старая Скифия. № 3. Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса-Бухарест.

Сапожников И.В. 2004. Факты из истории описания и изучения курганов Северного Причерноморья // СППК. Т. XI.

Сапожников И.В., Белоусова Л.Г. 1999. Греки под Одессой. Одесса-Ильичевск.

Сапожников И.В., Полещикова Е.В. 2009. Шарль де Пейсонель и его вклад в изучение античной и средневековой географии Северо-Западного Причерноморья // STRATUM. 2005-2009. Полевой дневник: римское время. Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса-Бухарест. № 4.

Сапожников И.В., Сапожникова Г.В., Секерская Е.П. 2002. Древнее поселение Старое Бугово на берегу Чёрного моря // ССПК. Т. X.

Сапожников И.В. та інші. 2005. Край Овідія. Одеса.

Сахаров А.Н. 1982. Дипломатия Святослава. М.

Сборник военно-исторических материалов. 1894. Бумаги князя Г.А. Потемкина-Таврического: 1788-1789 гг. Вып. VII. СПб.

Сवेशніков І.К. 1974. Історія населення Предкарпаття, Поділля і Волині в кінці III – на початку II тисячоліття до н.е. К.

Сегеда С.П. 2000. Антропологічний склад давнього населення України: етногенетичні аспекти // Етнічна історія давньої України. К.

Секерская Н.М. 1989. Античный Никоний и его округа в VI-IV вв. до н.э. К.

Синицын М.С. 1950. Следы древних поселений скифо-сарматской эпохи между устьями Днестра и Южного Буга // НЗ ОДПІ. № 9.

Синицин М.С. 1955. Карта поселень і городищ між гірлами Дністра і Південного Бугу скіфо-сарматського часу // НЗ ОДПІ. Т. 10.

Синицын М.С. 1957. Древнее поселение в Лузановке (по раскопкам 1929-1930, 1937-1939 гг. // МАСП. Вып. 1.

Синицин М.С. 1960. Спроба локалізації населених пунктів, згадуваних древніми авторами між гірлами Південного Бугу і Дністра // МАПП. Вип. III.

Синявська О.О. 1999. До питання про археографічну діяльність О.І. Маркевича // ЗІФ ОДУ. Вип. 9.

Скальковский А.А. 1837. Первое тридцатилетие города Одессы: 1793-1823. Одесса.

Скальковский А.А. 1850. Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. 1. Одесса.

Скальковский А.А. 1885. История Новой Сечи. Т. 2. Одесса.

Скальковский К.А. 1906. Воспоминания молодости. По морю житейскому. 1843-1869. СПб.

Скржинская М.В. 1977. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. К.

Скржинская М.В. 1980. "Перипл Понта Эвксинского" Анонимного автора // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. К.

Скржинська М.В. 1980а. Опис Північного Причорномор'я в "Периплі ойкумени" Псевдо-Скілака і "Перієгесі" Псевдо-Скімна // Археологія. № 35.

Скрягин Н.Л. 1973. Книга о якорях. М.

Скуднова В.М. 1988. Архаический некрополь Ольвии. Л.

Славин Л.М. 1960. М.Ф. Болтенко // КСИА АН УССР. № 10.

Словник гідронімів України. 1979. К.

Смирнов І.А. 1999. Кочове населення на Південному Заході України (кінець IX – перша половина XVII ст.) / Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Одеса.

Смолицкая Г.П. 1970. Карты генерального межевания России как источник топонимического исследования // Развитие методов топонимического исследования. М.

Смольянинов А. 1853. История Одессы // ЗООИД. Т. 3.

Смольянінова С.П., Островерхов А.С., Кушнір В.Г. 1996. Археологічна мапа Тилігуло-Куяльницького міжліманя. Одеса.

Снисаренко А.Б. 1982. Курс – море мрака. М.

Соколов Н.А. 1895. О происхождении лиманов Южной России // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Т. 22 (2). СПб.

Сокульский А.Л. 1980. К локализации летописного Олешья // СА. № 1.

Солнцев Н.А. 1963. Использование народных географических терминов в ландшафтоведении // Ландшафтоведение. М.

Сосса Р.І. 2000. Історія картографування території України від найдавніших часів до 1920 р. К.

Сосса Р.І. 2005. Картографування території України: історія, перспективи, наукові основи. К.

Станко В.Н. 2005. Колебания уровней Черного моря и расселение человека в мезолите Северного Причерноморья // НВ МДУ. Вип. 11.

Станко В.Н. 2007. Динамика процесса формирования народонаселения Северо-Западного Причерноморья в позднем палеолите и мезолите // Человек в истории и культуре. Одесса-Терновка.

Стемпковский И.А. 1825. Известие о новых открытиях по части древностей в Южной России, 1824 года // Библиографические листы. 20 сент. № 24.

Стемпковский И.А. 1826. Исследования о местонахождении древних греческих поселений на берегах Понта Эвксинского между Тирасом и Борисфеном, учинённые по случаю найденных в 1823 г. остатков древностей в Одессе. СПб.

Стойловский В.П. 2004. Численность и распределение гнездящихся околоводных птиц в Тилигульском лимане // ПЕБ. № 2 (12).

Столярик Е.С. 1984. Клад византийских бронзовых монет VI в. из с. Старые Беяры Одесской области // Северное Причерноморье. К.

Страбон. 1964. География в 17-ти книгах. Л.

Стрижак О.С. 1988. Етнонімія Геродотової Скіфії. К.

Субботин Л.В. 1991. О культурно-хронологическом месте древнейших вытнутых погребений Буджакской степи // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. - V в. н.э.). Материалы международной конференции. К.

Субботин Л.В. 1993. Некоторые аспекты хозяйственно-производственной деятельности ямных и катакомбных племен степной зоны Северо-Западного Причерноморья // Древности Причерноморских степей. К.

Субботин Л.В. 2000. Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы // Stratum plus. № 2.

Субботин Л.В., Охотников С.Б. 1981. Скифские погребения Нижнего Поднестровья // Древности Северо-Западного Причерноморья. К.

Субботин Л.В., Черняков И.Т., Ядвичук В.И. 1976. Некоторые проблемы древнейшей истории Северо-Западного Причерноморья (по материалам раскопок курганов у с. Великодолинское) // МАСП. Вып. 8. Одесса.

Суручан И.К. 1888. Опыт доказательства местонахождения скифского укрепления Алектора и Золотого Берега Константина Багрянородного // Тр. VI АС. Одесса. Т. 2.

Сущинский В.Я. 1984. Одесса, порт Южный, Очаков. Одесса.

Симонович Э.А. 1954. О древнем Одессе // ВДИ. № 4.

Симонович Э.А. 1964. Античный памятник на Тилигульском лимане // КС ОАМ 1962 г. Одесса.

Симонович Э.А. 1967. Итоги исследования черняховских памятников в Северном Причерноморье // МИА. № 139.

Сымонович Э.А. 1979. Коблевский и Ранжевский могильники около Одессы // Могильники черняховской культуры. М.

Теорія та історія світової і вітчизняної культури / Гол. ред. С.В. Головки. 1993. К.

Тереножкін О.І. 1978. Кіммерійські стели // Археологія. Вип. 27.

Тихомиров М.Н. 1975. Теория и практика топонимических исследований. М.

Толмазин Д.М., Шнайдем В.А., Ациховская Ж.М. 1989. Проблемы динамики вод Северо-Западной части Черного моря. К.

Топоров В.Н. 1992. Река // МНМ. Т. 2.

Тоцев Г.Н. 1982. Средний период бронзового века Северо-Западного Причерноморья. Автореф. дисс. канд. ист. наук. К.

Тоцев Г.Н. 1986. Западные связи культуры многоваликовой керамики в Северо-Западном Причерноморье // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.

Тоцев Г.Н. 1991. О позднекатакомбном горизонте причерноморских степей // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). ТДК. К.

Тоцев Г.Н. 1993. Погребения КМК с вытянутыми костяками в Крыму // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Т. IV. Запорожье.

Тоцев Г.Н. 1994. О грунтовых могильниках катакомбной культуры // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.). Тезисы докладов конференции. Тирасполь.

Трашук Н.Н., Болтвец В.А. 1981. Стратиграфия донных отложений Березанского лимана // Тектоника и стратиграфия. Вип. 21. М.

Трашук Н.Н., Палатный П.С. 1978. Стратиграфия донных отложений Бугского и Днепровского лиманов // Тектоника и стратиграфия. Вип. 14.

Трубачев О.Н. 1968. Названия рек Правобережной Украины. М.

Тункина И.В. 1987. Автографы археологов в альбоме П.И. Кеппена // СА. № 4.

Тункина И.В. 1994. Начало изучения Ольвии // Археологія. № 2.

Тункина И.В. 2000. П.И. Кеппен как исследователь Ольвии (становление археолога) // АВ. № 7.

Тункина И.В. 2002. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII - середина XIX в.). СПб.

Турецкий М.А. 1992. Ямная культура Волго-Уральского региона: Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М.

Уваров А.С. 1851. Исследования о древностях Южной России и берегов Чёрного моря. Вып. 1-2. СПб.

Уваров А.С. 1851-1856. Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб.

Уваров А.С. 1908. Христианская символика. М.

Усачук А.Н. 1998. Результаты трасологического изучения костяных пряжек культуры многоваликовой керамики // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности и культурно-исторической общности многоваликовой керамики. Запорожье.

Успенский Л.В. 1967. Имя дома твоего. Л.

Успенский Ф.И. 1881. Филипп Карлович Брун. Одесса.

Уткина Л.М. 1999. Академик Е.Е. Келер и Эрмитаж // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб.

Фабр А. 1836. Арриана перипл Понта Эвксинского. Одесса.

Фабрициус И.В. 1951. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Вып. 1. К.

Фасмер М. 1986-1987. Этимологический словарь русского языка. Т. I - IV. М.

Фещенко Є.Л. 1993. Поховальний обряд населення катакомбної культури Північностепового Подніпров'я та Передстепу (досвід вивчення з застосуванням формалізовано-статистичних методів). Автореф. дис. канд. іст. наук. Дніпропетровськ.

Фёдоров П.В. 1977. Плейстоцен Понто-Каспия // Тр. ГИН АН СССР. Вып. 31.

Фёдоров П.В. 1982. Последняя трансгрессия Чёрного моря и проблема изменения уровня океана за последние 15 000 лет // Коллебания уровня морей и океанов за 15000 лет. М.

Федоров-Давыдов Г.А. 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. М.

Федоров-Давыдов Г.А. 1973. Общественный строй Золотой Орды. М.

Федоров-Давыдов Г.А. 1981. Монгольское завоевание и Золотая Орда // Степи Евразии в эпоху средневековья (Археология СССР). М.

Фоменко В.Г. 1964. Южные пути Киевской Руси на Запорожье // АЕ.

Фоменко В.Н. 1990. Об одной группе погребений времени ка-
такомбной культуры в Степном Побужье // Проблемы изучения ка-
такомбной культурно-исторической общности. ТДК. Запорожье.

Фриман Л. 1895. История крепости в России. Ч. 1. До начала
XIX столетия. СПб.

Хеннинг Р. 1961. Неведомые земли. Т. 1. М.

Хмарський В.М. 2002. Археографічна діяльність Одеського то-
вариства історії і старожитностей. Одеса.

Хмарський В.М., Дзиговський О.М. 2005. Брун Пилип Карлович
// ПО(Н)У. Т. 1. Одеса.

Черных Е.Н. (ред.). 2004. Каргалы, Т.З. М.

Черняков И.Т. 1967. Из истории бронзолитейного производ-
ства в Северном Причерноморье (О так называемом «Коблевском»
или «Тилигульском» кладе // ЗОАО. Т. II (35).

Черняков И.Т. 1979. Начало изучения эпохи энеолита и бронзы
в Северо-Западном Причерноморье // МАСП. Вып. 8.

Черняков И.Т. 1984. Связи сабатиновских племен Северного
Причерноморья с Восточным Средиземноморьем (по керамиче-
ским находкам) // Северное Причерноморье. К.

Черняков И.Т. 1996. КМК - восточный ареал балкано-дунайского
очага культурогенеза // Северо-Восточное Приазовье в системе
евразийских древностей. ТДК. Донецк.

Черняков И.Т. 1997. Локализация Никония на средневековых
картах (К. Птолемея, 1477, Г. Меркатора, 1589, И. Хаазе, 1763) //
Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса.

Черняков И.Т., Тоцев Г.Н. 1985. Культурно-хронологические
особенности курганных погребений эпохи бронзы Нижнего Дуная
// Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерно-
морья. К.

Чеснов Я.В. 1970. О социальной мотивированности древних
этнонимов // Этнонимы. М.

Четвериков И.А. 2002. Варварское население Левобережья
Нижнего Днестра во второй половине III в. до н.э. (Попытка этно-
политической реконструкции Тираспольской группы) // Северное
Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь.

Чирков А. 1867. Краткий очерк городищ, находящихся по Дне-
пру и его лиману // ЗООИД. Т. 6.

Членова Н.Л. 1985. О связях Северо-Западного Причерномо-
рья и Нижнего Дуная с востоком в киммерийскую эпоху // *Studia*
Thracica. София.

Шаповалов Г.И. 1972. Гидроархеологические исследования в р. Днепр у о. Хортица // АО-1971 года. М.

Шаповалов Г.И. 1972. Нові підводні знахідки біля о. Хортиця // УІЖ. № 2.

Шаповалов Г.И. 1972а. Про гідроархеологічні дослідження Старого Дніпра біля о. Хортиці // ТДК ІА АН УРСР. Одеса.

Шаповалов Г.И. 1973. О работе Хортицкой гидроархеологической экспедиции // АО-1972. М.

Шаповалов Г.И. 1977. Запорожская верфь XVIII в. // Судостроение. № 4.

Шаповалов Г.И. 1987. 50 лет исследования подводных археологических памятников на Украине // Научно-практический семинар "Проблемы охраны и исследования подводных историко-археологических памятников Запорожья". ТДС. Запорожье.

Шаповалов Г.И. 1987а. Работы у острова Хортица // АО-1985. М.

Шаповалов Г.И. 1987б. Древний челн Днепра // Речной транспорт. № 4.

Шаповалов Г.И. 1990. О памятниках судоходства на Нижнем Днепре в скифское время // ДСПК. № 1.

Шаповалов Г.И. 1990. Якорный камень эпохи бронзы из коллекции Запорожского краеведческого музея // ПИККИО. Запорожье.

Шаповалов Г.И. 1990а. Якiр V-VII ст. з Дніпра біля острова Хортиця // Археологія. № 1.

Шаповалов Г.И. 1991. Развитие судоходства на Нижнем Днепре с древнейших времён до XIV в. Запорожье.

Шаповалов Г.И. 1991а. Подводные исследования судов X-XI вв. у острова Хортица // ДСПК. № 2.

Шаповалов Г.И. 1991б. Човен-довбанка з р. Ворскла // Пам'ятки археології Полтавщини. Полтава.

Шаповалов Г.И. 1991в. О находках судов XV-XVII веков на Украине // ТДС "Международные связи в средневековой Европе". Запорожье.

Шаповалов Г.И. 1991г. Следы древнего судоходства у Днепро-провских порогов // Четвърти международен симпозиум "Тракия Понтика – IV". София-Варна.

Шаповалов Г.И. 1993. До питання про реконструкцію запорозької чайки // Судова археологія та підводні дослідження. Запоріжжя.

Шаповалов Г.И. 1993а. Дослідження військового судна XVIII ст. на дні Дніпра поблизу о. Хортиця у 1971 році // Судова археологія та підводні дослідження. Запоріжжя. № 1.

Шаповалов Г.И. 1995. О находке судна XI-XII веков в Азовском море // ДСПК. Т. 5.

Шаповалов Г.И. 1997. Корабль веры: Судоходство в духовной жизни древней Украины. Запорожье.

Шаповалов Г.И. 2000. Якiр I-III ст. з Днiпра бiля о. Хортицi // ССПК. Т. VIII.

Шаповалов Г.И. 2001. Судноплавство у духовностi давньої України. Запорiжжя.

Шаповалов Г.И. 2002. Човен-довбанка XIII ст. з басейну р. Орiль // ССПК. Вип. X.

Шаповалов Г.И., Нефедов В.В. 1992. Исследования ЭПАР в 1991 г. // АВ. № 3.

Шаповалов Г.И., Спинов Е.Р. 1971. Про пiдводнi археологiчнi дослiдження бiля о. Хортиця // УiЖ. № 2.

Шаповалов Г.И., Трипольский И.Л. 1987. О древних судах со дна Днепра у острова Хортица // Научно-практический семинар "Проблемы охраны и исследования подводных историко-археологических памятников Запорожья". ТДК. Запорожье.

Шаповалов Г.И., Трипольский И.Л. 1990. О случайной находке судна XI-XII вв. в проливе Тонкий Азовского моря // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). – ТДК. Херсон.

Шапошникова О.Г. 1987. Эпоха раннего металла в степной полосе Украины // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. К.

Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д. 1986. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант). К.

Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н. 2002. Ингульская катакомбная культура (ареал и вопросы периодизации) // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э). Тирасполь.

Шевченко А.В. 1980. Антропологическая характеристика средневекового населения низовьев Волги (по краниологическим материалам из могильника Хан-Тюбе) // СМАЭ. Т. XXXVI. Л.

Шелов Д.Б. 1967. Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху // Античное общество. М.

Шелов-Коведяев Ф.В. 1988. Древнегреческие периплы // ВДИ. № 1.

Шелов-Коведяев Ф.В. 1990. Березанский гимн острову и Ахиллу // ВДИ. № 3.

Шестаков С. 1908. Памятники христианского Херсонеса. М.

Шилик К.К. 1970. Реконструкция топографии античной Ольвии // КСИА АН СССР. Вып. 124.

Шилик К.К. 1975. Изменения уровня Черного моря в позднем голоцене (по материалам геоморфологических и археологических исследований). Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. М.

Шилик К.К. 1975. К палеографии Ольвии // Ольвия. К.

Шилик К.К. 1976. К вопросу о западной границе Нижнего города Ольвии // КСИА АН СССР. Вып. 145.

Шилик К.К. 1977. Изменения уровня Чёрного моря в позднем голоцене и палеотопография археологических памятников Северного Причерноморья в античное время // Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. М.

Шилик К.К. 1978. Эволюция топографии Березанского поселения в голоцене // Археологические исследования на Украине 1976-1977 гг. // ТДК ИА АН УССР. Ужгород.

Шилик К.К. 1988. История с географией Березани // Природа. № 11.

Шилик К.К., Федоров Б.Г. 1968. Геоакустическое исследование подводной Ольвии // СА. № 4.

Шишкин К.В. 1982. Аэрометод как источник для исторической топографии Ольвии и ее окрестностей // СА. № 3.

Шишлина Н.И., Булатов В.Э. 2000. К вопросу о сезонной системе использования пастбищ носителями ямной культуры Прикаспийских степей в III тыс. до н.э. // Сезонный экономический цикл населения северо-западного Прикаспия в бронзовом веке. Труды ГИМ. Вып. 120.

Шлапак М. 2001. Белгород-Днестровская крепость. Исследование средневекового оборонного зодчества. Кишинев.

Шмидт А. 1863. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Херсонская губерния. Т. 24. Ч. 2. СПб.

Шрамм Г. 1997. Реки Северного Причерноморья. Историко-филологическое исследование их названий в разных веках. М.

Штейнвандт Г.Д. 1930. Коротке звітмлення про розвідку з розкопуванням у Лузанівці біля Одеси р. 1929 // ВООК. – Секція археологічна. Ч. 4-5. Одеса.

Штерн Э.Р. 1904. Археологические новинки // ЗООИД. Т. XXV.

Шуйский Ю.Д., Выхованец В.Д. 2004. Распределение наносов м. Северным и м. Аджияск // ПЕБ. № 2 (12).

Шуйский Ю.Л., Выхованец Г.В., Березницкая Н.А. 2004. Морфология и динамика берегов Тилигульского лимана // ПЕБ. Вып. 2 (12).

Шуйский Ю.Д., Иванов Г.И. 1968. О смещении береговой линии в северо-западной части Чёрного моря // Геология побережья и дна Чёрного и Азовского морей в пределах СССР. Вып. 2. К.

Щапова Ю.Л. 1988. Естественнонаучные методы в археологии. М.

Щеглов А.Н. 1972. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды. З. К Polib. IV, 41 // ВДИ. № 2.

Щеглов А.Н. 2007. О динамике Тендровской косы в историческое время по историко-археологическим данным // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я. В. Доманского (1928-2004). СПб.

Щербаков Ф.А., Куприн Н.П., Поляков А.С. и др. 1976. Шельф Северо-Западной части Чёрного моря в позднем плейстоцене – голоцене // Четвертичный период. Вып. 16.

Эвлия Челеби. 1961. Книга путешествий. Вып. 1. М.

Юргевич В.Н. 1883. Греческая надпись из древнего города Одиссоса // ЗООИД. Т. 5.

Юстус Л. 1896. Результаты бурения в г. Николаеве в 1895 г. Николаев.

Якобсон А.Л. 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.

Яровой Е.В. 1985. Древнейшие скотоводческие племена юго-запада СССР (классификация погребального обряда). Кишинев.

Яровой Е.В. 1990. Курганы эпохи энеолита-бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинев.

Яровой Е.В. 1992. Раскрывая тайны курганов. Кишинев.

Яровой Е.В. 2000. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла. Автореф. дисс. ... д.и.н. М.

Яровой Е.В., Кашуба М.Т., Махортых С.В. 2002. Киммерийский курган у пгт. Слободзея // Северное Причерноморье: от энеолита до античности. Тирасполь.

Ястребов В. 1894. Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии // ЗООИД. Т. XVII.

Яцунский В. 1941. Предмет и задачи исторической географии // Историк-марксист. № 5 (93).

Яценко А.И. 1974. Топонимы и географическая среда // Географическая среда и географические названия. Л.

Aksu A.E., Hiscott R.N., Mudie P.J., Kaminski M.A., Abrajano T., Marrett F., Yaeer D. 2006. Pre-10 ka transgression of the SW Black Sea shelves: seismic and core evidence // // Extended abstracts. 2nd plenary meeting and field trip of project IGCP-521 Black Sea-Mediterranean corridor during the last 30 KY: Sea level change and human adaptation (2005-2009). August 20-28. Odessa.

Anville de J. 1782. Géographie ancienne. Paris. T. 1.

Balabanov I.P. 2006. Holocene sea-level changes in the Northern Black Sea // Extended abstracts. 2nd plenary meeting and field trip of project IGCP-521 Black Sea-Mediterranean corridor during the last 30 KY: Sea level change and human adaptation (2005-2009). August 20-28. Odessa.

Bilabel F. 1920. Die ionische Kolonisation. Leipzig.

Bolomey A. 1979. Why no early Neolithie in Dobrogea? // Dacia. T. XXIII.

Bujskikh S. 2000. Das Achilleus-Heiligtum in der Chora von Olbia Pontica aus archaischer Zeit // Problemi della chora coloniale dall'occidente al Mar Nero. Taranto.

Bunatian K., Kaiser E., Nikolova A. 2006. Bronzezeitliche Bestattungen aus dem Unteren Dneprgebiet. Langgenweissbach.

Burtănescu F. 2002. Epoca timpurie a bronzului între Carpați și Prut, cu unele contribuții la problemele perioadei premergătoare epocii bronzului în Moldova, BiblThrac XXXVII, București.

Chetaru N., Răiteanu N., Ion C. 2001. Surucean în arheologia și muzeologia Basarabiei. Chișinău.

Cătălin I.N. 2006. The Romanian Black Sea region from the Paleolithic to the beginning of the Bronze Age: The settlements // Extended abstracts. 2nd plenary meeting and field trip of project IGCP-521 Black Sea-Mediterranean corridor during the last 30 KY: Sea level change and human adaptation (2005-2009). August 20-28. Odessa.

Chepalyga A., Borziak I., Odade T., Naumov D. 2006. Epoch of extreme floods and human adaptation in the northern Black Sea basin // // Extended abstracts. 2nd plenary meeting and field trip of project IGCP-521 Black Sea-Mediterranean corridor during the last 30 KY: Sea level change and human adaptation (2005-2009). August 20-28, 2006. Odessa.

Childe G. 1950. Prehistoric migrations in Europe. Oslo.

Chotard H. 1860. Le Périphe de la Mer Noire par Arrien. Karte. Paris.

Cuntz O. 1923. Die Geographie des Ptolomaeus. Berlin.

Dergachev V.V. 2006. The dynamics of the development of the domestic herd of the Neolithic-Bronze period of the south of the South-

Eastern Europe as a possible indicator of the paleoclimatic changes of the past // Extended abstracts. 2nd plenary meeting and field trip of project IGCP-521 Black Sea-Mediterranean corridor during the last 30 KY: Sea level change and human adaptation (2005-2009). August 20-28. Odessa.

Diehl E. 1913. Odessos // RE. Hilb 34.

Dimitrov P., Ryan W., Ballard R., Haarmann H., Lericolais G., Dimitrov D., Solakov D., Slavova K., Peev P., Peychev V., Petrov P. 2006. The flood in the Black Sea – science and mythology // Extended abstracts. 2nd plenary meeting and field trip of project IGCP-521 Black Sea-Mediterranean corridor during the last 30 KY: Sea level change and human adaptation (2005-2009). August 20-28. Odessa.

Glosan L., Stoica M., Donnelly J., Constantinescu S., Vespremeanu-Stroe A., Filip F. 2006. A revised chronology for Danube delta: 2. Implications for paleogeographical reconstructions and archaeology // Extended abstracts. 2nd plenary meeting and field trip of project IGCP-521 Black Sea-Mediterranean corridor during the last 30 KY: Sea level change and human adaptation (2005-2009). August 20-28. Odessa.

Gorsdorf J., Rassamakin Y., Hausler A. 2002. C14 dating of mound 24 of the kurgan group near Vinogradnoe village, Ukraine // Radiocarbon and archaeology. Fourth international symposium. Oxford.

Govedarica B., Kaiser E., Rassamakin Y., Samar V. 2006. Der Grabhugel «Tarasova Mogila» bei der Stadt Orechov // Eurasia Antiqua. B 12.

Frost M. 1982. Stone anchors as clues to bronze age trade routs // Tracia-Pontica. Vol. 1. Sofia.

Frost M. 1982a The Birth of the Stocked Anchous and the Maximum Size of Early Ships. Thoughts Prompted by Discoveries at Rition Bamboula, Cyprus // Marineras Mirror. № 68.

Kiepert H. 1851. Topographisch-historiker Atlas von Hellas und den hellenischen Colonien. Berlin.

Koral H., Lericolais G. 2006. The western Black Sea fault: Its significance in the Late Tertiary-Quaternary tectonic setting // Extended abstracts. 2nd plenary meeting and field trip of project IGCP-521 Black Sea-Mediterranean corridor during the last 30 KY: Sea level change and human adaptation (2005-2009). August 20-28. Odessa.

Köehler H.K.E. 1826. Memoire sur les iles et les courses consacres a Achille dans le Pont Euxin // Mémoires de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersburg. T. X. SPb.

Kryzhitskij S.D. 1987. Bilan des recherches sur la partie inondee de la Basse ville d'Olbia // *Melanges*. P. Leveque. Vol. 3.

Kryzhitskij S.D. 1993. The Landscape of the North Pontic City-States – a case study from Olbia // *Landscapes in Flux Central and Eastern Europe in Antiquity. Colloquia Pontica*. Vol. 3. Oxford.

Külb C. 1840. Plinius Secundus Naturgeschichte. Bd. 1. Stuttgart.

Latyshev B. 1916. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Ed. B. Latyshev. Petropoli. Vol. 1.

Levitsky O., Manzura I., Demcenko T. 1996. Necropola tumulăra de la Sărăteni // *Biblioteca Thracologia*. 17.

Lindner F. 1841. Skythien und Skythen des Gerodot und seine Ausleger. Stuttgart.

Lordkipanidze O. 1996. La geste des Argonautes dans les premières épopées grecques l'angle des premiers contacts du monde grec avec le littoral pontique // *Sur les traces des Argonautes*. Paris.

Luvique P. 1996. Le mythe des Argonautes // *Sur les Traces des Argonautes*. Paris.

Mannert K. 1820. Geographie der Griechen und Römer. Leipzig. T. IV.

Manzura I. 1993. The East-West Interaction in the Mirror of the Eneolithic and Early Bronze Cultures in the Northwest Pontic // *Revista archeologica a Academia de Stiinte a Republicii Moldova*. № 1.

Martin R., Saller K. 1956-1959. *Lerbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung* bergründet von Rudolf Martin. Dritte völlig umgearbeitete und erweiterte Auflage von Karl Saller. Stuttgart.

Mateevici N. 1996. Piese arheologice provenite din colecția lui Ion Surucean // *Tyrageția*. An. III.

Mielczarek M. 1997. Polish interest in the Northern Black Sea Coast. An outline // *NIKONION. An ancient city on the lower Dnister*. Toruń.

Minns E. 1913. *Scythians and Greeks*. Cambridge.

Morgenstern K. 1839. *Heinrican Karl Ernst Kehler. Zur Erinnerung an den Verewigten* // *Recueil des Actes de la science publique de l'Academie imperiale des Sciences de St. Petersburg*. SPb.-Leipzig.

Müller C. 1885. *Geographi Graecai minores. Tabulue in Geographus Graecos minores*. Pars 1. Paris.

Nazarov V.V. 1997. The Ancient Landscape of Berezan Island // *Landscapes in Flux Central and Eastern Europe in Antiquity. Colloquia Pontica*. 3. Oxford.

Neumann C. 1855. *Die Hellen im Scythenlande*. Bd. 1. Berlin.

Nicolova A. 1999. Radiocarbon dating of graves of the Yamnaya and Catacomb cultures on the Dnieper right bank // *The foundation of radio-*

carbon chronology of cultures between the Vistula and Dnieper: 3150-1850. *Baltic-Pontic Studies*. Vol. 7.

Nordenskiöld A.E. 1889. Facsimile Atlas to the Early History of Cartography. Stockholm.

Ochotnikov S.B. 1997. Tyras i Nikonion. Świat kolonii greckich u ujścia Dniestru // *Xenia Toruniescia*. T. III.

Pallas P.S. 1801. Bemerkungen auf einer Reize in die Südlichen Staathalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. 1. Leipzig.

Pallas P.S. 1805. Voyages entrepris dans les gouvernemants meridionaux de L'empire de la Russie (1793). T. 2. Paris.

Papuci-Władyka E., Redina E.F., Chochorowski J., Bodzek J., Machowski W. 2006. Greek Settlement on the Northern Black Sea Coast. Polish-Ukrainian excavations in Koshary (Odessa province): Third preliminary report – Seasons 2000-2003 // *Recherches archeologiques de 1999-2003*. Kraków.

Peyssonnel Charles de. 1765. Observations historigues et geographiques, sur les peuples barbares qui out habité les bords du Danube à du Pount-Euxin. Paris.

Rassamakin Yu. 2003. Aspects of Pontic Steppe Development (4550-3000 BC) in Light of the New Cultural-chronological Model // *Ancient interactions: east and west in Eurasia*. Mc Donald Institute Archaeological Research.

Rassamakin Ju. Ja. 2004. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Graber aus der Mitte des 5 Jts. Bis Ende des 4 Jts. V. Chr. // *Archäologie in Eurasien*. 17. Mainz.

Rupert Riedl. 1963. Fauna und Flora der Adria. Hamburg-Berlin.

Sanders M. 1978. The Peoples Warriors of the ancient Mediterranean 1250-1150 B.C. London.

Sapozhnikov I. 2006. Development of the landscapes and human societies on the Northern Black Sea steppes during the Late Paleolithic (ca. 32-10 ky BP) // Extended abstracts. 2nd plenary meeting and field trip of project IGCP-521 Black Sea-Mediterranean corridor during the last 30 KY: Sea level change and human adaptation (2005-2009). August 20-28. Odessa.

Shilic K.K. 1997. Oscillations of the Black Sea and Ancient Landscapes // *Landscapes in Flux Central and Eastern Europe in Antiquity. Colloquia Pontica*. Vol. 3. Oxford.

Smyntyna O. 2006. Archaeological sources from the Northwestern Black Sea coast and the Great Flood theory: facts and hypothesis // Extended abstracts. 2nd plenary meeting and field trip of project IGCP-

521 Black Sea-Mediterranean corridor during the last 30 KY: Sea level change and human adaptation (2005-2009). August 20-28. Odessa.

Snodgrass A.M. 1972. The Dark Ages of Greek. Edinburg.

Stanko V.N. 2006. The Dynamics of population Forming processes in the North-Western Pontic area in Late Paleolithic and Mesolithic // Extended abstracts. 2nd plenary meeting and field trip of project IGCP-521 Black Sea-Mediterranean corridor during the last 30 KY: Sea level change and human adaptation (2005-2009). August 20-28. Odessa.

Stanko V.N. 2007. Fluctuations in the level of the Black Sea and Mesolithic settlement of the Northern Pontic area // The Black Sea Flood Question: changes in Coastline, climate and Human settlement. Springer.

Stuckius I. 1577. Arriani historici et philosophi Ponti Euxini et maris Erythrai Periplus ad Adrianum Casarem. Genevae.

Sulimirski T. 1970. Prehistoric Russia. London.

Szmyt M., Chernyakov I. 1999. Radiocarbon chronology of Akkimbetskiy kurgan. A preliminary report // The foundation of radiocarbon chronology of cultures between the Vistula and Dnieper: 3150-1850. Baltic-Pontic Studies. Vol. 7.

Tomaschek W. 1881. Die Goten in Taurien. Wien.

Toscev G. 1998. Cultura catacombilor și contactelele ei în partea de vest a arealului // Thraco-Dacica. T. XIX.

Ubelaker D.H. 1984. Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation. Taraxacum.

Vian F. 1974. Legends et stations argonautiques du Bosphore // Literature greco-romaine et geographie historique. Paris.

Videiko M. 1999. Radiocarbon dating chronology of the late Tripolye culture // The foundation of radiocarbon chronology of cultures between the Vistula and Dnieper: 3150-1850. Baltic-Pontic Studies. Vol. 7.

Zahariade M.M. 1975. Noi consideratii istorice asupra scutului de la Dura Europos // SCIVA. T. 26. № 4.

Zaliznyak L. 2006. Grebeniky culture of Odessa as a possible consequence of the Black Sea flood // Extended abstracts. 2nd plenary meeting and field trip of project IGCP-521 Black Sea-Mediterranean corridor during the last 30 KY: Sea level change and human adaptation (2005-2009). August 20-28. Odessa.

Zgusta L. 1955. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AB	— Археологические вести. – СПб.
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні. – К.
AE	— Археографический ежегодник. – М.
АКСП	— Античная культура Северного Причерноморья. – К.
АО	— Археологические открытия. – М.
ВДИ	— Вестник древней истории. – М.
ВОКК	— Вісник Одеської комісії краєзнавства
ДБ	— Древности Боспора. – М.
ДСПК	— Древности Степного Причерноморья и Крыма. - Запорожье
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения. – СПб.
ЗІФ ОНУ	— Записки історичного факультету Одеського Національного університету. — Одеса
ЗНУ	— Записки Новороссийского университета. – Одесса
ЗОО	— Записки Одесского археологического общества
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса
ИАК	— Известия Археологической комиссии. – СПб.
ІЕКНД	— Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження. Миколаївська обласна краєзнавча конференція. – Миколаїв
Изв. ВГО	— Известия Всесоюзного Географического общества. – М.
ИТУАК	— Известия Таврической учёной архивной комиссии. – Симферополь
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— КСОАМ - Краткие сообщения Одесского археологического музея. — Одесса
КСОАО	— Краткие сообщения Одесского археологического общества
МАПП	— Матеріаліз археології Північного Причорномор'я. – Одеса
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. – М.
МНМ	— Мифы народов мира. – М.

НВ МДУ	— Науковий вісник Миколаївського державного університету. – Миколаїв
НЗ ОДПІ	— Наукові записки Одеського Державного педагогічного інституту. – Одеса
ПВЛ	— Повесть Временных лет. – М.-Л.
ПЕБ	— Причорноморський екологічний бюлетень. – Одеса
ПИККИО	— Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. – Запорожье
ПСА	— Проблемы советской археологии. – М.
ПО(Н)У	— Професори Одеського (Новоросійського) університету. – Одеса
ПССАСП	— Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. — Запорожье
РБС	— Русский биографический словарь. – СПб.
СА	— Советская археология. – М.
САИ	— Свод археологических источников
ССПК	— Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. – Запоріжжя
Тр... АС	— Труды... Археологического съезда
Тр. ГИН	— Труды Геологического института. – М.
Тр. ОГУ	— Труды Одесского Государственного университета
Тр. ЮОМО	— Труды Южной областной мелиоративной организации. – Одесса
УІЖ	— Український історичний журнал. К.
УРЕ	— Українська радянська енциклопедія. – К.
ХС	— Херсонесский сборник. – Севастополь
ЭПРОН	— Экспедиция подводных работ особого назначения
IJNA	— The International Journal on Nautical Archaeology
IOSPE	— Latyshev V. Inscriptionales antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae
RE	— Paul's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa, hrsg. W. Kroll.
SCIVA	— Studii și Cercetări de Istorie Veche și Archeologie. – București

Наукове видання

С.В. Іванова, А.С. Островерхов,

О.К. Савельєв, П.В. Остапенко

Нариси історії та археології Дністро-Бугського межиріччя

(російською мовою)

Відповідальний за випуск Кривенко О.А.

Верстка: Дмитро Рубін

Підписано до друку 04.11.2011 р.

Формат 60 x 84/16. Умов. друк. арк. 17,44

Наклад 500 прим.

Видавництво "КНТ"

Тел. /факс (044) 581-72-38

E-mail: knt2012@ukr.net

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи

ДК № 581 від 03.08.2001 р.

Віддруковано в ТОВ "Аграр Медіа Груп"

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої
справи до Державного реєстру видавців

ДК № 3651 від 22.12.2009 р.